

ISSN 2223–2982

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

№6 2023 (ИЮНЬ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
В.Л. Степанов

Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин

Верстка
Н.Н. Лаптева

Подписной индекс издания
в каталоге агентства «Пресса России» — 80015
В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Издатель:

Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва, Волгоградский пр-т, 116-1-10
Тел./факс: 8(495) 755-1913
E-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

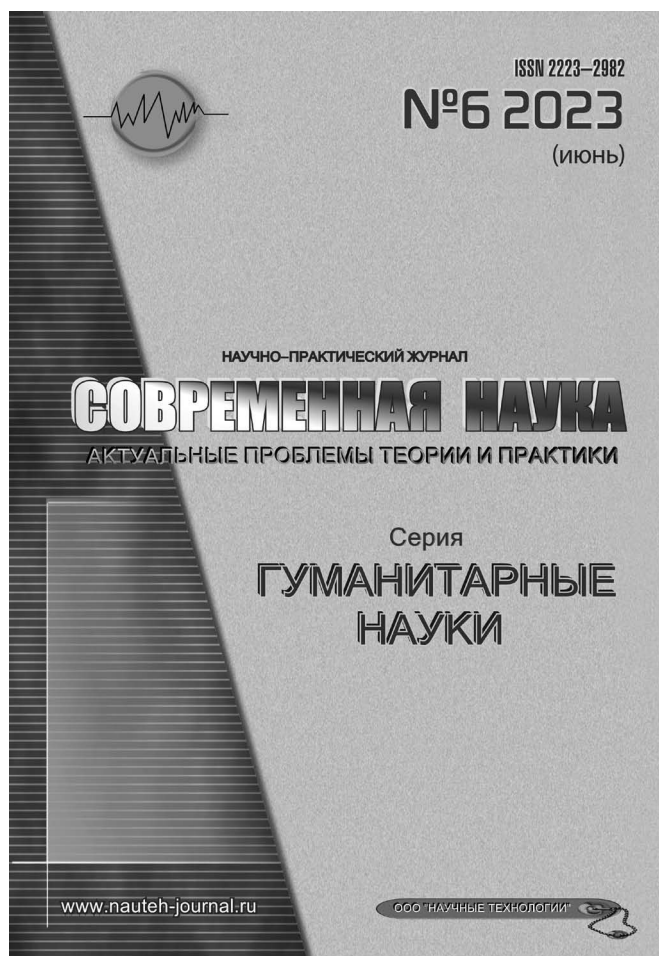
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-44913 от 04.05.2011 г.

Серия: Гуманитарные науки №6 (июнь) 2023 г.

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(ВАК – 5.6.x, 5.8.x, 5.9.x)

В НОМЕРЕ:

ИСТОРИЯ, ПЕДАГОГИКА, ФИЛОЛОГИЯ

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука:
Актуальные проблемы теории и практики» обязательна.

Журнал отпечатан в типографии
ООО «КОПИ-ПРИНТ» тел./факс: (495) 973-8296

Подписано в печать 12.06.2023 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

ISSN 2223-2982

Редакционный совет

Степанов Валерий Леонидович — д.и.н., профессор, Институт экономики РАН, в.н.с.

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Акульшин Петр Владимирович — д.и.н., профессор, Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина

Алиева Эльвира Низамиевна — д.филол.н., доцент, независимый эксперт

Ватлин Александр Юрьевич — д.и.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Воронина Галина Ивановна — д.п.н., профессор, Центр Образования и Компетенций, Бремен (Германия)

Вяземский Евгений Евгеньевич — д.п.н., профессор, Московский педагогический государственный университет

Герасименко Наталья Аркадьевна — д.филол.н., профессор, Московский государственный областной университет

Евладова Елена Борисовна — д.п.н., Институт изучения детства, семьи и воспитания Российской академии образования (ИИДСВ РАО)

Какваева Сабрина Бастаминовна — д.филол.н., доцент, Дагестанский государственный медицинский университет Минздрава РФ

Котов Александр Эдуардович — д.и.н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Лебедев Сергей Константинович — д.и.н., Санкт-Петербургский институт истории РАН, в.н.с.

Лизунов Павел Владимирович — д.и.н., профессор, Северный (Арктический) Федеральный университет им. М.В. Ломоносова

Миньяр-Белоручева Алла Петровна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Михайлова Мария Викторовна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Осипова Нина Осиповна — д.филол.н., профессор, Московский гуманитарный университет

Петрусинский Вячеслав Вячеславович — д.п.н., профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Печенёва Татьяна Анатольевна — д.п.н., Белорусский государственный университет

Пушкарева Наталья Львовна — д.и.н., профессор, Институт этнологии и антропологии РАН

Рыжов Алексей Николаевич — д.п.н., профессор, Московский педагогический государственный университет

Савостьянов Александр Иванович — д.п.н., профессор, Московский педагогический государственный университет

Сенявский Александр Спартакович — д.и.н., Институт экономики РАН, г.н.с.

Сидорова Марина Юрьевна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Сморчков Андрей Михайлович — д.и.н., профессор, Российский государственный гуманитарный университет

Стрелова Ольга Юрьевна — д.п.н., профессор, Хабаровский краевой институт развития образования

Тюпа Валерий Игоревич — д.филол.н., профессор, Российский государственный гуманитарный университет

Ханбалаева Сабина Низамиевна — д.филол.н., МГИМО МИД России, ст. преподаватель

Щедрина Нэлли Михайловна — д.филол.н., профессор, Московский Государственный Областной Университет

Юдина Наталья Владимировна — д.филол.н., профессор, Владимирский филиал Финансового университета при Правительстве РФ

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

История

Куренкова Е.А., Дворковая М.В., Ларионов А.Э. – Политическая география Причерноморья в период второй мировой войны: ритмы и закономерности динамики

Kurenkova E., Dvorkovaya M., Larionov A. – Political geography of the black sea region during the second world war: rhythms and patterns of dynamics..... 7

Скопа В.А. – Специфика организации и проведения статистических работ в степном крае в последней трети XIX – начале XX века

Skopa V. – The specifics of the organization and conduct of statistical work in the steppe region in the last third of the 19th – early 20th centuries..... 14

Стржалковская А.Д., Фуникова С.В. – Ориген как ранневизантийский писатель, переводчик и толкователь библейских текстов

Strzhalkovskaya A., Funikova S. – Origen as an early byzantine writer, translator and interpreter of biblical texts..... 19

Тускаева Г.Б., Царикаев А.Т. – Вклад Осоавиахим Северо-Осетинской АССР в достижение победы в Великой Отечественной войне

Tuskayeva G., Tsarikaev A. – The contribution of Osoaviakhim of the North Ossetian ASSR to achievement of the victory in the Great Patriotic War..... 23

Фан-Юнг Г.Ю. – Содовое производство в России к началу XX столетия: общий обзор

Fan-Yung G. – Soda production in Russia by the beginning of the 20th century: a general overview 31

Педагогика

Гареев Д.Р., Сапаров Б.М., Могилевская Т.Е., Джолиев И.М. – Методика развития координационных способностей на уроках физической культуры у детей 7-9 классов

Gareev D., Saparov B., Mogilevskaya T., Dzholiev I. – Methodology for the development of coordination abilities in physical education lessons for children of grades 7-9 37

Клочков С.В., Найн А.А., Клочков В.П. – Категория «совместимость» в разновидностях научного знания

Klochkov S., Nain A., Klochkov V. – The category of "compatibility" in the varieties of scientific knowledge 43

Корниенко А.Г. – Стратегия программы на растяжку для отдельных видов спорта

Kornienko A. – Stretching program strategy for individual sports 47

Куаншалиева Р.Ж., Рахимбаева И.Э., Кисметов К.Л. – Педагогический потенциал

казахских певческих традиций в формировании вокально-исполнительских навыков будущих учителей музыки

Kuanshalieva R., Rakhimbaeva I., Kismetov K. – Pedagogical potential of Kazakh singing traditions in the formation of vocal-performing skills of future music teachers..... 52

Левичева С.В. – Особенности применения технологии индивидуальных траекторий при обучении иностранному языку студентов технических специальностей

Levicheva S. – Peculiarities of application of the technology of individual trajectories in teaching a foreign language to technical students..... 58

- Овчинникова Т.С., Чернова Г.Р., Ахметов М.А., Захарова А.М.** – Особенности нравственной воспитанности детей младшего школьного возраста с лёгкой степенью умственной отсталости
Ovchinnikova T., Chernova G., Akhmetov M., Zakharova A. – Features of moral education of primary school children with a mild degree of mental retardation 62
- Пашедко Ю.М.** – Специальные проекты в формировании общегражданских ценностей молодежи в условиях этнокультурного многообразия регионов России
Pashedko Yu. – Special projects in the formation of general civic values of youth in the conditions of ethnic and cultural diversity of the regions of Russia 69
- Сазонова Т.В.** – Пути эффективизации процесса обучения студентов технических направлений подготовки (на примере дисциплин инженерно-графического цикла)
Sazonova T. – Ways of efficiency of the process of teaching students of technical directions of training (by the example of disciplines of the engineering and graphic cycle) 74
- Скопа В.А.** – Нравственное воспитание и толерантность как социально-педагогическая проблема
Skopa V. – Moral education and tolerance as a socio-pedagogical problem 77
- Соколова Е.Р.** – Нормативные документы, регулирующие деятельность дошкольных образовательных учреждений на рубеже 19 и 20 века
Sokolova E. – Normative documents regulating the activities of preschool educational institutions at the turn of the 19th and 20th centuries 81
- Сюн Даньфэн** – Методический потенциал лексико-семантического поля при изучении китайскими студентами лексики русского языка
Xiong Danfeng – Methodological potential of the lexico-semantic field in the study of the Russian vocabulary by Chinese students 84
- Тимофеева К.А., Макина Т.К.** – Логопедический массаж в работе по восстановлению пациентов с комплексной моторной афазией
Timofeeva K., Makina T. – Logopedic massage in the work to recovery patients with complex motor aphasia 88
- Троцюк С.Н., Доценко М.Ю., Калашникова О.В.** – Особенности применения цифровых платформ в современной образовательной среде
Trotsyuk S., Dotsenko M., Kalashnikova O. – Features of the use of digital platforms in the modern educational environment 94
- Феоктистова Ю.С.** – Командное взаимодействие в системе формирования социальной ответственности у младших школьников с умственной отсталостью
Feoktistova Yu. – Team interaction in the system of formation of social responsibility in junior schoolchildren with mental disability 99
- Фомина Е.И., Галич Т.С., Анастасова Е.В.** – Создание банка индивидуальных мнемотехник при обучении устному последовательному переводу
Fomina E., Galich T., Anastassova E. – The formation of individual mnemonics bank in the course of consecutive interpretation training 106
- Хвалебо Г.В., Лялина Е.В., Трубникова Е.В.** – Уровень притязаний как мотивирующий фактор физкультурно-спортивной активности студентов гуманитарного вуза
Khvalebo G., Lyalina E., Trubnikova E. – The level of claims as a motivating factor of physical culture and sports activity of students of the humanities university 113
- Чалый А.Н.** – Организационно-методическое моделирование в образовательном процессе для формирования ценностного отношения курсантов к безопасности военной службы
Chaly A. – Organizational and methodological modeling in the educational process for the formation of the value attitude of cadets to the security of military service 117

Филология

Агоева М.М., Климова Н.Ю., Голик Н.А. –

Неосемантизация как маркер эволюции
словарного фонда

Agoeva M., Klimova N., Golik N. – Neo-semantization
as a marker of evolution vocabulary fund 122

Будехин С.Ю., Дружинина А.А. – Готическая
традиция в повести В. Короткевича «Дикая охота
короля Стаха»

Budekhin S., Druzhinina A. – The gothic tradition
in V. Korotkevich's story "King Stakh's wild hunt" .. 126

Ван Мэйянь – Монологическое выражение и
решение внутренней конфликтности персонажа
в потоке сознания (на материале романа В.В.
Набокова «Отчаяние»)

Wang Meiyang – Monological expression and solution
of the character's internal conflict in the stream
of consciousness (based on the material
of V.V. Nabokov's novel "Despair") 131

Габидуллина Э.Ф. – Специфика работы
телевизионной редакции в нестандартных
условиях

Gabidullina E. – The specificity of the work
of the television editorial under non-standard
conditions 136

Завершинская Е.А. – Трансформация сюжета
«Красавица и чудовище» в романе «Джейн Эйр»
Ш. Бронте

Zavershinskaya E. – Transformation of the plot "Beauty
and the Beast" in the novel "Jane Eyre"
by Sh. Bronte 141

Зорина Е.М., Ариас А.-М. – «Ложные друзья
переводчика» как источник ошибок при переводе
с английского языка

Zorina E., Arias A.-M. – "Translator's false friends"
as a source of mistakes in translation
from English 145

Каблуков В.В. – Финал романа Ю. Домбровского
«Факультет ненужных вещей» как код

Kablukov V. – The finale of Yu. Dombrovsky's novel
"The faculty of unnecessary things" as a code 149

Капаева А.И. – Особенности становления и
развития египетской прессы конца XVIII – первой
половины XIX в.в.

Kapayeva A. – Features of development of the Egyptian
press at the end of the XVIII – first half of the XIX
century 154

Клементьева А.А. – Языковая реализация
коммуникативных намерений противников,
адептов и разработчиков искусственного
интеллекта

Klementyeva A. – Language implementation
of communicative intentions by artificial intelligence
opponents, adherents and developers 157

Соломоновская А.Л. – Обращение к адресату в
позднеантичных и средневековых переводческих
паратекстах: кросс-культурный анализ

Solomonovskaya A. – Translator's address in late
antiquity and medieval paratexts: cross-cultural
analysis 168

Сорокин Н.С. – К вопросу о семантическом объеме
понятия «искусственный интеллект»
в медиадискурсе

Sorokin N. – On the issue of the semantic scope
of the concept of "artificial intelligence" in the media
discourse 174

Токарева С.В. – Функционирование имен
собственных в современном правопопулистском
дискурсе Германии

Tokareva S. – The functioning of proper names
in the modern German right-wing populist
discourse 178

Ху Юйпинь – Вербализация пассивной агрессии
в текстах масс-медиа

Hu Yuping – Verbalization of passive aggression
in mass media texts 183

Цао Дунсюе – Педагогические идеи и взгляды в
произведениях Ф.М. Достоевского

Caodongxue – Pedagogical ideas and views in the
works of F.M. Dostoyevsky 188

Цатурян М.М., Матевосян А.П. – Научные концепции языкового заимствования
Tsaturyan M., Matevosyan A. – Scientific concepts of language borrowing192

Червоний А.М. – Антропоцентризм слов-редупликатов современного французского языка
Chervoniy A. – Anthropocentrism of reduplicates in modern French197

Шаламова О.О., Ли Н.Б., Аруева Т.П. – Иноязычная лексика в современном политическом дискурсе (на текстовом материале и в сравнительной характеристике вариантов корейского языка РК и КНДР)
Shalamova O., Lee N., Arueva T. – Foreign language vocabulary in modern political discourse (based on text material and comparative characteristics of the types of the Korean language of the Republic of Korea and the DPRK)201

Ян Яци, Ли С.И. – Китайский модальный глагол 要 yào и особенности его перевода на русский язык
Yang Yaqi, Li S. – The Chinese modal verb 要 yào and peculiarities of its translation into Russian205

Информация

Наши авторы. Our Authors208

Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале210

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В ПЕРИОД ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: РИТМЫ И ЗАКОНОМЕРНОСТИ ДИНАМИКИ

POLITICAL GEOGRAPHY OF THE BLACK SEA REGION DURING THE SECOND WORLD WAR: RHYTHMS AND PATTERNS OF DYNAMICS

*E. Kurenkova
M. Dvorkovaya
A. Larionov*

Summary: The article is devoted to the problem of fluctuations of political borders and comparative limits of influence of the Black Sea states during the Second World War. on the basis of generalization and analysis of factual material, changes in the degree of influence of states over different periods of the war, the international role of the Pontic region in 1939-1945 are traced. The interrelations between macro-historical and geopolitical trends on the one hand and the phenomenology of the history of everyday life of the region on the other hand are established. Conclusions are drawn about the key role of the Soviet Union in maintaining the geopolitical balance and positive development of the region, as well as about the fundamental harmfulness of interference by external actors in the Black Sea zone with their geopolitical ambitions and projects.

Keywords: World War II, Black Sea region, political geography, geopolitics, everyday life.

Куренкова Евгения Алексеевна

кандидат исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО
«Государственный университет просвещения»
ea.kurenkova@mgou.ru

Дворковая Марина Васильевна

кандидат исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО
«Государственный университет просвещения»
marinadvorkovaya@yandex.ru

Ларионов Алексей Эдиславович

кандидат исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО
«Государственный университет просвещения»
allar71@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена проблеме флуктуаций политических границ и сравнительных пределов влияния причерноморских государств в период Второй Мировой войны. На основе обобщения и анализа фактического материала прослеживаются изменения степени влияния государств по разным периодам войны, международной роли Понтийского региона в 1939-1945 гг. Установлены взаимосвязи между макроисторическими и геополитическими тенденциями с одной стороны и феноменологией истории повседневности региона – с другой. Сделаны выводы о ключевой роли Советского Союза в поддержании геополитического равновесия и позитивного развития региона, а также о принципиальной пагубности вмешательства внешних акторов в зону Чёрного моря со своими геополитическими амбициями и проектами.

Ключевые слова: Вторая Мировая война, Черноморский регион, политическая география, геополитика, повседневность.

Статус России как черноморской державы столь же бесспорен, как принадлежащий ей маркер Евразийской цивилизации. Из чего вытекает никогда не теряющая актуальности потребность изучения различных аспектов присутствия России на побережье Чёрного моря и тяготеющих к нему континентальных зон – в соотношении с другими субъектами международной политики в Циркумпонтийском регионе. За всю письменную историю Старого Света в истории Чёрного моря очень мало кратких моментов, когда бы в Причерноморье условно доминировала одна держава. Такое положение является скорее редким исключением, нежели правилом геополитического бытия региона.

Более того, стоило объявиться претенденту на гегемонию, как происходила самоорганизация системы в сторону противодействия. Даже при условии подавляющего превосходства в силах над всеми противниками (как это было, например, на пике военно-политической мощи Османской империи), находились бесстрашные

энтузиасты, не боявшиеся бросить вызов имперской мощи (запорожцы, гайдамаки) и политики, которые своими дипломатическими и военными действиями ставили под сомнение и подтачивали доминирование гегемона, у которого просто не хватало сил задавить своих противников до конца. Особенно, если учитывать необходимость поддерживать своё доминирование в других регионах. Рано или поздно Причерноморская геополитическая система возвращалась к своему равновесному состоянию, основанием которого служил баланс сил, владений и влияния нескольких государств, имеющих выходы к Чёрному морю, заключивших между собой соглашения, служившие гарантиями равновесия и адекватного поведения.

Попытки тех или иных политических субъектов нарушить сложившийся status quo неизбежно приводили к дестабилизации и войнам разного масштаба и ожесточения. В этом случае Причерноморье превращалось в арену жестоких сражений на суше и на море, массовых

страданий населения в благодатном от природы регионе. В конечном итоге, равновесие восстанавливалось, хотя сама ситуация и расклад сил вокруг Понта Эвксинского могли существенно измениться.

Таким образом, мы формулируем следующую парадигму геополитической истории Причерноморья: на протяжении столетий оно служило и служит центром притяжения заинтересованного и небескорыстного внимания многих государств-субъектов международной политики, формируя сложный комплекс интересов, взаимодействий, противоречий, конфликтов и сотрудничества. В результате отдельные государства, даже самые мощные превращались в актёров на сцене в почти неизменных ландшафтных декорациях. Каждая историческая эпоха может рассматриваться как очередная страница бесконечной исторической драмы. Причерноморский регион обладает способностью подчинять себе, своему влиянию и притяжению тех, кто хоть однажды осознал себя его частью.

Политические границы проходят поверх границ ландшафта и гораздо менее статичны. Их изменчивостью и объясняется наш неослабевающий интерес к прошлому Причерноморья, особенно – к переломным моментам и периодам, когда определялись политико-географические реалии на последующие века или, как минимум, десятилетия. Именно таким судьбоносным временем для политической географии Черноморского региона стала Вторая Мировая война, когда в течение всего лишь 6 лет (ничтожный по историческим меркам срок!) расклад сил менялся неоднократно и радикально, словно бы история компенсировала прежние десятилетия гомеостаза.

Какая политико-географическая ситуация существовала в Причерноморском регионе накануне 2-й Мировой войны? После бурных катаклизмов Первой Мировой войны, революции и Гражданской войны в России, завершившегося образованием СССР, политической трансформации Турции при Мустафе-Кемале Ататюрке, установления границ государств Дунайско-Балканского региона в рамках Версальской системы политические границы Причерноморья к середине 1920-х годов стабилизировались. На 1 сентября 1939 года самыми значимыми субъектами политической географии в регионе были СССР на севере и Турция на юге. При этом Советский Союз обладал наибольшей протяжённостью морской границы – более 1800 км (РСФСР, Грузинская и Украинская ССР) [5]. Турция занимала 2-е место – около 1600 км. На этом фоне черноморские владения Румынии и Болгарии выглядят скромно – 400 и 375 км соответственно. Но стабильность эта была непрочной, покой – обманчивым. Менее чем через два года политическая карта изменилась: к СССР отошло около 150 км побережья между устьями Дуная и Днестра. Потерпевшей

стороной выглядела Румыния. Чьё побережье, таким образом, сжалось до 245 км. Если рассматривать протяжённость береговой полосы как выражение влияния, то СССР его явным образом расширял [4]. После 22 июня 1941 года расклад сил в Черноморском регионе вновь меняется: на берегах Чёрного моря появился новый субъект с очень большими амбициями – нацистская Германия. Ожесточённые бои на южном фланге советско-германского фронта, успехи Германии и её союзников в 1941-1942 гг. не замедлили отразиться на политической географии Понтики. К середине лета 1942 года всё Северное Причерноморье было для СССР потеряно. Под контролем Советского Союза остался участок около 800 км от Новороссийска до Сарпи в Грузии на турецкой границе. Береговая линия Турции оставалась неизменной. Берег Южной Бессарабии вернулся под политический контроль Румынии – прежде всего, благодаря Германии. Болгария осталась при своём. Зато Германия, никогда исторически не бывшая черноморской державой стала практически единовластной хозяйкой почти 2000 км Северного Причерноморья (учитывая вассальный статус Румынии и Болгарии) и почти 1500 км берега Азовского моря – древней Меотиды.

Можно попытаться экстраполировать тенденцию усиления черноморского влияния Германии в жанре исторической альтернативы: если бы Советский Союз потерпел поражение, то под контроль Германии перешли бы и те 800 км Черноморского побережья Кавказа, которые летом 1942 года контролировал СССР. На этом гипотетическом фоне 1600 км Южного Причерноморья, принадлежавшие Турции, выглядели бы откровенно бледно. В присущем ему историческом визионерстве Гитлер вполне мог наречь подконтрольную акваторию «Готским морем», памятуя о присутствии готов в регионе в IV-V вв. Тем более, что Крымский полуостров в нацистской топонимике должен был получить наименование «Готенланд» (Земля готов), что дополнялось проектом массового переименования населённых пунктов Крыма, а в перспективе, вероятно, тотальной смены всей крымской топонимики: «В конце 1941 года Розенберг, ставший к тому моменту рейхсминистром восточных оккупированных территорий, докладывал Гитлеру о прогрессе в проекте относительно германизации Крыма. Фюрер благосклонно выслушал предложения министра о переименовании Симферополя в Готенбург («город готов»), а Севастополя – в Теодорихсхафен / Теодориххафен («гавань Теодориха»). Новая столица «имперской области Готенланд» должна была появиться на Ялтинской гряде. Из всех запланированных нацистами глобальных переименований в жизнь претворить удалось лишь немногие. Так, одна из центральных улиц Симферополя, Февральская, была переименована в «Готскую» (Gotenstrasse). «Готской короной» (Gotenkrone) был назван производившийся в крымских подвалах коньяк, а «готской головой» (Gotenkopf) – Перекопский перешеек – стратегически

важный проход на севере полуострова» [6].

Проектируя радикальную смену географических наименований в Крыму, гитлеровцы, фактически стремились легитимировать и символически конституировать свою власть над полуостровом, придавая своему господству исторические обоснования. Геополитика сплеталась с исторической метафизикой, переходя в символическую коммуникацию. Опять-так, можно было ожидать, что Крым – это своеобразный полигон, по образцу которого топонимические метаморфозы ожидали и другие субрегионы Причерноморья.

Встаёт вопрос о том, как сложилась бы судьба Южного Причерноморья в рамках геополитики «нового порядка». Вероятно, поначалу, Гитлер бы продемонстрировал доброжелательность к Турции, не чуждой прогерманских реверансов. Но с течением времени германский гегемонизм, подкреплённый военной и экономической мощью, также постарался бы превратить Турцию в подконтрольного вассала, если не в протекторат «Тысячелетнего Рейха». Таким образом, Германия в 1941-1942 гг. двигалась в направлении установления полного контроля над Понтийским регионом [9]. Уникальность ситуации состояла в том, что на роль черноморского гегемона претендовало государство, которое исторически никогда не было причерноморским. Рассуждения о преемственности с крымскими готами лежат в области параисторических спекуляций. Однако, как показывает исторический опыт, столь масштабные имперские амбиции должны были неизбежно столкнуться с возрастающим сопротивлением как внешних политий, так и тех сил, которые оказались под пятой завоевателей. Это сопротивление подтачивало силы захватчиков и ставило под сомнение их амбиции по полноте контроля в Причерноморской зоне. Примером могут служить действия советских партизан и подпольщиков в Крыму, Одессе, Николаеве и т.п. Таким образом, подвиги и жертвы советских партизан и подпольщиков, кроме военно-политического и идеологического аспекта, объективно имели и геополитическое измерение, препятствуя полноте германской теллуро- и талассократии в Черноморском регионе.

Неожиданно в начале 1942 года на Чёрном море появился ещё один фигурант «большой политики» с неопределёнными притязаниями на долю в дележе «черноморского пирога» – Итальянское королевство (фактически – фашистская диктатура Бенито Муссолини, слегка задрапированная традиционным институтом монархии). Уроженцы Италии вернулись в Крым спустя более 450 лет после того, как турецкое вторжение в 1475 году положило конец генуэзским колониям на полуострове. Возможно, Муссолини, также тяготеющий к исторической метафизике в духе Римской империи, хотел усматривать некую историческую преемственность, на-

правляя ВМС Италии в акваторию Чёрного моря. Чисто военное присутствие итальянцев никак не отразилось на политической географии – с формальной точки зрения они действовали на территории подконтрольной Германии без каких-либо договорённостей и гарантий, что после окончания войны им будет выделен какой-то кусок Черноморского берега. Следовательно, объективно итальянцы выступали в роли вассалов Германии, которая не собиралась делиться самыми лакомыми кусками добычи. Так, в дневниковой записи от 24 июня 1941 года начальник германского генштаба Франц Гальдер пишет: «Фюрер ни в коем случае не хочет допустить в Крым итальянцев, корпус которых перебрасывается в Румынию» [3]. Таким образом, геополитическая алчность Германии провоцировала в будущем нарастание противоречий между союзниками, даже в том случае, если бы фашистские авантюрные планы мирового господства увенчались бы успехом. Однако, в течение полтора лет, с марта 1942 по август 1943 года пребывание и активные действия итальянцев на Черноморском ТВД, в городах и посёлках береговой линии Крыма являлись историческим фактом. Итальянские матросы и офицеры восхищались дивной крымской природой, купались и загорали на крымских пляжах Ялты, Фороса, Феодосии... [7] Казалось, ещё одна историко-геополитическая иллюзия близка к осуществлению. Если следовать политической мифологии Гитлера и Муссолини, то на берегах Чёрного моря одновременно присутствовали потомки готов, древних римлян и генуэзцев XIII-XV вв. Развалины крепостей Мангупа, Судака/Солдаи, Феодосии/Каффы, Балаклавы/Чембало, Херсонеса пробуждали в сознании завоевателей грёзы о прошлом, которые они намеревались воплотить в настоящем. Исторический миф претендовал на то, чтобы стать геополитической реальностью [8].

Как хорошо известно, реальный ход исторических событий разрушил эти визионерские геополитические спекуляции. И произошло это благодаря колоссальным и вполне материальным усилиям Советского Союза – солдат, матросов, офицеров РККА и Черноморского флота, грамотной стратегии и компетентному (несмотря на неизбежные ошибки) государственному и военному руководству, напряжённому труду советских людей в тылу, героизму и жертвенности партизан и подпольщиков, высочайшему профессионализму советских спецслужб, на длинной дистанции переигравшим абвер и гестапо. Едва ли большинство советских людей в своих повседневных усилиях в тылу, на фронте и в оккупации мыслили такими категориями, как «власть над пространством», «теллуократия» и «талассократия», «борьба Моря и Суши», «власть над побережьем» и прочими дефинициями классической геополитики. Но объективно получается, что совокупные жертвенные усилия советского общества стали мощным рычагом изменения вектора геополитического развития. После прохождения ниж-

ней точки своего влияния в Причерноморье летом 1942 года Советский Союз (как субъект геополитики) сначала стабилизировал ситуацию, а затем смог развернуть её в обратную сторону. Не будет открытием сказать, что важнейшую роль в этом процессе сыграла Сталинградская битва. Вначале германское военно-политическое руководство сконцентрировало на Сталинградском направлении свои главные усилия и резервы, что объективно привело к снижению давления на южный фланг советско-германского фронта который как раз и упирался в Чёрное море и Кавказ. Сложилась парадоксальная ситуация, когда вопрос о будущем господстве в Причерноморье решался за сотни и тысячи километров от побережья – под Сталинградом и подо Ржевом. Эти гигантские сухопутные сражения оттягивали на себя львиную долю ресурсов Рейха и его союзников, не позволяя довести до логического конца установление доминирования в Северном Причерноморье. С точки зрения классической геополитики (Челлен, Макиндер, Хаусхофер) мы имеем в данном случае яркий пример обратного влияния, когда не хозяин побережья осуществляет перманентное давление на внутренние континентальные массы, сжимая и удушая их в «объятиях анаконды», но наоборот, несокрушимый континентальный массив навязывает свою политическую волю побережью, одновременно не позволяя дерзким пришельцам укоренить своё господство не только на суше, но и на море.

Конец 1943 года и весь 1944 год СССР успешно восстанавливал и даже наращивал своё влияние на Черноморском побережье. После очищения Южной России и Украины от захватчиков пришёл черёд незадачливых союзников Германии, у которых появилось время оценить опрометчивость своих прежних решений. После Яско-Кишиневской операции и Сентябрьской революции в Болгарии, Румыния и Болгария резко сменили свою политическую окраску с «коричневой» на «красную». Они не просто вошли в зону военно-политического влияния СССР, но и стали его союзниками на ближайшие 40 с лишним лет. В геополитическом отношении это означало прибавление ещё 600 километров черноморского берега к зоне, подконтрольной Советскому Союзу. Чья зона приморского контроля (как прямого, так и косвенного, через новых союзников) (на считая Азовского моря) достигла к началу 1945 года почти 2500 км! Ни Римская империя, ни Византия, ни даже Османская империя на пике своей мощи не могли похвастаться такой полнотой контроля над Северным Причерноморьем – вплоть до глубинных континентальных земель, тяготеющих к побережью Чёрного моря. Эти изменения в распределении сил и влияния на Чёрном море происходили стремительно, в течение 1,5-2 лет. Но, как показали ближайшие события, достигнутые позиции доминирования в Черноморском регионе ещё не были пределом. В первые же три месяца 1945 года Черному морю было суждено стать центром, из которого вершились судьбы мировой поли-

тики и определялся ход истории с расстановкой сил на ближайшие полвека.

Авторы подразумевают Ялтинскую конференцию союзников по Антигитлеровской коалиции и её решения о послевоенном мироустройстве. Небольшой курортный город на Южном берегу Крыма принимал руководителей трёх сильнейших держав эпохи. Символически, можно сказать, Ялта и Ливадийский дворец стали мировой столицей, откуда исходили решения, обязательные для всего Земного шара, оспорить которые, объективно, не мог никто. Тот факт, что принимающей стороной выступал Советский Союз, менее года назад освободивший всю береговую линию Крыма и Северного Причерноморья, определял всемирно-историческую роль СССР как вершителя мировых судеб и... Черноморской державы. В итоге получалось, что евразийская черноморская держава превратилась в важнейший центр всемирной истории, несколько гиперболизируя, можно сказать, что Советский Союз в результате военных побед и Ялтинской конференции в роли агента Понта Эвксинского распространил влияние последнего на всю ойкумену. Ни до, ни после зимы-весны 1945 года Чёрное море более не достигало такого статуса всемирно-исторического значения [10]. При этом, показательно, что СССР, в отличие от той же Германии или от Турции в период её имперского величия, не стремился установить своё безусловное доминирование во всём Черноморском регионе. Баланс сил и гарантии безопасности устраивали Сталина гораздо больше, нежели погоня за эфемерной и затратной целью абсолютного господства в акватории Чёрного моря и прилегающих континентальных зонах. Осмелимся высказать предположение, что даже если бы Турция не соблюла своего прогерманского нейтралитета, выступив в какой-то момент на стороне держав Оси, то и в этом случае Сталин не пошёл бы на полное «обнуление» Турции как Черноморской державы после Победы. Хотя, безусловно, вмешательство Турции сильно осложнило бы обстановку в регионе и положение там СССР – в частности.

Как становится очевидным из произведённого анализа, в период Второй Мировой войны, всего за каких-то 6 лет (ничтожный по меркам мировой истории срок) Причерноморье претерпело сильнейшие пульсирующие метаморфозы распределения зон влияния и реального могущества между отдельными государствами.

Анализируя политико-географические трансформации Причерноморья, мы не вправе забывать об их социально-историческом и историко-антропологическом измерениях. Поскольку любые геополитические штудии имеют смысл только в том случае, если та или иная территория заселена людьми. Человеческая составляющая макроистории и геополитики является неотъемлемым условием полноты понимания изучаемых объектов, в противном случае неизбежны абберрации, превращаю-

щие человека в статический материал и детерминирующие человеческую историю, т.е. лишаящие её смысла и этической проблематики.

В этой связи совершенно очевидно, что большие изменения в сфере политической географии Причерноморья в период Второй Мировой войны, происходя в течение очень короткого отрезка времени, оказали огромное и глубокое влияние на жизнь десятков миллионов людей, определив их судьбу и определяя экстремальные формы повседневности. Например, уже сравнительно небольшое изменение политгеографии Причерноморья в 1940 году, когда к СССР отошла Южная Бессарабия, в судьбах десятков тысяч человек населения этого края произошли быстрые и значительные перемены: они оказались в рамках иного идеологического, политического и социального порядка. Однако, то было только начало грандиозных социальных катаклизмов.

После нападения нацистской Германии и её сателлитов на СССР начинаются столкновения огромных масс войск с обеих сторон: происходит формирование фронтовой повседневности с её легитимацией смерти, многокилометровых маршей, чередования отступления, обороны и наступления в любую погоду, питания из полевых кухонь или с «бабкиного аттестата», ночёвок в землянках и голой степи... В то же время сотни тысяч гражданских лиц направляются в стихийную и организованную эвакуацию, оказываются сорванными с насиженных родных мест, идут и едут, разбегаются под бомбёжками, изнемогают от голода и жажды, теряют родных в огненной круговерти... В свою очередь, те, кто остаются на покидаемой советскими войсками территории, в скором времени оказываются в оккупации. Для кого-то она стала временем героической борьбы и смерти за Родину, для других – периодом адаптации, выживания по принципу «день прошёл и ладно», для третьих – временем радостного принятия «нового порядка», сведения старых счётов, приобретения власти и привилегий. В Крыму руками крымско-татарских националистов истребляется русское и еврейское население при одобрении немецких властей, то же самое творят бандеровцы на Украине. Потомки немецких колонистов часто не могли устоять перед соблазнами нацистской пропаганды.

Характерным примером могут служить страшные в своей будничности события в местечке Доброе под Николаевым со смешанным немецко-еврейским населением, ранее жившим вполне дружно: «Фашисты заняли село без единого выстрела в конце августа 1941 года, а 2 сентября оставшихся жителей — стариков, детей, больных — они согнали на край села и всех 257 человек расстреляли. Были расстреляны мои близкие: дедушка, бабушка, тетя Хая, Сура, жена Иосифа, дядя Вельвел, двоюродная сестра Бася в возрасте 15 лет. Расстреляли их на немецком кладбище возле оврага. Бабушка тогда ходить

не могла, ее везли на повозке. Бася сбежала и спряталась в скирду соломы. Немцы вилами разворошили эту скирду, вытащили ее и убили. Больше всего меня возмущает то, что большинство участников убийств были немцами, жителями нашей деревни» [2]. Не будет преувеличением считать, что подобные картины происходили на большей части Северного Причерноморья, оказавшейся в зоне немецко-фашистской оккупации.

Геополитические сдвиги дорого обходились простым людям. История не проходила мимо, но шла по людям подобно мифическим «колесницам Джаггернаута». Своя повседневность была у партизан и подпольщиков – в катакомбах Одессы и Аджимушкая, в Крымских горах. Потом последовали новые перемены: изгнание оккупантов, восстановление Советской власти, депортация из Крыма татар, греков. Таким образом, в течение всего периода Второй Мировой войны мы можем констатировать очень высокую степень множественности модусов повседневной жизни, которая служила зеркальным отражением сдвигов в сфере политической географии.

Многослойность повседневности военного времени намного превосходит таковую в мирное время. Однако, полагать людей бессловесными жертвами и присваивать им только лишь страдательный статус было бы глубоко неправильным. Виктимизация дискурса есть ангажированное и конъюнктурное искажение, которое в итоге оборачивается «синдромом Коли-из-Нового Уренгоя», уравниванием СССР и нацистской Германии, оправданием украинских и крымско-татарских пособников Гитлера как якобы «борцов за свободу» [Пример дискредитации Советской эпохи и виктимизации памяти, см.: 11].

Не забывая сочувствовать страданиям миллионов простых обывателей, в то же время следует рассматривать повседневность Причерноморья в широком историческом контексте и в связи с теми ценностными установками, которые наполняют жизнь человека смыслом. В данном случае правильно будет говорить о том, что каждый человек делал свой выбор, как себя вести, кого поддерживать и за что бороться. Советские солдаты и матросы защищали Родину, а могли бы дезертировать или сдать. Гражданские лица, даже оставшиеся в оккупации, не обязательно могли выбрать путь активной борьбы, но могли просто выживать либо встать на путь пособничества оккупантам. Наконец, военнослужащие германских, румынских, итальянских вооружённых сил могли просто действовать в рамках воинских уставов и приказов, а могли издеваться над мирными жителями, грабя их и убивая.

Весьма показательно, что в конечном итоге победила та модель повседневности, которая определялась жертвенным выбором советских воинов, героев-партизан и подпольщиков, тех, кто хотя бы сочувствовал Советской

власти и ждал её возвращения. Этот свободно-волевой выбор большинства не просто стал основой для формирования той геополитической реальности, которая сделала СССР безусловным лидером Причерноморья, превратив сам регион в центр свершения мировой истории зимой-весной 1945 года. Он оказался сильнее иных моделей повседневности, которые сосуществовали и конкурировали с ним в период активных военных действий и немецко-румынско-итальянской оккупации Северного Причерноморья и Крыма.

Паттерны повседневности оккупантов (господство и подавление), равно как и их пособников (месть, грабежи, русофобия и антисемитизм) в исторической перспективе оказались нежизнеспособными, хотя на пике немецких успехов примазавшиеся к захватчикам предатели сами себе казались всесильными. А достигнутые ими власть и материальное благополучие представлялись прочными и непревзойдёнными. Однако всё это продержалось менее 3-х лет. Так мы выходим на проблему конструирования «иллюзорной повседневности» на основе ложной геополитической аксиологии и телеологии. Они как бы подпитывают друг друга, не имея при том действительной опоры в исторической реальности. В конечном итоге, в Причерноморье остались только те акторы, которые были там укоренены исторически и конструктивно.

Политическая география опирается на повседневность и, в свою очередь, поддерживает её государственной мощью. Но всё это способно к существованию и развитию в длительной исторической перспективе только в случае соответствия интенций геополитики и повседневности не только друг другу, но и, прежде всего, действительным ценностям и законам истории. Которые, по нашему убеждению, на этапах Нового и Новейшего времени воплощает и олицетворяет собой баланс сил и интересов автохтонных Черноморскому региону держав. Нарушение данного баланса в период Второй Мировой войны в результате вмешательства чуждых внешних сил привело к колоссальным социальным потрясениям и человеческим жертвам, нанесло огромный экономический ущерб, привело к гибели значительной части культурного наследия Черноморского региона. Однако, затем, оправившись от первичного шока, сложная политико-географическая система Черноморского региона возвратилась в равновесное состояние и в те-

чение достаточно короткого времени восстановила размеренный и конструктивный уклад жизни, основанный на созидательной экономической и культурной деятельности. Тогда как внешние паразитарные тенденции были надолго подавлены и изгнаны за пределы региона. Главная заслуга в этом принадлежит, бесспорно, Советскому Союзу как важнейшему субъекту политической географии и истории Причерноморья в XX веке, исторической модификации Российской цивилизации. Которая, таким образом, оказывается залогом поддержания стабильности и устойчивого позитивного развития всего Черноморского региона. Даже память об СССР несёт в себе конструктивный заряд для выстраивания современной российской политики в Понтийском регионе [1].

Применительно к истории Понтийского региона период 1939-1945 гг. во всемирно-историческом контексте может быть рассмотрен как очередной виток борьбы государств за влияние в Черноморском регионе. Вторая Мировая война в этом отношении несёт в своём историческом опыте очень важный урок: любое внешнее вмешательство, тем более военного типа, в политическую географию Причерноморья неизбежно несёт в себе семена деструкции и эскалации насилия, потому должно быть, по возможности, купировано на начальных этапах. Если же этого не удалось, то необходимо его ликвидировать любыми доступными средствами. Поскольку, в противном случае, оно оказывается зародышем раковой опухоли, угрожающей цивилизационной идентичности причерноморских народов и их суверенному существованию. Если же какая-то Причерноморская держава позволяет втянуть себя в военно-политический союз с внешним геополитическим актором, это неизбежно оказывается предательством и разрушением исторических интересов Причерноморского региона. И рано или поздно приведёт к войне, кровопролитию и разрушениям. Региональная система политических отношений в Причерноморье, возникшая по итогам Второй Мировой войны, обладала солидным запасом прочности и являлась основой конструктивного развития Черноморского региона на протяжении почти полувека. Её разрушение после крушения СССР породило целый комплекс проблем, которые в обозримой перспективе будут только усугубляться. Пути их решения, равно как и общий анализ политической географии Причерноморья современности составляют предмет для дальнейших исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Багдасарян В.Э., Журавлёв В.В., Ларионов А.Э., Федорченко С.Н., Шульц Э.Э. Восприятие Советского прошлого в контексте формирования новых идентичностей, войн памяти и образов будущего на постсоветском пространстве. М.: Проспект, 2022. – 304 с.
2. Боград П.Л. От Заполярья до Венгрии. Записки двадцатичетырехлетнего подполковника. 1941-1945. М.: ЗАО Центрполиграф, 2009 // http://militera.lib.ru/memo/russian/bograg_pl01/index.html Дата обращения 11.04.2023.

3. Гальдер Ф. Военный дневник. Июль 1941 года // http://militera.lib.ru/db/halder/1941_06.html Дата обращения 03.04.2023.
4. Географический атлас СССР для средней школы. 1941 год // <https://istmat.org/node/44869> Дата обращения 30.03.2023 г.
5. Карманный атлас СССР 1939 г. // <http://minchanin.esmasoft.com/maps/ussr1939/> Дата обращения 30.03.2023 г.
6. Кизилов М.Б. Крымские готы и Крым в нацистской идеологии // <https://ru-sled.ru/krymskie-goty-i-krym-v-nacistskoj-ideologii/?ysclid=lg0irciwu9164832019> Дата обращения 03.04.2023.
7. Коскова А.С. Итальянские королевские военно-морские силы на Черноморском театре войны: 1942-1943 гг. // <https://moluch.ru/conf/hist/archive/243/12720/?ysclid=lg0n4ikihi805226095> Дата обращения 03.04.2023.
8. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М.: ЯСК-Гнозис, 2022. – 696 с. Понятие «мифа» используется авторами не в вульгарном понимании вымысла, но в трактовке А.Ф. Лосева как высшей реальности или абсолютного бытия, «в словах данной чудесной личностной истории»;
9. Сеницын Ф.Л. Северное Причерноморье в захватнических планах Третьего Рейха и его сателлитов (1940-1944 гг.) // Вестник РУДН. Серия «История России». №4/2016. С. 39-45.
10. Шевченко О.К. Триумф власти. Советская историософия Ялтинской конференции. М.: Алгоритм, 2020. – 256 с.
11. Эппле Н. Неудобное прошлое. Память о государственных преступлениях в России и других странах. М.: НЛО, 2020. – 576 с.

© Куренкова Евгения Алексеевна (ea.kurenkova@mgou.ru), Дворковая Марина Васильевна (marinadvorkovaya@yandex.ru), Ларионов Алексей Эдиславович (allar71@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Государственный университет просвещения

СПЕЦИФИКА ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОВЕДЕНИЯ СТАТИСТИЧЕСКИХ РАБОТ В СТЕПНОМ КРАЕ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Скопа Виталий Александрович

доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент российской академии
естествознания, Алтайский государственный
педагогический университет (г. Барнаул)
sverhtitan@rambler.ru

THE SPECIFICS OF THE ORGANIZATION AND CONDUCT OF STATISTICAL WORK IN THE STEPPE REGION IN THE LAST THIRD OF THE 19TH - EARLY 20TH CENTURIES

V. Skopa

Summary: The article deals with the process of organizing statistical accounting within the territorial boundaries of the steppe Kazakhstan in the last third of the 19th - early 20th century. Given the remoteness and size of the region, the need for statistical accounting was high. Conducted episodic statistical surveys did not solve the problems. The state needed a strong system of statistical institutions at the regional level as a state institution. The peculiarities of the organization of statistical work within the territorial boundaries under consideration include the late establishment of regional statistical centers, the lack of qualified personnel, the financial disadvantage that did not allow organizing and conducting statistical campaigns or attracting specialists from outside, as well as the fact that most of the population led a semi-nomadic lifestyle, and this created serious difficulties for the census or sample enumeration. The weakness of administrative statistics forced the committees to improve the forms and methods of collecting and processing statistical materials.

Keywords: statistical accounting, Kazakhstan, Russian Empire, statistical committee, source.

Аннотация: В статье рассматривается процесс организации статистического учета в территориальных границах степного Казахстана в последней трети XIX – начале XX века. Учитывая территориальную отдаленность и размеры региона, потребность в статистическом учете была высока. Проводимые эпизодические статистические обследования не решали стоящие задачи. Государство нуждалось в сильной системе статистических учреждений на уровне регионов как в государственном институте. К особенностям организации статистических работ в рассматриваемых территориальных границах можно отнести позднее оформление региональных центров статистического учета, нехватка квалифицированных кадров, финансовый недостаток, который не позволял организовывать и проводить статистические кампании или привлекать специалистов извне, а также то, что большая часть населения вела полукочевой образ жизни, и это создавало серьезные затруднения для переписи или выборочного учета. Слабость административной статистики вынуждала комитеты заниматься совершенствованием форм и методов сбора и обработки статистических материалов.

Ключевые слова: статистический учет, Казахстан, Российская империя, статистический комитет, источник.

Активные процессы колонизации Степного края подталкивали имперские власти к проработке различных проектов по организации статистического дела в регионе. На повестке стояли вопросы организации статистических структур, механизмы работы и взаимодействия с местной властью и автохтонным населением, особенности формирования статистических данных [17]. Системный процесс формирования статистических сведений был связан с оформлением региональных статистических служб, функциональные обязанности которых делились на «обязательные» и «необязательные работы» [16]. В связи с постоянной необходимостью сведений о количестве населения для раскладки налогов, для выяснения его потребностей, для призыва в армию правительство придавало особое значение учету народонаселения.

Учитывая территориальную отдаленность и разме-

ры региона, потребность в адекватном статистическом учете была очень высока. Проводимые эпизодические статистические обследования не решали экономические задачи. Государство нуждалось в сильной системе статистических учреждений на уровне регионов как в государственном институте, который по своей природе должен быть имманентен системе управления [17].

Будучи одним из основных занятий комитетов по учету народонаселения, как определяло положение 1865 года, ему уделялось значительное внимание в регионе не только потому, что это требовалось для регулярных отчетов в центральный статистический комитет МВД, но и потому, что в рассматриваемом регионе данный вид статистического учета имел массу недостатков [1]. Одной из причин таковых являлось позднее оформление региональных центров статистического учета в Ақмолинске, Семипалатинске, Семиреченске и, во многом

это было связано с окончательным вождением Степного края в состав империи, что и наложило свой отпечаток [17]. Во-вторых, в оформленных административных учреждениях учета катастрофически не хватало квалифицированных кадров, порой даже простых переписчиков или счетчиков, которым требовалось элементарно фиксировать данные сведения без каких-либо аналитических заключений. В-третьих, финансовый недостаток не позволял на системной основе организовывать и проводить статистические кампании или привлекать специалистов извне. Так же немаловажной проблемой учета народонаселения в регионе было и то, что большая часть населения вела полукочевой образ жизни, и это создавало весьма серьезные затруднения для переписи или даже выборочного учета [5, с. 60]. В целом было очень много нерешенных проблем, неразработанных систем и методов сбора сведений о населении.

Вопрос о необходимости совершенствования статистики населения поднимался комитетами неоднократно. В 1884 г. секретарь Акмолинского комитета И.А. Козлов в записке «Об устройстве статистики населения» дал развернутую программу повышения достоверности сведений, в которой были разработаны методы учета «по опросным листам» естественного движения населения [10, с. 4-5]. Характеризуя состояние статистики населения, он писал: «Существующая у нас метрическая система регистрации этого рода движения не вполне удовлетворительна, как по форме, так и по содержанию... Метрические записи производятся по формам, различным для каждого вероисповедания... Они недостаточно полны». «Желательно, - писал он далее, - чтобы метрики отвечали двум условиям: были полнее и однообразнее» [10, с. 7]. Так, в качестве примера можно отметить, что в графах о вступающих в брак не указывалось место жительства и занятие; в графах о родившихся отсутствовали сведения о постоянном месте жительства, возрасте и занятиях родителей; не учитывалось какое по счёту рождение и на котором году супружеской жизни; в графах об умерших отсутствовало место жительства, семейное положение, занятие [6]. Эти сведения необходимы были для изучения населения, для определения брачной «плодовитости», общей и особенной смертности в пределах той или иной местности. В записке были определены функции низших административных органов, которые должны были доставлять в комитет не сводные данные, а первичные бланки. Из системы сбора сведений исключалась полиция [13, л. 17]. Таким образом, статистика населения отделялась от интересов фиска.

Вопрос о введении посемейных или подомовых списков Акмолинским комитетом неоднократно рассматривался на заседаниях 1893 и 1894 гг. [13, л. 25] На одном из них Г.Е. Катанаев рассказал о порядке их ведения в казачьих станицах и поселках, А.В. Селиванов – член комитета, предложил собирать статистические данные

при помощи «карточной системы», показав её преимущества перед существующей табличной [13, л. 45]. Для выработки мер по улучшению статистики была избрана комиссия, в которую вошли Г.Е. Катанаев, И.В. Веретенников и В.М. Михайлов. Фактически данные лица являлись «непременными» членами статистического комитета, и были как никто другой заинтересованы в выработке методов формирования данным и их верификации.

В жалком положении находилась статистика казахского населения. Комитеты отмечали, что «сведения о казахах отличаются особой неточностью» [17, с. 13]. Сбор их осложнялся и тем, что во многих областях более 80 процентов населения было кочевым, с которого правительство взимало кибиточные подати, и вопросам естественного и механического движения не придавали значения. Большие размеры волости, разбросанность зимовок, удаление во время кочевки целых аулов «лишало местные власти возможности даже по слуху знать многие явления в движении населения, а не только вести им точную запись» [5, с. 62]. По существовавшим правилам обязанность доставлять сведения о естественном и механическом движении возлагалась на само население. Но эти правила никогда не исполнялись: «у правительства не было нужды в этих сведениях, а население не выполняло их как противные его взглядам и обычаям» [10, с. 6-7]. Даже ЦСК в разъяснениях указывал, что «в отношении кочевого населения можно ограничиться валовыми итогами разных данных, без тех подробностей, какие требуются о прочем населении» [19, л. 215].

Проводившийся раз в три года учет казахского населения давал относительно точные данные о количестве кибиток. В 1883 г. по спискам старшинств Зайсанского пристава число женщин было почти вдвое меньше числа мужчин, что не соответствовало истине [9]. В Уральской области до 1898 г. из Гурьевского и Темирского уездов вообще не поступало никаких сведений о казахском населении, а в двух других они были несовершенно, ибо в области не существовало даже подобия метрических записей. Описания методов сбора сведений были даны Фёдоровым – членом Семипалатинского комитета, составившим программу улучшения статистики казахского населения: «собирались они по памяти за период в 2-3 и более месяцев» [14, л. 62]. Конечно, доверять полностью таким сведениям нет оснований.

Но необходимость подробного учёта казахского населения всё более диктовалась экономическими, военно-стратегическими и политическими соображениями. В этой связи комитеты предпринимали ряд мер по улучшению статистики народонаселения. Большую работу в этом направлении проводил Семипалатинский комитет. В 1893-1894 гг. В.П. Никитин – секретарь комитета, совершил поездки в ряд уездов «для установления более правильного способа собирания статистических сведе-

ний по киргизскому населению» и исследовал причины их неточности [14, л. 27-28]. Над этой проблемой работали М.А. Фёдоров, Н.Я. Коншин. Обобщив собранный материал, комитет разработал и обсудил проект введения метрических записей среди казахского населения. В этой связи была разработана целая программа действий. Предлагалось снять с населения метрический учёт и возложить его на аульных старшин, снабдив их для этих целей особой шнуровой книгой. Контроль за ведением записей возлагался на аульных баев, которые заверяли их подписью или печатью и несли наравне со старшинами уголовную ответственность в случае их подлога. Для большей достоверности книгу предлагалось вести в самой простой форме на казахском языке. При переписке данных из неё в волостную книгу записи переводились на русский язык с подразделением по рубрикам [4]. Разработка новых форм сбора метрических сведений явилась ещё одним шагом комитета в улучшении статистики населения. «Существующие до сего таблицы, - сказано в отчёте комитета за 1896 г., - в виду сильно изменившихся условий экономической и промышленной жизни местного населения, оказались в настоящее время сильно устаревшими: выработанные же ныне ведомости составлены вполне сообразно с современными требованиями, и нет сомнения, дадут более полный материал для всестороннего изучения области» [14, л. 17].

Совершенствованием статистики населения занимался и Уральский комитет. Членами комитета была разработана обширная программа исследований, намечены меры улучшения статистики [3-4]. «В киргизской степи, - говорил Кранихфельд, - дело статистического исследования придется создавать впервые, т.к. до сего времени все операции ограничиваются там организованным ветеринарным надзором и регистрацией наличного скота» [4, с. 10]. Изучение решено было начать с личных исследований, сбора и обобщения литературы, архивных источников, с дневников, заметок и таким образом собрать возможно полные сведения по этнографии, а затем уже составить программу изучения края.

Поскольку комитет был учрежден накануне Всеобщей переписи, Кранихфельд – секретарь, попросил собрание дать возможность всем членам принять участие в ней, «чтобы это крупное статистическое дело стояло в самой тесной связи со всеми остальными работами его» [4, с. 8]. Но перепись не только обогатила опытом членов комитета, она показала и несостоятельность статистики до его образования, лишней раз доказала необходимость его учреждения. Перепись выявила неучтенных более 87 тыс. чел. В связи с этим было уделено большое внимание улучшению форм и методов статистики населения, особенно – казахского полукошачевого [1, с. 63].

Сразу же после переписи комитет начал составление посемейных списков казахского населения, данные для

которых брались из переписных листов. Правда, работа велась «под непосредственным руководством и наблюдением» секретаря комитета, разрешалось брать только сведения о числе семей и душ в них [3, с. 12]. Через год работа закончилась, было переписано около 71 тыс. семей. Составленные списки переплетались в книги по каждому аулу и рассылались по волостям с требованием «внести в них сведения о естественном движении по каждой семье, все изменения, происшедшие после 29 января 1897 г., выделить на отдельные листы вновь образовавшиеся семьи, собрать сведения об отсутствовавших во время переписи лицах» [14, л. 25].

Однако разовые сведения не могли удовлетворить комитет, вопрос о регистрации движения населения неоднократно рассматривался им в последующие годы. Был представлен план ведения статистики браков, рождений и смертей. Вместо списков, не допускавших всесторонней разработки сведений, вводились ведомости, которые для оперативности делались в виде личных карточек разного цвета.

Карточки заполнялись в аулах и возвращались в комитет. По истечении года они подсчитывались, определялся естественный прирост, который прибавлялся к данным Всеобщей переписи. Процентное отношение браков, рождений и смертей по всему казахскому населению высчитывалось по аналогии с данными о казахах, живущих на войсковой территории. Карточки давали сведения не только о размерах движения населения, но они служили и материалом в разработке интересных для статистики и этнографии вопросов: «определение брачных возрастов, указание времени года с наибольшим числом браков и рождений, гражданское состояние вступающих в брак, процент мертворожденных, смертность по местностям и возрастам и т.д.» [14, л. 24-26]. На основании карточек комитет делал анализ состава населения, разрабатывал разнообразные таблицы и ведомости. В 1901 г., с переходом войсковой статистики в ведение комитета подобный метод распространился и на войсковую территорию, сведения по которой до этого собирались только в абсолютных цифрах.

Конечно, регистрация при помощи карточек повышала достоверность сведений, но это еще не решало многие проблемы. Есть основания полагать, что многие сословные группы вообще не учитывались. Регистрация раскольников в Уральской области была возложена на станичных атаманов. Но одни из них присылали формальные списки, другие – вообще отказывались вести эту работу. Отказались доставлять эти сведения атаман 1-й станицы и Уральский полицмейстер [3, с. 13].

Особенно большие затруднения вызывала статистика пришлого населения. Комитеты не в состоянии были вести миграционный учёт. В 1909 г. разница между ма-

териалами для прибавления естественного прироста к данным переписи и материалами станичных атаманов достигла громадных размеров – 79195 чел. [3, с. 13-14]. В следующем году комитет избежал этой ошибки в существовавших размерах, однако наладить точный учёт этого как, впрочем, и остального населения ему не удалось. Таким образом, решение о прибавлении естественного прироста населения к данным Всеобщей переписи было не лучшим, даже с точки зрения статистики XIX века. И всё-таки этот метод оказывался иногда ценнее и практичнее официально рекомендуемых административной статистикой. Этим методом исчисления комитеты пользовались весьма широко. Так Уральский комитет в период 1908-1914 гг. собирал и обрабатывал по 36-40 тыс. карточек ежегодно [3].

Регистрация казахского населения по метрическим книгам была в 1898 г. введена и в Семиреченской области [11]. До введения книг оно исчислялось по посемейным спискам, которые составлялись один раз в 3 года. Нередко в данные нового трехлетия вносились прежние сведения, и списки показывали даже убыль населения. Так, прирост населения в 1905 г. по данным административно-полицейских органов был равен 9609 чел. [15, л. 12]. Перепроверяя эти сведения, комитет запросил данные из метрических книг и из записей полицейских управлений. По их сведениям, общий итог прироста населения в 1905 г. составил 18478 чел., т.е. почти вдвое больше прироста, указанного в посемейных списках. Аналогичные пере проверки проводились неоднократно [12]. Сравнивая численность населения на 1907 г. по данным посемейных списков, комитет обнаружил, что казахское население к 1908 г. уменьшилось на 6566 чел. По сведениям же метрических книг оно увеличилось на 7919 чел. [15, л. 85]. Таким образом, низшими административно-полицейскими органами не было учтено в 1907 г. 14485 чел., что фактически составляло около 1,8% от всего населения. В результате проделанной работы комитет справедливо приходил к выводу, что «метрические книги... дают более верный материал для определения общей численности кочевого населения..., чем составляемые волостною администрацией ведомости на основании посемейных списков» [15, л. 85].

Комитет делал попытку введения и карточной системы регистрации движения населения, но вводилась она только для выяснения влияния пришлого элемента на общий прирост населения. В 1904 г. посредством карточек ежемесячно собирались сведения о родившихся, умерших и бракосочетавшихся с разделением их на категории. Однако уже через год комитет отказался от этой системы ввиду её «обременительности» для низких чинов. Сведения вновь стали собираться по годичным ведомостям, но от карточной системы было заимствовано распределение браков, рождений и смертей по месяцам

и категориям.

В конце XIX – начале XX в. нормативно-правовое закрепление получили статистические отделы Переселенческих управлений. С момента образования в 1896 г. Переселенческого управления статистика земледельческих переселений перешла в его ведение. Первоначально Переселенческое управление входило в состав МВД. В конце 1905 г. в связи с началом аграрных преобразований оно было передано Главному управлению землеустройства и земледелия [8]. Отраслевое формирование статистических данных указывало на потребность административно-государственных структур в качественном и своевременном статистическом материале. Важнейшей стороной данного процесса являлся непрерывный статистический учёт. В Степном крае статистический учёт переселенческих хозяйств вели хозяйственно-статистические и агрономические отделы переселенческих районов Семипалатинской области [7]. Переселенческое дело в Семипалатинской области при рассмотрении всех его отраслей, представляло собой достаточно сложную систему, в которой соединялись все отрасли государственного хозяйства [2].

Работы переселенческого управления по устройству переселенцев заключались в организации процесса заселения переселенческих участков единоличного пользования. Образование хуторских участков, разбивка образованных участков на хутора и отруба началась с 1909-1910 годов под влиянием усилившегося стремления к установлению единоличного владения с одной стороны, вследствие требования на этот вид землепользования пришедших из европейской России переселенцев, а с другой – вследствие расширения запашек устроившихся переселенцев.

В целом, сформированные статистические службы удовлетворяли административные запросы посредством своевременного и адекватного формирования статистического материала. Усложнение форм хозяйствования, начиная со второй половины XIX века оказывали благоприятное влияние на рост потребностей в статистическом учете и контроле, что было сильнейшим толчком к развитию и деятельности региональных статистических служб. Статистические учреждения Степного края занимались статистикой народонаселения, организовывали подворные и поселенные переписи, а также обследовали различные типы хозяйств. Слабость административной статистики вынуждала комитеты заниматься совершенствованием форм и методов сбора и обработки статистических материалов. Все эти меры способствовали улучшению статистики в регионе. Возникновение переселенческого управления существенно активизировало статистический учёт на территории национальных окраин.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев А.Н. Население Казахстана за 100 лет (1897-1997 гг.). Усть-Каменогорск, 1999. – 128 с.
2. Журнал заседаний Семипалатинского статистического комитета за 1893. Семипалатинск, 1894. – 18 с.
3. Журнал заседаний Уральского ОСК 20 апреля 1898 г. Уральск, 1899. – 17 с.
4. Журнал заседаний Уральского ОСК ноябрь 1913 г. Уральск, 1913. – 24 с.
5. Игибаев С.К. Население Семипалатинской области конца XIX века (по данным первой всеобщей переписи населения Российской империи) // Проблемы истории и историографии национально-освободительных движений в Казахстане XVIII – начало XX вв. Алматы, 1997. – С. 58-65.
6. Кимасов А.М. Деятельность Семипалатинского статистического комитета по статистике народонаселения области // Исторические науки. Алта-Аты, 1974. – С. 99-106.
7. Коншин Н.Я. Переселенческие поселки в Усть-Каменогорском уезде. Семипалатинск, 1899. – 185 с.
8. Никулин П.Ф. Основные направления деятельности статистического отдела Томского переселенческого района в 1906 – 1917 гг. // Региональные особенности управления государственным хозяйством России XVIII – начала XX в. Томск, 2007. – С. 91–94.
9. Обзор Акмолинской области 1895. Омск, 1896. – 295 с.
10. Протоколы заседаний Акмолинского статистического комитета за 1887. Омск, 1888. – 21 с.
11. Протоколы заседаний Семипалатинского статистического комитета за 1889. Семипалатинск, 1889. – 8 с.
12. Протоколы заседаний Семиреченского статистического комитета за 1891. Семиреченск, 1891. – 6 с.
13. Республиканское государственное учреждение «Центральный государственный архив» Республики Казахстан Ф. 393. Оп. 1. Д. 33.
14. Республиканское государственное учреждение «Центральный государственный архив» Республики Казахстан Ф. 460. Оп. 1. Д. 36.
15. Республиканское государственное учреждение «Центральный государственный архив» Республики Казахстан Ф. 828. Оп. 1. Д. 8.
16. Скопа В.А. Особенности организации и работы административной статистики в Алтайском округе в конце XIX века (на основе архивного материала) // Государственные реформы М.М. Сперанского в исторической ретроспективе. Новосибирск, 2005. – С. 120-125.
17. Скопа В.А. Создание областных статистических комитетов в Степном генерал-губернаторстве и их деятельность в последней трети XIX – начале XX века: имперские проекты и практики. Барнаул, 2020. – 201 с.
18. Урашев С.А. Семиреченский областной статистический комитет – первое научное общество на территории края 1879-1917 гг. Алматы, 2008. – 117 с.
19. Федеральное казенное учреждение «Российский государственный исторический архив» Ф. 1290. Оп. 1. Д. 373.

© Скопа Виталий Александрович (sverhtitan@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОРИГЕН КАК РАННЕВИЗАНТИЙСКИЙ ПИСАТЕЛЬ, ПЕРЕВОДЧИК И ТОЛКОВАТЕЛЬ БИБЛЕЙСКИХ ТЕСТОВ

ORIGEN AS AN EARLY BYZANTINE WRITER, TRANSLATOR AND INTERPRETER OF BIBLICAL TEXTS

A. Strzhalkovskaya
S. Funikova

Summary: Origen in his writings relied on all possible sources – among them the Jewish textual tradition, philology, philosophy and even natural sciences. The importance of Origen as the main ecclesiastical writer, as well as a theorist of allegorical interpretation, has long been recognized in science. Origen was not only an interpreter of Christian texts, but also an allegorist and translator. Origen remained a controversial figure after his death.

Keywords: Origen, writer, Christianity, texts, translations, aligorist.

Стржалковская Анастасия Дмитриевна

кандидат исторических наук, доцент, Белгородский
национальный исследовательский университет «БелГУ»
Strzhalkovskaya@yandex.ru

Фуникова Светлана Васильевна

кандидат филологических наук, доцент, Белгородский
национальный исследовательский университет «БелГУ»
funikova@bsu.edu.ru

Аннотация: Ориген в своих писательских трудах опирался на все возможные источники – среди них еврейская текстологическая традиция, филология, философия и даже естественные науки. Важность Оригена как главного церковного писателя, а также теоретика аллегорической интерпретации давно признана в науке. Ориген известен не только как толкователь христианских текстов, но и аллегорист и переводчик. Ориген после своей смерти остался противоречивой фигурой.

Ключевые слова: Ориген, писатель, христианство, тексты, переводы, алигорист.

Ориген был типичным христианским писателем и ученым, полностью погруженным в молитву и изучение церковных текстов, глубоко верующим христианином и именно благодаря своей учености и уму, заслужил уважение даже у тех, кто не разделяет его веру. В своих писательских трудах он глубоко опирался на все возможные источники – среди них еврейская текстологическая традиция, филология, философия и даже естественные науки. Все эти науки помогали ему в его главном начинании – толковании и описании Священного Писания. Он был убежден, что с помощью такого изучения он приближается к Богу и помогает другим и способствует распространению христианства. В следствии этого его влияние на последующую христианскую традицию было огромным и до сих пор, в значительной степени, недооценено.

Важность Оригена как главного церковного писателя, а также теоретика аллегорической интерпретации давно признана в науке. В крупном исследовании по средневековой экзегезе у Анри де Любак, мы можем увидеть подробно задокументированные верные утверждения, которые он заимствует у пионера современной библейской критики Ричарда Саймона. Данная аллегорическая система в исследовании библейских текстов стала популярна, по причине того, что христианин теперь мог использовать всю Библию в качестве основного христианского текста. В данном контексте Манлио Симонетти утверждает, что до Оригена Ветхий Завет служил для

христиан нечем иным как получение подтверждения информации о содержании христианского учения. Толкование, у Оригена приобрело такую глубокую и долговременную привлекательность не только потому, что оно удовлетворяло потребность, но и потому, что было убедительным¹.

Вся его вероучительная интерпретация христианских текстов была основана не на каком-то произвольном наборе соответствий, а скорее на убеждении в целостности и истинности христианского учения, что Божественное слово одинаково действует как в Священном Писании, так и в мире природы, так и в спасении космоса и в каждой индивидуальной душе, а также во внутреннем и внешнем человеке. И стало возможным сравнивать и находить точки соприкосновения в различных разделах библейских текстов. Таким образом, Ориген дал нам возможность дальнейшего толкования и филологического анализа библейских текстов, которая имела самосогласованность и непосредственно удовлетворяла духовные и научные потребности.

Далее рассмотрим Оригена не только как толкователя христианских текстов, но как аллегориста и переводчика. При этом важно отметить, что часто аллегорические толкования отвлекали ученых от других аспектов и подходов его работ над тестами Библии.

Роль Ориена как переводчика весьма велика. Пере-

1 Joseph Trigg The Early Church Fathers. Origen. - University of Durham, 1998. P. 660.

воды Оригена имели колоссальное влияние на последующие попытки переводов христианских текстов. Ориген заложил большое внимание к точности перевода с вниманием к деталям – *akribeia*, «точность», – одно из его любимых слов свидетельствует о внимательном отношении к содержанию текста. Именно внимательное и точное отношение к переводам он рекомендует в своем Письме Григорию (раздел 4)², в котором говорится: «Итак, господин [мой] сын, прежде всего со вниманием занимайся чтением божественных писаний. Да, занимайся со вниманием, так как, читая божественные писания, мы нуждаемся во многом внимании, чтобы не сказать или не подумать о них чего-нибудь слишком поспешно»³. Тут мы видим, что Ориген несколько раз упоминает о внимательности при изучении и чтении библейских текстов. Такое мнение означает быть внимательным к тому, что говорится в тексте, даже если это приводит в замешательство, как в его пятой проповеди на 1 Книгу Царств. Такое отношение сделало его, как автора «Гексаплы», выдающимся текстологическим критиком в Древней христианской Церкви.

Манлио Симонетти и Бернхардт Нойшефер продемонстрировали, что это великое, хотя и непризнанное, наследие Оригена для антиохийской экзегезы. Таким образом, толкователи Феодор и Феодорит, хотя и критически относились к аллегории Оригена, часто были более верны его духу, чем его преемники в Александрии⁴.

В сфере догматики мы уже отмечали, что Ориген заложил важнейшие основы для понимания учения о Троице и личности Христа. Он также предложил способ соотносить божественную благодать со свободной волей человека, который оказался близким греческой теологической традиции, что объясняет сохранение многих его работ, связанных с этой тематикой в период гонений. При этом Ориген как христианский писатель всё-таки имел отличия от платонической традиции тем, что настаивал на необходимости Божьей благодати, если люди хотят стать подобными Богу, чего нет у платоников. Ориген в своих трудах твердо защищал человеческую моральную ответственность, отвергая мнение языческих философов и астрологов, которые настаивали бы на том, что человеческие поступки predetermined. Он приводил убедительные доводы о том, что Божье предвидение не predetermined человеческие действия и что Божье провидение полностью уважает свободную волю чело-

века. Есть только варианты развития событий, на по какому пути человек пойдет решать только ему. Этот способ соотношения человеческой и божественной деятельности в непрерывном процессе человеческой деятельности постепенно становится главной теоретической моделью для христианской аскетической традиции. Таким образом, это источник представления Григория Нисского об «эпектасисе»⁵, т.е. постоянном стремлении к Богу. Недавние исследования показали, насколько сильным было влияние Оригена на зарождающееся египетское монашество, включая Антония Египетского.

Отметим, что у Иоанна Кассиана, который перенял этот оригенистский подход у Евагрия Понтийского, подход Оригена к благодати и свободной воле стал, даже на Западе, постоянной альтернативой подходу Августина, который имел тенденцию представлять их как взаимоисключающие. Мы видим отголосок этого в споре о свободе воли между Эразмом и Лютером, причем первый в значительной степени склонялся к *Origen's Peri Archon*⁶.

Ориген имел, бесспорно, колоссальное и всепроникающее влияние на писательскую мысль раннего христианства, Анри Крузель метко применил к Оригену цитату из Евангелия, что он «знамение, против которого будут говорить» (Лк. 2:34). У некоторых христианских авторов и богословов он вызывал как восхищение, так и отвращение, как в случае с Иеронимом Блаженным⁷.

В целом христианская традиция сочла его нелегко усвояемым, потому что в своих трудах он выдвигал взгляды, особенно на эсхатологию, которые были неприемлемы в его время или, в случае его учения о Троице, было вообще признаны и поняты намного позднее. Эти непонятные моменты в его трудах были скорее исключением, чем правилом. Тем не менее, от этих мест в своих трудах он не отказался, потому что он защищал христианскую веру в Древней Церкви своего времени и, возможно, больше, чем любой другой писатель того времени, чем заложил основы ортодоксии для последующих поколений.

Последующие христианские писатели, признанные в святые, уважали его как авторитетного писателя, он был популярен в Церкви в свое время, и он умер как исповедник в общении с Церковью. Манлио Симонетти утверждал, что мысль Оригена была продуктом уникального

2 Joseph Trigg *The Early Church Fathers. Origen.* - University of Durham, 1998. P. 62.

3 Творения святого Григория Чудотворца, епископа Неокесарийского. Петроград: Типография М. Меркушева, 1916. – С. 53-56.

4 Joseph Trigg *The Early Church Fathers. Origen.* - University of Durham, 1998. P. 62.

5 Святитель Григорий Нисский. Бесконечность Бога и бесконечный путь к Нему человека. – Киев: Изд. Дух і Літера, 2012. <https://azbyka.ru>.

6 Joseph Trigg *The Early Church Fathers. Origen.* University of Durham, 1998. - P. 63.

7 Блаженный Иероним Стридонский библеист, экзегет, теолог – М.: Центр библейско-патрологический исследований, 2010. - 224 с. https://azbyka.ru/otechnik/Aleksej-Fokin/blazhennyj-ieronim-stridonskij-bibleist-ekzeget-teolog/1_6

периода, раннего в организационной эволюции церкви, в который была возможна относительно большая интеллектуальная свобода⁸.

Современные проблемы в области изучения личности Оригена продолжают значительной степени волновать исследователей. Существует несколько позиций касательно его вклада в изучение древних христианских текстов. Между сторонниками различных позиций, которые более или менее непрерывно оспаривались с тех пор, как Иероним и Руфинус давали оценку трудам Оригена. Некоторые ученые поддержали то, что Бернер определил как «систематическую» интерпретацию. Они сторонники этой позиции следуют за самыми ранними критиками Оригена, утверждая, что он использовал аллегорическое толкование Библии, чтобы привнести платонизм в христианство. По их словам, он рассматривал учение Древней Церкви как эпизод в пространстве более крупной системы философской системы, в которой материальный мир возникает в результате грехопадения разумных существ, и это закончится, когда они воссоединятся с Богом.

Многие исследователи придерживались «несистематической или мистической» интерпретации Оригена. По их словам, он был верным сыном церкви, который (возможно, непреднамеренно) рассуждал о некоторых доктринах, которые позже были отвергнуты на Вселенских соборах. Тем не менее, по их словам, его основной заботой было мистическое общение с Богом, процессу, которому способствовало его описание и толкование Священного Писания⁹.

Еще до Иеронима и Руфина начинают появляться зачатки споров основанных на различном понимании толкований и трудов Оригена. Подобные первые литературные упоминания о спорах об оригенистических идеях относятся к концу III века и IV века. В этот период Мефодий¹⁰ подвергал критике оригенистические взгляды на Воскресение и аллегорическое толкование Священного Писания. Мы видим отражение взглядов Мефодия в работах его современника Евстафия Антиохийского, чьим любимым эпитетом для Оригена было «догматик», что, по-видимому, означает кого-то, кто составил свои собственные доктрины. В то же время Памфил Мученик и Евсевий Кесарийский, имевшие доступ к библиотеке Оригена были его защитниками. Евсевий и Памфил и их труд под заглавием «В защиту Оригена»¹¹, часть которо-

го сохранилась в переводе Руфина Аквилейского, который и знаменит тем, что он переводил труды написанные Оригеном¹². Памфил, как и Мефодий, умер при так называемом «Великом Гонении» 303-312 годов, это был период массовых казней христиан при императоре Диоклетиане. Впоследствии Евсевий завершил эту работу и, сделав Оригена героем своей «Церковной истории», сохранил большую часть того, что мы знаем о его биографии.

На протяжении большей части IV века Оригена уважали, несмотря на сохраняющееся беспокойство по поводу поднятых Мефодием вопросов. Отметим, что святые отцы Церкви вошедшие в «Филокалии» (Добротолюбие) представили его как ортодоксального писателя и толкователя Священных Писаний, а также защитника свободы воли, при этом оставив в стороне его взгляды на сотворение мира и эсхатологию. А вот Василий Кесарийский косвенно, но все же отверг толкование Оригеном начальных глав Книги Бытия, в то время как Диодор Тарский и Феодор Мопсуестийский, лидеры зарождающейся антиохийской школы, занимающейся толкованием Писания, более открыто подверг критике принципы толкования, которые использовал Ориген. Предположим, что в следствии этого произошла замена в некоторых слова «аллегория» (allêgoria) на слово «созерцанием» (theôria) даже со стороны таких авторов, как Григорий Нисский, чье «созерцание» неотлично от «аллегории» Оригена¹³.

В последнее десятилетие IV века Епифаний Саламинский положил начало тому, что стало известно, как «первый оригенистический спор». В результате нападков на Оригена, который невольно стал источником некоторых заблуждений в арианской ереси, а также стали очевидны еретических взгляды в труде Оригена «О началах» на творение и эсхатологию. Это был спор, в котором Иероним и Руфин стали для западного христианства представителями противоборствующих сторон. В их ссоре из-за перевода «О началах» (Περὶ ἀρχῶν), Иероним обвинил Руфина с полным основанием обвинил в преднамеренном смягчении еретических высказываний Оригена, которые являлись не приемлемыми для современных стандартов ортодоксии (и он, Иероним, в свою очередь намеренно на них акцентировал внимание). Усугубленный скрытой напряженностью, особенно внутри египетского христианства, а также личным соперничеством и враждебностью этих двух представителей христианско-

8 Joseph Trigg The Early Church Fathers. Origen. University of Durham, 1998. - P. 66.

9 Joseph Trigg The Early Church Fathers. Origen. - University of Durham, 1998. - P. 65.

10 Святой Мефодий - епископ и мученик, отец церкви III-го века. СПб: И.Л. Тузов, 1905. - 288 с. https://azbyka.ru/otechnik/Evgraf_Lovyagin/svjatoj-mefodij-episkop-i-muchenik-otets-tserkvi-3-go-veka/#0_106

11 Photius. Myriobiblion, 118. PG. 103. Col. 395-400.

12 Каппадокийская школа в истории христианской мысли The cappadocian school. Москва: Изд-во Московского ун-та, 2012.

13 Joseph Trigg The Early Church Fathers. Origen. University of Durham, 1998. P. 65.

го богословия, этот спор навсегда подорвал репутацию Оригена.

В VI веке начинается новый всплеск интереса к Оригену как раннехристианскому автору. Это был так называемый «второй оригенистский спор», который нанес его писательскому авторитету еще больший ущерб. Император Юстиниан возродил и усилил обвинения Епифания в его письме к Менасу в 543 году, осуждение, по видимому, поддержанное Пятым Вселенским собором в 553 году (по иронии судьбы, в трехсотлетнюю годовщину смерти Оригена в результате пыток при Деции).

По итогам данных событий император Юстиниан приказал уничтожить книги Оригена вместе с книгами двух других богословов придерживающихся его взглядов – Дидима Слепого и Евагрия Понтийского. Юстиниан преследовал политические цели и поэтому не имел сочувствия к достижениям Оригена и его прошлому авторитету, даже не прилагались усилия в сложившихся условиях распространения ереси, подлинного понимания Оригена. Стоит отметить, что остается открытым вопрос, в какой степени в оригенистических спорах взгляды других людей действительно приписывались Оригену. По крайней мере, некоторые взгляды Оригена, представленные как результаты рациональных исследований имели явное подражание его трудам, но при этом приписывались ему как доктринальные утверждения.

Такие спорные моменты были и у Евагрия Понтийского, который придерживался многих взглядов Оригена, но выдвигал их без рационального обоснования как информацию, предназначенную для ученых мужей, разбирающихся в ортодоксальной доктрине и сильных в вере. Такой стиль изложения также часто встречается у Климента Александрийского¹⁴.

В последствии осуждение Оригена императором Юстинианом не получило настолько большого веса в Западной христианской Церкви, в отличии от Восточной Церкви, так что там по-прежнему Ориген, оставался уважаемым и авторитетным писателем и переводчиком Священного Писания. И нам представляется возможным сделать вывод, что в западном христианстве это уважительное отношение сохранилось на протяжении всего средневековья. Даже в эпоху Возрождения интерес к работам Оригена увеличился, включая критические издания его работ. Его идеи оказали глубокое влияние на многих гуманистов-реформаторов, но оказались непривлекательными ни для католиков, ни для протестантской ортодоксии, возникшей в эпоху реформ. Вообще говоря, Ориген продолжает быть интересен научному сообществу как древний христианский писатель, переводчик и толкователь Писания. Сегодня современная наука гуманно и с большим уважением относится к наследию Оригена.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фроловский В.Г. Византийские Отцы V-VIII веков. Париж, 1933. Т. 2.
2. Photius. Myriobiblion, 118 // PG. 103. Col. 395-400.
3. Каппадокийская школа в истории христианской мысли. The cappadocian school. – М.: «Изд-во Московского ун-та», 2012.
4. Joseph Trigg The Early Church Fathers. Origen. «University of Durham», 1998.
5. Святой Мефодий - епископ и мученик, отец церкви III-го века. СПб: «И.Л. Тузов», 1905. 288 с. https://azbyka.ru/otechnik/Evgraf_Lovyagin/svjatoj-mefodij-episkop-i-muchenik-otets-tserkvi-3-go-veka/#0_106
6. Блаженный Иероним Стридонский библиист, экзегет, теолог. М.: «Центр библейско-патрологических исслед.», 2010. 224 с. https://azbyka.ru/otechnik/Aleksej-Fokin/blazhennyj-ieronim-stridonskij-bibleist-ekzeget-teolog/1_6
7. Святитель Григорий Нисский. Бесконечность Бога и бесконечный путь к Нему человека. Киев: «Изд. Дух і Літера», 2012. <https://azbyka.ru>.
8. Творения святого Григория Чудотворца, епископа Неокесарийского. Пер. проф. Николая Сагарды. Петроград: «Типография М. Меркушева», 1916. С. 53-56.

© Стржалковская Анастасия Дмитриевна (Strzhalkovskaya@yandex.ru), Фуникова Светлана Васильевна (funikova@bsu.edu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

14 Фроловский В.Г. Византийские Отцы V-VIII веков. Париж, 1933. Т. 2.

ВКЛАД ОСОАВИАХИМ СЕВЕРО-ОСЕТИНСКОЙ АССР В ДОСТИЖЕНИЕ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

THE CONTRIBUTION OF OSOAVIAKHIM OF THE NORTH OSSETIAN ASSR TO ACHIEVEMENT OF THE VICTORY IN THE GREAT PATRIOTIC WAR

**G. Tuskaeva
A. Tsarikaev**

Summary: The article reflects the activities of the Central Council of the Society for the Promotion of Defense and Aviation and Chemical Construction (Osoaviakhim) of the North Ossetian Autonomous Soviet Socialist Republic during the Great Patriotic War. Strengthening the country's defense capability and assisting the Red Army by training combat reserves has become a priority task of this public organization in military conditions. Based on the analysis of the materials of the Central Council of the Osoaviakhim North Ossetian ASSR, stored in the State Archive of the Modern History of the Republic North Ossetia-Alania, the features of the organization's activities are revealed.

Keywords: The Great Patriotic War, military-patriotic education, military-trained mobilization reserve, mass defense work, Vsevobuch, Osoaviakhim, air defense, chemical protection, mine clearance.

Тускаева Гуара Батразовна

кандидат исторических наук, доцент, Северо-Осетинская государственная медицинская академия,
(г. Владикавказ)

guara.tuskaeva@yandex.ru

Царикаев Алан Тахирович

кандидат исторических наук, доцент, Северо-Осетинский государственный университет
им. К.Л. Хетагурова (г. Владикавказ);
старший научный сотрудник, Институт истории и
археологии Республики Северная Осетия-Алания
(г. Владикавказ)

tsarikaev.a.t@yandex.ru

Аннотация: В статье отражена деятельность Центрального Совета, подразделений и первичных ячеек Общества содействия обороне и авиационно-химическому строительству (Осоавиахим) Северо-Осетинской Автономной Советской Социалистической республики в годы Великой Отечественной войны. Укрепление обороноспособности страны и оказание содействия Красной Армии путем подготовки боевых резервов стало приоритетной задачей данной общественной организации в военных условиях. На основе анализа материалов фонда Центрального Совета Осоавиахима СОАССР, хранящихся в Центральном государственном архиве историко-политической документации РСО-Алания раскрываются особенности деятельности организации.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, военно-патриотическое воспитание, военно-обученный мобилизационный резерв, оборонно-массовая работа, Всевобуч, Осоавиахим, противовоздушная оборона, противохимическая защита, разминирование.

В условиях дестабилизации обстановки на международной арене руководство Российской Федерации уделяет большое внимание укреплению обороноспособности государства, в которой важную роль занимает военно-патриотическое воспитание и подготовка к военной службе граждан. Опыт работы советского государства в сфере патриотического воспитания и формирования национального самосознания молодежи, а также в сфере укрепления обороноспособности страны вызывает пристальный интерес современного научного исторического сообщества. Именно поэтому представляется актуальным детальное освещение деятельности массовой добровольной общественной военно-патриотической организации, внесшей существенный вклад в обеспечение должной обороноспособности государства.

Осоавиахим СОАССР был создан в январе 1927 года на основании решения 1-го Пленума Центрального Совета Осоавиахима СССР и исполнительного комитета Северо-Осетинской автономной области. В его функции

входило привлечение населения в ряды общества с целью обучения, пропаганды и распространения военных, военно-технических, авиационных и других знаний. В годы Великой Отечественной войны работа Центрального Совета Осоавиахима СОАССР проходила под руководством Северо-Осетинского обкома ВКП (б) и Совета Народных Комиссаров Северо-Осетинской АССР при активной помощи комсомольских и профсоюзных организаций республики.

В исследуемый период основной целью организации стало содействие укреплению обороноспособности страны путем создания военно-обученного резерва и воспитания населения в духе советского патриотизма. Реализация поставленных задач возлагалась на разветвленную сеть подразделений общества. В период с 1941 по 1945 годы в ведении Центрального Совета Осоавиахима Северо-Осетинской АССР находился стрелковый клуб, автотоклуб, кавалерийский клуб, школа технической связи, школа противовоздушной и противохимической обороны, аэроклуб, отдел военного обучения и

отдел по обучению групп самозащиты.

Накануне войны в январе 1941 г. в республиканских организациях Осоавиахима при различных учреждениях, предприятиях, колхозах и учебных заведениях имелось 646 первичных организаций, включавших 27552 члена общества. К концу 1941 года количество первичных ячеек несколько уменьшилось и составило 637, что было обусловлено, прежде всего, сокращением количества их членов, выбывших по призыву в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии, а также из-за слияния некоторых мелких предприятий. Руководство ЦС Осоавиахима активно привлекало все больше населения в ряды первичных организаций. За период с начала войны по октябрь 1941 года в члены республиканского общества было принято 3738 человек. [2, л.15]

Главным способом пополнения рядов Осоавиахима республики являлась массово-агитационная работа среди населения. Задача военно-патриотического воспитания реализовывалась через систему политзанятий Всеобуча (лекции, доклады, беседы, показ кинофильмов, выставки и прочее) содержательной основой которых являлось воспитание чувства патриотизма и службе Родине на основе обоснования справедливого характера войны Советского Союза и разоблачения идеологии и политики фашизма. Население получало информацию о положении на фронте, говорилось о военно-стратегическом значении обороны города Орджоникидзе и задачах, которые предстояло решить, чтобы дать отпор врагу. [10, с. 76]

Для максимальной эффективности в деле агитационной и практической работы подготовленные бригады Осоавиахима СОАССР выезжали в районы республики. Выездная бригада ЦС Осоавиахим состояла из старшего инструктора ПВХО, инструктора отдела военного обучения и инструктора по организационной работе. Бригада была снабжена необходимым имуществом и пособиями для проведения практических занятий, оказывала конкретную помощь райсоветам и нештатным инструкторам на местах. Помогала проводить военную подготовку, проводила инструктаж и показательные занятия, а также помогала укреплению работы в первичных организациях районов, содействовала увеличению сбора членских взносов. [2, л.20]. В октябре 1941 года за 10 дней командировки, используя различные виды массово-разъяснительной работы (лекции, доклады о положении на фронте и т.п.) бригада привлекла в ряды Осоавиахим 779 человек. [2, л.15].

Основной статьей финансирования фонда общества являлись обязательные членские взносы вступающих в ряды Осоавиахима. Республиканское общество удовлетворительно справлялось с планами сбора взносов. Например, за первые полгода 1942 г. план был выполнен

на 135 %. [2, л.38]. За первое полугодие 1943 года Осоавиахим Орджоникидзевского района выполнил годовой план сбора членских взносов на 62%. [2, л.63]. В целом же по республике членских взносов было собрано 51% к годовому плану. [4, л.26].

Осоавиахим республики принимал активное участие в проводившихся по всей стране государственных заимках для Фонда обороны СССР. К примеру, актив Ленинской районной организации города Орджоникидзе провел подписку на военный заем среди неорганизованного населения на 91250 руб. В Промышленном районе города Орджоникидзе 167 домохозяек — членов общества в течение нескольких месяцев активно участвовали в сборе средств на танковую колонну и в сборе теплых вещей для фронта. [2, л.64].

В условиях начавшейся войны Государственный Комитет Обороны, принял постановление «О всеобщем обязательном обучении военному делу граждан СССР». В кратчайшие сроки были созданы учебные подразделения Всеобуча. Приняты меры по оснащению их учебно-материальной базой, подбору кадров и организации их работы. В населенных пунктах, где не могли набрать достаточное количество обучающихся, организовывались объединенные учебные пункты. В них проводилась практическая подготовка по различным боевым специальностям. [9, с.28]. Практическое обучение населения предполагало подготовку населения без отрыва от основной работы на фабриках, заводах, колхозах и других учреждениях. Все граждане мужского пола в возрасте от 16 до 50 лет обучались практическим навыкам строевой подготовки, владением винтовкой, пулеметом, минометом, ручной гранатой. Особое внимание обращалось также на обучение противохимической защите, рытью окопов, маскировке и т.п.

Военное обучение населения проходило по трем направлениям: подготовка стрелковых кадров, кадров связи и подготовка бойцов-парашютистов по общевойсковым дисциплинам.

В условиях начавшейся войны численность подготавливаемых Ворошиловских стрелков сократилась. Это объяснялось тем, что республиканский Совет Осоавиахима не располагал достаточным количеством боевого оружия и боеприпасов, а также из-за того, что группы и команды военного обучения выбывали из Осоавиахима и пополняли ряды народного ополчения и истребительных батальонов, продолжая обучение в них по программам Ворошиловского стрелка 1 ступени по 110-часовой программе. [2, с.20].

С началом войны в деятельности организации произошли существенные изменения. Увеличилось количество подготавливаемых инструкторов по всеобщему

обучению и противохимической обороне. С момента введения в 1934 году Центральным Советом Осоавиахим спортивно-оборонного комплекса «Готов к противовоздушной и противохимической обороне» и по июль 1941 г. в республике было подготовлено 6828 человек в возрасте от 8 до 60 лет и 231 инструкторов. [2, л.36]. В условиях начавшейся войны такое количество инструкторов считалось недостаточным. В связи с этим ЦС Осоавиахим республики немедленно приступил к выполнению постановления СНК СССР от 2 июля 1941 г. «О всеобщем обязательном обучении населения противовоздушной и противохимической обороне».

Специалисты готовились внештатными инструкторами — членами различных медицинских учреждений, которые активно делились своим опытом. Например, работник санбакинститута товарищ Веленский с июня по октябрь 1941 г. подготовил 98 инструкторов ПВХО. Обучил по всеобщему обучению по ПВХО 100 человек. Студентка мединститута Дзилихова подготовила в Ленинском районе 102 человека. [2, л.19]. К 1 марта 1942 г. в целом по республике было подготовлено 2300 инструктора. [2, л.36].

Накануне вступления врага на территорию республики в октябре 1942 года из 105 тысяч населения республики было обучено по программе ПВХО более 82 тысяч человек. Из них 12200 детей с 8 до 16 лет. Лучших результатов достигли Промышленный, Кировский и Правобережный районы. Наиболее отстающими явились отдаленный от центра Дигорский район и высокогорный Махчешский, а также Дарг-Кохский район. Распространенным видом подготовки к противохимической обороне были походы в противогазах. За 1942 год до вступления врага на территорию республики был осуществлен 21 поход в противогазах. За этот же период для населения республики были зачитаны доклады и лекции о методах противохимической обороны, показано 33 обучающих фильма. [2, л.40].

В подготовке населения республики по ПВХО имелись и серьезные недостатки. Затеречный, Орджоникидзевский, Дарг-Кохский и Алагирский район не обеспечили подготовку населения по противохимической и противовоздушной обороне. [2, л.36об.]. Многие из привлеченных к обучению оказывались недостаточно грамотными и отказывались от посещения курсов. На завершающей стадии обучения во время сдачи зачета обнаруживалась малограмотность прошедших курс обучения. Например, в Дигорском районе из 75 человек 34 не смогли сдать зачеты по ПВХО. Кроме того, многие организации не уделяли достаточного внимания практическому обучению. В результате чего, обучающиеся, освоившие теоретический материал, сталкивались с трудностями на этапе проверки практических знаний. [2, л.17]. Приходилось решать также вопрос нехватки ка-

дров. Для обучения различным боевым специальностям подбирались лица, обладавшие боевым опытом, — прежде всего фронтовики, демобилизованные по состоянию здоровья. [2, л.38].

В связи с началом войны ускоренными темпами обучались пилоты Аэроклуба республики. Дополнительные наборы и досрочная подготовка учащихся летной школы осуществлялась на всем протяжении 1940 и 1941 годов. Основной и дополнительный наборы курсантов оканчивали обучение в среднем на месяц раньше, что позволяло сэкономить значительное количество топлива и других средств. При этом обучающиеся показывали неплохие результаты: так, 61% учлетов дополнительного набора 1940 года сдали практику на «отлично», остальные на «хорошо»; из основного набора отличные оценки по полетам получили 57% обучающихся, по теории - 70%; среди учлетов дополнительного набора 1941 года 46% обучающихся сдали практику на «отлично». [3, л.87].

Пилоты, окончившие курсы, направлялись в военные училища для окончательного усвоения навыков полета на боевых самолетах. Однако у практики дополнительного набора курсантов были и свои недостатки. Многие курсанты дополнительного набора 1941 года так и не окончили свое обучение из-за страха полетов и покинули курсы на стадии практических полетов. [2, л.21]. Когда линия фронта вплотную приблизилась к границам республики Аэроклуб пришлось ликвидировать, а материальную часть и запчасти клуба передать воинским частям. Оставшееся же имущество было уничтожено во время пожара на аэродроме. [2, л.73].

Стрелковый клуб республики продолжил подготовку бойцов-парашютистов. С начала войны по октябрь было подготовлено 14 бойцов, призванных в действующую армию. С октября 1941 года количество обучавшихся бойцов парашютистов значительно выросло — до 80 человек. [2, л.19]. С января по октябрь 1942 года стрелковый клуб подготовил 1000 юных Ворошиловских стрелков, 5000 Ворошиловских стрелков 1 ступени, 177 человек — ручных пулеметчиков, 72 автоматчика, 40 снайперов. [2, л.41].

Военным обучением граждан занимался также Клуб технической связи. В нем обучали телефонистов-линейщиков, радиистов-операторов. В связи с военным временем программа клуба несколько изменилась. Согласно новому указанию следовало начать подготовку слушателей-операторов. Для этого клуб оснащался необходимой материальной базой. В рамках военного обучения готовились также кавалеристы, велосипедисты, мотоциклисты. [2, л.41]. К моменту, когда враг оказался на подступах к г. Орджоникидзе, клуб подготовил 15 радиооператоров и 15 связистов-телефонистов. [2, л.52].

Основным начальным звеном системы противовоздушной обороны в годы войны являлись группы самозащиты. К 1 марта 1942 г. в республике было обучено 369 человек – начальников групп самозащиты. Были подготовлены 130 групп самозащиты - в общей сложности 113089 человек, предстояло еще обучить 155156 человек в 161 группах. [2, л.36].

Во время оккупации некоторых районов республики и в обстановке приближения фронта к границам Орджоникидзе работа Центрального совета и первичных организаций республиканского общества содействия обороне и авиационно-химическому строительству была значительно перестроена. Существенно улучшилась организационная работа. От формализма, который присутствовал в организационной работе первичных ячеек в 1941 году, произошел переход к более плодотворной работе. Только за 8 месяцев 1942 года было создано 84 первичных организаций против 21 за весь 1941 год. Среди первичных организаций было развернуто соцсоревнование. [2, л.38].

Центральный Совет Осоавиахима был также ответственным за материальное обеспечение партизанских отрядов и народного ополчения, сформированного в условиях осадного положения г. Орджоникидзе. ЦС полностью снабдил и обеспечил их вооружением, обмундированием и боеприпасами. Первый батальон 2-го полка Народного ополчения был полностью сформирован и вооружен силами Центрального Совета Осоавиахима. [2, л.52]. Однако к середине октября 1942 года, когда г. Орджоникидзе оказался в осадном положении, обучение по военным специальностям в нем прекратилось. Все население, способное носить оружие, было привлечено к защите города. Мужской состав аппарата Центрального Совета Осоавиахима пополнил ряды народного ополчения и партизанских отрядов. Здесь им отводились должности командующих батальонами, ротами и взводами. Так, например, председатель ЦС товарищ Кесаев находился в должности заместителя командира батальона по политической части, инструктор отдела военного обучения товарищ Лысенко стал заместителем командира роты, начальник отдела военного обучения Звягинцев стал командиром роты, председатель Садонского райсовета Осоавиахима товарищ Неньков – в партизанском отряде. Перед ними стояли задачи немедленного развертывания боевой учебы в своих подразделениях, формирования из них боевых единиц для защиты города. [2, л.41].

На территории СОАССР в районе Орджоникидзе располагался оборудованный столовыми, складами и сараями лагерьный штурмовой городок с пропускной способностью в 200 человек. В нем на кратковременный отдых останавливались проходящие войсковые части. С приближением фронта лесоматериал, из которого были

построены сооружения городка, было решено использовать в возведении сооружений для оборонительной полосы и в качестве топлива. [2, л.72об]. В строительстве оборонительных сооружений в г. Орджоникидзе были задействованы обученные ранее группы самозащиты. Важную работу проводили члены групп самозащиты в условиях осады и бомбежки города Орджоникидзе, проявляя мужество и часто жертвуя собственными жизнями. Они участвовали в ликвидации последствий бомбардировки города. Например, 16 групп самозащиты Промышленного района города оказали помощь 29 раненым во время бомбежки и спасли из-под завалов 11 человек. [2, л.40]. Бойцы звена Голубцовой оказывали необходимую помощь бойцам, раненым от разрывов бомб. Осколками бомб были убиты и сами бойцы звена – Найденова и Федорова. Члены групп самозащиты извлекали людей из под обвалов, оказывая на месте необходимую медицинскую помощь. В Промышленном районе группой самозащиты под руководством т. Колесниковой и Одинаец извлечены из-под обвала 8 человек, товарищи Хугаль и Гаврилова руководили группой при раскопке по улицам Суворовская и Серобабова. Вишневкина, Кокалова и Глуценко руководили раскопками спасением пострадавших по ул. Маркуса и Августовских событий. Из-под обвалов им удалось спасти 6 человек, к сожалению, 28 человек они нашли погибшими. Группой самозащиты под руководством тов. Сильченко, работавшей по улицам Кагановича, Августовских Событий, Маркуса и др. извлечено из подвалов 22 человек, 11 человек получили медицинскую помощь. Особо отличились товарищи Марзаев Ш. и Краснолуцкая А. и Арутинян Дарья. Командир пожарного звена группы самозащиты Смирлина, руководя группой по адресу улица Маркова, дом 82, оказала медицинскую помощь 13 нуждающимся, из них 11 человек — бойцы Красной Армии. Группа также потушила пожар по улице Маркова, 67. Бордакова Мария сделала 4 перевязки раненым, Федосеева К. оказала медицинскую помощь двум красноармейцам и активно работала на раскопках по улицам Маркуса и Тамаева. В оказании медицинской помощи и раскопках завалов хорошо работали группы самозащиты Гряновой и Пимановой, где отличилась командир санитарного звена Яковлева. Надя Бобина с матерью полностью обслужила медицинскую помощью и надзором 11 раненых бойцов, оставленных у них во время бомбежки. Все перечисленные товарищи получили благодарность от Горштаба местной противовоздушной обороны. [2, л.69].

В период боев на подступах к Орджоникидзе группы самозащиты Затеречного района также проявили исключительную стойкость и самоотверженность в оказании своевременной первой доврачебной помощи, в раскопке завалов, тушении пожаров и т.п. За проявленное мужество и самоотверженность боец формирований местной противовоздушной обороны товарищ Абаев был награжден грамотой Президиума Верховного Сове-

та СОАССР, еще 7 бойцам формирований МПВО вынесена благодарность горштабом МПВО. [1, с.62].

Районы республики, в которые вторгся враг, оказались отрезаны от остальной части республики. Работа первичных организаций Осоавиахим в них была остановлена. Имущество и помещения районных организаций в оккупированных районах и районах боевых действий было разграблено или уничтожено в ходе боев или от попадания в них снарядов. К примеру, в Дигорском районе, где помещение Райсовета сохранилось, имущество было разграблено и уничтожено немцами. Бумажная документация была сожжена работниками районной организации. Председатели и инструкторы первичных ячеек общества были эвакуированы или частично призваны в Красную Армию. [2, л.61].

После изгнания врага с территории республики в Центральном совете осталось работать лишь 10 человек. Из 14 Райсоветов Осоавиахима сохранились только Ленинский, Промышленный и Затеречный. Восстановление Райсоветов началось с января 1943 г. К 10 апреля аппарат Центрального Совета был частично укомплектован кадрами. Из 38 принятых на работу 18 человек были демобилизованные инвалиды войны. За первый квартал 1943 года были восстановлены 12 райсоветов Осоавиахима с оргбюро, а также 255 первичных организаций с 8838 членами. По квартальному плану было собрано 80,6 % членских взносов. Из фонда ЦС выдана необходимая мебель, литература и учебно-наглядные пособия. [2, л.53].

За первое полугодие 1943 года было восстановлено и вновь создано 517 первичных организаций, с охватом 21831 чел., 85% из которых граждане, ранее не состоявшие в обществе. [4, л.23об]. Передовыми по выполнению плана привлечения в ряды общества в третьем квартале 1943 года была Ленинская городская организация, а также Орджоникидзевская, Ирафская и Кировская районные организации. Правобережная, Гизельдонская и Садонская организации не создали ни одной первичной организации и не приняли за этот период ни одного члена, а Дарг-Кохская районная организация уменьшилась на 19 человек. [5, л.37].

Количество первичных ячеек в школах и колхозах республики оставалось недостаточным. Лишь 56% всех школ и 71,3% колхозов республики имели первичные ячейки Осоавиахима. [5, л.37об.].

С этими явлениями ЦС приходилось бороться различными методами. Так, к примеру, при Садонском райсовете было создано специальное лекторское бюро из 18 человек – работников районного актива. Лекторы с апреля 1943 года приступили к чтению лекций и докладов на оборонные темы в клубах, школах, колхозах

и других организациях. С целью дополнительного мотивирования ЦС Осоавиахим республики возобновил практику социалистических соревнований. В 1943 году социалистические соревнования между райсоветами Осоавиахим стали основным способом привлечения и обучения населения. В начале 1943 года ЦС Осоавиахим СОАССР вызвал на социалистическое соревнование ЦС Осоавиахим Кабардино-Балкарской АССР. Были организованы также соревнования первичных ячеек общества республики между собой на предмет лучшей организации оборонной работы. [2, л.55].

В соревнованиях районных Райсоветов Осоавиахим, проводившихся в 1943 году, первое место занял Ленинский Райсовет, второе — Орджоникидзевский. Благодаря соревнованиям некоторые районы выполнили задания и планы по подготовке населения по нормам ПВХО, военному обучению стрелковых кадров и военных специалистов, обеспечили 100 процентный охват сетью первичных организаций учреждений, предприятий, колхозов и перевыполнили план сбора членских взносов. [7, л.5об.]. В феврале 1943 года в зимнем комсомольско-профсоюзном кроссе приняли участие команды Ленинского, Промышленного, Затеречного, Правобережного, Ардонского райсоветов Осоавиахим. [2, л.54].

Для улучшения работы первичных ячеек был организован обмен опытом. К примеру, председатель отставшей первичной организации колхоза «Крестьянская газета» селения Нарт товарищ Дулаев ознакомился с работой передовой первичной организации колхоза «Политотделец» станицы Архонская и применил ее методы работы в своей организации. В числе передовых первичных ячеек общества в первом полугодии 1943 года оказалась организация Фруктоварочного завода Ленинского района г. Орджоникидзе. Членами этой первичной ячейки Осоавиахима являлись 82% рабочих и служащих завода, с них были собраны членские взносы за год. С марта по июнь было проведено 4 собрания ячейки, прочитано 6 лекций, обучено стрелковому делу 40 человек, по нормам ПВХО подготовлено 33 и обучалось 55 рабочих и служащих. Еще более высокие результаты показала первичная ячейка индустриального техникума. 96% сотрудников и студентов техникума состояли в организации и уплатили взносы. На регулярной основе читались лекции и беседы на оборонные темы. Организация обучила 95 человек нормам ПВХО и 104 человека стрелковому делу. [2, л.63].

План сбора членских взносов за 9 месяцев 1943 года был также выполнен лишь на 72,9 %. Ардонский, Ирафский, Ленинский Райсоветы перевыполнили план. Отстающими оказались Садонский, Затеречный, Алагирский, Правобережный, Промышленный, Дигорский и Гизельдонский Райсоветы. Председатели вышеперечисленных райсоветов обязались до конца года выполнить план по

сбору членских взносов. За ходом сбора взносов устанавливался строгий контроль со стороны заместителя председателя ЦС Осоавиахима товарища Родзевича и ответственной за финансовую часть товарища Бородкиной. [5, л.37об.].

Приступила к работе школа связи и школа ПВХО, в которой обучалось 40 начальных групп самозащиты. Были организованы выставки по ПВХО. В освобожденные районы направлялись квалифицированные кадры для оказания практической помощи в налаживании работы местных первичных ячеек. За первый квартал 1943 года были подготовлены 11 инструкторов ПВХО, 21 командир звеньев газозубежищ, группа командиров смотровых звеньев из 29 человек. В городе Орджоникидзе для обучения детей школьного возраста привлекались учителя школ. [2, л.58].

С февраля 1943 г. ЦС начал военную подготовку трудящихся. Был восстановлен стрелковый клуб, школа связи, организован автомотоклуб. Часть сельских райсоветов, лишившаяся после оккупации имущества, вновь снабжалась оружием, пособиями и литературой. Имущество городских райсоветов, эвакуированное на время осадного положения в с. Ларс, после освобождения было привезено обратно. [2, л.55].

В стрелковом клубе возобновлялась подготовка бойцов на звание Юных Ворошиловских стрелков, Ворошиловских стрелков 1 ступени, ручных пулеметчиков, женщин стрелков. По 110 часовой программе проходили общевоинскую подготовку автоматчики и минометчики. В школе связи возобновлялась подготовка группы радистов-операторов и телефонистов из 50 человек. [2, л.58]. В 1943 г. Осоавиахим СОАССР по поручению ЦС Осоавиахима СССР от 26 марта 1943 г. приступил к обучению 6300 стрелков, 565 автоматчиков, 30 снайперов, 425 минометчиков, 435 пулеметчиков, 320 истребителей танков, 100 радио-операторов, 100 телефонистов, 80 бойцов-водителей, 90 мотоциклистов, 150 велосипедистов.

В этот период в некоторых районах республики обнажились проблемы в работе Райсоветов. В отчете ЦС Осоавиахима отмечалось, что в Дарг-Кохском, Ирафском, Алагирском районах заседания проводились нерегулярно, большинство членов оргбюро в практической работе не участвовали и намеченные в плане мероприятия проводились в жизнь неполностью. Контроль за выполнением первичными организациями директив и решений Райсовета осуществлялся слабо. Это отчасти объяснялось недостаточной подготовленностью кадрового состава общества, впервые столкнувшегося с работой в Осоавиахиме. [2, л.62]. Нехватка квалифицированных кадров в районных организациях, обусловленная мобилизацией прежнего штатного инструкторского состава в ряды

РККА, а также в связи с эвакуацией, негативно сказалась на военном обучении граждан. Например, в Затеречном районе за первое полугодие 1943 года сменилось три председателя Райсовета. [2, л.67]. Возобновление военного обучения в первом квартале 1943 года задерживалось в нескольких районах республики – Алагирском, Даргкохском, Махчешском. [2, л.56].

С подобными явлениями ЦС Осоавиахим активно боролся. С целью налаживания работы в районы республики направлялись бригады инструкторов ПВХО. [2, л.59]. Так к концу 1-го полугодия 1943 г. в учебно-строевые подразделения было привлечено 62 коминструктора по военному обучению, 90% из которых – инвалиды, вернувшиеся с фронта. Однако с возложенной на них работой по военному обучению, они справлялись слабо, из-за отсутствия опыта подобной работы. Для повышения военных знаний и учебно-методических навыков нового кадрового состава были организованы командирские занятия по тактике, огневой подготовке, по ПВХО, по саперной работе, по топографии, по устройству винтовок. Инструкторы — инвалиды войны активно привлекались к работе в школе технической связи, автомотоклубе, стрелковом клубе. [2, л.71об.].

Существенным препятствием в восстановлении работы организация явилось отсутствие или нехватка необходимой материальной базы. Так, например, автомотоклуб столкнулся с проблемой на стадии практического обучения бойцов-водителей из-за отсутствия исправного автомобиля. [2, л.56]. Существовавший в Дигорском районе кавалерийский клуб в августе 1942 года по решению Орджоникидзевского Комитета Обороны был временно реорганизован. Переданные истребительному батальону лошади и имущество оказались безвозвратно утраченными. [4, л.23.об.]. В июне 1943 года отдел Военного обучения при Орджоникидзевском Райсовете Осоавиахима приступил к восстановлению клуба. Колхозы республики предоставляли лошадей, собирали необходимое имущество и снаряжение для восстановления работы клуба. [2, л.72]. Из-за отсутствия нужного количества литературы, учебно-наглядных материалов и пособий большие затруднения возникали и в работе по ПВХО. [2, л.59].

К весне 1943 г. центральный совет Осоавиахима республики развернул активную агитационно-массовую работу. На основе докладов, лекций, бесед и выступлений по радио и в печати к марту 1943 г. удалось восстановить 11 райсоветов и первичных организаций. [2, л.61]. За 1943 г. было прочитано лекций и докладов в общей сложности 945 с охватом слушателей 9551 чел. В 1943 год 117 раз были продемонстрированы кинофильмы по ПВХО. В общей сложности их посмотрели 19667 человек. [2, л.97].

Возобновлялась практика проведения массовых мероприятий — социалистических соревнований, военизированных походов, стрелковых соревнований, тактических учений, кроссов. [2, л.62].

В феврале 1943 года в честь 25-й годовщины Красной Армии и Военно-Морского флота райсоветы Осоавиахима обязывались оказать всемерную помощь комсомольским и профсоюзным организациям в подготовке и проведении профсоюзно-комсомольского лыжного кросса. [1, л.71]. Ленинский, Промышленный, Затеречный, Правобережный, Ардонский и Орджоникидзевский райсоветы общества приняли активное участие в проводимом комсомольско-профсоюзном кроссе, выставив для участия команды из 780 человек. [2, л.96 об.]. 15 марта на основании решения оборонного актива республики на соревнование был вызван ЦС Осоавиахима Кабардино-Балкарской АССР. Объявлялись социалистические соревнования между райсоветами и первичными организациями республики. [2, л.62].

В 1944 году на 10-ых Всесоюзных соревнованиях по противовоздушной и противохимической обороне республиканская организация Осоавиахим заняла первое место среди автономных республик и получила переходящее Красное Знамя ЦС Осоавиахим СССР и денежную премию. [6, л.9]. Затеречный райсовет Осоавиахима, занявший по показателям первое место, награждался премией 3 тысячи рублей, Ленинскому райсовету, занявшему второе место, вручалась премия размером 2 тысячи рублей. Лучшие работники Воронцова Н.В., Кожемякина М.М. и Котломина Н.Л. были удостоены высшей награды Осоавиахим «За активную оборонную работу». [7, л.9об.].

Работа по созданию новых первичных ячеек общества, принятию в члены общества активно продолжалась и в 1944-1945 гг. К 1944 году удалось значительно увеличить число первичных организаций и довести их до 620 с общим количеством членов в 27924 человека. [2, л.96]. Так, за 1945 год в республике было создано 80 новых первичных организаций, принято 7681 новых членов общества. Более 500 первичных организаций были организационно укреплены и хорошо справлялись с выполнением годового задания. В 6-ти районах республики сеть первичных организаций были охвачены все коллективы организаций и предприятий. Было перевыполнено годовое задание по членским взносам.

Задания по подготовке и переподготовке по ПВХО, а также подготовке стрелковых кадров было также выполнено с превышением. Продолжалось проведение агитационно-массовых мероприятий – чтение лекций, докладов, беседы, походы и тренировки. В 5679 мероприятиях подобного рода участвовало 263005 человек. Однако в работе некоторых райсоветов, преимущественно в тех, где ранее шли боевые действия, или бывших оккупированных районах, все еще имелись недостатки, которые Центральный Совет стремился ликвидировать. [8, л.1]. К привычным темам массово-разъяснительной работы добавились вопросы о мерах предосторожности при обнаружении потенциально опасных взрывных предметов. Такого рода беседы проводились среди широкого круга граждан и, особенно, среди школьников.

Одним из важнейших направлений в деятельности Осоавиахима республики с 1944 по 1945 гг. стало разминирование территории республики. ЦС Осоавиахим начал активную работу по проверке на предмет наличия взрывоопасных предметов на земельных участках, которые предстояло обрабатывались впервые после военных действий. [8, л.2]. В ходе этих работ наиболее опасным было дело по обезвреживанию мин, обнаруженных в ящиках. Чтобы научиться обращаться с такими минами, в Москву на обучение была отправлена группа саперов. Через несколько месяцев группа вернулась и приступила к работе, значительно сократив время разминирования и выполнив задание досрочно. За мужество и храбрость три юных минера были награждены медалью «За отвагу», 7 человек — знаками «Отличный минер», около 200 человек – грамотами Центрального совета Осоавиахима и денежными премиями. За этот период было очищено от боеприпасов более 10 тысяч гектаров полей, уничтожено свыше 81 тыс. мин, снарядов и других боеприпасов. [9, с.40].

Несмотря на недостатки в работе, Осоавиахим Северной Осетии внес свой неоценимый вклад в разгром гитлеровской армии. Развернувшаяся в республике широкая система подготовки населения, и военных специалистов, обеспечила фронт и тыл физически и морально подготовленным резервом. Проявленные в реальной боевой обстановке мужество и самоотверженность подготовленного резерва, свидетельствовали о патриотизме и готовности граждан служить до конца интересам Родины.

ЛИТЕРАТУРА

1. Городские партийно-государственные органы управления в годы Великой Отечественной войны (на материалах г. Орджоникидзе/ Владикавказ): документы и материалы. В 3-х тт. Т.3. Январь-октябрь 1943 г./ авторы-сост.: Л.Ч. Хаблиева, У.Ш. Тедеева, Г.Б. Тускаева. Владикавказ, 2022. 296с.
2. Государственный архив новейшей истории Республики Северная Осетия-Алания (далее - ГАНИ РСО-А) Ф.Р. 827. Оп.1. Д.2
3. ЦГА ИГД РСО-А. Ф.Р. 827. Оп.1. Д.4

4. ЦГА ИПД РСО-А. Ф.Р. 827. Оп.1.Д.5
5. ЦГА ИПД РСО-А. Ф.Р. 827. Оп.1.Д.6
6. ЦГА ИПД РСО-А. Ф.Р. 827. Оп.1.Д.8
7. ЦГА ИПД РСО-А. Ф.Р. 827. Оп.1.Д.9
8. ЦГА ИПД РСО-А. Ф.Р. 827. Оп.1 Д.12
9. Таутиев К.У., Донченко А.П. Во благо Отечества: История Северо-Осетинской организации РОСТО (ДОСААФ). Владикавказ, 2009. 296 С.
10. Хаблиева Л.Ч., Кучиева З.А. Идеологическая и агитационно-пропагандистская работа на Северном Кавказе в годы Великой Отечественной войны З.А. Перспективы науки. 2014. № 12 (63).

© Тускаева Гуара Батразовна (guara.tuskaeva@yandex.ru), Царикаев Алан Тахирович (tsarikaev.a.t@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Северо-Осетинская государственная медицинская академия

СОДОВОЕ ПРОИЗВОДСТВО В РОССИИ К НАЧАЛУ XX СТОЛЕТИЯ: ОБЩИЙ ОБЗОР

Фан-Юнг Герман Юрьевич

кандидат исторических наук, доцент, Поволжский
государственный университет физической культуры,
спорта и туризма, г. Казань
ger-fan-yung@yandex.ru

SODA PRODUCTION IN RUSSIA BY THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY: A GENERAL OVERVIEW

G. Fan-Yung

Summary: This article is devoted to the state of domestic soda production by 1901. The main methods of production, its volume and significance are described. An objective relationship between the state of soda production and the level of development of the chemical industry of the national industry is presented. It is concluded that the study of the state of a separate advanced and knowledge-intensive industry operating in a market economy allows us to draw certain conclusions about the general level of development of industrial production in a particular country.

In our work, we used universal methods of scientific knowledge, the most important principles of historical knowledge and special methods of historical research. This allowed a critical analysis of published and unpublished sources; adequately assess the state of sulfuric acid production by the beginning of the 20th century, identify similar signs of homogeneous processes, etc.

All this led to the logical conclusion that soda production, as well as sulfuric acid production, together, in the industrial era, determined the level of development of the entire chemical industry, which, in turn, indicated the degree of industrialization of a particular country or a single territory.

Keywords: potash, industrial revolution, pre-revolutionary chemical industry, soda production, P.P. Fedotiev, D.I. Leshchenko, Berezniki soda plant of the company "Lubimov and Solve", innovative chemical production of the industrial era.

Аннотация: Эта статья посвящена состоянию отечественного содового производства к 1901 году. Перечислены основные методы производства, его объёмы и значение. Представлена объективная взаимосвязь между состоянием содового производства и уровнем развития химической отрасли национальной промышленности. Сделан вывод о том, что изучение состояния отдельной передовой и наукоёмкой отрасли, функционирующей в условиях рыночной экономики, позволяет сделать определённые заключения об общем уровне развития промышленного производства в конкретной стране. В работе нами использованы универсальные приёмы формальной логики, важнейшие принципы исторического познания и специальные методы исторических исследований. Это позволило произвести критический анализ опубликованных и неопубликованных источников; адекватно оценить состояние сернокислотного производства к началу XX столетия, выявить схожие признаки однородных процессов и т.д.

Всё это обусловило закономерный вывод о том, что содовое производство, как и производство сернокислотное, в совокупности, в индустриальную эпоху определяли уровень развития всей химической отрасли, которая, в свою очередь, указывала на степень индустриализации конкретной страны или отдельно взятой территории.

Ключевые слова: поташ, индустриальная революция, дореволюционная химическая промышленность, производство соды, П.П. Федотьев, Д.И. Лещенко, Березниковский содовый завод фирмы «Любимов и Сольвэ», инновационные химические производства индустриальной эпохи.

Следует констатировать, что отнюдь не риторический, но весьма значимый вопрос об уровне экономического и социального развития России к началу XX века до сих пор остаётся открытым. И актуальность этого вопроса, и объективная потребность в строго научном ответе на него, по нашему мнению, не исчезает с течением времени, но только возрастает. Ибо, даже на исходе I четверти XXI столетия отечественная историческая наука не имеет деидеологизированной научной концепции, способной раскрыть не только глубинные причины грандиозных социальных катаклизмов XX столетия, но и доказать (или опровергнуть) неизбежность этих потрясений.

До сих пор активно используются весьма архаичные догматы о, якобы, «неизбежности пролетарской революции», непрерывном «назревании революцион-

ной ситуации», об «ужасах капиталистической эксплуатации», о достижении русским капитализмом своей «высшей и последней стадии» — империализма, якобы, уже к началу Первой Русской революции [1;67]. Очевидно, что все эти мифологемы сводятся к алогичному тезису о «неизбежном» ухудшении положения рабочего класса в связи с дальнейшим развитием капитализма. Именно это утверждение выступает базисом сомнительного вывода о «неотвратимости» пролетарской революции.

Набор подобных идеологем не может быть признан в качестве полноценной научной теории по причине того, что он не соответствует действительности и противоречит научным представлениям о сущности рыночной экономики. Еще в конце XIX века выдающийся экономист М.И. Туган-Барановский задавался вопросом о том, приводит ли неизбежно «... капитализм ... к обнищанию

народной массы ...» [2;335]? И сам же ответил на него: «Действительно, опыт всех капиталистических стран, так же как и теория, показывает, что *первые стадии* (выделено М.И. Туган-Барановским — Прим. Г.Ю. Фан-Юнга) развития капиталистического производства сопровождаются ухудшением положения трудящегося класса. То же происходило и у нас. История идёт не по розам. Но тот же опыт, равно как и теория, не менее убедительно говорят, что единственное средство улучшить положение рабочего заключается в *дальнейшем развитии капиталистического производства* (выделено М.И. Туган-Барановским — Прим. Г.Ю. Фан-Юнга). Англия пережила тяжёлый кризис в эпоху борьбы машинного и ручного производства, но когда переходный период кончился, и машина победила в важнейших отраслях труда, когда кустары перестали конкурировать с фабрикой нищенской заработной платой, тогда и положение рабочего класса стало улучшаться» [2;335—336]. Более того, ссылаясь на предисловие к 1-му изданию «Капитала», М.И. Туган-Барановский приводит слова К. Маркса о том, что жители континентальной Европы страдают «... не только от развития капиталистического производства, но и от недостаточности такого развития» [2;336]. Все это позволило М.И. Туган-Барановскому сделать закономерный вывод о том, что «единственное спасение от всех зол капитализма заключается в его дальнейшем развитии» [2;336].

К аналогичным выводам пришел и великий русский учёный Д.И. Менделеев [3;180,181,183]. Будучи не только великим учёным-теоретиком, но и химиком-практиком, он часто бывал на заводах, выполняя различные частные и государственные заказы. Д.И. Менделеев интересовался жизнью и бытом рабочих и служащих химических предприятий, посещал всемирные промышленные выставки, прекрасно ориентировался в сложных вопросах промышленной статистики. В целом, это был один из крупнейших специалистов в сфере теории и практики промышленного производства не только России, но и передовых стран мира, который пришел к выводу, что одними политическими мерами, включая войны и революции, нельзя поднять народное благосостояние, «... возвысить величину заработков» [3;131].

Отметим, что, и тематика нашей работы, и её объём, к сожалению, не позволяют уделить пристальное внимание критике идеологических мифологем, до сих пор присутствующих в отечественной исторической науке. Однако необходимо уточнить, что сам факт наличия передовых, наукоёмких производств, функционирующих в условиях рыночной экономики и, следовательно, в условиях свободного труда, закономерно приводит к необходимости формирования постоянного кадрового состава работников всех уровней. Это, в свою очередь, определяет не только основные направления социальной политики компании, но и её передовой, по сравнению с отсталыми производствами, характер [5]. Именно

эту мысль и пытались донести до нас оба упомянутых автора.

Следовательно, перед исследователями возникает объективная потребность, во-первых, в изучении отдельных передовых отраслей как совокупности наукоёмких предприятий, т.е. «новейших капиталистических фабрик» [2;7]; во-вторых, в уточнении влияния конкретных наукоёмких производств на динамику социальных отношений в районах их постоянной дислокации; в-третьих, в определении их значения и роли в составе национальной промышленности, функционирующей в объективных реалиях «свободного менового хозяйства» [4;13]. Подобные исследования, на наш взгляд, позволяют максимально объективно оценить уровень развития отечественной промышленности в обозначенный период, и, следовательно, избежать «умозрительных» предположений, лишённых всякой теоретической основы.

К числу упомянутых наукоёмких отраслей, выступающих в качестве «локомотивов» промышленного развития, следует, прежде всего, отнести химическую промышленность. В предисловии к первому выпуску своих «Основ фабрично-заводской промышленности», Д.И. Менделеев отметил неразрывную связь между теоретической химией и её практическим применением на фабриках и заводах [6;предисловие,1]. Еще один выдающийся учёный, академик П.И. Вальден, чётко указал на место и роль химии и химической промышленности в индустриальной революции, назвав девятнадцатое столетие веком «... точной химической науки и крупной химической промышленности» [7;26]. Именно химическая отрасль до сих пор выступает как один из важнейших критериев «... степени индустриализации и во многом определяет экономический потенциал страны» [8;12]. Все это позволяет отказаться от бесплодных дискуссий и бессмысленной попытки единовременного, одномоментного анализа всей экономики дореволюционной России, сосредоточившись на самом подробном анализе её передовых отраслей.

Подобный анализ, в свою очередь, может быть очень затруднён в силу различных причин. Вместе с тем, знакомство с отдельными трудами специалистов-практиков, посвященными химической технологии, существенно облегчает задачу исследователя. Например, в одной из своих наиболее значимых работ инженер-технолог П.П. Федотьев прямо указывал на то, что «содовое дело и связанные с ним производства, в том числе и фабрикация серной кислоты, представляют собою основание всей химической промышленности» [9;предисловие].

Следовательно, даже общая характеристика состояния каждой из перечисленных подотраслей способствует формированию более объективных представлений

об уровне развития отечественного химпрома на соответствующем этапе его развития, чем всё бесчисленное множество попыток «объять необъятное», руководствуясь очень странными методологическими подходами или абстрактными умозаключениями. Уточним, что представленная нами работа представляет собой лишь общий и весьма краткий обзор становления и развития содового производства, как одной из перечисленных П.П. Федотьевым важнейших подотраслей химической отрасли отечественной промышленности к началу XX века.

Сода (или группа натриевых солей угольной кислоты) использовалась человечеством со времён глубокой древности: «... в дошедших до нас памятниках упоминается о веществе под названием *neter*, служившим для чистки и шипевшем в соприкосновении с уксусом» [9;3]. П.П. Федотьев отметил, что с XV столетия в Европе для обозначения соды стали использовать слово «*natron*», под коим подразумевали углекислую щёлочь, либо природного происхождения, либо добываемую из золы растений. Арабы обозначали аналогичное вещество словом «*kali*» [9;3]. До конца XVIII века в качестве самой используемой щелочи применялся древесный поташ, а «... сода служила только для фабрикации твёрдого мыла и добывалась частью из естественных месторождений Венгрии, Египта ..., главным же образом из золы морских растений преимущественно в Испании ...». Существенным недостатком такой соды было не только отсутствие «... желательной степени чистоты ...», но и небольшие объёмы добычи [9;3].

В 1791 году французский доктор Николя Леблан запатентовал способ получения соды из поваренной соли. В том же году во Франции был построен первый содовый завод, производивший соду по т.н. «леблановскому способу». В довольно мрачные времена якобинской диктатуры и сменившей её Директории содовый завод был разорён новыми властями. Однако, в период Консульства и Первой Империи «... изобретение Леблана быстро распространилось во Франции» [9;3—4]. Из искусственной соды, полученной по «леблановскому методу» стали производить стекло уже в 1806 году. Вместе с тем, быстрому росту указанной подотрасли химической отрасли в первые десятилетия XIX века, и во Франции, и в германских государствах, препятствовала государственная монополия на добычу соли. Аналогичная ситуация сложилась в Великобритании, где первый крупный завод, производивший соду по методу Леблана, возник только после отмены соляного налога [9;4].

Спустя непродолжительное время соду стали применять в химической промышленности, включая стеариново-мыловаренное производство, в фармацевтике, в лёгкой промышленности, металлургии и во многих других отраслях промышленного производства. В той же Вели-

кобритании возрастающая потребность в соде закономерно способствовала, во-первых, возникновению (уже к 1830 году) нескольких содовых заводов, во-вторых, с началом их производственной деятельности, привела к резкому снижению цены на соду [9;4]. В 1850-х годах метод Леблана был усовершенствован британцами за счет более рационального способа выщелачивания сырой соды. В 1852 году William Gossage (1799–1877) запатентовал свой метод производства каустической соды, а с 1853 года начал её изготовление в промышленных масштабах. В это же время в Великобритании была запатентована вращающаяся содовая печь и апробирована регенерация серы из содовых отвалов. В целом, до начала 1870-х гг. метод Леблана оставался «... единственным заводским способом приготовления соды ...» [9;4—5].

В 1869 году на Парижской выставке была представлена сода, изготовленная с помощью нового способа, в основанного «... на обменном разложении ... растворов поваренной соли и углекислого аммония». Он был разработан французскими инженерами Schlösing'ом и Rolland'ом, но только благодаря «... усовершенствованиям бельгийца Ernest'a Solvay новый способ получает заводское применение» [9;5]. В 1872 году Solvay основывает содовый завод в г. Варанжевилле, который приступил к выпуску своей основной продукции на следующий год. И продукция предприятия, и технология его производства, произвели настоящий фурор на Венской международной выставке 1873 года. П.П. Федотьев указывал, что «... лишь со времени Венской выставки 1873 года стало несомненно, что аммиачный способ стоит на прочной экономической почве» [9;5]. В итоге, эта новая технология получения соды была названа в честь бельгийского химика Ernest'a Solvay (1838—1922 гг). И уже к концу XIX столетия «леблановский способ» активно вытеснялся передовым аммиачным способом [9;317].

В 1867 году Д.И. Менделеев отмечал, что «содовые заводы Англии готовят разных содовых продуктов ежегодно ... на 25 миллионов руб., производительность их удвоилась в последние 10 лет»; а общий объём составил 17000000 пудов (278460 т) [10;5]. И если «фабрикация мыла туалетного доведена в последнее время, даже у нас, до весьма большого развития» [10;122], то развитие содового производства в России было крайне недостаточным. Ибо, с 1864 года непрерывно работал («по способу Леблана») лишь один содовый завод, находившийся «... в Барнауле Томской губернии», а его годовая производительность не превышала 25000 пудов (409,5 т.) в год [11;74]. Заводом владел Матвей Богданович Пранг, затем, с 1890 г., — его супруга, Юлия Августовна Пранг [12;835]. Ассортимент выпускаемой продукции был следующим: сода кристаллическая, кальцинированная и каустическая; цемент и «глауберова соль натуральная, кристаллическая и кальцинированная» [13;99—100]. В начале XX века завод прекратил своё существование, ибо не

выдержал конкуренции с новыми заводами, использовавшими аммиачный способ [14;92].

В 1868 году в г. Чистополе Казанской губернии дворянином Иваном Васильевичем Лихачёвым, крупным землевладельцем, был основан второй в России содовый завод, производивший соду «по смешанному способу» (и по «леблановскому», и по «аммиачному») [14;93]. «Руководителем завода Лихачёва был известный в то время химик И. Тисс, который ... поставил опыты по получению соды из бикарбоната аммония и затем спроектировал завод», а технологию получения аммиака разработал и внедрил профессор М.Я. Киттары [14;93]. В 1871 году «лихачёвский» завод произвёл 410 т. соды довольно высокого качества. К сожалению, этот завод смог проработать лишь четыре года. П.М. Лукьянов обозначил две важнейшие причины, препятствовавшие развитию отечественного производства соды:

- наличие внутренней пошлины на поваренную соль (отменена в 1881 году)
- «отсутствие покровительственной пошлины на заграничную соду» (до 1890 года) [14;92].

Спустя неполных два года после отмены соляного акциза в Пермской губернии Иваном Ивановичем Любимовым был основан Березниковский содовый завод (1883 г). Вместе с тем, этот завод «... до 1887 года давал одни убытки» [11;76]. Инженер-технолог П.П. Федотьев чётко обозначил причины такой ситуации:

- «скромные размеры производства»
- «отдалённое местонахождение»
- высокая себестоимость конечного продукта по причине дороговизны аммиачных солей и их общую нехватку [11;76].

Но после создания акционерной компании «Любимов, Сольве и Ко» с участием иностранного (бельгийского) капитала в 1887 году «...завод дал почти 700000 ...» пудов содовых продуктов или 11466,48 т. [11;76—77]. Причиной реорганизации компании И.И. Любимова был тот факт, что «содовое дело во всех государствах постепенно переходит в руки международного картеля (Solvay-Cartell). Уточним, что в 1901 году к нему примкнул и единственный серьёзный соперник «United Alkali Company Limited» [11;79]. Иными словами, товарищество И.И. Любимова предпочло слияние с международным картелем, а не самоликвидацию.

Благодаря созданию совместного предприятия в 1890 году это Общество произвело около миллиона пудов соды или 16380,48 т [13;100—101]. А уже в конце 1891 года указанная компания построила второе крупное предприятие в Екатеринославской губернии. К 1895 году суммарный объём производства соды на заводах компании достиг 2924664 пудов или 47908 т. [11;77], увеличившись в три раза (за неполные пять лет). В целях

обеспечения заводов компании аммиаком использовалась аммиачная вода, доставляемая с газовых и «костеобжигающих» заводов С.-Петербурга. Концентрированный аммиак в бочках отправляли весной в Рыбинск, откуда он попадал речным путём в Березники Пермской губернии, на т.н. «Северный завод» общества «Любимов, Сольве и Ко»; «южные заводы» этой компании использовали, во-первых, импортный «английский серноокислый аммоний», а, во-вторых, использовали аммиак, полученный как побочный продукт при производстве кокса [11;77].

Каустическая сода (едкий натр) на Северном заводе изготавливалась «... каустицированием раствора соды известью («обычный способ»»), а оба южных завода этого Общества, располагавшиеся в Донбассе, изготавливали её «по способу Löwig'a». Кроме перечисленных способов едкий натр получали и с помощью электролиза [11;77]. В самом конце XIX века компания организовала новое содовое производство и в г. Барнауле.

С картелем Solvay пыталась конкурировать фирма П.К. Ушкова, на Бондюжском заводе (в то время — Вятская губ.) которой в 1889—1890 годах возникло своё содовое производство. В 1897 году объёмы производства едкого натра на вятских заводах составляли 220000 пудов (3603,7 т). Несмотря на все усилия, «ушковская» фирма не смогла выйти победительницей из этой неравной борьбы и к 1913 году содовое производство на Бондюжском заводе было закрыто [15;134].

В 1897/1898 гг. в г. Славянске был основан содовый завод «Южно-Русского общества» (с участием германского капитала) для выделки и продажи соды и других химических продуктов. Этот завод начал свою производственную деятельность с 1898 года, выпуская 750000 пудов соды в год и имея возможность удвоить объём производимой основной продукции [11;78].

Появление новых содовых заводов есть свидетельство существовавшей в конце XIX столетия объективной потребности отечественной промышленности в собственных дешёвых содовых продуктах. Как отметил П.П. Федотьев, уже к началу XX столетия в России «с постройкой последних аммиачно-содовых и ... электролитических заводов ввоз соды, ещё не так давно довольно значительный, доведён до ничтожного размера ...» [11;78]. Так, если в 1891 году её было ввезено 906000 пудов (14840,71 т.), то в 1901 году в страну ввезли 147000 пудов (2407,93 т) [11;78]. В 1901 году Россия произвела около шести миллионов пудов (98282,88 т.) различных содовых продуктов, включая 1,5 миллиона пудов (24570,72 т.) едкого натра [11;79]. Закономерно, что потребление соды выросло ещё и из-за понижения цен на неё в связи с ростом содового производства.

Д.И. Менделеев ещё в 1867 году особо отметил значимость содового производства: «Соду фабрикуют из поваренной соли. Увеличение потребления соли содействует усовершенствованию её добычи и чрез то её удешевлению. Поваренная соль обрабатывается серной кислотой. От того на содовом заводе всегда готовится серная кислота. А её приготовление неизбежно для многих других производств, — без неё не существовало бы множества других заводов» [10;8]. Кроме того, академик Д.И. Менделеев указывал на то, что содовое производство способствует удешевлению сернокислотного производства [10;8]. А серная кислота «по своему крупному значению в хозяйственной жизни всех стран, из минеральных кислот ... занимает первое место» и часто именуется «матерью всех химических производств» [16;12]. Следовательно, резкий скачок в развитии содового производства, начавшийся с 1887 года, свидетельствует не только о ликвидации зависимости многих отраслей отечественной промышленности от импорта продуктов содового производства, но и об общем снижении себестоимости серной кислоты, наиболее значимой из всех минеральных кислот. Что, в свою очередь, способствовало снижению производственных издержек, и в химической отрасли, и в прочих отраслях отечественной промышленности, способствуя, тем самым, их дальнейшему поступательному развитию. Таким образом, *уровень развития содового производства в стране есть один из индикаторов состояния национальной промышленности.*

Оправдан ли упомянутый тезис о некоем «преде-

ле» развития капитализма, после которого наступает революция? Как и тезис о, якобы, конечной, «империалистической» стадии, достигнутой отечественным «фабричным» капитализмом и рыночной экономикой уже в конце XIX века? На этот вопрос еще в 1897 году ответил академик Д.И. Менделеев, заявивший о том, что Россия «... только что приступила ...» к «... заводско-фабричной деятельности» [6;23]. Действительно, если учесть многочисленные индикаторы роста промышленности, например, объём производства упомянутой серной кислоты или объём производства содовых продуктов, то приведённые идеологемы не выдерживают никакой критики. К примеру, в 1900 году Германия произвела 950.000 т. серной кислоты, а Россия — 98284,1 т., продемонстрировав почти десятикратное отставание не только в объёме сернокислотного производства, но в общем уровне развития национальной промышленности [17;184]. Об этом в 1901 году прямо заявил академик Д.И. Менделеев: «... чтобы догнать хотя бы Германию, не то что Англию или Соединённые Штаты, нам надо увеличить нашу фабрично-заводскую производительность в несколько, чуть ли не в десять раз» [18;133].

В итоге, даже краткий и весьма поверхностный анализ состояния отдельного передового и наукоёмкого производства, коим выступало производство содовых продуктов, позволяет утверждать, что к 1901 году ни о каком «пределе развития», ни о какой-то «наивысшей стадии» капитализма в тогдашней России, рассуждать не приходится.

ЛИТЕРАТУРА

1. История Коммунистической партии Советского Союза. / Б.Н. Пономарёв и др. — 7-е изд., доп. — М.: Политиздат, 1985. — 783 с.
2. Туган-Барановский, М.И. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историческое развитие русской фабрики в XIX в. (перепечатано с 3-го изд.-я 1907 г.) / М.И. Туган-Барановский. — В 2-х ч. — М.: Изд-во «Московский рабочий», 1922. — 430 с.
3. Менделеев, Д.И. Учение о промышленности. / Д.И. Менделеев. — В 2-тт., т.1. — Ч.1 (6–9 параграфы). — С-Пб.: Тип. Акц. Об-ва Брокгауз–Евфрон, 1901. — С.91–201
4. Туган-Барановский, М.И. Основы политической экономии. / М.И. Туган-Барановский. — Изд.2-е, переработанное. — С-Пб.: тип. СПб общ-ва «Слово», 1911. — 512 с.
5. Фан-Юнг, Г.Ю. Завод-«Великань» (основные этапы истории Казанского предприятия фирмы братьев Крестовниковых в 1855–1917 гг.): монография. / Г.Ю. Фан-Юнг. — Казань: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2020. — 234 с.
6. Менделеев, Д.И. Основы фабрично-заводской промышленности. / Д.И. Менделеев. — Вып.1. — С.-Пб.: тип. В.Демакова, 1897. — 196 с.
7. Вальден, П.И. Наука и жизнь: сб. статей / П.И. Вальден. — В 3-ёх ч., ч.1. — Пг.: Научное хим.-тех. изд.-во при осведомит.-стат. бюро хим.отдела комитета военно-технической помощи, 1918. — 113 с.
8. Дедов, А.Г. и др. Экономика химической промышленности капиталистических стран: справ.изд. / А.Г. Дедов и др. — М.: Химия, 1989. — 400 с.
9. Федотьев, П.П. Содовое дело и связанные с ним производства (производство сульфата, соляной кислоты, соды и белильной извести). / П.П. Федотьев. — С-Пб.: типо-литография Ю.А. Мансфельд, 1898. — 334 с.
10. Менделеев, Д.И. О современном развитии некоторых химических производств в применении к России и по поводу Всемирной выставки 1867 года. / Д.И. Менделеев. — С.-Пб.: тип. Т-ва «Общественная польза», 1867. — 179 с.
11. Федотьев, П.П. Современное состояние химической промышленности в России. / П.П. Федотьев. — С-Пб.: типо-литография Ю.А. Мансфельд, 1902. — 143с., с прил.
12. Сокоделов, С.А. Первый в России содовый завод М.Б. Пранга. / С.А. Сокоделов, науч.рук. к.ист.н В.Н. Ильин // Россия в XXI веке: стратегия и тактика социально-экономических, политических и правовых реформ (Материалы XIV Всероссийской научно-практической конференции студентов и молодых

- учёных, г. Барнаул, 22–23 апреля 2021 г.). – Барнаул.: изд.-во Алтайского филиала ФГБОУ ВО «РАНХиГС», 2021. – 842 с. – С.833—835
13. Каталог Казанской научно-промышленной выставки, состоящей под покровительством Е.И. Высочества Государя Наследника Цесаревича: фабрично-заводской отдел. – Казань: тип. Императорского университета, 1890. – 134 с.
 14. Лукьянов, П.М., Соловьёва, А.С. История химической промышленности СССР: пособие для учителей / П.М. Лукьянов, А.С. Соловьёва. – М.: Просвещение, 1966. – 255 с., с илл.
 15. Есиева, И.В. Купеческая династия Ушковых (первая половина XIX в. – 1918 г.): дисс. ... канд.ист.наук: 07.00.02/ И.В. Есиева. – Казань, 2004. – 226 с.
 16. Лукьянов, П.М. Серная кислота и сода. / П.М. Лукьянов, под общ.ред. П.П. Лебедева. – М.-Л.: Государственное изд-во, 1926 – 100 с.
 17. Кузьминов, Я.И. Развитие империализма в Германии в конце XIX — начале XX в./Я.И. Кузьмин.—Текст: непосредственный // Экономическая история капиталистических стран: учебное пособие / Под ред. Полянского Ф.Я. и др. — М.: изд-во Московского университета, 1986. — С.182—191
 18. Менделеев, Д.И. Учение о промышленности. / Д.И. Менделеев. – В 2-тт., т.1. – Ч.1 (6–9 параграфы). – С-Пб.: Тип.Акц.Об-ва Брокгауз–Евфрон, 1901. –С.91–201

© Фан-Юнг Герман Юрьевич (ger-fan-yung@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МЕТОДИКА РАЗВИТИЯ КООРДИНАЦИОННЫХ СПОСОБНОСТЕЙ НА УРОКАХ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ У ДЕТЕЙ 7-9 КЛАССОВ

METHODOLOGY FOR THE DEVELOPMENT OF COORDINATION ABILITIES IN PHYSICAL EDUCATION LESSONS FOR CHILDREN OF GRADES 7-9

**D. Gareev
B. Saparov
T. Mogilevskaya
I. Dzholiev**

Summary: The presented work is devoted to the study of the process of education of coordination abilities in physical education lessons for schoolchildren aged 13-15 years. The article considers the issue of the effectiveness of using modern techniques to create students' interest in physical education as part of the educational process. The positive aspects of physical education at school are considered, which are carried out with the help of various means, among which one of the most important is gymnastics, which is due to the characteristic features of this section. The main problems arising in the process of introducing schoolchildren to a healthy lifestyle and physical education are identified. Recommendations are given, thanks to which, when doing gymnastics, children are more likely to get rid of clumsiness, angularity, excessive shyness, correct posture, strengthen muscles, successfully master other types of physical exercises.

Keywords: coordination abilities, physical culture, gymnastics, healthy lifestyle, schoolchildren.

Цель работы

Обосновать разработанные комплексы и программу, направленные на развитие координационных способностей для школьников 13-15 лет на уроках гимнастики.

Задачи исследования

Разработать комплекс упражнений и программу на развитие координационных способностей и в ходе педагогического эксперимента проверить их эффективность.

Методы исследования

Метод теоретического анализа и синтеза научной ли-

Гареев Дмитрий Ринатович
кандидат педагогических наук, доцент, Уральский
институт ГПС МЧС России;
Уральский государственный аграрный университет
dimagario@yandex.ru

Сапаров Байрамгельды Муджевурович
кандидат педагогических наук, доцент, Уральский
государственный аграрный университет
mister.saparov@yandex.ru

Могилевская Татьяна Евгеньевна
Уральский институт ГПС МЧС России;
Уральский государственный аграрный университет
tanya-land@list.ru

Джolieв Ислам Мамед Оглы
Уральский государственный аграрный университет
djolievislam@mail.ru

Аннотация: представленная работа посвящена исследованию процесса воспитания координационных способностей на уроках физической культуры у школьников 13-15 лет. В статье рассматривается вопрос об эффективности использования современных методик для создания интереса школьников к занятиям физической культурой в рамках учебного процесса. Выявлены положительные аспекты физического воспитания в школе, которые осуществляются с помощью различных средств, среди которых одним из важнейших является гимнастика, что обусловлено характерными особенностями данного раздела. Рассмотрены основные проблемы, возникающие в процессе приобщения школьников к здоровому образу жизни и занятиям физической культурой. Даны рекомендации, благодаря которым, при занятиях гимнастикой дети скорее избавляются от неуклюжести, угловатости, излишней застенчивости, исправляют осанку, укрепляют мышцы, успешно овладевают другими видами физических упражнений.

Ключевые слова: координационные способности, физическая культура, гимнастика, здоровый образ жизни, школьники.

тературы и интернет-источников. Практический анализ данных эксперимента.

Результаты исследования

В современных условиях значительно увеличился объем деятельности, осуществляемой в вероятностных и неожиданно возникающих ситуациях, которые требуют проявления находчивости, быстроты реакции, способности к концентрации и переключению внимания, пространственной, временной, динамической точности движений и их биомеханической рациональности. Все эти качества в теории физического воспитания связываются с понятием координационные способности.

Воспитание координационных способностей – один

из важнейших элементов, формирующих здорового человека, т.к. координационные способности неразрывно связаны с работой центральной нервной системы. Важным моментом воспитания координационных способностей является возраст 13-15 лет. Воспитание координационных способностей осуществляется только тогда, когда занимаешься физическими упражнениями. Раньше дети данного возраста достаточно много времени проводили на улице, участвовали в коллективных играх (футбол, лапта, игры с мячом и т.д.). На сегодняшний день практически единственным занятием в свободное время стал компьютер. В дворовые игры дети играют редко.

Анализ научно-методической литературы, опыт практики, свидетельствуют о том, что до настоящего времени не разработаны технологии развития сенсорных систем организма занимающихся, в сочетании с показателями технической, физической, психологической и других видов подготовки. Недостаточно научно-методических работ, направленных на обоснование целесообразности применения программ упражнений в практических занятиях по физическому воспитанию школьников 13-15 лет.

Указанная выше проблематика, подвигла нас на проведение специального исследования. В исследовании

Рис. 1. Результаты средних арифметических значений экспериментальной и контрольной группы по тесту 1

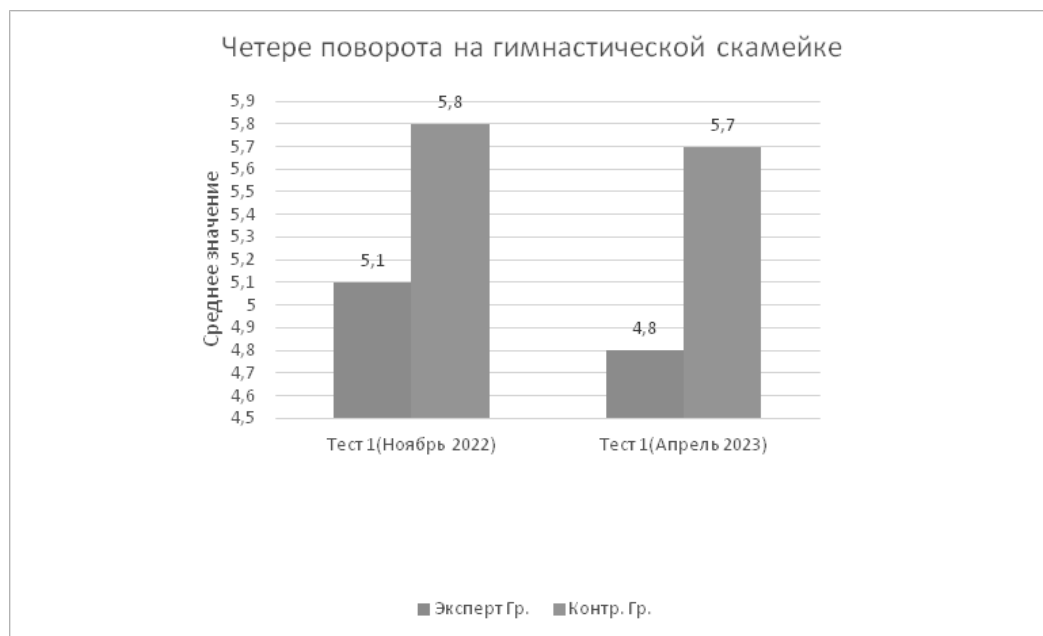

Рис. 2. Результаты средних арифметических значений экспериментальной и контрольной группы по тесту 2

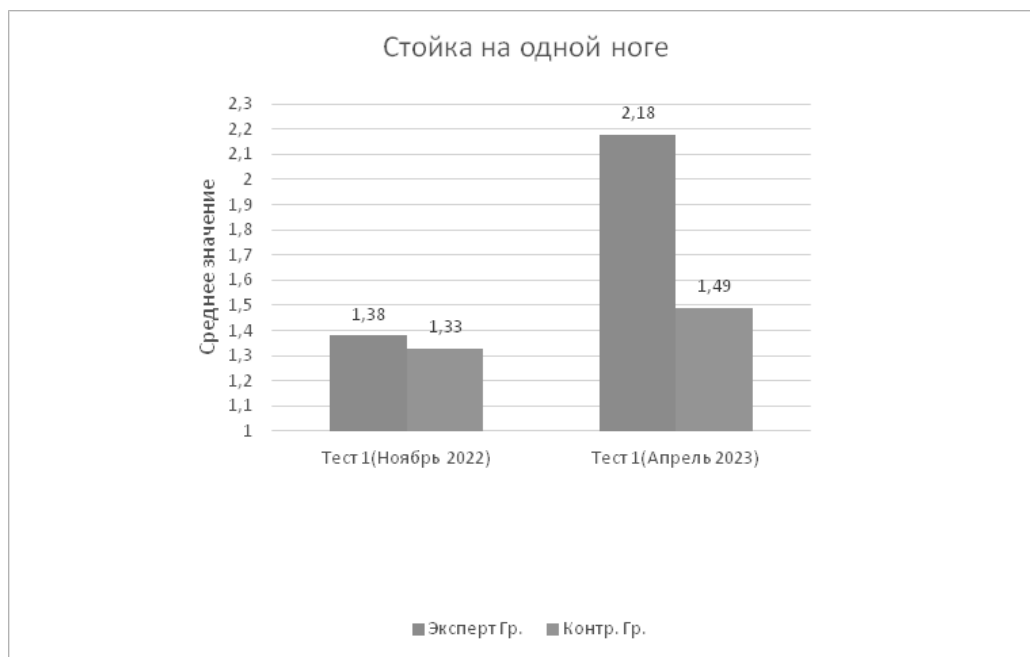

Рис. 3. Результаты средних арифметических значений экспериментальной и контрольной группы по тесту 3

Таблица 1.

п	Частные задачи	Средства и методические приемы
1	Проверить и оценить исходный уровень развития координационных способностей	Контрольное задание (тест). Результаты зафиксировать в документе учета.
2	Содействовать развитию способности сохранять устойчивое положение тела в условиях повышенного мышечного напряжения	- И.п. – стоя на гимнастической скамейке, поднять правую ногу вверх до уровня 900, удерживать устойчивое положение тела. На ногах – утяжелители весом 0,5 кг. Удерживать и.п. до отказа или потери равновесия, затем смена положения ног. - То же, нога согнута в коленном суставе
3	Содействовать развитию умения восстанавливать устойчивое положение тела в условиях его нарушения	Игра в парах - Выталкивание партнера из круга стоя на двух ногах - То же – на одной ноге
4	Развивать способность к устойчивому балансированию в условиях ограниченной или возвышенной опоры.	- Ходьба на носках, на пятках, по начерченной линии - То же, по широкой части гимнастической скамейки - То же, по узкой части, руки на поясе - Ходьба на носках по скамейке с различными движениями руками
5	Содействовать развитию способности к сохранению заданной позы в условиях непрерывного воздействия центробежных сил	- Ходьба по гимнастической скамейке на носках с поворотами на 360° - Бег на месте с оборотами на 360° - Бег по кругу, по свистку выполнить поворот на 180°
6	Развивать способность сохранять равновесие в условиях создания повышенных технических трудностей	- Комплекс ОРУ на ограниченной площади с закрытыми глазами - Лазания ко гимнастической стенке вверх и вниз с одновременными поворотами на 360°
7	Содействовать развитию способности сохранять заданное направление движения в условиях повышенного раздражения вестибулярного анализатора	- Бег спиной вперед - Бег с изменением направления движения по сигналу - Прыжки вверх толчком двух ног на низком гимнастическом бревне - То же, с продвижением вперед
8	Проверить и оценить достигнутый уровень развития координационных способностей для успешного выполнения игровых действий в волейболе	Контрольное упражнение; Подведение итогов тестирования. Оценочное суждение. Оглашение результатов учащимся

принимали участие 2 класса:

1. экспериментальная группа – 9 «А»;
2. контрольная группа – 9 «Б».

Количество, принимавших участие в исследовании, составило 30 человек (20 мальчиков и 10 девочек) в возрасте от 13 до 15 лет.

Весь эксперимент включал в себя три этапа:

1. I-этап: рассмотрение и изучение исследования, посвященного анализу научной и методической литературы, определению цели и задач исследования.
2. II-этап: педагогическое наблюдение и тестирование. Для определения исходных данных перед началом эксперимента мы провели контрольные испытания по запланированным тестам.

III-этап: педагогическое наблюдение и тестирование. Для определения данных после эксперимента мы провели контрольные испытания по тем же тестам, которые были выполнены в начале эксперимента.

Наглядно картину средних арифметических различий, координационные способности у школьников 13-15 лет на уроке гимнастики экспериментальной и контрольной групп можно увидеть на рисунках 1,2,3.

Тестирование проводилось периодически через 6 месяцев (ноябрь – апрель) Для определения исходных данных, перед началом эксперимента мы провели контрольные испытания по запланированным тестам. Время проведения тестов, характер отдыха между попытками были постоянными для всех испытуемых. В ноябре в группах провели прием контрольных испытаний с целью определения уровня развития координационных способностей на начало эксперимента. Все тесты принимались в спортивном зале, после проведения 15ти минутной разминки.

В качестве средств для развития координационных способностей в экспериментальной группе нами разработаны программа и комплекс упражнений, проведены занятия на развитие координационных способностей: таблица 1.

Комплекс упражнений:

1. Поднимание на носки с близко расположенными ступнями ног; приседание на носки с прямой спиной.
2. Отведение и приставление вперед, в сторону, назад одной ноги с опорой на другую ногу (поочередно).
3. Учащиеся встают в стойку на одной ноге, другую прижимают стопой к коленной части.
4. Повороты (прыгнуть в обруч, сделав поворот, и выпрыгнуть из него; стоя повернуться вокруг

себя, остановиться; то же - в другую сторону; то же – повернуться два раза и т.д.).

5. На уменьшенной площади опоры (стоя на кубе, присесть и выпрямиться; стоя на бруске на одной ноге, вытянуть другую ногу вперед).
6. Из исходного положения основная стойка: 1. Левая рука на пояс. 2. Правая рука на пояс 3. Левая рука к плечу. 4. Правая рука к плечу. 5. Левая рука вверх. 6. Правая рука вверх. 7 - 8. Два хлопка над головой. 1 - 6. Движение руками выполнить вниз в обратном порядке. 7 - 8. Два хлопка руками по бедрам.
7. Из исходного положения основная стойка: прыжок на двух ногах
 1. Левая рука на пояс.
 2. Правая рука на пояс.
 3. Левая рука к плечу.
 4. Правая рука к плечу.
 5. Левая рука вверх.
 6. Правая рука вверх.
 - 7 - 8. Два хлопка над головой. 1 - 6. Движение руками выполнить вниз в обратном порядке. 7 - 8. Два хлопки руками по бедрам.
8. Сохранять равновесие, стоя на одной ноге в течение минуты, руки разведены в стороны. Голова поворачивается то влево, то вправо. Взгляд не фиксируется и не помогает сохранять равновесие. С развитием навыка закрыть глаза.
9. Стоя напротив стены или двери на одной ноге, кидать мяч и ловить его после того, как он отскочит. Смотреть только на мяч.
10. Стоя на одной ноге, подпрыгнуть и приземлится на другую ногу. Следующее подпрыгивание – приземление в исходную позицию. Выполняется в течение нескольких минут.
11. "Жонглер". Взяв в каждую руку по детскому мячу, подкидывать и ловить их попеременно то правой, то левой рукой. Правая рука подбросила – она же поймала. Затем тоже самое делает другая рука.

Развить координацию движений, ловкость помогают ходьба по гимнастическому бревну. Для усложнения упражнения перемещать вокруг туловища мяч, передавая его из одной руки в другую.

Упражнение 1. В положении стоя вращать правой рукой по часовой стрелке, левой – против часовой стрелки. Через 10-15 движений поменять направление вращения рук.

Упражнение 2. Поместить ладонь правой руки на расстоянии 5-10 см над головой. Поднимать и опускать ладонь, дотрагиваясь темени. Одновременно ладонь левой рукой описывает круги параллельно плоскости живота.

Упражнение 3. Стоя вытянуть вперед правую руку.

Вращать выпрямленной рукой по часовой стрелке, а ее кистью против часовой стрелки. Движения выполняются 10-15 раз, плавно и без рывков. Повторить для другой руки.

Упражнение 4. Обе выпрямленные руки вытянуты перед собой. Одна рука выполняет произвольные движения, другая рисует ту или иную геометрическую фигуру – круг, квадрат, треугольник, и т.п. Через 10-15 движений руки меняются ролями.

Значение физической культуры в школьный период жизни человека заключается в создании фундамента для всестороннего физического развития, укрепления здоровья, формирования разнообразных двигательных умений и навыков. Все это приводит к возникновению объективных предпосылок для гармоничного развития личности. Физическое развитие – это процесс становления, формирования и последующего изменения на протяжении жизни индивидуума, морфофункциональных свойств его организма и основанных на них физических качеств и способностей.

Средний школьный возраст характеризуется достижением высоких темпов развития физического потенциала в целом, это период полового созревания. Процесс взросления и возмужания сопровождается изменением структуры личностных установок и мотиваций, что требует особого внимания к формированию новых стимулов физического совершенствования.

Изучив научно-методическую литературу, мы выяснили, что координационные способности – это возможности индивида, определяющие его готовность к оптимальному управлению и регулировке двигательного действия.

Проанализировав методы развития координационных способностей, мы пришли к выводу, что для развития координационных способностей детей среднего школьного возраста используют разнообразные методы. А методы строго регламентированного упражнения по гимнастике, методы стандартно-повторного и вариативного (переменного) упражнения являются основными, а также игровой и соревновательный методы.

Для детей среднего школьного возраста наиболее рационально использовать следующие методики развития координационных способностей:

- изменение скорости или темпа движений;
- "зеркальное" выполнение упражнений;
- усложнение условий выполнения упражнений.

В результате сбора, анализа и обобщения использованных литературных источников, было определено понятие координационных способностей, их виды, особенности развития в среднем школьном возрасте.

Таким образом:

Изучены и систематизированы тесты, предназначенные для измерения, анализа, оценки и контроля координационных способностей юношей и девушек в возрасте 13-15 лет.

У школьников отмечено качественное формирование двигательных умений и навыков при овладении гимнастическими упражнениями, достигнута стабильность их выполнения (конечные показатели).

При помощи метода математической статистики, *t* - критерия Стьюдента, мы смогли выделить статистически значимые различия показателей исходных и итоговых данных уровня развития координационных способностей у школьников 13-15 лет экспериментальной группы на уроке гимнастики. Результаты тестирования показали, что в координационных тестах показатели экспериментальной группы, спустя несколько месяцев применения методики для развития координационных способностей, оказались выше, чем у детей в контрольной группе, где применялась учебная программа для общеобразовательных школ. У детей этой группы тоже в какой-то степени выросли результаты. Школьная программа, которая применялась в контрольной группе, тоже дает прирост, но меньше, чем разработанный нами комплекс упражнений и программа для развития координационных способностей у школьников 13-15 лет на уроке гимнастики. Это подтверждает нашу гипотезу, что предложенная нами программа и комплекс упражнений наиболее эффективно позволит развивать координационные способности у школьников 13-15 лет на уроке гимнастики.

Результаты проведенного нами исследования позволяют рекомендовать экспериментальный комплекс упражнений и программу по развитию координационных способностей у школьников 13-15 лет для использования учителями физической культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арзуманов С.Г. Физическое воспитание в школе учащихся 5-9 классов [Текст] Феникс-Москва, 2015-672с.
2. Барчуков, И.С. Основы физической культуры. Теория и методика. Курс лекций [Текст]: учебное пособие / И.С. Барчуков, Г.В. Барчукова. - М.: Юнити, 2016. - 295 с.

3. Болобан В.Н. Сенсомоторная координация как основа технической подготовки [Текст] /В. Болобан //Наука в олимпийском спорте, 2013. - №2. - С. 96- 102.
4. Головихин, Е.В. Физическая культура: воспитание, образование, тренировка [Текст] / Е.В. Головихин. – М.: АСТ, 2014. – 200с.
5. Городилин, С.К. Основы общей теории физической культуры [Текст] / С.К. Городилин. – М.: Академия, 2016. – 327 с.52
6. Лебедихина Т.М. Гимнастика: теория и методика преподавания [Текст]: учеб.пособие, м-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. Федер. ун-т, - Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. – 112с.
7. Лях В.И. Координационные способности: диагностика и развитие [Текст], - М: ТВТ Дивизион, 2006. – 290с.
8. Лях В.И. Координационно-двигательное совершенствование в физическом воспитании и спорте: история, теория, экспериментальные исследования [Текст]: / В.И. Лях // Теория и практика физической культуры. - 2011. - № 1. – 190с.
9. Лях В.И., Тесты в физическом воспитании школьников [Текст] - М.: Физкультура и спорт, 1998 г. - 204с.
10. Лях В.И. Физическая культура. 8-9 классы [Текст]: учебник для общеобразоват. организации, М.: Просвещение, 2019. – 256с.

© Гареев Дмитрий Ринатович (dimagario@yandex.ru), Сапаров Байрамгельды Муджевурович (mister.saparov@yandex.ru), Могилевская Татьяна Евгеньевна (tanya-land@list.ru), Джелиев Ислам Мамед Оглы (djolievislam@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Уральский институт ГПС МЧС

КАТЕГОРИЯ «СОВМЕСТИМОСТЬ» В РАЗНОВИДНОСТЯХ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

THE CATEGORY OF "COMPATIBILITY" IN THE VARIETIES OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE

*S. Klochkov
A. Nain
V. Klochkov*

Summary: The relevance of the research topic is determined by the totality of modern interpretations in various sciences of the main category of research "compatibility". On the basis of the dichotomous approach, the reduction of the content of the binary characteristics of the above interdisciplinary concept is carried out. The corresponding analysis of literature in various branches of scientific knowledge, including professional pedagogy, has been implemented.

Keywords: relevance, analysis, botany, geography, geology, computer science, cybernetics, logic, mathematics, medicine, interdisciplinary category, compatibility, pedagogy, radiophysics, semiotics, social psychology, pharmacology, economics.

Клочков Святослав Владимирович

кандидат физико-математических наук, Сибирский
федеральный университет
therealarts@mail.ru

Найн Александр Альбертович

доктор педагогических наук, Уральский государственный
университет физической культуры
klovlpav@mail.ru

Клочков Владимир Павлович

доктор педагогических наук, Челябинский
государственный университет
anain@yandex.ru

Аннотация: Актуальность темы исследования определяется совокупностью современных интерпретаций в различных науках основной категории изыскания «совместимость». На базе дихотомического подхода осуществлена редукция содержания бинарных характеристик вышеуказанного междисциплинарного понятия. Реализован соответствующий анализ литературы в различных отраслях научного знания, в том числе и профессиональной педагогики.

Ключевые слова: актуальность, анализ, ботаника, география, геология, информатика, кибернетика, логика, математика, медицина, междисциплинарная категория, совместимость, педагогика, радиофизика, семиотика, социальная психология, фармакология, экономика.

На современном этапе развития науки уже имеются данные, так или иначе связанные с вышеозначенным понятием. Оно, представляя собой междисциплинарную категорию, непосредственно или опосредованно уже представлена в ряде наук: биологии, географии, геологии, информатике, кибернетике, логике, математике, медицине, педагогике, радиофизике, семиотике, социальной психологии, фармакологии, экономике [3; 5; 6; 7; 12; 18; 19; 20].

В тоже время, несмотря на относительно, разноплановые, и частные дефиниции, в вышеуказанных литературных источниках на сегодняшний день общепринятого, достаточно общего определения междисциплинарного понятия «совместимость» всё ещё не существует. Об этом свидетельствует то, что изучаемая категория не представлена в следующих словниках и справочных пособиях:

1. Большая психологическая энциклопедия. 2017 год. – 544 страницы [1].
2. Большой иллюстрированный энциклопедический словарь за 2014 год, насчитывающий 1020 страниц [2].
3. Новейший словарь иностранных слов и выражений (НСИСИВ) за 2002 год с 976 страницами [13].

4. Новейший философский словарь. Постмодернизм 2007 год, имеющий 816 с. [14].
5. Новейший энциклопедический словарь: 20 000 статей за 2007 год, насчитывающий 1424 страниц [15].
6. Словарь антонимов русского языка 2006 года, объёмом 592 с. [10].
7. Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимо-антонимический). Около 1500 единиц 2001 года – 800 с. [16].

Одна из первых попыток опосредованного применения понятия совместимость была реализована Л. Риотте [17] в ботанике. Его наблюдения за развитием растений зафиксировали то, что в случае их совместимости увеличивается урожайность (вишня – малина). А в случае несовместимости происходит взаимное угнетение произрастающих (бобы – лук). Хотя в ботанике и не даётся явного определения этой категории, но совместимость отражает одну из сторон формальной дихотомической мерности сложности такую как:

адаптационное – дезадаптационное.

Однако только позже развитие генетики обусловило появление в ботанике относительно полного определения совместимости.

Достаточно очевидным является использование вышеуказанной категории в медицине» – [Compatibility]. Она связана с приживлением исходного биологического материала к тканям иного организма (М.Х. Маликов [11]). С учётом вышесказанного категория «совместимость» в медицине предполагает наличие уже трёх формализованных дихотомических мерностей сложности:

1. единое – многообразное,
2. целое – фрагментарное,
3. бытийное – небытийное.

Другой очевидной попыткой применения анализируемого понятия выступает фармакология. В ней используются сочетания лекарств либо для усиления их совместного действия, либо, наоборот, с целью ослабления полученных побочных эффектов. В общем фиксируется физическая, фармакологическая, химическая совместимости лекарственных препаратов. К примеру, несовместимыми веществами можно считать 5% раствор бикарбоната натрия и гидрохлорид хинина. Подытоживая вышесказанное можно констатировать то, что все три вида совместимости в фармакологии могут быть отражены посредством следующих формализованных дихотомий:

1. равновесное – неравновесное,
2. эффективное – неэффективное.
3. связанное – обособленное,
4. целесообразное – нецелесообразное.

Аналогичная ситуация имеется и в радиофизике, в которой наблюдается электромагнитная совместимость как для двух, так и для более взаимодействующих технических устройств. Понятие «совместимость» в радиофизике отражает такую формализованную дихотомическую мерность сложности как:

стабильное – нестабильное.

Понятие «совместимость». также используется и в экономике товароведения. В ней при длительном хранении различных изделий на складе изначально предполагается их совместимость. С учётом вышесказанного, для данной науки и практики выступает следующая разновидность мерности сложности такая как:

единое – многообразное.

Применяется категория «совместимость» также и в информатике. В этой науке изучаемое понятие подразумевает возможность разных компьютеров работать с однотипными программами и, наоборот. Понятие «совместимость» в информатике отражает уже указанную выше формализованную дихотомическую мерность сложности такую как:

бытийное – небытийное.

С учётом полученных сведений можно констатировать, что совместимость в информатике выступает не

только в плоскости характеристик операционных систем, но и отражает уже другую дихотомическую мерность сложности категории «совместимость» в рамках абстрактного бинарного противоречия:

функциональное – дисфункциональное.

Неявно используется категория «совместимость» и в географической науке. При помощи понятия «пространство» в этой дисциплине фиксируется целостность различного рода объектов и их сочетаемость. б). С учётом вышесказанного понятие «совместимость» в географии предполагает наличие четырёх формализованных дихотомических мерностей сложности:

1. дискретное – непрерывное,
2. целое – фрагментарное,
3. конечное – бесконечное,
4. единое – многообразное.

Специфически понимается категория «совместимость» в геологии. Она выступает в качестве информационной сочетаемости поступивших данных, полученных сравнением совокупности геофизических методов: анализом образцов сопутствующих пород, бурением, космической фотосъёмкой, моделированием, направленным взрывом, спектральным анализом и т.д. Таким образом, понятие «совместимость» в геологии отражает две абстрактные бинарные мерности сложности такие как:

1. формальное – содержательное,
2. локальное – глобальное.

Оперировать с категорией «совместимость» и логика (П.В. Копнин [8]). В данной науке сущность двух сравниваемых между собой понятий подразумевает вполне определённый вид отношений между ними Два из них являются совместимыми, если зафиксировано полное или хотя бы частичное совпадение их объемов. Итак, понятие «совместимость» в логике отражает такие формализованные дихотомические мерности сложности как:

1. инвариантное – вариативное,
2. иерархическое – линейное,
3. единое – многообразное,
4. структурное – аморфное.

Категория «совместимость» применяется и в математике, раздел - теория доказательств, алгоритмов. Под анализируемым понятием подразумевается свойство непротиворечивости между исходными постулатами и результатами вычислений, а также доказательствами дедуктивных теорий. С учётом полученных данных в математике категории совместимость и непротиворечивость выступают в качестве синонимов. Их использование позволило зафиксировать следующую дихотомическую мерность сложности изучаемого математического понятия:

конъюнктивное – дизъюнктивное.

В кибернетике также широко используется катего-

рия «совместимость». Помимо неё вышеуказанная наука оперирует и с другими довольно близкими понятиями: соответствие, непротиворечивость, целесообразность. В кибернетике, также, как и в математике, термины непротиворечивость и совместимость являются тождественными. Ф.Р. Вестлейком дается следующее определение: «...совместимость есть такое отношение двух систем, при котором обнаруживается сродство или общность систем по некоторым параметрам или по существу, обеспечивающая возможность их взаимодействия».

Несмотря на множество различающихся между собой дефиниций системы, общим для всех них является наличие: состава, структуры, функций, иерархии, равновесности, степени упорядочения, границ и т.д. Подытоживая сказанное можно констатировать, что понятие «совместимость» в кибернетике отражает довольно значительное число формализованных дихотомических мерностей сложности:

1. единое – многообразное,
2. иерархическое – линейное,
3. негаэнтропическое – энтропическое,
4. соответственное – несоответственное,
5. структурное – аморфное,
6. функциональное – дисфункциональное,
7. целесообразное – нецелесообразное.

Теперь рассмотрим несколько подробнее проявление категории совместимость в смежной с педагогикой науке – социальной психологии. Только совсем недавно по мнению Е.Ю. Журавлёва это понятие стало более широко использоваться в вышеуказанной науке. Оно, так или иначе, было связано с: групповыми взаимоотношениями, конфликтами, общением, психологическим климатом, эффективностью совместной деятельности.

В современной социальной психологии можно назвать три уже устоявшиеся точки зрения исследователей на сущность понятия «совместимость»: адаптивную, структурную, функциональную.

Представители структурного подхода исследовали личностное множество показателей для каждого из членов вполне определённой устойчивой группы (М.Г. Ярошевский [21]). Данная точка зрения базировалась на

такой дихотомической мерности сложности как:
единое – многообразное.

Другие изыскатели придерживались функциональной точки зрения, которая выражала личностный потенциал отдельных представителей группы. Учёт функционала личности обусловил выделение ещё одной дихотомической мерности сложности:
целевое – результирующее.

Адаптивный подход в социальной психологии связан с продуцированием положительных межличностных взаимоотношений присущих конкретной группе. Причём, исследования психолого-педагогической школы данного направления (Э.А. Костандов [9] и др.) строились на основе взаимодействия осознаваемых и неосознаваемых компонентов психики. Учёт мнений представителей данной группы исследований обусловил появление в социальной психологии ещё двух абстрактной мерности сложности:

1. интегральное – дифференциальное,
2. сознательное – бессознательное.

Реализуем также исследование категории «совместимость» в семиотике. Анализируемой понятие трактует как:

1. определённое сочетание, самых различных свойств объекта;
2. их совместное бытие в нём.

При этом непосредственно или опосредовано термин совместимость применяется и в профессиональной педагогике (В.П. Ключков [4] и др.)

Таким образом нами осуществлён успешный поиск обобщённого понятия «совместимость» в самых различных науках, таких как: ботаника, география, геология, информатика, кибернетика, логика, кибернетика, математика, медицина, педагогика, радиофизика, семиотика, социальная психология, семиотика, фармакология, экономика.

На базе междисциплинарного полихотомического подхода и принципа редукции был реализован набор абстрактных формализованных дихотомических интерпретаций (мерностей сложности) категории «совместимость» присущих вышеозначенным сферам научного знания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большая психологическая энциклопедия. – М.: Эксмо, 2017. – 544 с.
2. Большой иллюстрированный энциклопедический словарь: Пер. с англ. – М.: ООО «Ид-во Астрель»: ООО «Изд-во АСТ»: «Дизайн. Информация. Картография», 2014. – 1020 с.
3. Ключков, В.П. Использование цифровых технологий в некоторых протестных движениях Германии, США, Франции / В.П. Ключков // В сборнике: Актуальные вопросы научного знания. Материалы межрегионального тематического сборника с международным участием / под редакцией В.Г. Дегтяря, В.П. Ключкова, Ф.Ф. Харисова. - Курган, 2020. - С. 84-89.

4. Клочков, В.П. Социальные сети: монография / В.П. Клочков, Ю.С. Тюнников, К.Г. Эрдынеева [и др.]. - Курган: Курганский государственный университет, 2022. - 184 с.
5. Клочков, С.В. Неинформативные параметры совместимости учебных текстов с высокими топологическими свойствами / С.В. Клочков // В сборнике: Актуальные вопросы полихотомического анализа. Материалы регионального тематического сборника. - Курган, 2019. - С. 56-61.
6. Клочков, С.В. Компьютерная модель совместимости профессиональных терминов по товароведению и коммерции / С.В. Клочков, А.В. Овсянникова // Материалы научно-практической конференции с международным участием: Наука XXI века: проблемы, поиски, решения. - Курган: Курганский государственный университет, 2020. - С. 230-243.
7. Клочков, С.В. Трихотомии в литературе по математической логике, алгебре и теории чисел / С.В. Клочков // Материалы научно-практической конференции с международным участием: Наука XXI века: проблемы, поиски, решения. - Курган: Курганский государственный университет, 2020. - С. 223-230.
8. Копнин, П.В. Фрагменты сочинений «Гносеологические и логические основы науки» / П.В. Копнин // Философия науки: хрестоматия. — М., 2005. — С. 74—82.
9. Костандов, Э.А. Нарушение нисходящего когнитивного контроля у отстающих в учебе студентов / Э.А. Костандов, Е.А Черемушкин // Физиология человека. - 2017. - Т. 43. - № 4. - С. 25-34.
10. Львов, М.Р. Словарь антонимов русского языка. Св. 3000 антоним. пар / Под ред. Л.А. Новикова. – 8-е изд., стереотип. / М.Р. Львов. – Москва: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. – 592 с.
11. Маликов, М.Х. Пересадка комплекса тканей при потере функции мышц верхней конечности / М.Х. Маликов, У.А. Курбанов, А.А. Давлатов, И.Н. Хван // Новости хирургии. - 2013. - Т. 21. - № 5. - С. 111-116.
12. Никифорова, Т.И. Современные здоровьесберегающие технологии в ДОУ / Т.И. Никифорова // В сборнике: Здоровая семья - здоровые дети. Сборник материалов республиканского семинара для родителей. Якутск, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, 20 декабря 2013 г. Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова. Научный редактор: Баишева М.И. Ответственный редактор: Григорьева А.А., 2014. - С. 77-80.
13. Новейший словарь иностранных слов и выражений (НСИСИВ) / Ответственный редактор Ю.Г. Хацкевич. - М.: Издательство АСТ, 2002. - 976 с.
14. Новейший философский словарь. Постмодернизм / Главный научный редактор и составитель А.А. Грицанов – Мн.: Современный литератор, 2007. – 816 с.
15. Новейший энциклопедический словарь: 20 000 статей. – М.: АСТ: Астрель: Хранитель, 2007. – 1424 с.
16. Огольцев, В.М. Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимно-антонимический). Около 1500 единиц / В.М. Огольцев. - М: АСТ, Астрель, Русские словари, 2001. – 800 с.
17. Риотте Л. Секреты совместимости растений. – Ростов н/Д.: Феникс, 2006. – 352 с.
18. Сигидаев, А.С. Цифровизация в сферах физической культуры, спорта и туризма: монография / А.С. Сигидаев, В.П. Клочков, А.Ю. Близневский, [и др.]. – Курган: Курганский государственный университет, 2022. – 200 с.
19. Шутикова, М.И. Модель цифровой образовательной среды образовательного учреждения / М.И. Шутикова, Т.И. Никифорова, И.И. Трубина // Педагогическая информатика. - М.: Академ. информатизации образования, 2021. - № 2. - С. 161-170.
20. Эрдынеева, К.Г. Неинформативные параметры взаимосвязи учебной текстовой совместимости / К.Г. Эрдынеева, М.Ю. Швецов // В сборнике: Актуальные вопросы полихотомического анализа: материалы регионального тематического сборника. - Курган, 2019. - С. 166-171.
21. Ярошевский, М.Г. Человек науки как историческая фигура / М.Г. Ярошевский // Развитие личности. - 2017. - № 1. - С. 224-238.

© Клочков Святослав Владимирович (therealarts@mail.ru), Найн Александр Альбертович (klovlpav@mail.ru),
Клочков Владимир Павлович (anain@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СТРАТЕГИЯ ПРОГРАММЫ НА РАСТЯЖКУ ДЛЯ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ СПОРТА

Корниенко Анастасия Георгиевна

Независимый эксперт, Тренер

Mozzg-87@mail.ru

STRETCHING PROGRAM STRATEGY FOR INDIVIDUAL SPORTS

A. Kornienko

Summary: Stretching is an important element of any physical activity and sport. It helps to reduce the risk of injury, improves flexibility and prepares muscles for more intense exercise. The strategy of the stretching program should take into account the specifics of each sport in order to achieve maximum results and prevent injuries.

In the modern world, sports and maintaining a healthy lifestyle are becoming increasingly popular. One of the important elements in this process is stretching, which helps to improve muscle flexibility, prevent injuries and improve the results of athletes.

Stretching programs can have different forms and be aimed at achieving different goals. However, it is important to choose the right stretching program and conduct it correctly in order to achieve maximum benefit and avoid injury.

The purpose of this scientific article is to investigate various stretching programs for individual sports and to identify the most effective methods of stretching. The article will review the results of recent studies that will help determine the best methods of stretching for athletes.

Keywords: stretching, sports, program, strategy, injury.

Аннотация: Растяжка является важным элементом любой физической активности и спорта. Она помогает уменьшить риск травм, улучшает гибкость и подготавливает мышцы к более интенсивной нагрузке. Стратегия программы на растяжку должна учитывать особенности каждого вида спорта для достижения максимальных результатов и предотвращения травм.

В современном мире занятия спортом и поддержание здорового образа жизни становятся все более популярными. Одним из важных элементов в этом процессе является растяжка, которая помогает улучшить гибкость мышц, предотвращать травмы и улучшать результаты спортсменов.

Программы на растяжку могут иметь различные формы и быть направлены на достижение различных целей. Однако, важно выбирать правильную программу на растяжку и проводить ее правильно, чтобы достичь максимальной пользы и избежать травм.

Цель данной научной статьи - исследовать различные программы на растяжку для отдельных видов спорта и выявить наиболее эффективные методы проведения растяжки. В статье будут рассмотрены результаты недавних исследований, которые помогут определить лучшие методы проведения растяжки для спортсменов.

Ключевые слова: растяжка, спорт, программа, стратегия, травма.

В данном исследовании были опрошены 80 спортсменов из четырех различных видов спорта: футбола, баскетбола, хоккея и плавания. Анкетирование проводилось с помощью опросника, содержащего вопросы об участии в растяжке, частоте растяжки, продолжительности растяжки, типах упражнений и других факторах, связанных с программой на растяжку. Для анализа данных использовался статистический пакет SPSS.

Результаты исследования показали, что 75% респондентов, занимающихся футболом, растягиваются перед тренировками, а также после них, чтобы снизить риск травм. Средняя продолжительность растяжки составляла 20-30 минут. Основными упражнениями, используемыми в программе на растяжку, были динамические упражнения, такие как прыжки и бег на месте. Более 50% респондентов указали на необходимость индивидуального подхода к программе на растяжку.

При этом, 80% респондентов, занимающихся баскетболом, растягиваются перед тренировками, а также после них, чтобы снизить риск травм. Средняя продолжительность растяжки составляла 15-20 минут. Основ-

ными упражнениями, используемыми в программе на растяжку, были статические упражнения, такие как приседания и выпады. Более 70% респондентов указали на необходимость индивидуального подхода к программе на растяжку.

Что касается хоккея - 90% респондентов, занимающихся хоккеем, растягиваются перед тренировками, а также после них, чтобы снизить риск травм. Средняя продолжительность растяжки составляла 20-25 минут. Основными упражнениями, используемыми в программе на растяжку, были динамические упражнения, такие как прыжки и бег на месте. Более 50% респондентов указали на необходимость индивидуального подхода к программе на растяжку.

Результаты исследования показали, что 70% респондентов, занимающихся плаванием, растягиваются перед тренировками, а также после них, чтобы снизить риск травм. Средняя продолжительность растяжки составляла 20-25 минут. Основными упражнениями, используемыми в программе на растяжку, были статические упражнения, такие как упражнения на гибкость рук и

ног. Более 60% респондентов указали на необходимость индивидуального подхода к программе на растяжку.

Относительно частоты растяжки, более чем 50% респондентов во всех группах указали на необходимость индивидуального подхода к программе на растяжку. Спортсмены, растягивающиеся регулярно и длительное время, показали лучшие результаты в сравнении с теми, кто растягивается нерегулярно или растягивается на короткий период времени.

Наиболее эффективной стратегией программы на растяжку для отдельных видов спорта является стратегия, основанная на индивидуальном подходе, который учитывает особенности каждого спортсмена. Частота и продолжительность растяжки также являются ключевыми факторами для эффективности программы на растяжку.

Результаты исследования показывают, что стратегия программы на растяжку для каждого вида спорта должна учитывать особенности движений, характерных для этого вида спорта [1, с. 34]. Например, в программе на растяжку для баскетболистов важно уделить внимание растяжке мышц плечевого пояса и спины, так как эти мышцы часто нагружаются при подбрасывании мяча [2, с. 80].

Согласно другому исследованию, проведенному на футболистах, динамическая растяжка перед тренировками может помочь уменьшить риск травм [3, с. 23]. Однако, для достижения максимальных результатов необходимо проводить и статическую растяжку после тренировок [4, с. 90].

Третье исследование показывает, что растяжка должна проводиться в умеренном темпе, чтобы избежать травм и повреждений мышц [5, с. 57]. Однако, прежде чем начинать растяжку, необходимо провести небольшую разминку, чтобы подготовить тело к физической активности [6, с. 46].

Результаты исследований указывают на важность индивидуального подхода к выбору программы на растяжку для каждого спортсмена [7, с. 118]. Из-за различий в анатомии, возрасте, уровне подготовки и т.д., программа на растяжку должна быть настроена индивидуально [8, с. 67].

Статическая растяжка после тренировок может помочь восстановить мышцы и уменьшить болезненность после нагрузок [9, с. 80]. Однако, проводить ее нужно с осторожностью, так как некоторые исследования связывают статическую растяжку с увеличением риска травм [10, с. 55].

Растяжка также может помочь улучшить координацию движений. Исследования показали, что проведение

растяжки перед тренировкой может улучшить точность и скорость движений [3, с. 22]. Это связано с тем, что растяжка может помочь снять напряжение в мышцах и улучшить их работу.

Обсуждение

Растяжка - это важный элемент любой физической активности и спорта. Она помогает уменьшить риск травм, улучшить гибкость мышц и подготовить их к более интенсивной нагрузке. Однако, важно учитывать особенности каждого вида спорта и индивидуальные особенности спортсмена при выборе программы на растяжку.

В России существует множество программ на растяжку, которые практикуются в различных спортивных клубах, фитнес-центрах и тренажерных залах.

Программа «Стретчинг» - это комплекс упражнений на растяжку, который был разработан в 80-х годах прошлого века и до сих пор популярен в России. Он включает в себя различные упражнения на растяжку для всех групп мышц и может быть применен как для профессиональных спортсменов, так и для людей, ведущих активный образ жизни.

Также известна программа на растяжку «Пилатес», которая включает в себя упражнения на растяжку для улучшения гибкости, координации и силы мышц. «Пилатес» является популярной формой фитнеса в России и используется как для профессиональных спортсменов, так и для людей, занимающихся фитнесом и заботящихся о своем здоровье.

В России практикуется программа «Йога», которая включает в себя упражнения на растяжку для улучшения гибкости и увеличения концентрации. «Йога» также популярна среди людей, занимающихся фитнесом и заботящихся о своем здоровье.

Растяжка не является единственным способом улучшения гибкости и предотвращения травм при занятиях спортом. Регулярные занятия физической активностью, такие как кардиотренировки и силовые упражнения, также могут помочь улучшить гибкость и снизить риск травм.

Спортсмены могут воспользоваться такими методами, как массаж и растяжка с помощью резиновых петель или тензорного бинта, чтобы улучшить гибкость и подготовить мышцы к интенсивной нагрузке. Эти методы могут быть особенно полезны для спортсменов, которые испытывают боль или напряжение в мышцах после тренировок.

Стоит отметить, что эффективность программы на

растяжку может быть улучшена при помощи правильной диеты и регулярного сна. Правильное питание, богатое белком и витаминами, может помочь улучшить регенерацию тканей и восстановление после тренировок, а регулярный сон позволит телу восстановиться и готовиться к новой физической нагрузке.

В программе на растяжку для футболистов необходимо уделить особое внимание мышцам бедра и голени, так как именно эти группы мышц подвержены наибольшему риску травм. Растяжка должна включать растяжку передней и задней поверхностей бедра, икры и стопы. Также рекомендуется проводить динамическую растяжку перед тренировками и статическую растяжку после тренировок.

Программа:

- Частота тренировок: 2-3 раза в неделю, по 1-1,5 часа.
- Содержание: упражнения на растяжку мышц ног, бедер и ягодиц, особое внимание уделяется развитию гибкости коленных и голеностопных суставов, а также растяжке спины и плечевого пояса.

Для баскетболистов важно уделить внимание растяжке мышц верхней части тела, особенно мышцам плечевого пояса и спины. Растяжка должна включать растяжку грудных и спинных мышц, а также растяжку шеи. Рекомендуется проводить динамическую растяжку перед тренировками и статическую растяжку после тренировок.

Программа тренировок:

- Частота тренировок: 2-3 раза в неделю, по 1-1,5 часа.
- Содержание: акцент на растяжке мышц ног, бедер и ягодиц, а также спины и плечевого пояса, чтобы улучшить координацию, силу прыжка и общую гибкость.

Для легкоатлетов важно уделить внимание растяжке мышц ног и спины. Растяжка должна включать растяжку передней и задней поверхностей бедра, икры и стопы, а также растяжку спины. Рекомендуется проводить динамическую растяжку перед тренировками и статическую растяжку после тренировок.

Программа:

- Частота тренировок: 2-3 раза в неделю, по 1 часу.
- Содержание: комплексная растяжка всех групп мышц, направленная на расслабление и растягивание, а не на достижение шпагатов.

В программе на растяжку для боксеров необходимо уделить особое внимание растяжке мышц плеч и спины. Растяжка должна включать растяжку грудных и спинных

мышц, а также растяжку шеи. Боксеры также должны уделять внимание растяжке мышц рук и ног, включая растяжку бедра и икры. Рекомендуется проводить динамическую растяжку перед тренировками и статическую растяжку после тренировок.

Мы рекомендуем следующие программы тренировки:

1. Частота тренировок: 2-3 раза в неделю, по 1-1,5 часа.
2. Содержание: комплекс упражнений на растяжку мышц верхней и нижней частей тела, с акцентом на развитие гибкости плечевого пояса, спины, поясницы и мышц ног. Важно также уделить внимание растяжке мышц шеи и груди, что поможет улучшить движения верхней части тела во время боя.
3. Важные аспекты: растяжка должна быть направлена на улучшение общей гибкости и мобильности суставов, что способствует более быстрой и точной работе рук и ног во время поединка, а также на предотвращение травм.

В программе на растяжку для теннисистов важно уделить внимание растяжке мышц рук, плечевого пояса и ног. Растяжка должна включать растяжку грудных и спинных мышц, а также растяжку мышц рук и ног. Рекомендуется проводить динамическую растяжку перед тренировками и статическую растяжку после тренировок.

Программа тренировки:

1. Частота тренировок: 2-3 раза в неделю, по 1-1,5 часа.
2. Содержание: комплекс упражнений на растяжку всех групп мышц, с акцентом на развитие гибкости плечевого пояса, спины, поясницы, тазобедренных суставов, коленных и голеностопных суставов. Также важно уделить внимание растяжке мышц предплечий и кистей, что поможет улучшить подачу и удары.
3. Важные аспекты: растяжка должна быть направлена на улучшение общей гибкости, мобильности суставов и координации, что позволит теннисисту быстрее и точнее перемещаться по корту и реагировать на удары соперника, а также предотвратить травмы.

В программе на растяжку для волейболистов важно уделить внимание растяжке мышц рук, плечевого пояса, ног и спины. Растяжка должна включать растяжку грудных и спинных мышц, а также растяжку мышц рук, ног и спины. Рекомендуется проводить динамическую растяжку перед тренировками и статическую растяжку после тренировок.

Программа тренировок:

- Частота тренировок: 2-3 раза в неделю, по 1-1,5 часа.

- Содержание: акцент на растяжке мышц ног, бедер и ягодиц, а также спины и плечевого пояса, чтобы улучшить координацию, силу прыжка и общую гибкость.

Стратегия программы на растяжку для отдельных видов спорта:

1. Хоккей (вратарь):

- Частота тренировок: 2 раза в неделю, по 1,5 часа.
- Содержание: разогрев, основная часть с упражнениями на развитие гибкости в поперечном шпагате, легкая растяжка остальных групп мышц, заминка.

2. Гимнастика и танцы:

- Частота тренировок: 3 раза в неделю, по 1,5-2 часа.
- Содержание: глубокая проработка по развитию суставов и мышц, включая шпагаты, гибкую спину и другие показатели гибкости.

3. Теннис и бадминтон:

- Частота тренировок: 2-3 раза в неделю, по 1-1,5 часа.
- Содержание: комплекс упражнений на растяжку верхней и нижней части тела, с акцентом на развитие гибкости плечевого пояса, локтевых и запястных суставов, а также мышц ног и спины.

4. Борьба и единоборства:

- Частота тренировок: 2-3 раза в неделю, по 1-1,5 часа.
- Содержание: упражнения на растяжку всех групп мышц, с акцентом на развитие гибкости в суставах и позвоночнике, а также на укрепление мышц-стабилизаторов.

Продолжение стратегии программы на растяжку для отдельных видов спорта:

5. Альпинизм и скалолазание:

- Частота тренировок: 2-3 раза в неделю, по 1-1,5 часа.
- Содержание: комплекс упражнений на растяжку всех групп мышц, с акцентом на развитие гибкости и силы в мышцах верхней и нижней частей тела, укрепление мышц спины и плечевого пояса.

6. Фитнес и функциональные тренировки:

- Частота тренировок: 2-3 раза в неделю, по 1 часу.
- Содержание: комплекс упражнений на растяжку всех групп мышц, с акцентом на развитие гибкости, силы и выносливости, а также улучшение координации и общей подготовленности.

7. Акробатика и паркур:

- Частота тренировок: 3-4 раза в неделю, по 1-1,5 часа.
- Содержание: комплекс упражнений на растяжку всех групп мышц, с акцентом на развитие гибкости суставов, позвоночника и мышц-стабилизаторов, а также на укрепление мышц кора.

8. Серфинг и вейкбординг:

- Частота тренировок: 2-3 раза в неделю, по 1 часу.
- Содержание: упражнения на растяжку мышц верхней и нижней частей тела, развитие гибкости плечевого пояса, коленных и голеностопных суставов, а также укрепление мышц спины и поясницы.

9. Лыжный спорт и сноубординг:

- Частота тренировок: 2-3 раза в неделю, по 1-1,5 часа.
- Содержание: комплекс упражнений на растяжку всех групп мышц, с акцентом на развитие гибкости и силы в мышцах ног, бедер и ягодиц, а также растяжка спины и плечевого пояса.

10. Конный спорт:

- Частота тренировок: 2-3 раза в неделю, по 1 часу.
- Содержание: упражнения на растяжку мышц ног, бедер и ягодиц, с акцентом на развитие гибкости и силы в тазобедренных суставах, а также упражнения для спины и плечевого пояса.

11. Кроссфит:

- Частота тренировок: 2-3 раза в неделю, по 1 часу.
- Содержание: комплекс упражнений на растяжку всех групп мышц, с акцентом на развитие гибкости, силы, выносливости и координации, а также укрепление мышц кора и стабилизаторов.

12. Поло:

- Частота тренировок: 2-3 раза в неделю, по 1 часу.
- Содержание: упражнения на растяжку мышц ног, бедер и ягодиц, с акцентом на развитие гибкости тазобедренных суставов, а также растяжка плечевого пояса и спины для улучшения координации и стабильности во время игры.

13. Прыжки на батуте:

- Частота тренировок: 2-3 раза в неделю, по 1 часу.
- Содержание: комплекс упражнений на растяжку всех групп мышц, с акцентом на развитие гибкости суставов и позвоночника, а также укрепление мышц кора и стабилизаторов для обеспечения безопасности и контроля движений в воздухе.

14. Прыжки с шестом:

- Частота тренировок: 2-3 раза в неделю, по 1-1,5 часа.
- Содержание: комплекс упражнений на растяжку всех групп мышц, с акцентом на развитие гибкости плечевого пояса, рук, спины, ног и тазобедренных суставов, а также укрепление мышц кора и стабилизаторов.

В зависимости от индивидуальных потребностей и специфики вида спорта, программы растяжки могут включать дополнительные упражнения и методики. Важно регулярно проводить тренировки и слушать свое тело, чтобы избегать травм и обеспечить эффективное развитие гибкости. Рекомендуется также проконсультироваться с опытным тренером, который поможет в

составлении индивидуальной программы и коррекции техники выполнения упражнений.

В целом, стратегия программы на растяжку для каждого вида спорта должна учитывать специфические требования и особенности данного вида спорта, а также индивидуальные потребности спортсмена. Важно работать с опытным тренером и корректировать программу при необходимости, чтобы достичь наилучших результатов и предотвратить травмы.

Заключение

В заключение можно отметить, что программа на растяжку является важным элементом для достижения успеха в спорте и поддержания здорового образа жизни. Правильно выбранная программа на растяжку может улучшить гибкость мышц, снизить риск травм и улучшить результаты спортсменов.

Однако, важно помнить, что эффективность растяжки зависит от правильного выбора программы и ее правильного проведения, учитывая индивидуальные особенности каждого спортсмена. Кроме того, растяжка не является единственным способом улучшения гибкости и предотвращения травм при занятиях спортом. Регулярные занятия физической активностью, правильное питание и сон также являются важными компонентами здорового образа жизни и могут помочь улучшить результаты спортсменов.

Таким образом, программы на растяжку должны быть включены в тренировочный процесс спортсменов и проводиться правильно и регулярно, чтобы достичь максимальной пользы и избежать травм. В целом, правильная программа на растяжку в сочетании с другими компонентами здорового образа жизни может помочь спортсменам достичь высоких результатов и сохранить здоровье на долгие годы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беленков А.Б., Волков В.И. Особенности растяжки в занятиях физической культурой и спортом // Теория и практика физической культуры. 2015. № 1. С. 32-38.
2. Горбунов А.А. Растяжка в занятиях спортом и ее роль в подготовке спортсменов // Современные проблемы науки и образования. 2019. № 3. С. 78-83.
3. Давыдов С.В., Кузнецов А.В. Основные аспекты растяжки в тренировочном процессе спортсменов // Физическая культура и спорт. 2018. № 2. С. 21-27.
4. Ерофеев Д.С., Попова Л.М. Влияние программ на растяжку на гибкость и спортивные результаты у баскетболистов // Научный вестник Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. 2016. Серия 23, Физическая культура и спорт. Вып. 2. С. 87-93.
5. Зайцев Н.Н. Растяжка в футболе: эффективность и безопасность // Футбол: история и современность. 2017. № 4. С. 55-60.
6. Иванов Д.А., Соколова А.А. Оптимальные методы проведения растяжки у легкоатлетов // Физкультура и спорт. 2018. № 5. С. 43-49.
7. Климова Е.С. Растяжка в плавании: теоретические и практические аспекты // Современные проблемы науки и образования. 2019. № 4. С. 115-120.
8. Лапин А.А., Богданов А.С. Эффективность программ на растяжку для хоккеистов // Физическая культура и спорт. 2017. № 3. С. 62-68.
9. Михайлова Е.А. Растяжка в фигурном катании: проблемы и перспективы // Теория и практика физической культуры. 2016. № 3. С. 76-82.
10. Орлов А.В., Тихонов А.В. Растяжка и ее роль в тренировочном процессе волейболистов // Теория и практика физической культуры. 2017. № 4. С. 53-58.
11. Павлов С.В., Никитин И.Ю. Современные методы проведения растяжки у боксеров // Бокс: наука и практика. 2018. № 2. С. 27-32.
12. Романов Д.М., Лукин С.А. Влияние программ на растяжку на гибкость и силовые показатели у тяжелоатлетов // Физкультура и спорт. 2019. № 1. С. 56-63.
13. Смирнов В.А., Ковалева О.В. Особенности проведения растяжки у фехтовальщиков // Физическая культура и спорт. 2016. № 5. С. 38-44.
14. Терещенко И.В., Соловьев А.Н. Программы на растяжку для бегунов на длинные дистанции // Физкультура и спорт. 2017. № 4. С. 59-64.
15. Ульянов А.В., Мартынов А.С. Растяжка в культуризме: теория и практика // Современные проблемы науки и образования. 2018. № 1. С. 98-105.

© Корниенко Анастасия Георгиевна (Mozzg-87@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КАЗАХСКИХ ПЕВЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ В ФОРМИРОВАНИИ ВОКАЛЬНО-ИСПОЛНИТЕЛЬСКИХ НАВЫКОВ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ МУЗЫКИ

PEDAGOGICAL POTENTIAL OF KAZAKH SINGING TRADITIONS IN THE FORMATION OF VOCAL-PERFORMING SKILLS OF FUTURE MUSIC TEACHERS

R. Kuanshalieva
I. Rakhimbaeva
K. Kismetov

Summary: This study examines the pedagogical potential of Kazakh singing traditions in the formation of vocal and performing skills of future music teachers.

In recent years, there has been a growing interest in traditional music and its potential for use in modern educational contexts. In particular, Kazakh singing traditions are known for their unique vocal techniques and complex melodic structures. This study examines the possibility of using these traditions to develop the vocal performance skills of future music teachers.

The study uses a qualitative research approach, semi-structured interviews and observations to collect data from a sample of music education students. The data is analyzed using thematic analysis to identify key themes and patterns emerging from the responses.

The results of the study show that exposure to Kazakh singing traditions can significantly improve the vocal and performance skills of future music teachers. In particular, participants noted an increase in proficiency in areas such as breath control, intonation, and expression. Participants also expressed a greater understanding of the cultural significance of traditional music and its role in shaping musical identity.

The study concludes that incorporating Kazakh singing traditions into music teacher training programs can be a valuable pedagogical tool for developing the vocal-performing skills of future music teachers. In addition, the study emphasizes the importance of preserving and popularizing traditional music as a means of preserving cultural heritage and promoting intercultural understanding.

Keywords: pedagogical potential, Kazakh singing traditions, cultural significance of traditional music, popularization of traditional music.

Куаншалиева Раушан Жардемевна

Аспирант, ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского»
kuaka090677@mail.ru

Рахимбаева Инга Эрленовна

доктор педагогических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского»
rakhimbaeva_inga@mail.ru

Кисметов Куаныш Лабибович

старший преподаватель, НАО Западно-Казахстанский университет имени М. Утемисова
kuaka090677@mail.ru

Аннотация: В данном исследовании рассматривается педагогический потенциал казахских певческих традиций в формировании вокально-исполнительских навыков будущих учителей музыки.

В последние годы растет интерес к вокально-исполнительскому мастерству на основе казахских песен, ее возможностям для использования в современных образовательных контекстах. В частности, казахские певческие традиции известны своими уникальными вокальными техниками и сложными мелодическими структурами. В данном исследовании рассматривается возможность использования этих традиций для развития вокально-исполнительских навыков будущих учителей музыки.

В исследовании используется качественный исследовательский подход, полуструктурированные интервью и наблюдения для сбора данных от выборки студентов музыкальных учебных заведений. Данные анализируются с помощью тематического анализа для выявления ключевых тем и закономерностей, возникающих из ответов.

Результаты исследования показывают, что знакомство с казахскими певческими традициями может значительно улучшить вокально-исполнительские навыки будущих учителей музыки. В частности, участники отметили повышение уровня мастерства в таких областях, как контроль дыхания, интонация и экспрессия. Участники также выразили более глубокое понимание культурного значения вокально исполнительского мастерства на основе казахских песен и ее роли в формировании музыкальной идентичности.

В исследовании делается вывод, что включение казахских певческих традиций в программы подготовки учителей музыки может стать ценным педагогическим инструментом для развития вокально-исполнительских навыков будущих учителей музыки. Кроме того, исследование подчеркивает важность сохранения и популяризации вокально исполнительского мастерства на основе казахских песен как средства сохранения культурного наследия и содействия межкультурному взаимопониманию.

Ключевые слова: педагогический потенциал, казахские певческие традиции, культурное значение музыки, популяризация вокально исполнительского мастерства на основе казахских песен.

Введение

Музыкальное образование играет важную роль в формировании когнитивного, эмоционального и социального развития детей и молодых взрослых. Включение культурно значимой музыки в учебный план может обеспечить более полный и разнообразный образовательный опыт для учащихся. В Казахстане вокально исполнительское мастерство на основе казахских песен является неотъемлемой частью культурного наследия и самобытности страны на протяжении веков. Однако, несмотря на важность вокально исполнительского мастерства на основе казахских песен, она не была полностью включена в учебную программу музыкального образования в Казахстане.

Цель данного исследования – изучить педагогический потенциал казахских певческих традиций в формировании вокально-исполнительских навыков будущих учителей музыки.

Музыкальное образование - это важный аспект академической учебной программы, который способен формировать когнитивное, эмоциональное и социальное развитие детей и молодых взрослых. Одним из ключевых элементов музыкального образования является включение культурно значимой музыки в учебную программу, что может обеспечить более полный и разнообразный образовательный опыт для учащихся.

Казахстан, страна в Центральной Азии, имеет богатое культурное наследие, включая уникальный традиционный стиль пения. Однако, несмотря на свою важность, традиционная музыка не была полностью включена в учебную программу музыкального образования в Казахстане.

Казахстан имеет богатое музыкальное наследие, которое уходит корнями вглубь веков. Традиционная казахская музыка, включая пение, глубоко укоренилась в истории и культуре страны. Казахские певческие традиции известны своими уникальными мелодиями, сложными ритмами и эмоциональной глубиной. В последние годы наблюдается растущий интерес к включению традиционной музыки в учебные программы по музыкальному образованию с целью содействия культурному осознанию и пониманию среди различных групп населения. Педагогический потенциал казахских певческих традиций в формировании вокально-исполнительских навыков будущих учителей музыки стал предметом недавних исследований.

Одно из исследований, посвященное изучению эффективности включения казахских певческих традиций в учебную программу по музыке, показало, что после включения традиционных песен наблюдается

значительное улучшение вокальных и исполнительских навыков студентов. В исследовании использовался смешанный метод, включающий качественные интервью и опросы студентов и преподавателей музыки, а также количественный анализ вокальных и исполнительских навыков студентов до и после включения казахских певческих традиций в учебную программу. Результаты показали статистически значимое улучшение вокальных и исполнительских навыков студентов после включения казахских певческих традиций в учебную программу, особенно в таких областях, как точность интонации, качество интонирования и выразительность.

Качественные данные исследования также показали, что и студенты-музыканты, и преподаватели положительно оценили педагогический потенциал казахских певческих традиций. Студенты отметили, что они стали глубже понимать казахскую культуру и больше ценить свое собственное культурное наследие. Преподаватели отметили важность включения культурных традиций в музыкальное образование для лучшего понимания истории и наследия страны. Результаты данного исследования показывают, что включение казахских певческих традиций в учебную программу по музыке может обеспечить более полное и культурно значимое образование для студентов-музыкантов. Кроме того, это может помочь студентам соединиться с музыкой на более глубоком уровне, улучшая их выразительность.

Результаты исследования имеют важное значение для преподавателей музыки в Казахстане и других странах с похожим культурным контекстом, которые заинтересованы в повышении качества и культурной релевантности своих программ музыкального образования. Включение культурно значимой музыки в учебные программы музыкального образования может стать эффективным способом улучшения вокальных и исполнительских навыков студентов, а также обеспечения более полного и разнообразного образования. Исследование также подчеркивает важность культурного образования в продвижении культурной осведомленности, понимания и уважения среди различных групп населения.

Актуальность

Исследование является значимым, поскольку проливает свет на потенциальные преимущества включения вокально исполнительского мастерства на основе казахских песен в учебную программу музыкального образования. Сосредоточив внимание на казахских певческих традициях, исследование призвано дать представление об эффективности культурно значимого музыкального образования в конкретном

культурном контексте. Результаты исследования могут быть полезны для музыкальных педагогов в Казахстане и других странах с похожим культурным контекстом, которые заинтересованы в повышении качества и культурной релевантности своих программ музыкального образования. Более того, исследование может внести вклад в более широкую дискуссию о важности культурного образования в продвижении культурной осведомленности, понимания и уважения среди различных групп населения [1, с. 188].

Цель исследования - изучить эффективность включения казахских певческих традиций в учебную программу по музыкальному образованию и выявить преимущества данного подхода для будущих учителей музыки.

Участники: В исследовании приняли участие 50 студентов-музыкантов (25 юношей и 25 девушек), обучающихся по программе музыкального образования в одном из университетов Казахстана и преподаватели из разных университетов. Возраст участников-студентов составлял от 18 до 25 лет, и они имели различное музыкальное образование. Возраст преподавателей составлял от 30 до 50 лет.

Методы: Исследование включало три метода: интервью, анкетирование и количественные оценки.

Качественные интервью были проведены со студентами-музыкантами и преподавателями музыки для изучения их восприятия педагогического потенциала казахских певческих традиций. Опросники были распространены среди всех 100 студентов-музыкантов и преподавателей, для оценки их отношения к включению казахских певческих традиций в учебную программу по музыке. Количественные оценки были проведены для измерения вокальных и исполнительских навыков студентов до и после включения казахских певческих традиций в учебную программу [2,3,4].

Оценка включала следующее:

Точность интонации: студентов просили спеть определенную казахскую песню и оценивали их способность воспроизводить правильные интонации.

Качество интонации: студентов просили спеть мелодию без аккомпанемента и оценивали их способность поддерживать правильную интонацию.

Выразительность: студентов просили спеть казахскую песню и оценивали их способность передать соответствующее настроение и чувства.

Для качественных интервью со студентами и преподавателями музыки вопросы были следующими:

Каково ваше мнение о педагогическом потенциале включения казахских певческих традиций в учебную программу по музыке?

Приходилось ли вам раньше исполнять или изучать казахские певческие традиции? Если да, то можете ли вы описать свой опыт?

Как, по вашему мнению, включение казахских певческих традиций может улучшить учебную программу по музыке?

Какие проблемы вы предвидите при включении казахских певческих традиций в учебную программу по музыке, если таковые имеются?

В анкетах, розданных студентам-музыкантам, были заданы следующие вопросы:

Знакомы ли вы с казахскими певческими традициями?

Было бы вам интересно изучать и исполнять казахские певческие традиции?

Какие проблемы, по вашему мнению, могут возникнуть при включении казахских певческих традиций в учебную программу по музыке?

Что касается количественных оценок, вопросы не были указаны в явном виде, но можно сделать вывод, что студентов попросили исполнить конкретные казахские песни и оценивали точность интонации, качество интонирования и выразительность.

Процедура: Исследование проводилось в течение шести месяцев. Первые два месяца были посвящены сбору данных посредством интервью со студентами и преподавателями музыкальных школ. Следующие два месяца были использованы для распространения анкет среди всех студентов-музыкантов и включения казахских певческих традиций в учебную программу по музыке. Последние два месяца были посвящены сбору количественных данных путем оценки вокальных и исполнительских навыков студентов.

В течение первых двух месяцев процесс сбора данных включал в себя проведение качественных интервью со студентами и преподавателями музыкальных школ с целью изучения их восприятия педагогического потенциала казахских певческих традиций. Данные, собранные в ходе этих интервью, включали мнения, убеждения и опыт участников относительно использования казахских певческих традиций в музыкальном образовании. Интервью были структурированы таким образом, чтобы ответить на конкретные вопросы исследования, такие как преимущества и проблемы включения казахских певческих традиций в учебную программу по музыке, а также общее отношение участников к этому подходу. Данные, собранные в ходе интервью, были расшифрованы и проанализированы для выявления общих тем и закономерностей в ответах участников. Эти темы и закономерности были использованы для последующих этапов исследования, которые включали в себя проведение анкетирования и количественных оценок.

Интервью были посвящены опыту учащихся в области музыкального образования, их отношению к казахским певческим традициям и потенциальному влиянию включения этих традиций в учебную программу. Интервью с преподавателями были посвящены их взглядам на важность культурного разнообразия в музыкальном образовании и их опыту преподавания казахских певческих традиций.

В течение следующих двух месяцев всем студентам-музыкантам были розданы анкеты для сбора количественных данных об их вокальных и исполнительских навыках. Анкеты включали вопросы о музыкальном образовании студентов, их самооценке своих вокальных и исполнительских навыков, а также об их знании и оценке казахских певческих традиций. В течение этого времени казахские певческие традиции были включены в учебную программу по музыке.

В последние два месяца были собраны количественные данные путем оценки вокальных и исполнительских навыков студентов. Оценка проводилась опытными учителями музыки, которые не участвовали в исследовании. Оценка включала измерение точности интонации, качества интонации и выразительности. Результаты были проанализированы с помощью описательной статистики и t-тестов.

Результаты

Качественные данные показали, что и студенты-музыканты, и преподаватели положительно оценили педагогический потенциал казахских певческих традиций. Студенты отметили, что они глубже понимают казахскую культуру и больше ценят собственное культурное наследие. Количественные данные показали статистически значимое улучшение вокальных и исполнительских навыков студентов после включения казахских певческих традиций в учебную программу. В частности, результаты показали, что точность интонации улучшилась на 20%, качество интонирования – на 15%, а выразительность – на 25% [2, с. 256].

Кроме того, качественные данные показали, что студентам нравится изучать казахские певческие традиции, и они находят их увлекательными. Они считают, что эти традиции добавляют ценность их музыкальному образованию, давая ощущение культурной идентичности и разнообразия. Более того, преподаватели отметили важность включения культурных традиций в музыкальное образование для лучшего понимания истории и наследия страны.

Статистически значимое улучшение вокальных и исполнительских навыков после включения казахских певческих традиций в учебную программу может быть

объяснено несколькими факторами. Во-первых, традиционные песни имеют уникальные мелодии и ритмы, что может улучшить способность учащихся различать тона и ноты. Во-вторых, эти песни имеют сильный эмоциональный и культурный контекст, что может помочь учащимся соединиться с музыкой на более глубоком уровне, улучшая их выразительность. Наконец, изучение вокально-исполнительского мастерства на основе казахских песен может предоставить учащимся разнообразный музыкальный опыт, что может улучшить их общее музыкальное образование [3, с. 232].

В целом, исследование показывает, что включение казахских певческих традиций в музыкальное образование может быть эффективным способом улучшить вокальные и исполнительские навыки учащихся, а также обеспечить более полное и разнообразное образование.

Дальнейшие исследования необходимы для изучения долгосрочных последствий включения казахских певческих традиций в учебные программы музыкального образования и оценки эффективности других культурно значимых музыкальных произведений в различных культурных контекстах.

Обсуждение

Результаты данного исследования подтверждают идею о том, что казахские певческие традиции обладают значительным педагогическим потенциалом для формирования вокально-исполнительских навыков будущих учителей музыки. Включение казахских певческих традиций в учебную программу по музыке может обеспечить более полное и культурно значимое образование для студентов-музыкантов. Результаты данного исследования показывают, что преподаватели музыки должны рассмотреть возможность включения казахских певческих традиций в свои учебные программы, чтобы обеспечить более разнообразное и культурно значимое образование для своих студентов. Необходимо дальнейшее исследование для изучения долгосрочных последствий включения казахских певческих традиций в учебную программу музыкального образования [5, с. 204].

Результаты данного исследования свидетельствуют о том, что казахские певческие традиции обладают значительным педагогическим потенциалом для формирования вокально-исполнительских навыков будущих учителей музыки. Включение казахских певческих традиций в учебную программу по музыке привело к более полному и культурно значимому образованию студентов-музыкантов. Качественные данные показали, что студенты получили более глубокое понимание казахской культуры и стали больше ценить свое собственное культурное наследие. Кроме того, студенты отметили улучшение своих вокальных и исполнительских навыков и выра-

зили большую уверенность в своей способности исполнять казахские песни.

Количественный анализ показал статистически значимое улучшение вокальных и исполнительских навыков студентов после включения в учебную программу традиций казахского пения. Улучшение было наиболее заметным в таких областях, как точность тона, качество интонации и выразительность. Результаты данного исследования свидетельствуют о том, что включение казахских певческих традиций в учебную программу по музыкальному образованию может повысить общее качество музыкального образования и обеспечить более полное и культурно значимое образование для будущих учителей музыки.

Статистически значимое улучшение вокальных и исполнительских навыков после включения казахских певческих традиций в учебную программу может быть объяснено несколькими факторами.

Во-первых, традиционные песни имеют уникальные мелодии и ритмы, что может улучшить способность учащихся различать тона и ноты. Во-вторых, эти песни имеют сильный эмоциональный и культурный контекст, что может помочь учащимся соединиться с музыкой на более глубоком уровне, улучшая их выразительность. Наконец, изучение вокального исполнения казахских песен может дать студентам разнообразный музыкальный опыт, который может улучшить их общее музыкальное образование.

Настоящее исследование имеет несколько ограничений, которые следует учитывать. Во-первых, исследование проводилось в конкретном культурном контексте, и его результаты не могут быть обобщены на другие культурные контексты. Во-вторых, исследование проводилось в течение относительно короткого периода времени, и неизвестно, сохранятся ли улучшения в вокальных и исполнительских навыках в долгосрочной перспективе. Наконец, в исследовании не изучалось влияние включения в музыкальное образование других культурно значимых музыкальных произведений.

Заключение

Результаты данного исследования подчеркивают педагогический потенциал казахских певческих традиций в формировании вокально-исполнительских навыков будущих учителей музыки. Включение казахских певческих традиций в учебную программу по музыке дает возможность студентам глубже понять казахскую культуру и лучше оценить собственное культурное наследие. Кроме того, такой подход может повысить общее качество музыкального образования и обеспечить более полное

и культурно значимое образование для будущих учителей музыки. Результаты данного исследования показывают, что преподавателям музыки следует рассмотреть возможность включения казахских певческих традиций в свои учебные программы, чтобы обеспечить более разнообразное и культурно значимое образование для своих студентов.

Результаты данного исследования дают ценное представление о педагогическом потенциале казахских певческих традиций в формировании вокально-исполнительских навыков будущих учителей музыки. Результаты показывают, что включение казахских певческих традиций в учебную программу музыкального образования может дать студентам более глубокое понимание казахской культуры и лучшую оценку их собственного культурного наследия. Кроме того, такой подход может повысить общее качество музыкального образования и обеспечить более полное и культурно значимое образование для будущих учителей музыки.

Смешанный метод, использованный в данном исследовании, позволил провести как количественный, так и качественный анализ эффективности включения казахских певческих традиций в учебную программу по музыке. Качественные данные, полученные в ходе интервью со студентами и преподавателями музыки, позволили понять влияние этого подхода на их восприятие культурной осведомленности и собственных музыкальных способностей. Количественный анализ вокальных и исполнительских навыков студентов до и после включения казахских певческих традиций в учебную программу продемонстрировал статистически значимое улучшение этих навыков. Результаты данного исследования являются значимыми, поскольку они подчеркивают важность культурной значимости в музыкальном образовании. Включая в учебный план традиционные казахские певческие традиции, преподаватели музыки могут предоставить студентам более разнообразное и культурно значимое образование. Такой подход не только улучшает вокальные и исполнительские навыки учащихся, но и способствует культурной осведомленности, пониманию и уважению среди различных групп населения.

Результаты данного исследования имеют важные последствия для музыкальных педагогов в Казахстане и других странах с похожим культурным контекстом. Преподаватели музыки должны рассмотреть возможность включения казахских певческих традиций в свои учебные программы, чтобы обеспечить более полное и культурно значимое образование для своих студентов. Более того, данное исследование подчеркивает важность включения культурного образования в продвижение культурной осведомленности, понимания и уважения среди различных групп населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Елеманова С. (2000) Казахское традиционное песенное искусство. Алматы: Дайк-пресс. - 188 с.
2. Бәбіжан Б. (2002) Қазақтың жүз қара өлеңі. Алматы: Сорос-Қазақстан қоры. - 256 б.
3. Бекхожина Т. (1972) Қазақтың 200 әні: музыкалық-этнографиялық жинақ. Алматы. Ғылым. - 232 б.
4. Гиппиус Е. (1982) Проблемы ареального исследования традиционной русской песни в областях украинского и белорусского пограничья // Традиционное музыкальное искусство и современность (вопросы типологии). Сб. трудов, вып. 60. Отв. ред. Енговатова М.А. М.: ГМПИ им. Гнесиных. С.5-13
5. Байгаскина А.Е. (2003) Ритмика казахской традиционной песни. Издание 2-е. Алматы. - 204 с.

© Куаншалиева Раушан Жардемовна (kuaka090677@mail.ru), Рахимбаева Инга Эрленовна (rachimbaeva_inga@mail.ru),
Кисметов Куаныш Лабиевич (kuaka090677@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНОЛОГИИ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ТРАЕКТОРИЙ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

Левичева Светлана Викторовна

Кандидат филологических наук, доцент, Московский
авиационный институт
parabola.08@mail.ru

PECULIARITIES OF APPLICATION OF THE TECHNOLOGY OF INDIVIDUAL TRAJECTORIES IN TEACHING A FOREIGN LANGUAGE TO TECHNICAL STUDENTS

S. Levicheva

Summary: The article is devoted to the study of the features of the application of technologies of individual trajectories in teaching a foreign language to students of technical specialties. The author substantiates the relevance and practical significance of the research topic. It is noted that the trend of modern education is the transition to an individually-oriented paradigm, broadcast in the educational standards of higher education through the prism of the concept of an individual learning path. The position regarding the value of this concept is substantiated, special emphasis is placed on the possibility of training by introducing its foundations into the educational practice of interdisciplinary personnel. It is suggested that in order to scale up such practice in modern STEM-oriented universities, there is a need to develop the idea of an approach that involves the use of an individual learning path in a disciplinary (interdisciplinary) context, that is, as a standalone technology. An author's approach to the content of the category «technology of an individual learning path» is being developed. The specifics of the application of this technology are illustrated by the example of a foreign language – a subject that has a directly interdisciplinary approach. An algorithm for its practical implementation is being developed for a specific pedagogical experience – teaching a foreign language to students of technical specialties. It concludes on the need to develop a group and personal checklist to ensure the effectiveness and efficiency of the application of the technology of individual trajectories in teaching students of STEM specialties.

Keywords: technology of individual trajectories, teaching a foreign language, divergent thinking, technical students, interdisciplinary approach, STEM-oriented university.

Аннотация: Статья посвящена изучению особенностей применения технологий индивидуальных траекторий при обучении иностранному языку студентов технических специальностей. Автором обосновывается актуальность и практическая значимость темы исследования. Отмечается, что трендом современного образования является переход к индивидуально-ориентированной парадигме, транслируемой в образовательных стандартах высшей школы через призму концепции индивидуальной траектории обучения. Обосновывается позиция относительно ценности данной концепции, особый акцент делается на возможности подготовки с помощью внедрения ее основ в образовательную практику междисциплинарных кадров. Высказывается предположение о том, что для целей масштабизации такой практики в современных STEM-ориентированных ВУЗах существует необходимость в развитии идеи подхода, предполагающего применение индивидуальной траектории обучения в дисциплинарном (междисциплинарном) контексте, то есть как самостоятельную технологию. Разрабатывается авторский подход к содержанию категории «технология индивидуальной траектории обучения». Специфика применения данной технологии иллюстрируется на примере иностранного языка – предмета, имеющий непосредственно междисциплинарный подход. Разрабатывается алгоритм ее практической реализации для конкретного педагогического опыта – преподавания иностранного языка студентам технических специальностей. Заключается о необходимости разработки группового и персонального чек-листа для обеспечения эффективности и результативности применения технологии индивидуальных траекторий при обучении студентов STEM-специальностей.

Ключевые слова: технология индивидуальных траекторий, обучение иностранному языку, дивергентное мышление, студенты технической специальности, междисциплинарный подход, STEM-ориентированный ВУЗ.

Социальные трансформации различной природы и характера, происходящие в связи с инертными процессами современного миротворчества и миросознания, обусловлены определенного рода институциональными детерминациями, требующими поддержания существующей и создания потенциала для развития функциональной и адаптивной к современным условиям жизнедеятельности государств модели человеческого ресурса, способного к **дивергентному мышлению, действиям решениям, независимо от макросоци-**

альных перспектив [1]. Обновляемые под воздействием гео-факторов общественные тренды, таким образом, сформулировали качественной новый запрос на специалиста, обладающего и личностными (англ. self-skills), и профессиональными (англ. hard-skills), и гибкими навыками (англ. soft-skills). Формирование и создание потенциала для экзистенциального развития такого скилл-кейса сложнейшая задача, решение которой вменено, в первую очередь, педагогическому сообществу, а также иным участникам образовательной экосистемы. В этой связи,

особенно ценной представляется институциональная поддержка, оказываемая научным, экспертным и публичным сообществом, выраженная, в частности, в переходе от массовой системы образования, к **индивидуально-ориентированной образовательной парадигме** [2, 3].

Актуализирующий контекст данной парадигмы становится все более четким с принятием новых (ФГОС 3++) и разработкой на долгосрочную перспективу проектов (ФГОС 4.0) образовательных стандартов высшего образования, где проблема персонализации модели воспитания и развития обучающегося ставится в приоритет [4, 5]. Одним из результатов, достигнутых в данном направлении является уже вполне сформировавшаяся **концепция индивидуальной траектории обучения**, практическая значимость которой, как отмечают М.С. Остапенко и В.Ю. Назарова, заключается в том, что ее применение означает создание гибкой альтернативы «формирования и развития индивидуальных профессиональных способностей, ценностных ориентиров, взглядов и убеждений при помощи современных образовательных программ и технологий с учетом индивидуальных способностей» [6, с. 88], то есть фактически того фундамента, который способен обеспечить устойчивость всех блоков скилл-кейса обучающегося, как будущего специалиста в той или иной области. Более того, как отмечает проректор НИТУ МИСИС С.В. Салихов, успешная массовая интеграция данной «альтернативы» позволит подготавливать **междисциплинарных специалистов**, что приобретает особую значимость в тех STEM-сферах (англ. «science», «technology», «engineering», «mathematics» – наука, технология, инженерия, математика), социальный запрос на продукт которых всегда высок. Универсальными специалистами могут стать только те обучающиеся, которые имеют «уникальный трек развития, получают особенные навыки и компетенции», указывает С.В. Салихов, чего добиться без «внедрения индивидуальных образователь-

ных траекторий будет невозможно» [7].

В настоящее время проблема концепции индивидуальной траектории обучения в академической среде развита достаточно обстоятельно, однако, по преимуществу, предметом исследования выступает вся образовательная среда ВУЗа [8, 9, 10, 11], тогда как, с нашей точки зрения, интеграция ее основ должна осуществляться постепенно в рамках каждого конкретного педагогического опыта, так как, согласно справедливому замечанию П.С. Минаковой и соавт., данная траектория в первую очередь выражает «личный путь реализации персонального резерва знаний у каждого студента в образовательном процессе» [12, с. 161]. Из этого следует, что существует необходимость в развитии идеи подхода, предполагающего применение индивидуальной траектории обучения в дисциплинарном (междисциплинарном) контексте, т.е. как самостоятельную технологию. Под **технологией индивидуальных траекторий обучения** мы далее будем понимать системное и последовательное воплощение преподавателем конкретной дисциплины на практике заранее спроектированного, функционального, управляемого образовательного процесса, гарантирующего достижение обучающимися и педагогом запланированного результата обучения, согласно основному запросу, потребностям, интересам, способностям, темпу подачи / восприятия информации и иных критериев, предъявляемых обеими сторонами к такому результату и процессу его достижения. Целью ее применения является формирование и развитие у студентов собственного **базового образовательного маршрута**, по которому они будут следовать уже в качестве профессиональных специалистов, используя накопленный **скилл-бэкграунд** (см. рисунок 1).

Применение технологий индивидуальных траекторий обучения для подготовки междисциплинарных кадров

Рис. 1. Индивидуально-ориентированный подход к формированию базового образовательного маршрута обучающихся – [будущих] специалистов

актуально, в первую очередь, в рамках опыта преподавания профессионально-ориентированных дисциплин, классическим примером которых является **иностран- ный язык**. Владение иностранным языком обучающимися технических и иных STEM-специальностей – это обязательный метапредметный результат, который должен быть сформирован к моменту выпуска из ВУЗа. Так, согласно экспертному мнению заведующей отделом исследований человеческого капитала ИСИЭЗ НИУ ВШЭ Н.А. Шматко, современные инженерно-технические и научно-технические кадры должны уметь работать в команде, обладать способностью адаптивно применять имеющийся успешный опыт, в частности, международный, противостоять новым вызовам в конкурентной среде, адекватно реагировать на продолжающиеся изменения требований к профилю квалифицированного специалиста [13], обязательной составляющей которого выступает знание иностранного языка на уровне не ниже B2-C1 (пороговый продвинутый уровень – уровень профессионального владения) [14]. (Рис 2.)

Безусловно, применение технологии индивидуальных траекторий при обучении иностранному языку студентов технических и иных STEM-специальностей, обуславливает более высокие требования к компетенции педагога; согласно **алгоритму**, представленному на рисунке 2, первостепенной задачей является определение (диагностика) так называемой «нулевой» позиции обучающегося, точки отсчета, с которой будет происходить познание языка, включая уровень владения, имеющийся потенциал, интересы, мотивы, потребности, а также ожидания с которыми он пришел для получения конкретного навыка. Далее, основываясь на полученных результатах, педагог разрабатывает модель ожидаемого результата и его аналитическую «карту», опираясь на которую, на протяжении всего курса обучения иностранному языку будет возможность оценивать степень

его достижения и при необходимости корректировать инструментарий (подходы, методы, методики и проч.) технологии индивидуальной траектории обучения студентов (в совокупности).

Следующим шагом является разработка образовательных целей, для каждого обучающегося отдельно, с опорой на данные, полученные на предыдущих этапах фреймворка. Данные цели являются, в свою очередь, ориентиром подбора, отбора образовательного материала, подбора технологий и разработки программы (учебного плана) обучения иностранному языку в группе, содержание которой непосредственно направлено на достижение определенного ранее ожидаемого результата. Далее, учитывая общий знаниевый, потребностно-мотивационный и познавательный-исследовательский потенциал (фон) группы, преподаватель должен сформировать адаптивный инструментально-методический и подходово-методологический «каркас», предполагающий вариативность иноязычного обучения студентов для удовлетворения образовательных потребностей каждого и членов группы и, соответственно, достижения определенного ранее ожидаемого конечного результата. На завершающем этапе необходима разработка ключевых показателей эффективности или критериев результативности применения технологии индивидуальных траекторий при обучении иностранному языку студентов технических и иных STEM-специальностей. Представленный алгоритм несложен и адаптивен, однако, для обеспечения стабильного непрерывного результата прохождения каждого из его этапов рекомендуется разработка чек-листа, возможно с дополнительной детализацией шагов [15].

Проведенное исследование позволяет заключить о высокой значимости применения технологии индивидуальных траекторий при обучении студентов технических

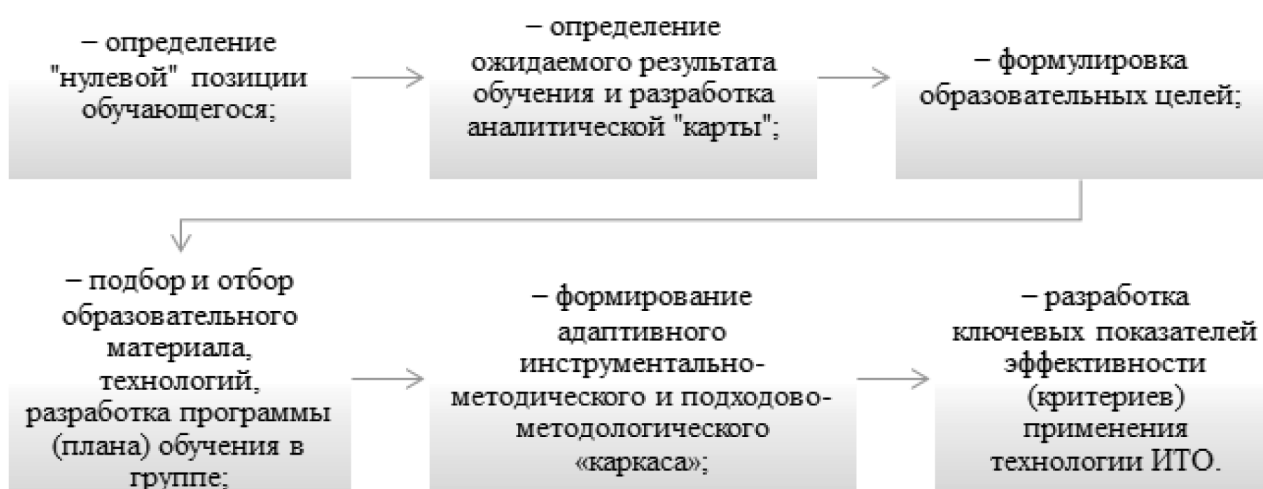

Рис. 2. Алгоритм формирования индивидуальной траектории обучения иностранному языку обучающихся технических специальностей

и иных STEM-специальностей профессионально-ориентированный дисциплинам, в особенности иностранному языку. Безусловно, такого рода практика требует определенных временных затрат и высокого уровня, в первую очередь, тьюторской компетенции педагога, однако, формирование базового образовательного маршрута обучающихся имеет важное значение, так как даже будучи профессиональными специалистами, процесс обучения (самообучения) не завершается; как отмечает А.Б. Индрисов, это экзистенциальный навык, развитие кото-

рого происходит на протяжении всей жизни [16]. Кроме того, воспитание междисциплинарных кадров, обладающих, как мы указывали выше дивергентным мышлением, готовых к действиям и решениям, независимо от макросоциальных перспектив, в настоящее время непосредственно коррелирует с социальным запросом на качественный продукт, производимый STEM-отраслями, и следование индивидуально-ориентированной образовательной парадигме, как представляется, значительно повысит шансы на его исполнение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Istyagina-Eliseeva E., Myagkova S., Litvinov S. Expansion of Grant-Based (scholarship programs) Globalization in Education // World Journal of Environmental Biosciences. 2022. Vol. 7(2). pp. 48-59.
2. Зеер Э.Ф., Сыманюк Э.Э. Теоретико-прикладные основания персонализированного образования: перспективы развития // Педагогическое образование в России. 2021. №1. С. 17-25.
3. Олейникова О.С., Барахтаева О.Г. Реализация личностно-ориентированной образовательной парадигмы в обучении иностранному языку в профессиональном образовании // Человек и язык в коммуникативном пространстве: сб. научных статей. 2021. № 12(21). С. 228-232.
4. Вьюшкина Е.Г., Щербакова О.В. Индивидуальная образовательная траектория: готовим будущее сегодня // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2021. №4. С. 101-111.
5. Рабинович П.Д., Заведенский К.Е. Образование из будущего ФГОС 4.0 – «Первый цифровой» // Образовательная политика. 2020. №3 (83). С. 60-73.
6. Остапенко М.С., Назарова В.Ю. Внедрение индивидуальных образовательных траекторий в ВУЗе // Вестник ПНИПУ. Машиностроение, материаловедение. 2022. №2. С. 87-95.
7. Ерохина Е. Что обсуждали на первой всероссийской ИОТ-конференции для вузов. – 22.07.2021 // Skill Box Media. Образование 4.0. – URL: <https://skillbox.ru/media/education/iot-konferentsiya-dlya-vuzov/> (дата обращения 25.04.2023)
8. Кабанова Л.А., Шкунова А.А. Проектирование индивидуальных образовательных траекторий в вузе // Проблемы современного педагогического образования. 2018. №59-3. С. 339-343.
9. Коленкова Н.Ю., Унтервальд Ю.В., Козак М.В. Индивидуальные образовательные траектории в контексте выбора и неопределенности // Педагогические исследования (сетевое издание). 2022. №3. С. 94-115.
10. Михайлова С.Ф. Педагогическое сопровождение реализации индивидуальной образовательной траектории обучающихся // Вестник магистратуры. 2022. №6-1 (129). С. 61-63.
11. Шумейко А.А. Проектирование индивидуальных образовательных траекторий студентов с использованием ресурсов образовательной среды // Современное педагогическое образование. 2023. №1. С. 282-285.
12. Минакова П.С., Колычева В.Б., Кравченко Е.В., Титова О.К. Индивидуальные образовательные траектории студентов в проектной деятельности // АНИ: педагогика и психология. 2021. №4 (37). С. 160-164.
13. Шматко Н.А. Компетенции инженерных кадров: опыт сравнительного исследования в России и странах ЕС // Форсайт. 2012. №4. С. 32-47
14. Аветисян Н.Б., Горбунова Т.А. Обучение профессионально-ориентированному языку в техническом ВУЗе (немецкий и французский языки) // Актуальные проблемы обучения иностранным языкам в неязыковом ВУЗе: сб. мат. IV Всеросс. науч.-практ. конф. (Москва, 07 июня 2022 года). – М.: ФГАОУ ВО «Московский политехнический университет», 2022. – С. 57-63.
15. Шеманаева М.А. Алгоритм разработки индивидуальной образовательной траектории // Концепт. 2017. №512. С. 40-42.
16. Индрисов А.Б. Будущее рабочих мест и компетенций: [презентация]. – М.: Strategy Partners, 2021. – 10 с.

© Левичева Светлана Викторовна (parabola.08@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ НРАВСТВЕННОЙ ВОСПИТАННОСТИ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА С ЛЁГКОЙ СТЕПЕНЬЮ УМСТВЕННОЙ ОТСТАЛОСТИ

FEATURES OF MORAL EDUCATION OF PRIMARY SCHOOL CHILDREN WITH A MILD DEGREE OF MENTAL RETARDATION

**T. Ovchinnikova
G. Chernova
M. Akhmetov
A. Zakharova**

Summary: The article defines the problem of moral education of primary school-age children with mild mental retardation. The research methodology of the main components of the moral education of primary school-age children – actional-volitional, emotional-motivational and cognitive – is described. The results of the conducted empirical research are presented in comparison with the results of primary school-age children with normal mental development.

Keywords: moral education, components of moral education, children with mild mental retardation, primary school age, methodology for studying the components of moral education.

Овчинникова Татьяна Сергеевна

доктор педагогических наук, профессор, Ленинградский
государственный университет имени А.С. Пушкина,
г. Санкт-Петербург
ots58@inbox.ru

Чернова Галина Рафаиловна

кандидат философских наук, доцент, Ленинградский
государственный университет имени А.С. Пушкина,
г. Санкт-Петербург
galina.chernova@list.ru

Ахметов Марат Абаевич

санитар, ЛОГКУЗ «Свирская психиатрическая больница»
marat229@mail.ru

Захарова Анастасия Михайловна

ассистент, Ленинградский государственный
университет имени А.С. Пушкина, г. Санкт-Петербург
a.zaharova93@mail.ru

Аннотация: В статье определяется проблема нравственного воспитания детей младшего школьного возраста с легкой степенью умственной отсталости. Описана методика исследования основных компонентов нравственного воспитания детей младшего школьного возраста: действенно-волевого, эмоционально-мотивационного и когнитивно-познавательного. Представлены результаты проведенного эмпирического исследования в сравнении с результатами младших школьников с нормальным психическим развитием.

Ключевые слова: нравственное воспитание, компоненты нравственного воспитания, дети с легкой степенью умственной отсталости, младший школьный возраст, методика исследования компонентов нравственного воспитания.

Актуальность исследования

Нравственное развитие и воспитание личности является ключевой, первостепенной задачей не только для современной образовательной системы, но и для государственной политики Российской Федерации. В настоящее время перед образовательными организациями встает ряд проблем, касающихся процесса воспитания подрастающего поколения, особенно это касается младшего школьного возраста. Подрастающее поколение не обладает сформированной культурой и поэтому впитывает не только положительные, но и отрицательные стороны сегодняшней жизни. Причина этого кроется в смене ценностей государства и общества. Ценности личности формируются в как семье, так и в сфере массовой информации, искусства, отдыха и т.д. Но наиболее системно, последовательно и глубоко духовное нравственное развитие и воспитание личности происходит в сфере общего образования, где развитие и воспитание обеспе-

чено всем укладом школьной жизни [1].

Младший школьный возраст — это начало осознанного восприятия мира, когда закладываются критерии добра и зла, порядочности и лживости, смелости и трусости. Именно поэтому этот возраст является одним из основных этапов воспитания, в котором закладываются главные принципы нравственности. В связи с этим проблемы нравственного воспитания относятся на данный момент к самым острым и актуальным не только в педагогическом, социальном и воспитательном плане [5].

Воспитательный процесс длиннее и сложнее, когда его объектом является человек, имеющий отклонения в развитии, как носитель социально-ценностных отношений, как субъект отношений и деятельности, как индивид с неповторимыми чертами и качествами. Умственно отсталые дети – наиболее многочисленная категория аномальных детей. Умственная отсталость – это качествен-

ные изменения всей психики, воли, личности в целом, в результате перенесенных органических повреждений центральной нервной системы. Это такая аномалия развития, при которой страдают не только интеллект, но и эмоции, воля, поведение, физическое развитие и другие высшие психические функции [3].

В настоящее время в России наблюдается стойкая тенденция увеличения числа детей с различными нарушениями интеллекта. Статистические данные показывают, что в Российской Федерации на конец 2018 г. детей до 14 лет, состоящих на учете с умственной отсталостью, составляло 92,9 тыс. на 100 тыс. детей [8].

Несмотря на многочисленные работы по исследованию духовно-нравственного развития младших школьников в психолого-педагогической науке, проблема состоит в отсутствии единого общепринятого представления о сущности и структуре нравственного развития личности младшего школьника; недостаточное внимание уделяется раскрытию психолого-педагогических механизмов, их формированию и интеграции; отсутствует единый подход к определению целевых, содержательных и процессуальных основ морально-нравственного развития младших школьников.

Понятие нравственного воспитания всеобъемлюще. Воспользовавшись толковым словарем русского языка Ожегова С.И. и Шведовой Н.Ю. и разобрав это словосочетание, можно увидеть, что нравственное воспитание — это навыки поведения, соответствующие требованиям высокой нравственности, привитые семьей, школой, средой и проявляющиеся в общественной жизни [9]. Это же понятие есть в Концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России. Духовно-нравственное развитие личности – осуществление в процессе социализации последовательного расширения, укрепления ценностно-смысловой сферы личности, формирование способности человека оценивать, сознательно выстраивать на основе традиционных моральных норм, нравственных идеалов отношения к себе, другим людям, обществу, государству, Отечеству, миру в целом [6].

Основоположник научной педагогики в России Ушинский К.Д. видел нравственное влияние главной задачей воспитания [13]. Выдающийся педагог Сухомлинский В.А. уже в XX в., разработав воспитательную систему о всестороннем развитии личности, обоснованно считал, что системообразующий признак тоже нравственное воспитание: «его сердцевина – развитие нравственных чувств личности». Он говорил: «если человека учат добру – учат умело, умно, настойчиво, требовательно, в результате будет добро. Учат злу (очень редко, но бывает и так), в результате будет зло. Не учат ни добру, ни злу – все равно будет зло, потому что и человеком его надо сделать» [11, с. 170].

Нравственное воспитание — целенаправленный процесс приобщения детей к моральным ценностям человечества, конкретного общества. Раньше говорили проще: «воспитание нравов», отсюда и название. С течением времени ребенок овладевает нормами, правилами поведения, взаимоотношений, принятыми в обществе, присваивает способы, формы взаимодействия, выражения отношения к себе, людям, природе. Результатом нравственного воспитания являются появление, утверждение в личности определенного набора нравственных качеств. Чем прочнее сформированы качества, чем меньше отклонений от принятых в обществе моральных устоев наблюдается у него, тем выше оценка его нравственности со стороны окружающих. Процесс становления личности, нравственной сферы не ограничен возрастными рамками. Он видоизменяется всю жизнь.

Начальная школа для ребенка с нормотипичным развитием психики – наиболее благоприятный период для преподавания из любой области знания, особенно основ нравственной культуры, потому что дети в этом возрасте ориентированы на «правильность», стремление соответствовать некоторым образцам (поведения, чувства, мысли), и это делает их в этом возрасте восприимчивыми к любым вмешательствам со стороны.

Для формирования любого нравственного качества важно, чтобы оно проходило осознанно. Поэтому нужны знания, на основе которых у ребенка будут складываться представления о сущности нравственного качества, о его необходимости и о преимуществах овладения им (когнитивно-познавательный компонент). У ребенка должно появиться желание овладеть нравственным качеством, т.е. важно, чтобы возникли мотивы для приобретения соответствующего нравственного качества. Появление мотива влечет за собой отношение к качеству, которое, в свою очередь, формирует социальные чувства. Чувства придают процессу формирования личностно значимую окраску и потому влияют на прочность складывающегося качества (эмоционально-мотивационный компонент). Но знания и чувства порождают потребность в их практической реализации — в поступках, поведении (действенно-волевой компонент). Таким образом, вырисовывается механизм нравственного воспитания: знания, представления + мотивы + чувства, отношения + навыки, привычки + поступки, поведение = нравственное качество.

К шести-, семилетнему возрасту происходит обобщение конкретных значимых нравственных содержаний в трех формах: деятельности; личностных отношениях; сознании, познании (действенно-волевой, эмоционально-мотивационный, когнитивно-познавательный компоненты). Именно по отношению к обобщенным формам внешнего нравственного содержания выделяется осознание своего «я». В ходе многочисленных исследований

ученые установили, что целостность как устойчивое и определяющее личностное основание складывается в шесть-семь лет и сохраняется в дальнейшем до взрослого возраста. В начальной школе дети сталкиваются с тем, что они постоянно должны следовать моральным правилам, нормам, соблюдение которых контролируется всегда целенаправленно. Младшие школьники должны повседневно учиться применять данные правила, нормы во взаимоотношениях с учителями, другими взрослыми, сверстниками.

Нравственному развитию младшего школьника присущи возрастные особенности. На этом возрастном этапе дети еще не способны к выработке собственных нравственных убеждений. Усваивая моральные требования, младший школьник продолжает полагаться на авторитет родителей, учителей, более старших учащихся. Относительная несамостоятельность морального мышления и большая внушаемость младшего школьника обуславливают его легкую восприимчивость, как к положительному, так и к отрицательному влиянию.

В нашей стране учебно-воспитательная работа с детьми младшего школьного возраста, имеющими нарушения в интеллектуальном развитии, осуществляется в специальных школьных учреждениях системы начального общего образования и здравоохранения по адаптированной основной общеобразовательной или специальной индивидуальной программе развития, сокращенно АООП или СИПР. Для того, чтобы педагогический процесс был эффективным, одним из важных факторов выделяется внедрение и использование психолого-педагогических технологий. На каждом этапе обучения ребенка в воспитании доминирует своя сторона, для младших школьников такой стороной выступает нравственное развитие, в процессе которого дети овладевают простыми нормами нравственности, научаются следовать им в различных ситуациях.

Для воспитания детей с интеллектуальной недостаточностью важным остается единство, четкость, систематичность требований – все, что создает и закрепляет у них необходимые привычки. У детей с отклонениями в развитии необходимо воспитывать навыки (привычки) общественного поведения даже в тех случаях, когда они еще не в состоянии понять глубину их общественного содержания. Несмотря на то, что поведение детей младшего школьного возраста часто связано с копированием, подражанием, имеет налет автоматизма, это неизбежный этап процесса формирования нравственного облика личности. Длится он значительно дольше и преодолевается значительно труднее, чем у детей с нормой. Выготский Л.С. писал: «Орудие и знак в развитии ребенка» и культурно-исторической концепции утверждал, что культурная форма поведения возникает как сотрудничество с людьми, подражание другому, обращение к

взрослому. На следующем шаге эта форма становится индивидуальной функцией самого ребенка. Постепенно через идеальные формы (нормы, правила поведения), вращивается (интериоризируется) и превращается во внутренние формы поведения.» [4, с. 402]

Воспитание школьников начальных классов с нарушением интеллекта тесно связано с их социализацией, дети постоянно находятся в центре внимания педагогов. Этим детям стараются воспитывать так, чтобы их самостоятельное поведение в разнообразных жизненных ситуациях соответствовало существующим в обществе социальным нормам. Но проблема воспитания подрастающего поколения остается. Не всегда поставленные задачи и цели бывают достигнуты. Решить данные проблемы можно, если будут учтены особенности формирования личности ребенка младшего школьного возраста с легкой умственной отсталостью. Определены социокультурное окружение детей, факторы, влияющие на развитие нравственных качеств, произведено совершенствование методики работы по развитию, воспитанию устойчивых нравственных качеств на этапе их обучения в школе, целенаправленно разработана коррекционная программа: содержание, методико-технологические аспекты нравственного воспитания. А также при условии, если специалист владеет информацией, подбирает индивидуальный подход к своим ученикам, сотрудничает с коллегами, семьей и др., владеет методиками преподавания дисциплин.

Дети с легкой умственной отсталостью младшего школьного возраста отличаются следующими особенностями: недоразвитие мышления; трудности в воспроизведении образов, восприятия представлений; дефекты всех структурных сторон речи; нарушения: памяти, внимания, эмоционально-волевой сферы, деятельности. Эти особенности объясняют сложности формирования трех компонентов нравственности: когнитивно-познавательного, эмоционально-мотивационного, действенно-волевого.

Организация исследования

В исследовании принимали участие 50 детей младшего школьного возраста: 25 детей с диагнозом легкая степень умственной отсталости и 25 детей с нормой психического развития.

Исследование проводилось на базе ГБОУ школа-интернат №37 Фрунзенского района г. Санкт-Петербурга и воскресной школы при храме Петра и Павла Ленинградская обл. Лодейнопольского района г. Лодейное Поле.

Методика констатирующего эксперимента

Констатирующий эксперимент осуществлялся с ноября по декабрь 2021 года и включал в себя психолого-

педагогическое исследование когнитивно-познавательного (изучение осознания детьми норм и представлений об этических качествах), эмоционально-мотивационного (изучение нравственных чувств, побуждений ребенка) и поведенческого (или действенно-волевого) (исследование поведения в ситуации морального выбора, нравственно-этической направленности личности во взаимодействии со сверстниками, взрослыми) компонентов нравственного развития.

Когнитивно-познавательный компонент изучался с помощью методики оценки осознания детьми нравственных правил, стремления к проявлению гуманных отношений («Закончи историю» по Богуславской Н.Е.). Ребенку предлагалось продолжить каждую из пяти историй, доступную для понимания, отражающую простую бытовую ситуацию, но содержащую в себе моральную дилемму («я буду рассказывать тебе истории, а ты их закончи»), потом ответить на вопросы. После этого ребенку зачитываются по очереди 5 коротких рассказов (в произвольном порядке) на знание, понимание основных нравственных категорий. Цель данной методики состоит в прогнозировании моральных действий ребенка. Результаты позволяют выявить какие нравственные качества освоены детьми: честность, отзывчивость, равнодушие, бескорыстие, сочувствие, доброта, дружелюбие, щедрость, вежливость, ответственность за свои поступки, забота о младших. Как они понимают особенности чувств, взаимоотношение между людьми, также определить умение детей соотносить эти нормы с реальными жизненными ситуациями, разрешать их на основе нравственных норм, давать им простую оценку [2].

Эмоционально-мотивационный компонент оценивался при помощи методики Калининой Р.Р. «Сюжетные картинки». На предложенных девяти картинках представляются полярные по своим характеристикам нравственные нормы в виде ситуаций (положительные, отрицательные), происходящие со сверстниками. Ребенок дает моральную оценку изображенным на картинках поступкам, что позволяет выявить отношение детей к нравственным нормам. При выполнении этого задания испытуемому дается полная свобода: неограниченность по времени, додумывание ситуаций, возможность приведения примера из своей жизни или жизни друга [7].

Поведенческий (действенно-волевой) компонент нравственной воспитанности оценивался с помощью методики оценки регуляции и сформированности морально-нравственного поведения («Проигрышная лотерея» по Винниковой Е.А., Слепович Е.С.). Последняя серия была направлена на прогнозирование, изучение специфики, регуляции морально-нравственного поведения детей в ситуации морального выбора в рамках реальной ситуации, умения следовать имеющимся представлениям о том, что такое хорошо, плохо, норме правдивости.

Строится она с помощью методики «Лотерея» или в др. вариации «Проигрышная лотерея». Заранее испытуемому показывался выигрышный билетик. Ребенку говорилось, что он может получить приз с условием если выиграет, который предварительно выкладывается перед ним. На самом деле все билетики проигрышные, ребенок об этом не должен знать. Ему предлагается следующее: достать из коробки билет и сказать, какой попался. Экспериментатор во время процесса, отвлекается, как вариант: уходит из комнаты или начинает заниматься своими делами [3].

Теоретический анализ результатов исследования показателей нравственной воспитанности школьников с легкой умственной отсталостью осуществлялся с применением непараметрического U-критерия Манна-Уитни.

Результаты исследования

Проведенное исследование, направленное на выявление у детей с интеллектуальной недостаточностью этических представлений, личного отношения, осознания к соблюдению норм, стремления к проявлению гуманных отношений, способности, сформированности к морально-нравственной регуляции поведения показало, что школьники разделились на 3 группы по степени воспитанности:

1. Обучающиеся первой группы постоянно проявляют положительные нравственные качества: доброжелательность, отзывчивость, внимательность, заботливость, справедливость, честность. Они способны самостоятельно, без напоминания выполнять нормы поведения, принятые в обществе;
2. Во вторую категорию вошли школьники, для которых свойственно проявление как нравственных, но и безнравственных качеств, выполнение норм поведения в зависимости от ситуации;
3. Школьники третьей группы в большинстве своем проявляют безнравственные качества, что связано в основном с трудностями в общении со сверстниками, взрослыми, они не имеют представления о нормах нравственности, не могут оценить собственное поведение, окружающих их людей как положительное, отрицательное.

В ходе сопоставительного анализа показателей нравственного воспитания детей с легкой степенью умственного развития и нормотипичных детей на статистически значимом уровне ($p \leq 0,05$) были выявлены различия по первым двум. Критерий U-Манна Уитни, с помощью которого проводился анализ показателей, равен 177 и 180 соответственно. В результате полученных результатов можно утверждать, что младшие школьники с легкой степенью умственной отсталости менее осознанно следуют правилам и нормам нравственного поведения, чем нормотипичные обучающиеся. Школьники эксперименталь-

ной группы не способны точно оценивать и убедительно обосновывать как положительные, так и отрицательные модели поведения, изображенные на картинках, в отличие от детей с нормальным развитием. Между тем, по поведенческому параметру в ходе сравнительного анализа значимых различий обнаружено не было.

Интерпретация результатов выполнения заданий когнитивно-познавательного компонента позволила сделать вывод о том, что по данному критерию абсолютно у всех детей недостаточно четко сформированные знания и представления о нравственных качествах, их непосредственном проявлении, что обусловлено в большей степени возрастными особенностями. Установлено, что духовно-нравственные ориентиры существуют, но отношение к морально-этическим нормам еще недостаточно устойчивое; дети способны оценить нормы поведения, но истолкование своей позиции вызывает затруднения. Суждения группы детей с нарушением интеллекта поверхностны, не конкретны, они могли перечислить правила: с другими надо делиться, чужое брать нельзя, нужно говорить правду, младшим и девочкам нужно уступать, друзьям надо помогать, - но в реальном поведении эти правила не применялись. В большинстве случаев дети не могли дать обоснование этим правилам, почему именно так, а не иначе. В качестве мотивов нравственного поведения прослеживалась тенденция избегания наказания/получения поощрения. Рассматривая некоторые картинки, дети внутренне сжимались, чувствовалось, что они глубоко переживают знакомую (часто неприятную) ситуацию. Вести себя нравственно, по мнению детей, надо, потому что тебя хвалят, не ругают, дают что-то взамен (поощрения, призы, подарки). В основном в своих ответах руководствовались выгодой (эгоистическая направленность), совершая «хорошие» поступки, неверно интерпретировали ситуации.

В отличие от детей с умственной отсталостью, школьники с нормой развития более свободно ориентировались в морально-нравственных понятиях, но были ученики, которые не могли точно определить термины. Ребята в большей степени обращались к личностным характеристикам. Чаще всего звучали такие личностные качества, как честный, добрый, хороший.

Вторым компонентом нравственного воспитания был определен эмоционально-мотивационный. Разница в показателях у двух групп составила 0,6 балла. Испытуемые по-разному выражают эмоциональное отношение к нравственным качествам. Большинство детей с легкой умственной отсталостью не справились с заданием, поскольку они неправильно разложили картинки, не обосновали свои действия (почему это хороший/плохой поступок), эмоциональные реакции адекватны, но выражены не всегда адекватно:

- неправильно охарактеризовали чувства людей, не всегда объясняли причину реакции героя (почему на этой картинке ребенок улыбается или хмурится);
- у детей не сформированы основные эталоны эмоциональных реакций;
- не вникали в сам сюжет, избирательно рассматривали какую-либо часть ее, не вдаваясь в подробности, мелкие детали, отвлекались на яркие привлекательные части картинки;
- путали мальчика с девочкой, взрослого с ребенком, помещение с улицей, неживой объект принимали за живой (игрушка лошадка), размер объекта (небольшое строение из кубиков считали за огромный замок).

Школьники с нормой развития находятся на оптимальной ступени эмоционального отношения к нравственным нормам согласно их возрастным критериям. В школьники развернуто обсуждали поступки героев на картинках, убедительно обсуждали и дифференцировали положительные и отрицательные эмоциональные реакции.

Действенно-волевой компонент выявил противоречивое поведение детей. Самая маленькая разница у обеих групп была в показателях по этому параметру и составила 0,2 балла. Весьма интересным результатом является тот факт, что у некоторых детей наблюдается рассогласование между реальным и вербальным поведением (действия испытуемого в ответ на задачи, предъявляемые в словесной форме). Дети ведут себя нравственно в искусственно созданных условиях, но в реальности нарушают эти нормы. Результаты бесед, наблюдений за поведением этих детей показывают, что знание эталонов морально-этических норм не гарантирует перенос в жизненные ситуации. Некритичность мышления приводит к тому, что дети не могут адекватно оценить свой поступок и прогнозировать последствия происшествия. Это соответствует данным, полученным белорусскими учеными Винниковой Е.А. и Слепович Е.С., изучавших психологические механизмы становления морального поведения у детей с интеллектуальной недостаточностью в конце 90-х гг. [3].

В итоге за морально-положительным и морально-отрицательным выбором стоял нравственно-прагматический мотив (эгоистическая позиция). Только в первом случае этот мотив связан с осуществлением социально-оправдываемого поведения, за которым следует похвала взрослого, а во втором случае, образ взрослого как авторитета, облик «нравственности» отходит на дальний план, поэтому наблюдался эгоистический выбор в свою пользу.

У детей младшего школьного возраста с нарушением

интеллекта ни один из изученных параметров не остался в той или иной степени незатронутым. Наблюдаются небольшие отклонения в морально-нравственной сфере и сниженная степень сформированности всех компонентов нравственной сферы.

Заключение

Качественный анализ результатов определения особенностей в нравственном воспитании позволяет выявить не только актуальный уровень развития ребенка, но и потенциальный, зону ближайшего развития, что дает возможность в будущем составить индивидуальную программу коррекционного обучения для каждого ребенка с ограниченными возможностями здоровья. Необходима специально организованная коррекционная деятельность по нравственному воспитанию на занятиях у дефектолога, отдельно работа с родителями, цель которой заключалась бы в создании полноценных психолого-педагогических условий для нравственного развития школьника в образовательном учреждении, а также разработка методических рекомендаций, направленных на коррекцию всех нравственных параметров.

Такая работа должна включать все формы средового, личностного и коллективного воздействия на обучающихся. Она предусматривает активное участие всех специалистов, а также родителей вместе со своими детьми. При хорошем воспитании, достаточном развитии культурных потребностей, интересов ученик специальной (коррекционной) школы может стать нравственной личностью.

Изучение педагогического опыта в этой области свидетельствует о том, что существуют не так много работ в коррекционно-развивающей работе по нравственному воспитанию. Исходя из этого, хотелось бы опереться на статью Пузеп Л.Г. и Риверы А.И. «Развитие

нравственной сферы личности младших школьников» [10], а также программу воспитательной работы «Я и мой мир», разработанной Таировой С.В. [12]. И в связи с этим рекомендуется совершенствовать методику работы по развитию, воспитанию устойчивых нравственных качеств у детей с нарушением интеллекта на этапе их обучения в школе. Соответственно необходимо целенаправленная, коррекционная работа по специально созданной, разработанной программе.

Представления о нравственном поведении и навыки нравственного поведения у детей с интеллектуальными нарушениями формируются, прежде всего, через подражание поведению взрослых и сверстников. А значит работа должна проводиться с включением ближайшего окружения и, прежде всего, семьи как института первичной социализации. Для решения этой проблемы нами были определен алгоритм действий по формированию детско-родительских отношений в семьях, воспитывающих ребенка с отклонениями в развитии:

составлен профиль семьи, психологические портреты каждого из родителей, сделан анализ стиля воспитания в семье на основе анкетирования родителей;

- выявлены противоречия между реальным поведением детей в социуме и поведением в семье;
- определено содержание просветительской работы в форме консультирования, создания памяток для родителей, семинаров-тренингов, тематических лекций.

Работа с родителями в индивидуальной и/или групповой формах, участие в совместных занятиях детско-родительской группы позволит преодолеть деструктивные модели родительского поведения, создать новую нравственную модель поведения в диаде близкий взрослый — умственно отсталый ребенок.

ЛИТЕРАТУРА

1. Данилюк А.Я. и др. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина РФ. М.: Просвещение, 2011. 24 с.
2. Богуславская Н.Е., Купина Н.А. Веселый этикет. Екатеринбург: Литур, 2002. 192 с.
3. Винникова Е.А., Слепович Е.С. О психологических механизмах становления морального поведения у детей с задержкой психического развития // ст. Дефектология // науч. методич. ж/л. М.: Школьная пресса, 1999. № 1. С. 18-24.
4. Выготский Л.С. Педагогическая психология. М.: Педагогика-Пресс, 1999. 536 с.
5. Грачёва А, Гавалешко С. Духовно-нравственное развитие и воспитание младших школьников: совершенствуем планирование // ст. Коррекционно-развивающее образование в школе // науч. методич. журн. М.: Современное образование, 2014. №1 (27). С. 3-15.
6. Данилюк А.Я. и др. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина РФ. М.: Просвещение, 2011. 24 с.
7. Дерманова И.Б. Методика «Сюжетные картинки»: диагностика эмоционально-нравственного развития. Спб.: OZON, 2002. 34 с.
8. Медицинская энциклопедия: статистика по детской заболеваемости в России. Отчёт. — Режим доступа: URL <https://clck.ru/RtmtX>.
9. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М.: А-ТЕМП, 2004. 944 с.
10. Пузеп Л.Г., Ривера А.И. Развитие нравственной сферы личности младших школьников // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. Ногинск: Аналитика Родис, т. 8. 2020 № 5. С. 253-260.

11. Сухомлинский В.А. Духовный мир школьника. М.: Учпедгиз, 1961. 224 с.
12. Таирова С.В. Я и мой мир: программа воспитательной работы для обучающихся воспитанников с ОВЗ [Электронный ресурс] - Режим доступа: URL <http://skshi8v11.org.ru/wp-content/uploads/2014/05/%D0%9%D1%80%D0%BE%D0%B5%D0%BA%D1%82-%D0%B2%D0%BE%D1%81%D0%BF%D0%B8%D1%82%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8%D0%BD%D0%BE%D0%B9-%D1%80%D0%B0%D0%B1%D0%BE%D1%82%D1%8B.-%D0%AF-%D0%B8-%D0%9C%D0%BE%D0%B9-%D0%9C%D0%B8%D1%80.pdf> (дата обращения 14.03.2022).
13. Ушинский К.Д. Собрание сочинений: т. 2. М.: Акад. пед. наук РСФСР, 1948. — 656 с.

© Овчинникова Татьяна Сергеевна (ots58@inbox.ru), Чернова Галина Рафаиловна (galina.chernova@list.ru),
Ахметов Марат Абаевич (marat229@mail.ru), Захарова Анастасия Михайловна (a.zaharova93@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ В ФОРМИРОВАНИИ ОБЩЕГРАЖДАНСКИХ ЦЕННОСТЕЙ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО МНОГООБРАЗИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ

Пашедко Юлия Михайловна

*кандидат педагогических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный
институт культуры
uliapashedko@gmail.com*

SPECIAL PROJECTS IN THE FORMATION OF GENERAL CIVIC VALUES OF YOUTH IN THE CONDITIONS OF ETHNIC AND CULTURAL DIVERSITY OF THE REGIONS OF RUSSIA

I. Pashedko

Summary: The socio-cultural institutions of the Russian Federation face important tasks to preserve the individuality and uniqueness in the multinational culture of the country, the uniqueness and originality of each ethnic group, in each region, including the formation of general civic values of the population and especially young people. Numerous studies and regional practices show that mass events and specially created event projects aimed at increasing confidence in the institutions of power and the state among young people as a whole can improve the situation and become a real basis for the formation and consolidation of a sense of belonging to the Russian civil nation. The article, based on the results of sociological research, substantiates the potential of special events in promoting general civic values and introducing young people to them.

Keywords: youth, the formation of general civic values, special projects, event management, ethnic and cultural diversity of the region.

Аннотация: Перед социально-культурными институтами Российской Федерации стоят важные задачи по сохранению в многонациональной культуре страны индивидуальности и неповторимости, уникальности и своеобразия каждой этнической группы, в каждом регионе, в том числе, по формированию общегражданских ценностей населения и особенно молодежи. Многочисленные исследования и региональные практики показывают, что массовые мероприятия и специально созданные событийные проекты, в целом, способствуют повышению доверия молодежи к институтам власти и государству. Основываясь на результатах социологических исследований, в статье обосновывается потенциал специальных проектов в продвижении общегражданских ценностей и приобщении к ним молодежи.

Ключевые слова: молодежь, формирование общегражданских ценностей, специальные проекты, событийный менеджмент, этнокультурное многообразие региона.

В современной России за последние годы стали формироваться новые ценностно-ориентированные модели государственной культурной и национальной политики, где базовые основания становятся основаниями стратегии национальной безопасности страны и ее социально-экономического благополучия. Главными целями государственной культурной и национальной политики провозглашается:

- формирование гармонично развитой личности и укрепление единства российского общества посредством приоритетного культурного и гуманитарного развития, сохранение и развитие культуры народов Российской Федерации путем передачи новым поколениям ее гуманитарного ценностного содержания, традиционного для российской цивилизации [1];
- укрепление гражданского единства, гражданского самосознания и сохранение самобытности многонационального народа Российской Федерации (русской нации) [2];
- создание дополнительных социально-экономических, политических и культурных условий для

улучшения социального благополучия граждан, обеспечения межнационального и межрелигиозного мира и согласия в Российской Федерации, прежде всего в регионах с высокой миграционной активностью, со сложным этническим и религиозным составом населения, а также на приграничных территориях Российской Федерации [2].

Поставленные цели на государственном уровне демонстрируют необходимость создания эффективных условий не только для сохранения этнокультурного многообразия и культурной самобытности культуры России, но и создание плотных ценностных взаимосвязей российского общества, напрямую связанных с формированием общероссийской гражданской идентичности. Но это сложный и противоречивый процесс. Можно назвать несколько причин этому: а) долгое время отсутствовала четко сформулированная идея ценностной основы развития российского общества, что и привело сегодня к гражданскому расколу части россиян, особенно явный раскол произошел среди молодежи; б) существуют значительные расхождения в восприятии национального

единства «мы россияне» среди различных регионов, что подтверждают многочисленные опросы населения, проживающего в разных регионах страны. Так, авторы статьи «Общенациональные российские ценности в контексте формирования коллективной идентичности» С.Д. Савин, М.С. Касабуцкая [7] приводят показатели по отдельным регионам, национальным республикам, этническим и социально-демографическим группам, которые не позволяют говорить о том, что россияне едины в понимании общенациональных ценностей и имеют сформировавшуюся общегражданскую идентичность.

Современная социально-политическая ситуация обострила «кризис идентичностей», часть представителей среднего и старшего поколения потеряли или отказались от своей гражданской идентичности, а отдельные представители молодого поколения отказываются себя идентифицировать с государством. Но, молодежь, это та социальная группа, которая имеет особое значение для общественного развития страны, поэтому личностному становлению молодых людей их гражданской идентичности уделяется сейчас особое внимание.

Многочисленные исследования социологов, политологов, педагогов позволяют увидеть разные аспекты проблемы. Социологические исследования, проведенные Институтом социологии РАН и Фондом «Общественное мнение», позволяют говорить о наличии проблем с «гражданским самоопределением молодежи и о трудностях содержательного восприятия ценностей патриотизма и гражданственности» [8]. С другой стороны, проведенные исследования ученых при Институте этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН [4, 7 с.] позволяют сделать выводы, что большая часть современной российской молодежи идентифицирует себя с государством и чувствует свою ответственность за страну, но понимание единства и ощущение себя единым целым с остальными гражданами страны значительно различаются у молодежи в федеральных центрах, малых городах и населенных пунктах, регионах, в разных этнических и религиозных группах. Тем не менее, многочисленные исследования показывают, что молодые люди не в полной мере знакомы с культурой и историей страны, с ее художественной культурой, с традициями малой родины, мало доверяют институтам власти и государству, то есть не испытывают чувства причастности к российской гражданской нации, а скорее их патриотизм обращен к малой родине, и менее – к государству. У части молодого поколения отмечается неактивная гражданская позиция, нет сопричастности с важными событиями, происходящими в современной России, так как большинство обладают низким уровнем знаний истории страны, не знакомы с традициями и культурой народов, которые ее населяют. Молодые люди сосредоточены на собственном благополучии, и вся их социальная активность сосредоточена вокруг экономической самореализации и

личного досуга. Актуализация общественно-политических и культурных запросов достаточно низкая и носит ситуативный и поверхностный характер.

Между тем, было бы неправильно говорить о том, что проблеме формирования общегражданских ценностей молодежи не уделяется внимание на государственном уровне. Как раз наоборот: на федеральном, региональном, муниципальном уровнях проводятся многочисленные мероприятия, создаются проекты, в том числе и специальные (событийные) проекты, которые так или иначе направлены на консолидацию молодежи вокруг ценностных основ государства: флэш-мобы «Мы – вместе», фестивали «Вместе мы – Россия», множество этнокультурных региональных фестивалей, фестивалей национальных культур, праздников, но несмотря на эти многочисленные проекты, создаваемые в рамках государственной молодежной политики и культурной политики, можно констатировать их не высокую эффективность в решении проблемы гражданской консолидации молодежи, особенно если говорить про регионы, где проживают представители различных этнических групп или одна из групп является преобладающей. Часто используются традиционные подходы к организации проектов, к их содержанию, не учитываются современные ментальные особенности молодежи. Если говорить о проектах, связанных с праздниками традиционного календаря, то часто используется некачественный литературный материал, который искажает народную традицию, некорректно её трактует. Между тем, при правильном использовании технологий событийного менеджмента при организации массовых, просветительских мероприятий и проектов, можно достичь более значительных результатов.

Данное утверждение обосновано результатами анализа, который осуществлялся автором в течение пяти лет. Объектом анализа стали молодежные массовые мероприятия/проекты, реализуемые в различных регионах РФ, предметом – технологии организации и проведения массовых мероприятий/проектов. Надо уточнить, что рассматривались именно молодежные проекты, которые ставили своими целями и задачами: формирование общегражданских ценностей, патриотическое воспитание, формирование этнокультурной идентичности, развитие межкультурного взаимодействия, снижение межконфессионального и межэтнического напряжения. Цель исследования: оценка эффективности проводимых массовых мероприятий и проектов исходя из поставленных целей и задач. Критерии, которые рассматривались при оценке эффективности проводимого массового мероприятия/проекта: а) соответствие целям и задачам массового мероприятия/проекта основной идее; б) соответствие итоговых результатов массового мероприятия/проекта цели и задачам; в) соответствие формы мероприятия идее, цели, задачам; г) соответствие идеи

и формы мероприятия целевой аудитории (молодежи); д) измеримость итоговых результатов массового мероприятия/ проекта; е) информационное сопровождение мероприятия – соответствие каналов коммуникации целевой аудитории, их эффективность; ж) сценарийное решение мероприятия; з) степень эмоционального воздействия на целевую аудиторию.

За пять лет было проанализировано более 250 мероприятий в различных регионах РФ. Особенное внимание уделялось регионам, которые характеризуются значительным этнокультурным многообразием, например, Северо-Кавказский федеральный округ, Краснодарский край, Северо-Западный регион и др.

Данная статья не предполагает полное описание исследования и его результатов, а лишь может презентовать основные выводы, демонстрирующие рассматриваемую проблему. Основные подходы к организации молодежных мероприятий, которые используют организаторы: 1) идея и концепция мероприятия разрабатывается классически, традиционно, без применения креативных технологий, часто без привлечения молодежи (не используется принцип «соучастного проектирования») и это приводит к тому, что молодежь не заинтересована в посещении такого проекта; 2) информационное сопровождение проекта часто строится на использовании традиционных форм и средств коммуникации, которые не являются востребованными среди молодежной аудитории, не приносят должного эмоционального воздействия на аудиторию и не формируют потребности аудитории в предлагаемом проекте; 3) формы и технологии, которые используют организаторы в реализации большинства этнокультурных и патриотических проектов: художественно-зрелищные, игровые, информационные, анимационные и пр. являются уже настолько привычными и традиционными, что проекты вызывают скорее отторжение части молодежной аудитории, чем вызывают у нее интерес. Надо сказать, что это крайне важная проблема, так как у молодежи продолжает формироваться скептическое отношение ко всему тому, что связано с мероприятиями/проектами, организуемыми государственными структурами, учреждениями культуры и учреждениями, относящимися к государственной молодежной политике и образования.

Чем же отличается подготовка и проведение обычного мероприятия и специального/событийного мероприятия? Создание специальных проектов, направленных на решение важных социокультурных задач, имеет хорошую перспективу. Специальный проект позволяет через создание впечатлений, сильных эмоциональных переживаний аудитории добиться большего результата, чем проект, который не использует всего потенциала, накопленного в событийном менеджменте. В мировой бизнес-практике, в организации событийных проектов

давно и успешно используются инструменты маркетинга, специалисты добиваются широкого охвата аудитории для получения прибыли, в социально-культурной сфере надо использовать те же инструменты для привлечения внимания широкой аудитории к социальным проблемам и формирования потребности активно включаться в их решение. Надо отметить, что специальные проекты обладают и значительным педагогическим потенциалом.

Что может обеспечить проектный подход и использование успешных событийных технологий в решении столь значимой проблемы, как консолидация гражданского общества и формирование общегражданских ценностей молодежи? Системные и масштабные преобразования, направленные на формирование единого и плотного социально-культурного пространства, обеспечение социальной, экономической, культурной состоятельности любого региона, особенно отдаленных и проблемных территорий посредством реализации социально-культурных проектов с использованием технологий событийного менеджмента.

Высокая эффективность событийных технологий достигается не только с помощью креативных технологий, которые занимают важное место в ряду «широко используемых механизмов организации и проведения событий, но и при помощи широкой базы профессиональных знаний и апробированных управленческих техник» [9]. Только в этом случае организованное мероприятие будет иметь необходимый результат, а поставленные цели и задачи окажутся достигнутыми.

В своих работах, одна из них является учебным пособием для специалистов сферы культуры, разработанным в рамках национального проекта «Творческие люди» - «Технологии организации и управления event-проектами» [6], автор статьи описывает основные подходы к организации специальных проектов и поясняет, что для любого профессионально организованного специального событийного проекта характерны следующие аспекты: активное участие, вовлеченность, активность аудитории; переключение из состояния монотонной работы, смена ритма, удивление (классический сленг организаторов — «чем сегодня удивлять будем?»); позитивное восприятие, эмоциональность, удовлетворенность. Эти три аспекта тесно взаимосвязаны между собой, так как позитивное переживание способствует пробуждению активности, а активизация и вовлеченность в происходящее в свою очередь способствуют позитивному восприятию. Побудить человека совершить желаемые действия возможно не только посредством рационального сообщения, но и при помощи эмоциональных каналов. Именно на достижение этой цели и направлено специальное событие. Затрагивая эмоциональную сферу, специальные событийные проекты могут служить для сообщения информации, мотивирования, активизации,

формирования стиля поведения и установления норм. Специальный событийный проект всегда планируется целенаправленно и служит определенным целям:

- воздействие на конкретных людей;
- привлечение внимания и создание осведомленности;
- привлечение участников и их мотивирование.

Используя событийные технологии, организаторы также могут создать условия для развития различных направлений связей с общественностью:

- развитие партнерских отношений в регионе и развитие межрегиональных, межкультурных связей;
- выстраивание оптимальных отношений молодёжного сообщества с органами государственной власти (законодательной и исполнительной), органами местного самоуправления;
- стимулирование благотворительной деятельности среди общества и, в частности, среди молодежи;
- развитие отношений с организованной общественностью (НКО, партиями, профсоюзами, конфессиями и т.д.);
- добрососедские отношения с населением, другими организациями и предприятиями;
- развитие региональной культуры, ее традиций с привлечением молодежи.

Особую роль специальные проекты играют в развитии коммуникаций всех общественных институтов:

1. предоставляют хорошие возможности для прямых непосредственных контактов и знакомств, для межличностного общения;
2. способствуют формированию и продвижению привлекательного имиджа региона, государства и первых лиц;
3. создают условия для формирования лояльного государству населения;
4. привлекают внимание общественности к общественно значимым ценностям, традициям, нормам.

Таким образом, можно говорить о том, что техноло-

гии специальных проектов могут более эффективно решать социальные и социально-культурные задачи, стоящие перед государством, основываясь на принципах и методах событийного менеджмента.

Конечно, для работы с технологиями специальных проектов необходим другой уровень профессиональных компетенций, нежели те, которыми, на данный момент, обладает большинство специалистов учреждений социально-культурной сферы. Учитывая немногочисленный штат многих учреждений культуры, получается, что сотрудники, чтобы полноценно работать со специальными проектами должны выполнять не свойственные для них профессиональные задачи. Как уже упоминалось, для учреждений социально-культурной сферы создание и проведение мероприятий основная профессиональная деятельность, но специальное событие/проект существенно отличается от обычного. И часто, специалисты социально-культурной сферы не видят разницы, сводя любые мероприятия к «ивентам».

В современных условиях необходим иной концептуальный подход к организации деятельности учреждений культуры и, в том числе, умение профессионально использовать весь комплекс управленческих и маркетинговых инструментов.

Важно стимулировать творческую активность молодежи и включать ее в создание событийных календарей регионов РФ, реализуя принцип «соучастного проектирования» [5, 49 с.]. Необходимо наполнять регионы событийными проектами, которые позволят создать единое социально-культурное пространство, с единой системой ценностей, путем активного взаимодействия всех субъектов процесса. Ценности, которые являются наиболее важными в проектах для молодежи, в современной ситуации, это и семейные, гражданские ценности, культурные, национальные, местные традиции, поддержка родного языка, то есть то, в чем нуждается современное общество, общество конкретного региона и страны в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Основы государственной культурной политики: утв. Указом Президента Российской Федерации № 808 от 24. 12. 2014 // Собр. законодательства Российской Федерации. 2014. № 52, ч. 1. Ст. 775
2. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: утв. Указом Президента Российской Федерации № 683 от 31. 12. 2015 // Собр. законодательства Российской Федерации. 2016. № 1, ч. 2. Ст. 212
3. Востряков Л.Е., Ивлиева И.А. Об оценке реализации государственной культурной политики // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2019. № 1(38). – С.6
4. Методические рекомендации органам государственной власти и управления и общественным организациям России по формированию гражданской идентичности молодежи (Мартынова М.Ю., Степанов В.В., Тишков В.А.). – Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН: Пермь: ОТ и ДО, 2015. – 34 с.
5. Пашедко Ю.М. Креативные центры в развитии воспитательного и образовательного потенциала социокультурного пространства регионов // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2023. Том. 227. 42-51 с.

6. Пашедко Ю.М. Технологии организации и управления event-проектами. ЕИОС. СПбГИК «Творческие люди», 2022 г. – 124 с.
7. Савин С.Д., Касабуцкая М.С. Общациональные российские ценности в контексте формирования коллективной идентичности//Вестник Санкт-Петербургского университета. 2019. Т. 12. Вып. 1. – 82-97 с.
8. Рабочая группа ИС РАН. Российская идентичность в социологическом измерении // Полис. 2008. № 1-3.
9. Тульчинский, Г.Л. Менеджмент специальных событий в сфере культуры/ Учебное пособие для вузов / Г.Л. Тульчинский, С.В. Герасимов, Т.Е. Лохина; Санкт-Петербургский филиал Государственного университета [и др.]. - Санкт-Петербург. [и др.] Лань [и др.], 2010. - 381 с.

© Пашедко Юлия Михайловна (uliapashedko@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Санкт-Петербургский государственный институт культуры

ПУТИ ЭФФЕКТИВИЗАЦИИ ПРОЦЕССА ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКИХ НАПРАВЛЕНИЙ ПОДГОТОВКИ (НА ПРИМЕРЕ ДИСЦИПЛИН ИНЖЕНЕРНО-ГРАФИЧЕСКОГО ЦИКЛА)

Сазонова Татьяна Владимировна

Соискатель, Санкт-Петербургский государственный
Архитектурно-строительный университет
tatyana10zaikina@yandex.ru

WAYS OF EFFICIENCY OF THE PROCESS OF TEACHING STUDENTS OF TECHNICAL DIRECTIONS OF TRAINING (BY THE EXAMPLE OF DISCIPLINES OF THE ENGINEERING AND GRAPHIC CYCLE)

T. Sazonova

Summary: This article is intended to outline the range of possible ways to improve the process of teaching students of technical areas of training of universities, mastering the programs of the academic disciplines «Descriptive Geometry» and «Engineering Graphics». The author considers such aspects of the topic as the current state of the practice of teaching these disciplines, main trends in the development of teaching methods for students in engineering and technical disciplines. Based on the analysis of scientific and scientific-methodological sources, as well as our own pedagogical experience, an attempt is made to propose several modernization measures aimed at improving the process of teaching students of technical areas of training. As a result, the author formulates ways to optimize and at the same time improve the quality of lectures and practical classes in the disciplines «Descriptive Geometry» and «Engineering Graphics».

Keywords: improving the quality of education, technical areas of training, engineering graphics, descriptive geometry, university students.

Аннотация: Данная статья призвана очертить круг возможных путей эффективизации процесса обучения студентов технических направлений подготовки вузов, осваивающих программы учебных дисциплин «Начертательная геометрия» и «Инженерная графика». Автором рассматриваются такие аспекты темы, как современное состояние практики преподавания названных дисциплин; основные тенденции в развитии методики обучения студентов инженерно-техническим дисциплинам. На основании анализа научных и научно-методических источников, регламентирующих документов, а также собственного педагогического опыта в работе предпринимается попытка предложить ряд модернизационных мер, направленных на эффективизацию процесса обучения студентов технических направлений подготовки. В результате автором формулируются способы оптимизации и одновременно повышения качества лекционных и практических занятий по дисциплинам «Начертательная геометрия» и «Инженерная графика».

Ключевые слова: повышение качества обучения, технические направления подготовки, Инженерная графика, Начертательная геометрия, студенты вуза.

Дисциплины «Начертательная геометрия» и «Инженерная графика» внесены в программы обучения всех технических вузов и предусмотрены для освоения студентами на первых курсах университетского образования. Данные учебные предметы призваны заложить основы инженерного знания, что делает их одними из приоритетных в системе подготовки будущих специалистов технического профиля. Однако современные тенденции развития вузовского образования обнаруживают ряд противоречий, заключающихся в необходимости изучения названных предметов и одновременно тотальным сокращением часов для аудиторных занятий со студентами. Кроме того, приходя на первый курс, вчерашние школьники не всегда обладают хотя бы элементарными представлениями о графических дисциплинах, поскольку сегодняшние школы исключают из списка учебных предметов черчение [3, с. 8–9], а содержание курса стереометрии не в полной мере соотносится с содержанием вузовских курсов инженерно-графи-

ческих дисциплин [10, с. 81]. В данной связи назревает острая необходимость в поиске путей эффективизации хода формирования основных компетенций студентов, лежащих в поле рассматриваемых дисциплин, а также технического образования в целом.

Новейшие ФГОС, регламентирующие деятельность вузов, готовящих специалистов в области технического профиля, фиксируют, что выпускник бакалавриата должен обладать широким перечнем компетенций, включая навыки подготовки конструкторско-технологической документации [11]. Именно на начальных ступенях обучения и закладывается фундамент будущей профессиональной деятельности студента. Поэтому педагоги на сегодняшний день вынуждены искать пути повышения качества технического вузовского образования в условиях:

- появления всё новых Стандартов, расширяющих требования к выпускникам;
- активного протекания процесса цифровизации и компьютеризации образования;

- распространяющейся тенденции в области сокращения аудиторных часов для освоения дисциплин инженерно-графического цикла;
- несформированной базовой подготовки первокурсников, что оказывает влияние на возникновение трудностей у студентов, которые в свою очередь негативно сказываются на мотивации обучающихся.

Все вышеупомянутые факторы детерминируют активизацию развития идей о модернизации процесса обучения дисциплинам инженерно-графического цикла. В частности, исследователи и преподаватели разрабатывают и внедряют приёмы и средства обучения, ориентированные на повышение практико-ориентированности обучения будущих специалистов технических направлений подготовки. Здесь следует сказать о поиске путей трансформации традиционных лекционных занятий, где предусматривается достаточно пассивная роль студента в ходе трансляции знаний, а монолог педагога выступает ведущим видом деятельности [8].

Как показано в последних публикациях, в практике преподавания начертательной геометрии и инженерной графики преподаватели тяготеют к проведению лекций-визуализаций, информационная лекция, которая может иметь интерактивный характер [9, с. 252–253]. На последнем типе лекций следует остановиться отдельно. Элементы интерактивности могут приближать лекционное занятие к консультативной встрече со студентами. В условиях небольшого количества лекционных часов представляется возможным предлагать обучающимся самостоятельно освоить теоретические блоки изучаемой темы, а в рамках аудиторного занятия посредством приёма интервьюирования педагога студентами заполнить пробелы в знаниях, а также преодолеть трудности восприятия материала. Такой способ построения хода обучения плодотворен при изучении правил составления чертежей, прописанных в ГОСТах, теоретические аспекты выполнения линий, задания плоскостей, исторические справки, включающиеся в материал лекций. Такой формат проведения лекционных занятий по своему методическому наполнению приближается к сущности технологии «перевернутый класс», элементы которой также находят свою реализацию в сфере технического образования [1]. Визуализация на занятиях обеспечивается использованием информационно-коммуникационных (ИКТ) и цифровых технологий на лекциях: трансляция лекций ведущих специалистов в данной области знания, видеофрагменты, репрезентирующие работу служащих реальных производств, находят своё применение и видеоролики, создаваемые пользователями сети Интернет, активно интересующимися новейшими платформами для создания 3D анимационных моделей и чертежей на популярных платформах, однако такие материалы педагогу следует отбирать особо критически.

Таким образом, следует резюмировать, что ведущим средством оптимизации и эффективизации процесса

обучения будущих инженеров признаются информационно-коммуникационные и цифровые технологии. Традиционные программы, используемые в практике развития графических навыков студентов остаются AutoCAD, Компас-3D, SolidWorks, T-FLEX CAD на базе которых преподаватели создают авторские лабораторные практикумы [2]; неограниченный доступ к материалам курса, а также осуществление обратной связи в паре преподаватель-обучающийся строится посредством платформ, обеспечивающих дистанционный формат трансляции знаний, в частности система Moodle [6, с. 83]. Педагогами нарабатываются библиотеки наглядных материалов, где собраны 3D модели, интерактивные электронные плакаты и презентации с анимационной составляющей [4, с. 2187].

Как итог сокращения учебных часов по дисциплинам обнаруживается необходимость в грамотном подходе к выстраиванию стратегии организации самостоятельной деятельности студентов. И здесь вновь исследователи отводят ведущую роль широкому внедрению информационно-коммуникационных технологий в ход обучения. Педагогами создаются электронные учебники и учебные пособия, составленные с применением интерактивных технологий, включающие большую долю наглядного материала. Интернет представляет работа Л.Я. Мелкозеровой, Г.Н. Мошниковой, где исследователи предлагают в качестве эффективного средства повышения качества самостоятельной работы обучающихся использование информационно-дидактического комплекса – совокупности «дидактических средств и методических материалов», а также блока заданий и тестирования [5]. Следует отметить, что тестирование может стать инструментом общей оценки уровня базовой подготовки первокурсников, приобретённой ими в школе. Такой мониторинг позволит преподавателю вуза избрать стратегию работы с зачастую неоднородным коллективом обучающихся, грамотно организовывать групповую и коллективную работу на практических занятиях и лабораторных практикумах, а также в рамках проектно-исследовательской деятельности студентов.

В силу того, что изучение начертательной геометрии и инженерной графики затрудняется ещё и факторами, связанными с образовательной адаптацией первокурсников, видится необходимость во внедрении в практику самостоятельной работы студентов консультаций, призванных восполнить пробелы обучающихся в знаниях черчения и геометрии, а также по текущим темам. Это позволит оказать обучающимся поддержку в ходе освоения трудных, на первый взгляд, дисциплин, что позволит вывести преподавателя на уровень тьютора, наставника.

Внедрение ИКТ и цифровых технологий значительно интенсифицирует процесс освоения инженерно-графических дисциплин, однако черчению от руки также должно отводиться внимание в рамках учебного курса. В связи с этим солидаризируемся с мнением Ж.А. Назаровой в том, что «работа в графическом редакторе не должна исклю-

чать ручной труд» [7, с. 137]. Каким же образом преподавателю следует повысить качество выполнения построений на бумаге? Думается, что здесь в качестве средства активизации развития указанного навыка плодотворностью также может обладать самостоятельная деятельность студентов. Во внеаудиторное время представляется возможным организовывать кружковую работу, конкурсы чертежей, выполненных без компьютерных технологий и т. д.

Всё вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что современные реалии развития системы высшего технического образования детерминируют необходимость внедрения в практику преподавания дисциплин инженерно-графического цикла следующее:

- система «входного тестирования» для определения уровня базовой графической подготовки первокурсников, позволяющей преподавателю найти оптимальные формы, методы и средства работы с учащимся коллективом;
- авторские электронные учебные пособия, информационно-дидактические комплексы, собранные и классифицированные по тематическому принципу подкасты и библиотеки наглядности по предмету и т. д.;

- проведение интегрированных занятий, когда студенты одновременно осваивают знания в рамках дисциплины «Начертательная геометрия», «Инженерная графика», «Компьютерная графика»
- использование потенциала ИКТ в модернизации лекционных занятий с целью их большей практико-ориентированности, наполнения различным наглядным материалом, снимающим трудности в восприятии абстрактной информации, заменяя её на реальную; представление практики реального производства (видеофрагменты);
- предоставление большей самостоятельности студентам в освоении теоретических аспектов изучаемых тем;
- расширение роли консультационных встреч преподавателя и студентов, в том числе и с целью восполнения знаний из школьного курса черчения и геометрии;
- внутри- и межвузовские мероприятия (конкурсы, мастер-классы и т. п.) по созданию чертежей от руки, с целью сохранения «ручного труда» как основы формирования и развития инженерно-графических навыков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисова Е.В. Вариация технологии «перевернутый класс» для обучения магистрантов инженерно-технических направлений // Человеческий капитал. – 2020. – № 8 (140). – С. 160–169. – DOI: 10.25629/НС.2020.08.15.
2. Гузненков В.Н. Использование цифровых технологий на кафедре инженерной графики МГТУ им. Н.Э. Баумана // Научное обозрение. Педагогические науки. – 2020. – № 2. – С. 10–14.
3. Красовская Н.И. Роль начертательной геометрии в развитии пространственного мышления студентов / Н.И. Красовская, А.В. Сычева, Н.В. Бауэр // Высшее образование сегодня. – 2019. – № 7. – С. 8–12. – DOI: 10.25586/RNU.NET.19.07.P.08.
4. Ляпин А.А. Внедрение современных информационных технологий для повышения эффективности изучения курса «Начертательная геометрия и инженерная графика» // Международная научно-техническая конференция молодых ученых, Белгород, 25–27 мая 2020 года. – Белгород: Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова, 2020. – С. 2184–2192.
5. Мелкозерова Л.Я. Методика использования дидактических средств обучения начертательной геометрии при организации самостоятельной работы студентов / Л.Я. Мелкозерова, Г.Н. Мошнинова // Архитектура, строительство, транспорт: материалы Международной научно-практической конференции (к 85-летию ФГБОУ ВПО «СибАДИ»), Омск, 02–03 декабря 2015 года. – Омск: ФГБОУ ВПО «Сибирская государственная автомобильно-дорожная академия (СибАДИ)», 2015. – С. 1814–1819.
6. Мороз О.Н. Применение современных методов преподавания начертательной геометрии // Современное образование: содержание, технологии, качество. – 2018. – Т. 2. – С. 81–84.
7. Назарова Ж.А. Обоснование последовательного изучения разделов начертательной геометрии и инженерной компьютерной графики // Современные наукоёмкие технологии. – 2023. – № 1. – С. 133–137. – DOI: 10.17513/snt.39510. [Электронный ресурс]. – URL: <https://top-technologies.ru/article/view?id=39510> (дата обращения: 05.05.2023).
8. Остапенко И.А., Кроливецкая И.Е. Недостатки лекционной формы обучения и пути их преодоления // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – Т. 23. – С. 77–81. [Электронный ресурс] URL: <http://e-koncept.ru/2016/56397.htm>. (Дата обращения: 04.05.2023).
9. Свистунова Е.А. Цифровые технологии в преподавании Начертательной геометрии и компьютерной графики в техническом университете / Е.А. Свистунова, С.Ю. Маргасюк // Технологии металлургии, машиностроения и материалообработки. – 2021. – № 20. – С. 249–254.
10. Турдакун, у. Н. Применение компьютерных технологий при изучении начертательной геометрии / у. Н. Турдакун, З.М. Мамытбекова // Вестник Кыргызского государственного университета строительства, транспорта и архитектуры им. Н. Исанова. – 2017. – № 2(56). – С. 78–82.
11. Федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования (Инженерное дело, технологии и технические науки) [Электронный ресурс]. – URL: <https://fgos.ru/search/bachelor/> (дата обращения: 04.05.2023).

© Сазонова Татьяна Владимировна (tatyana10zaikina@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НРАВСТВЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ И ТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

MORAL EDUCATION AND TOLERANCE AS A SOCIO-PEDAGOGICAL PROBLEM

V. Skopa

Summary: The article deals with moral education and tolerance as a socio-pedagogical problem. The issue of spiritual and moral education of the younger generation is one of the key issues facing every parent, society and the state as a whole. In the moral education of students, the formation of humane relations to social subjects, the education of effective moral feelings in them is relevant. In modern conditions, education is one of the most effective means of forming new attitudes and norms of behavior, and, in particular, the formation of tolerant consciousness and behavior. The most important component in the development of moral principles and tolerance are pedagogical conditions, which should contribute to the education of tolerance among students and correlate with the goals and objectives of the pedagogical process. Rational pedagogical management of the upbringing of adolescents, which is based on the principles of humanism, multiculturalism, tolerance, of the pedagogical dialogue of the subjects of the educational process, can become the key to the success and future development of modern society.

Keywords: moral education, students, personality, educational process, tolerance.

Скопа Виталий Александрович

доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент российской академии естествознания, Алтайский государственный педагогический университет (г. Барнаул)
sverhtitan@rambler.ru

Аннотация: Вопрос духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения является одним из ключевых, который стоит перед каждым родителем, обществом и государством в целом. В нравственном воспитании учащихся актуальным является формирование гуманных отношений к социальным субъектам, воспитание у них действенных нравственных чувств. В современных условиях образование является одним из наиболее эффективных средств формирования новых отношений и норм поведения, и, в частности, формирования толерантного сознания. Важнейшей составляющей в развитии нравственных начал и толерантности являются педагогические условия, которые должны способствовать воспитанию толерантности у обучающихся и коррелироваться с целями и задачами педагогического процесса. Рациональное педагогическое руководство воспитанием подростков, в основу которого положены принципы гуманизма, поликультурности, толерантности, педагогического диалога субъектов образовательного процесса, смогут стать залогом успеха и перспективного развития современного общества.

Ключевые слова: нравственное воспитание, учащиеся, личность, образовательный процесс, толерантность.

За последние годы существенно изменилась система духовного воспроизводства общества. Произошло это в результате глубокого кризиса, который на сегодняшний день переживает система образования. Остается много нерешенных проблем. К одной из них можно отнести духовно-нравственное воспитание подрастающего поколения. Бездуховность, низкая нравственность, вражда все это разрушает человека, общество и государство [10].

Системный кризис затронул буквально все сферы современной жизни: экономику, экологию, культуру, образование. Как указывают исследователи, в основе всех разрушительных процессов лежит, прежде всего, кризис нравственных норм и регулятивов, который во многом заключается в утрате ценностных категорий [13]. Как ни парадоксально, но разрушение норм традиционной этики происходит отнюдь не спонтанно и не случайно, а направленно и с определенной целью.

Наиболее ярко разрушительные процессы проявляются в системе образования. Это связано с тем, что образование по своей природе является одним из самых консервативных общественных институтов, именно в

нем в течение многих поколений кристаллизуются оптимальные для той или иной культуры, проверенные опытом модели социализации новых поколений, принципы и механизмы целостного сосуществования. Поэтому любая реформа, вступающая в конфликт с национальными принципами воспитания и обучения, не только наносит существенный урон непосредственно самой системе образования, но и вызывает серьезные социальные потрясения, порой необратимого характера.

Цель данной работы – определить нравственное воспитание и толерантность как социально-педагогическую проблему.

На сегодняшний день в обществе наблюдается снижение нравственного и духовного уровня, и это не может не вызывать беспокойства, поскольку сохранение существующих тенденций грозит обществу губительными последствиями. Вместе с тем важность роста нравственного и духовного развития человечества, как и актуальность самой постановки вопроса об этом – не осознаны должным образом, несмотря на широкую проработку проблемного поля многими исследователями различных научных областей – педагогики, психологии,

культурологии, философии. Нравственное воспитание и толерантность исследованы в различных научных плоскостях: толерантность в педагогическом общении; воспитание толерантности; этапы нравственного становления ребенка; формирование толерантности как интегрального качества личности подростков; ценностное воспитание личности в поликультурной среде и другие [2, 4, 5, 7, 12]. Весь этот массив исследований позволяет комплексно переосмыслить и системно рассмотреть категории «толерантность» и «нравственное воспитание» как социально-педагогическую проблему.

Вопрос духовно-нравственного воспитания детей является одним из ключевых, стоящим перед каждым родителем, обществом и государством в целом. В обществе сложилась отрицательная ситуация в вопросе духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения, формирования толерантного отношения к окружающим [11]. Исходя из анализа научных работ и эмпирической базы характерными причинами данной ситуации во многом можно выделить следующие факторы:

- отсутствие четких положительных жизненных ориентиров для молодого поколения;
- резкое ухудшение морально-нравственной обстановки в обществе;
- спад и изменение принципов в культурно-досуговой работе с детьми и молодежью;
- подмена многих духовно-нравственных ценностей как базовой основы в развитии человека.

В нравственном воспитании учащихся весьма актуальным является формирование гуманных отношений к социальным субъектам, воспитание у них действенных нравственных чувств [1].

Во многом возникшие проблемы негативного характера ныне, уходят к трансформации и реформированию системы образования прошлых лет. Одной из первых реформ явилась в середине 90-х годов XX столетия установка того, что школа не будет заниматься воспитанием. Теперь воспитание, в том числе и патриотическое, – прерогатива исключительно семьи [6]. Вопиющим фактом стало то, что в образовательных учреждениях опустошались библиотеки и методические кабинеты – на свалку выносили разработки уроков мужества, мероприятий военно-патриотической, эстетической, нравственной тематики; сокращались ставки пионервожатых и заведующих воспитательной работой в школе. И последствия не заставили себя долго ждать: в закрытых социологических и статистических исследованиях с этого времени и по сей день фиксируется беспрецедентный рост случаев девиантного поведения среди детей, подростков и молодежи – от побегов из дома до тяжких преступлений, наркомании, суицида. Через несколько лет решили все-таки вернуться и к патриотическому воспитанию, и к нравственному, но многолетний опыт и отработанная мето-

дическая база уничтожены, и очень мало энтузиастов, которые могли бы возродить эту работу на новом уровне в достойном виде [8]. При анкетировании нынешних студентов и учащихся школ выясняется, что только 25% из них принимали участие в уроках мужества, не более 30% хотя бы раз участвовали в классном часе нравственной тематики или беседовали о проблемах этики с родителями или учителями. Во многом данная статистика показывает весьма неутешительные результаты. А процесс «навязывания» и установок «сверху» формировать и развивать нравственное воспитание и толерантность вызывает порой сильнейшее отторжение и у учащихся, и у их наставников.

Понятие «толерантность» в настоящее время чрезвычайно широко используется как в различных научных дисциплинах, так и в социальной практике. В социально-педагогическом контексте однозначного понимания нет толерантности. Так, А.Г. Асмолов рассматривает данное понятие как «искусство жить в мире непохожих людей и идей» [3]. Наиболее ёмкую трактовку толерантности дал Б. З. Вульф. «Толерантность – это способность человека сосуществовать с другими, у кого иной менталитет и образ жизни» [4]. В самом широком смысле понятие «толерантность» означает способность относиться к иному мнению, поступкам без раздражения, признавать право других на отличие.

Но проблема заключается в том, что в лексеме «толерантность», открытой для восприятия остается первая часть значения: «терпимость к чужому образу жизни, поведению, обычаям, верованиям, ценностям» [4]. Вторая часть значения не развернута и как бы вторична и скрыта: «способность выносить отклонения в поведении от общепринятых, переносить их неблагоприятное влияние» [4]. Спекуляции идут вокруг первой части значения, и поэтому налицо бум популярности данного иноязычного заимствования. С одной стороны, возможно, кто-то «продвигает» идею толерантности, наивно полагая, что исходит из благих побуждений. Но, с другой стороны, возникает необходимость сущностного понимания данной категории и ее реализации в обществе.

Что же касается опасности для широкого употребления слова «толерантность», то здесь важно отметить, что ряд специалистов утверждают: существуют значительные отличия между понятиями «терпимость» и «толерантность».

Человек, исповедующий принцип терпимости («субъект терпимости») убежден осознанно или бессознательно, что, хотя люди изначально, в целом, равны в своем потенциале, но отнюдь не равны в силу множества причин, в своем наличном нравственном состоянии. Поэтому в этом случае правомерно полагать, что одна личность может быть ближе к моральным основам

(в данном случае, прежде всего, моральной истине), чем другая. При этом общество в целом, терпимо относясь к аномальным явлениям, тем не менее, в рамках системы нравственных четких координат дает им адекватную оценку: что есть добро и что есть зло.

Субъект толерантности стоит на кардинально противоположных позициях: во-первых, признается, что все априори равны, а, значит, имеют изначальное право на любую форму самовыражения, во-вторых, отрицается объективная иерархия ценностей и ориентиров. Данный подход означает, что все жизненные выборы равнозначны, и поэтому говорить о нравственности или безнравственности выбора бессмысленно.

Субъект терпимости полагает, что в случае, если он более прав, чем оппонент, он не имеет права применять какое-то бы ни было насилие. Но при этом субъект терпимости в случае жизненно важного выбора будет активно препятствовать совершению антигуманных, безнравственных действий.

Субъект толерантности считает недопустимым воздействовать на оппонента, так как ни он лично, ни общество, исповедующее принцип толерантности, не стремятся к поиску общезначимых базовых истин, нравственных ценностей и норм. В связи с этим встает вопрос: почему бы нам не вернуться к собственным истокам – воспитанию нравственности, милосердия, терпимого отношения к людям любой национальности и вероисповедания. Но с устойчивым принципом – дать отпор злу, преступнику.

Но как оказывается, это лишь прелюдия к еще более изощренному заимствованию – так называемой «новой этике» или «этике будущего», которая стирает разницу между такими понятиями как «норма» и «патология»; «добро» и «зло»; «здоровье» и «болезнь». Противостоять этому нужно на основе возрождения на новом цивилизационном уровне лучших национальных традиций воспитания и образования – на основе развития осмысления понятия свободы [9]. В частности, свобода убеждений не исключает четкую базовую основу – исходных нравственных принципов, которые фактически являются проекциями известных заповедей канонических религий. Тем более, что цель и основной смысл появления и существования мировых религиозных учений заключается в том, чтобы утвердить нравственную систему координат. Поскольку в данной системе координат абсолютно четко происходит осознание того, что, если личность нарушает нравственные принципы, то тем самым она разрушает свою высшую человеческую природу – духовность. Осознание существования базовых нравственных универсалий – констант, помогает разобраться во множестве современных проблем и парадоксов.

В современных условиях образование становится одним из наиболее эффективных средств формирования новых отношений и норм поведения, и, в частности, формирования толерантного сознания и поведения [13].

Важнейшей составляющей в развитии нравственных начал и толерантности выступают педагогические условия, которые должны способствовать воспитанию данных категорий у обучающихся и коррелироваться с целями и задачами педагогического процесса. Исходя из этого к числу наиболее важных условий можно отнести:

- формирование социально значимых качеств будущего гражданина;
- внедрение новых форм и методов воспитания;
- разработка моделей воспитания толерантности обучающихся.

В этом процессе важно отметить и сформированную толерантную культуру педагога. Необходимым условием успешности педагогической деятельности в воспитании толерантности является принятие обучающегося таким, какой он есть. Толерантный преподаватель способен добиться эффективного результата [4]. Толерантность на сегодняшний день стала важной социальной нормой в общении и главным фактором в самоопределении личности и общественном сознании.

В современной научной литературе при рассмотрении феномена толерантности обозначены следующие уровни:

1. интолерантность – активная позиция человека;
2. безразличие – пассивная социальная позиция;
3. терпимость – отстраненное созерцание других людей с иными взглядами;
4. готовность к пониманию другого на основе общечеловеческих ценностей;
5. выстраивание диалога и расширение собственного опыта взаимодействия с другими субъектами.

Исходя из этого, основная задача педагога заключается в развитии толерантных отношений, в повышении коммуникативной компетентности обучающихся, готовых к открытому диалогу, а также в создании оптимальных условий для самовыражения индивидуума, развития культуры собственного достоинства и терпимости, уважительности по отношению к окружающим.

В организации процесса воспитания толерантности важно так же учитывать возрастные потребности подростка, особенности его субкультуры [14]. Сюда можно отнести стремление к самоутверждению, принятию его социумом, получению новых ощущений, информации.

Таким образом, воспитание толерантности и нравственных начал – сложная социально-педагогическая проблема, которая проецируется в философской,

педагогической, социальной плоскостях. Грамотное педагогическое руководство воспитанием подрастающего поколения, в основу которого должны быть положены принципы гуманизма, поликультурности, толерантности, педагогического диалога субъектов образовательного процесса, смогут стать залогом

успеха и перспективного развития современного общества. Отечественная педагогика чётко определяет нравственные ценности, нравственный идеал, имеет обширный инструментарий для формирования нравственной личности, нравственной позиции и нравственного поведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамова М.О. Трансформация понятия прав человека в либеральных концепциях // Вестник Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2015. № 2 (30). – С. 75-82.
2. Акимов О.Б. Толерантность в педагогическом общении // Педагогическая акмеология. Екатеринбург, 2012. – С. 55-70
3. Асмолов А.Г. Стратегия и методология социокультурной модернизации образования. // Проблемы современного образования. 2010. № 4. – С. 4-18.
4. Вульф В.З. Воспитание толерантности: сущность и средства // Внешкольник. 2002. № 6. – С. 12-16.
5. Гармаев А. Этапы нравственного становления ребенка. М., 1995. – 112 с.
6. Гасанов З.Т. Проблемы воспитания патриотизма, дружбы народов, веротерпимости // Педагогика. 2001. № 4. – С. 24-28.
7. Климова М.В. Формирование толерантности как интегрального качества личности подростков 13-15 лет: Автореф. ... дис канд пед наук. Нижний Новгород, 2011. – 30 с.
8. Логинова А.А., Атаева Л.И. Толерантность молодежи в современном обществе // Актуальные вопросы современной педагогики: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Уфа, ноябрь 2013 г.). Уфа, 2013. – С. 92-94.
9. Лотман Ю.М. Воспитание души. СПб., 2005. – 624 с.
10. Николаева Л.В., Слепцова Г.Н. Ценностное воспитание личности в поликультурной среде // Проблемы педагогики. 2014. № 1 (1). – С. 4-6.
11. Олпорт, Гордон У. Толерантная личность // Национальный психологический журнал. 2011. № 2. – С. 55-159.
12. Павлов, И.В., Кулиш Т.В. Педагогические условия формирования толерантности у обучающихся в образовательных учреждениях среднего профессионального образования // Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. 2019. № 2 (102). – С. 170-178.
13. Петрухина А.С. Психологические особенности толерантности: сущность, понятия, характеристика, типы. Толерантное мировосприятие // Молодой ученый. 2019. № 49. – С. 564-566.
14. Проблемы толерантности в подростковой субкультуре. Труды по социологии образования. Т.VIII. Вып. XIII / Под ред. В.С. Собкина. М., 2003. – 391 с.

© Скопа Виталий Александрович (sverhtitan@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НОРМАТИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ, РЕГУЛИРУЮЩИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДОШКОЛЬНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ НА РУБЕЖЕ 19 И 20 ВЕКА

Соколова Ева Рудольфовна

аспирант, Воронежский государственный педагогический университет
Eva_uchitel@mail.ru

NORMATIVE DOCUMENTS REGULATING THE ACTIVITIES OF PRESCHOOL EDUCATIONAL INSTITUTIONS AT THE TURN OF THE 19TH AND 20TH CENTURIES

E. Sokolova

Summary: During the period under review, in parallel with the formation and development of the socio-economic prerequisites for organized collective preschool education and education, the development of pedagogical theory and practice, there were intensive processes of law formation. In the Russian Empire, there was no systematic legal regulation in the analyzed area, the issues of regulation of private, corporate and charitable children's institutions were under the jurisdiction of the police, the Ministry of Education, as well as the founders. In the Soviet period, the processes of law formation pass into the stage of lawmaking, including the Council of People's Commissars of the RSFSR and the All-Russian Central Executive Committee. In the decisions of the All-Russian congresses on preschool education, ideological, pedagogical and organizational concepts have developed, which, however, have not yet formed the basis of the system of legal regulation, which was still carried out by scattered acts of executive authorities.

Keywords: kindergarten, preschool education, People's Commissariat of Education, legal regulation, preschool institutions.

Аннотация: В рассматриваемый период параллельно становлению и развитию социально-экономических предпосылок организованного коллективного дошкольного воспитания и образования, развития педагогической теории и практики, шли интенсивные процессы правообразования. В Российской империи системное правовое регулирование в анализируемой сфере отсутствовало, вопросы регламентации частных, корпоративных и благотворительных детских учреждений находились в ведении полиции, Министерства просвещения, а также учредителей. В советский период процессы правообразования переходят в стадию правотворчества, в том числе СНК РСФСР и ВЦИК. В решениях всероссийских съездов по дошкольному воспитанию сложилась идеологическая, педагогическая и организационная концепции, которые, однако, пока не легли в основу системы правового регулирования, которое по-прежнему осуществлялось разрозненными актами органов исполнительной власти.

Ключевые слова: детский сад, дошкольное воспитание, Наркомат просвещения, правовое регулирование, дошкольные учреждения.

Потребность в правовом регулировании деятельности дошкольных образовательных учреждений в России возникает во второй половине XIX в. связи с быстрым развитием социально-экономических процессов в связи с отменой крепостного права, либеральными реформами и новыми тенденциями развития педагогической теории.

В начале XX в. управление детскими дошкольными учреждениями было рассредоточено и относилось к полномочиям Ведомства императрицы Марии Федоровны, Министерства народного просвещения и Министерства внутренних дел, которые давали санкции на открытие детских садов и приютов, а также содействия в этой деятельности частным и общественным организациям, таким как открывшееся в 1871 г. в Санкт-Петербурге Общество содействия первоначальному воспитанию детей дошкольного возраста.

В 1890-е – 1900-е годы детские дошкольные учреж-

дения различных типов открывались при гимназиях с педагогическими классами, в приходах православных и других храмов, а также при промышленных предприятиях. В своей деятельности они руководствовались локальными актами учредителя. В качестве примера можно привести «Правила организации «дневного убежища» для детей рабочих фабрики Товарищества Российско-американской резиновой мануфактуры, утверждённые Правлением предприятия в 1882 г.

Также детские сады открывали общественные и благотворительные организации (женские общества, общества трезвости, попечения о бедных детях и др.). В данном случае их деятельность регулировалась законодательством о благотворительности и уставами учредителей.

Отвечая требованиям социально-экономического развития, процесс организации дошкольных учреждений был дифференцирован по типу учредителя на ча-

стично государственные, общественные и частные, а по способу финансирования — на платные и бесплатные [1, с.49]. Большинство дошкольных учреждений были частными и действовали в частных домах и квартирах владельцев. По содержанию деятельности дошкольные учреждения делились на детские сады ухода и присмотра, а также учреждения, готовившие детей к школе. По продолжительности работы детские сады были сезонными (летними) и годичные, где реализовывалась в том числе и образовательная программа. По времени пребывания детские сады были полного дня и кратковременного пребывания [2, с.14].

Столь разнообразная и активная деятельность требовала адекватного правового регулирования, которым занималось в основном Министерство Народного Просвещения, однако вплоть до начала 1890-х годов учреждение и деятельность частных детских на государственном уровне не регламентировалось.

В 1893 г. были приняты правила открытия и содержания детских садов. Право на это получили исключительно подданные Российской империи. Работать с детьми должны были лица с педагогическим образованием, у мужчин – университет, у женщин — VIII класс гимназии, либо последний класс курсов благородных девиц. В соответствии с Правилами в детских садах, аналогично школам, были введены обязательные предметы: русский язык и Закон Божий.

Правила не содержали требований, аналогичных САНПИН, не было требований к помещению, только лишь его известный полиции адрес. Прошение об открытии детского сада подавалось и разрешалось в учебном округе, перед которым учредитель ежегодно отчитывался. С начала XX в. Министерство народного просвещения на грантовой основе частично финансировало некоторые детские сады и дошкольные общества.

В целом, в Российской империи отсутствовало системное правовое регулирование сферы дошкольного образования и воспитания, сформировались лишь предпосылки к его формированию. В этом смысле период до 1917 г. может рассматриваться лишь с позиций правообразования, формирования общественных отношений, требующих регулирования. Их правотворческая реализация относится уже к советскому периоду.

Декрет ВЦИК и СНК 9 (22) ноября 1917 «Об учреждении Государственной комиссии по просвещению» [3], в состав которой вошёл отдел по дошкольному воспитанию, положил начало правовой регламентации организации дошкольного образования и выработки его нормативной основы.

В то же время, в соответствии с Декретом, в полно-

мочия Комиссии не входило управление учебными и образовательными организациями. Она лишь выполняла функции «связи и помощи» в «организации источников материальной, идейной и моральной поддержки муниципальным и частным, особенно же трудовым и классовым просветительным учреждениям в государственном масштабе» [4].

Принимая во внимание объем первоочередных задач советской власти, эти задачи были возложены на Народный комиссариат просвещения, который в контакте с Комиссией приступили к унификации детских и школьных воспитательных и образовательных организаций, а также к централизации управления их деятельностью.

Распоряжением СНК РСФСР от 23 февраля 1918 г., а затем декретом СНК РСФСР от 5 июня 1918 г. все они, несмотря на ведомственную принадлежность, перешли в ведение Наркомпроса РСФСР.

В соответствии с Декретом СНК РСФСР «Об организации дела народного образования в Российской Республике» от 26 июня 1918 г. руководство делом дошкольного воспитания и образования перешло в компетенцию отделов народного образования, формируемых при исполкомах областных, губернских, уездных и волостных Советов [5].

Особая роль в те годы отводилась съездам по дошкольному воспитанию. В 1919 г. Первый всероссийский съезд по дошкольному воспитанию сформулировал базовые цели и задачи организации дошкольного воспитания, выявил и систематизировал особенности советских дошкольных организаций, подготовки соответствующей литературы и т.д. Съезд формировал идеологию и концепцию нового правового регулирования. Ставилась задача переустройства семьи, обеспечения единства задач общественного и семейного воспитания, а также преемственности с общеобразовательной и профессиональной школой, перед которыми стояла задача воспитания членов нового социалистического общества [6, с.45-48]. Именно съезд сформулировал базовый тип дошкольного учреждения – детский сад, который могли посещать дети 3-7 лет, сформулировав цель формирования «сети дошкольных учреждений: яслей, садов, очагов» [7, с. 390]. Решения Съезда, не будучи нормативными актами, фактически получили статус документов стратегического планирования.

Второй съезд по дошкольному образованию в ноябре 1921 г. акцентировал внимание на вопросах построения новой системы образования, хотя и уклонился от требования обязательной унификации системы дошкольного образования. В то же время в соответствии с «Основными положениями педагогической работы в дошкольных учреждениях» этот курс был фактически инициирован

[8, с.11]. Четвертый Всероссийский съезд по дошкольному воспитанию обратил внимание на содержание и унификацию программ в дошкольных организациях.

Интенсивные обсуждения вопросов дошкольного воспитания и образования в 1920-е годы не привели к их формализации в системное правовое регулирование. Так, на IV Всероссийском съезде по дошкольному воспитанию в 1929 г. ставились вопросы администрирования детских садов и упрощённых дошкольных структур. На тот момент дошкольное воспитание вошло в систему культурного строительства, официальной идеологии, формирования нового человека [8], однако задача нормативной регламентации унифицированной системы решена не была. Уже в 1930-е годы Наркомпрос утверж-

дает единые официальные программы в рамках централизованной системы дошкольных учреждений. Первая официально утвержденная образовательная программа для детских садов была написана в 1934 г., а с 1938 г. система детских садов была стандартизована и приобрела вид, в котором просуществовала до конца XX в.

В то же время, нормативные документы, регулирующие деятельность дошкольных образовательных учреждений, не были приведены в системное единство, не была формализована общая концепция, приоритет оставался за ситуативным регулированием. В то же время, материалы съездов, документы Комиссии и Наркомпроса сформировали хорошую основу для последующего правотворчества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чмелёва Е.В. Педагогика дошкольного детства в России конца XIX - начала XX веков: историко-педагогический очерк. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2008. 220 с.
2. Мишакова Е.Н. Становление и развитие дошкольных образовательных учреждений в России второй половины XIX - начала XX века: дисс. ... канд. пед. наук: 13.00.01. Волгоград, 2012. 142 с.
3. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1917. Отдел I. № 3. Ст. 32.
4. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917—1918 гг. Управление делами СНК СССР М. 1942. С. 621-625.
5. Первый Всероссийский Съезд по дошкольному воспитанию: доклады, протоколы, резолюции. Государственное издательство, 1921. 224 с.
6. Протоколы съездов и конференций Всесоюзной Коммунистической партии (б): Восьмой съезд РКП(б) 18-23 марта 1919 г. Партиздат, 1933. 560 с.
7. Основные положения педагогической работы в дошкольных учреждениях: Материалы редакционно-прораб. Комиссией в составе: Н.К. Крупской, Е.Т. Рудневой, М.В. Крупениной и др. М., 1924. 28 с.
8. Материалы Четвертого Всероссийского съезда по дошкольному воспитанию: стенографический отчет. М.- Л.: Наркомпрос РСФСР, Госиздат., 1929. 287 с.

© Соколова Ева Рудольфовна (Eva_uchitel@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Воронежский государственный педагогический университет

МЕТОДИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ ПРИ ИЗУЧЕНИИ КИТАЙСКИМИ СТУДЕНТАМИ ЛЕКСИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Сюн Даньфэн

Аспирант, Российский государственный педагогический
университет им. А.И. Герцена
xiongdanfeng@mail.ru

METHODOLOGICAL POTENTIAL OF THE LEXICO-SEMANTIC FIELD IN THE STUDY OF THE RUSSIAN VOCABULARY BY CHINESE STUDENTS

Xiong Danfeng

Summary: The article presents the experience of comprehending the methodological potential of the lexico-semantic field theory (LFS) in the practice of teaching Russian as a foreign language to a Chinese audience. The relevance of this kind of research is determined by the need to improve the educational process in terms of studying the vocabulary of the studied foreign language, which is the basis without which the formation of communicative competence becomes impossible. The article illustrates the possibilities of using specific and generic concepts of one LSP in order to explain to students the shades of meanings of words that are similar in meaning. In the course of achieving the goal of the study, it was found that the use of a field approach in the study of the vocabulary of a foreign language allows students to form clear ideas about the boundaries of the connotative and semantic meanings of words that have a similar interpretation, which contributes to the fact that in speech practice they can be more capacious to express your thoughts concisely.

Keywords: lexico-semantic field, word meaning, vocabulary learning, Russian as a foreign language, Chinese students, vocabulary.

Аннотация: В статье представлен опыт осмысления методического потенциала теории лексико-семантического поля (ЛСП) в практике преподавания русского языка как иностранного в китайской аудитории. Актуальность исследования такого рода определяется необходимостью совершенствования образовательного процесса в плане изучения лексики изучаемого иностранного языка, которая является той основой, без которой формирование коммуникативной компетенции становится невозможным. В статье проиллюстрированы возможности использования видовых и родовых понятий одного ЛСП для того, чтобы разъяснить студентам оттенки значений близких по значению слов. В ходе достижения цели исследования было установлено, что применение полевого подхода при изучении лексики иностранного языка позволяет сформировать у обучающихся чёткие представления о границах коннотативных и семантических значений слов, имеющих схожее толкование, что способствует тому, что в речевой практике они могут более ёмко и в то же время лаконично выражать свои мысли.

Ключевые слова: лексико-семантическое поле, значение слова, изучение лексики, русский как иностранный, китайские студенты, словарный запас.

Введение

Словарный запас играет очень важную роль в языке, и изучение лексики является основным и трудным моментом в обучении русскому языку как иностранному. Теория семантического поля является важной частью семантических исследований и обеспечивает значимую основу для формирования лексического минимума обучающихся. Применение семантической теории при изучении лексики русского языка китайскими студентами позволит помочь им понять различные семантические отношения и принципы сочетания и построения словосочетаний в системе русской лексики, расширить словарный запас учащихся и улучшить их способность к самостоятельному обучению.

Актуальность темы исследования определяется тем фактом, что преподавание лексики является основой изучения русского языка, но в настоящее время многие китайские студенты не владеют тематической лексикой

русского языка. Большинству обучающихся не хватает стратегии изучения словарного запаса, и они в основном предпочитают запоминать слова механически. Неоспоримым представляется факт того, что трудно долговременно удерживать в памяти слова, которые изолированы друг от друга с точки зрения семантических связей. В результате обучающиеся не будут правильно использовать выученный словарный запас в общении, у них не будет беглости и точности языка.

Современное преподавание русской лексики в основном заключается в объяснении новых слов и использовании русско-китайского перевода в соответствии с традиционным методом визуальной демонстрации и анализа словообразования. Преподаватели часто сосредотачиваются на произношении, форме и значении при обучении словарному запасу, перечисляя общие значения и фразы слов и объясняя их некоторыми примерами предложений. В процессе обучения многим учителям не хватает исследований в области теории обуче-

ния словарному запасу, и они не могут научно помочь учащимся изучать словарный запас более эффективно и систематически. Таким образом, представляется необходимым провести исследование, направленное на достижение **цели** по определению методического потенциала лексико-семантического поля для обучения китайских студентов. **Задачи** работы: уточнить понятие лексико-семантического поля (ЛСП); описать возможности использования ЛСП «Красота» в русском языке при изучении лексики китайскими студентами. **Предмет** исследования: методический потенциал русского лексико-семантического поля «Красота» при освоении китайскими студентами словарного запаса русского языка. **Методы** работы: систематизация, описание, структурирование, классификация.

Теория семантического поля

Теория семантических полей (также известная как «теория поля» или «семантическое поле») восходит к работам немецкого лингвиста В. Гумбольта, основоположника общего языкознания, деятельность которого пришла на середину XIX века [2]. Продуктивно работали в данном направлении некоторые лингвисты-структуралисты в Германии и Швейцарии в 1930-е годы, такие как Ипсен, Джоллес, Порциг и Террелл, Триер и др. Среди них наиболее известным является Террелл, теория структурной лингвистики которого отказалась от прежних методов исследования [6]. Он выступал за использование связанной и эволюционной точки зрения для изучения единства языковой системы и влияния среды на значение. Он считает, что слова в языке семантически или формально связаны и ограничивают друг друга, а вместе эти слова образуют законченную словарную систему. Языковые единицы с некоторой общей или сходной семантикой составляют семантическое поле, отражающее сходство понятий, вещей или функций представляемых ими явлений.

Семантическое поле, также известное как лексическое поле или домен, относится к полной и изменяющейся лексической системе, состоящей из слов, связанных друг с другом по смыслу. Как известно, любой язык содержит большое количество семантических полей. Поскольку эти семантические поля имеют разные значения, то и отношения между значениями слов различны. Террелл считает, что семантическое поле – это реальное существование между словами и всей лексикой. Как часть целого они обладают теми же характеристиками, что и слова, т.е. могут сочетаться в языковой структуре, а также имеют характер лексической системы, т.е. состоит из более мелких единиц [6, с. 26].

В теории семантического поля утверждается, что слова в языковой системе взаимосвязаны по смыслу и образуют между собой полную словарную систему [1, с. 66].

Поэтому семантическая структура слов может быть полностью и правильно раскрыта только при условии полного учета этих связей. Теория в основном содержит три значения: во-первых, определенные слова в языке могут объединяться в семантическое поле при доминировании общего понятия; во-вторых, слова, принадлежащие к одному и тому же семантическому полю, не только семантически связаны, но и семантически они ограничивают и регулируют друг друга; в-третьих, слова в семантическом поле семантически связаны, а вместе они образуют законченную систему словарного запаса, которая очень неустойчива и постоянно изменяется: некоторые старые слова становятся архаизмами и появляются новые слова [3, с. 118–122]. Кроме того, смысловые отношения между словами постоянно корректируются и изменяются с течением времени, и расширение значения слова приведет к уменьшению значения его соседей. Поскольку слова в семантике взаимно ограничивают друг друга, необходимо изучать лексику языка как целостную систему. Именно из-за тесной семантической связи между словами в языке истинное значение слова может быть определено только путем анализа и сравнения семантической связи между словами. Слова имеют значение только в семантическом поле, и значение каждого слова в значительной степени зависит от положения, которое слово занимает в семантическом поле [4, с. 19]. Как сказал профессор У. Цянгуан в своем труде «Введении в семантику», чтобы определить значение слова, необходимо сначала сравнить семантические отношения между словом и другими словами в том же семантическом поле и семантические отношения данного слова в семантическом поле [7]. Например, под понятием «месяц» понимаются слова, обозначающие такие календарные промежутки, как «январь, февраль, март, май, июнь, июль». Однако для того, чтобы знать значение «январь», необходимо понимать его соотношение с другими словами, то есть положение слова «январь» во всем семантическом поле «месяц». Согласно соотношению между каждой лексемой в семантическом поле, Чжоу Вэйцзе считает, что семантическое поле можно разделить на следующие четыре типа: верхнее и нижнее смысловые поля, синонимические поля, антисмысловые поля, полные и частичные поля [8].

Применение теории семантического поля «Красота» в обучении русской лексике

Психологи и методисты считают, что слова представлены широкой сетью отношений в памяти, а понятие каждого слова представлено как уникальный узел в сети и связано с другими словами посредством различных символических отношений или связей, что согласуется с сутью теории семантического поля. Таким образом, есть основания применять теорию семантического поля в методике преподавания РКИ. При обучении лексике русского языка в китайской аудитории необходимо поместить словарный запас в соответствующее семанти-

ческое поле, помочь студентам понять, усвоить и запомнить изучаемые лексемы, а также еще больше улучшить эффект обучения и способность студентов использовать русский язык для решения коммуникативных задач. В соответствии с этой теорией и различными типами семантических полей можно разработать модели отношения семантических полей для обучения словарному запасу русского языка. Рассмотрим на примере ЛСП «Красота».

Контекстуальное семантическое поле «Красота» представляет собой семантическое поле, состоящее из отношений включения между общими понятийными словами и видовыми понятийными словами. В языке некоторые слова представляют понятие рода, в то время как некоторые слова представляют понятие вида. Понятие рода и понятие вида представляют собой семантическое отношение вмещения. Это отношение называется в семантике отношением верхнего и нижнего значения. Слова, обозначающие родовые понятия, обозначают тематические группы слов, а слова, обозначающие видовые понятия, — отличительные особенности внутри одного вида. Видовые слова образуют семантическое поле гипонимического отношения.

Очевидно, что гипонимы относительны, например, при объяснении слова «Красота» может быть образован ряд гипонимов «прелесть, миловидность, здоровье» и т.д., которые подчиняются ему, а «Красота» может подчиняться признаку «Внешняя красота» или «Внутренняя красота» и превращаться в два сопоставленных гипонима, которые вместе составляют более высокий уровень – философское или физиологическое понимание красоты.

Точно так же преподаватели могут поставить перед студентами учебную задачу, направленную на то, чтобы установить, какие гипонимы могут быть получены, когда «прелесть, миловидность, здоровье» используются в качестве гипонимов соответственно. Построение полей контекстуального и контекстуального значения при обучении словарному запасу может помочь учащимся понять структурную систему словарного запаса и накопить слова по одной и той же теме. Это также может помочь учащимся различать понятийные слова и направлять их при необходимости заменять определенные понятийные слова общими понятийными словами, чтобы сделать свою речь ёмкой и одновременно краткой. Напри-

мер, «великолепие» можно использовать вместо таких слов, как «очень красивый; прелестный».

Синонимов в русском языке чрезвычайно много, поэтому при обучении лексике преподаватели должны активно создавать синонимическое поле. Но в то же время преподавателям необходимо дать понять учащимся тонкие различия между синонимами, обусловленные различиями в стиле, степени, эмоциональной окраске, словосочетании и диалекте.

Есть много синонимов, которые не отличаются по значению, но по-разному выражают и пишут. Это связано с тем, что люди в разных регионах используют разные выражения, то есть диалектные различия.

Выводы

Применение теории семантического поля для изучения лексики китайскими студентами может помочь учащимся понять, как слово связано с другими словами, входящими в состав заданного ЛСП, и на каком семантическом уровне оно находится. Использование полевого подхода в методике преподавания иностранного языка обеспечивает создание обучающимися семантических сетей, что способствует закреплению, улучшению и расширению существующих лексических навыков. Полевой подход не только позволит обучающимся расширить свой словарный запас, но полностью понять семантику словарного запаса и освоить правильное использование изученной лексики в речи.

В русском языке очень много синонимов, и их правильное использование определяет, сможет ли говорящий точно выражать свои мысли и эффективно общаться. Благодаря созданию сети ЛСП можно четко обнаружить различия в коннотации и области применения синонимов, что будет способствовать усвоению учащимися принципов использования слов с одинаковыми или похожими значениями в речи, а также пониманию различия между словами близкими по значению. Усвоение сходств и различий между ними не только способствуют расширению словарного запаса обучающихся, но и способствуют правильному использованию изученной лексики, а также совершенствуют и гибкость использования языка на практике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бочарова М.А. Семантическое поле как способ системного описания лексики // Полилингвальные и транскультурные практики. М., 2012. С. 65–72.
2. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М.: Просвещение, 1984. 397 с.
3. Coseriu E., Geckeler H. Trends in Structural Semantics. Tübingen: Narr, 1981. 364 p.
4. Nordquist R. Semantic Field Definition // ThoughtCo, 2017. Pp. 118–125.
5. Saussure F. Cours de linguistique générale / F. de Saussure. P., 1978. 224 p.
6. Terrell T.D. Sobre La Aspiración y Elisión De /s/ Implosiva y Final En El Español De Puerto Rico. Nueva Revista De Filología Hispánica, vol. 27, no. 1, 1978, pp. 24–38.

7. 伍谦光.语义学导论[M].长沙: 湖南教育出版社, 1988.95. (Цяньгуан У., Введение в семантику [М], Чанша: Hunan Education Press, 1988.95.)
8. 周维杰.英语语义场新探[J].北京第二外国语学院学报, 2001, (02): 30-35. (Вейцзе Ч. Новое исследование семантического поля английского языка // Журнал Пекинского университета международных исследований, 2001, (02): 30-35.)

© Сюн Даньфэн (xiongdanfeng@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

ЛОГОПЕДИЧЕСКИЙ МАССАЖ В РАБОТЕ ПО ВОССТАНОВЛЕНИЮ ПАЦИЕНТОВ С КОМПЛЕКСНОЙ МОТОРНОЙ АФАЗИЕЙ

LOGOPEDIC MASSAGE IN THE WORK TO RECOVERY PATIENTS WITH COMPLEX MOTOR APHASIAS

*K. Timofeeva
T. Makina*

Summary: In case of serious neurological damage to the brain, such as aphasia, a person undergoes a breakdown of neurophysiological mechanisms, the pronunciation of words is disturbed, but the ability of a sick person to understand speech is preserved. Motor aphasia - impedes the function of language communication of a sick person. The study of aphasia is carried out by specialists such as a neurologist, physiotherapist and speech therapist. Working with a speech therapist is mandatory for sick patients with complex motor aphasia. When interacting with a speech therapist, the sick patient will become more sociable, since speech therapy rehabilitation is a very important component of the overall picture of the treatment of complex motor aphasia. In connection with the foregoing, the author of this article made an attempt to scientific analysis and critical reflection on the problem of using speech therapy massage in the work on the recovery of patients with complex motor aphasia.

Keywords: complex motor aphasia, speech therapy rehabilitation, patient recovery, speech therapy work, language communication.

Тимофеева Ксения Александровна

логопед, Федеральный Научно-клинический центр реаниматологии и реабилитологии, г. Солнечногорск, ksusha.fors@yandex.ru

Макина Татьяна Константиновна

логопед, Федеральный научно-клинический центр реаниматологии и реабилитологии, г. Солнечногорск makinat@yandex.ru

Аннотация: При серьезных неврологических повреждениях головного мозга, таких как афазия, у человека происходит распад нейрофизиологических механизмов, нарушается произношение слов, но при этом сохраняется способность больного человека к пониманию речи. Моторная афазия – затрудняет функцию языкового общения больного человека. Исследованием афазии занимаются такие специалисты, как невролог, физиотерапевт и логопед. Работа с логопедом, является обязательной для больных пациентов с комплексной моторной афазией. При взаимодействии с логопедом, больной пациент станет более коммуникабельным, так как логопедическая реабилитация является очень важным компонентом общей картины лечения комплексной моторной афазии. В связи с вышеизложенным, автором настоящей статьи, была предпринята попытка научного анализа и критического осмысления проблемы использования логопедического массажа в работе по восстановлению пациентов с комплексной моторной афазией.

Ключевые слова: комплексная моторная афазия, логопедическая реабилитация, восстановление пациентов, логопедическая работа, языковое общение.

Язык пронизывает всю жизнь человека. Культурная передача была бы невозможна, если бы не существовал язык со всеми его особенностями. Благодаря этому возможны интерпретация и использование реальности. Неизбежно все процессы связи с характеристиками действительности требуют их участия. Таким образом, можно сказать, что язык по преимуществу является человеческим преимуществом перед другими видами живых существ, будучи по существу психологическим фактом, но в то же время и социальным фактом.

В акте устного или вербального общения необходимо присутствие двух агентов; один, кодер, отвечает за словесное излучение; и другой агент декодирования, который получает и интерпретирует сообщение. Вся оральная активность требует участия этих двух агентов, при соблюдении трех различных уровней оральной функциональной активности. Первый уровень устного общения - это язык. [13, с. 28]

При органическом поражении головного мозга, поражающем некоторые структуры, входящие в эту систему,

функциональная динамика не является полной, и тогда проявляются симптомы функциональных дефектов, отождествляющие весь этот процесс с названием афазии. У больного с афазией уже сформированный язык частично или полностью разрушен, что существенно представляет трудности в общении с окружающими.

Цель афазической терапии состоит в том, чтобы в максимально возможной степени обеспечить его общение, обеспечивая физическое и психологическое внимание, способствующее его общему развитию, и, таким образом, достичь эмоционального и социального баланса.

Цель состоит в том, чтобы разработать методологические установки, направленные на физическую и речевую реабилитацию больного афазией, чтобы способствовать общению, чтобы полем деятельности было развитие общения.

Практический вклад состоит в предложении методологических ориентиров, способствующих развитию общения у больных афазией посредством логопедии. На-

учная новизна заключается в разработке методических указаний по стимуляции общения у больного афазией как ценного рабочего инструмента, который в руках логопеда позволяет развивать процесс реабилитации больного афазией и тем самым способствует тому, что больной комплексной моторной афазией, получает улучшение качества жизни, что делает его более независимым и коммуникативным, а так же активно включает его в общество. [7, с. 62]

Любая оральная деятельность требует участия двух агентов, кодировщика и декодера, но если происходит органическое повреждение, которое повреждает мозг, затрагивая некоторые из структур, интегрирующих эту систему, функциональная динамика не является полной, и тогда проявляются симптомы, характерные для афазии. Афазия считается нарушением речи в результате травмы головного мозга, которая препятствует функциям кодирования при выработке языка. Это как если бы человек полностью или частично забыл свой родной язык. [6, с. 85]

Афазия - это нарушение речи из-за очагового повреждения головного мозга, которое может представлять интерес как для вербального выражения, так и для понимания, а также для графического представления языка (чтение и письмо)».

Афазический субъект перестает способностью полностью или частично понимать письменную или устную речь; правильное обращение с лингвистическими символами изменяется посредством голоса, письма или жестов. Эти пациенты не могут точно перевести последовательность невербальных ментальных представлений, составляющих мысль, в символы и грамматическую организацию, составляющие язык.

Важно подчеркнуть, что человек является носителем афазии при наличии достаточного развития речи и как следствие органической перестройки центральной нервной системы, располагающейся в областях, связанных с функциональной системой речи (уровни теменной, височной и затылочной областей левого полушария), его декодирующая способность полностью или частично блокируется при кодировании устной и письменной речи, в основном затрагивая коммуникативную функцию языка. [2, с. 122]

Другими словами, нейрофизиологические механизмы, ответственные за кодификацию и декодирование устной или письменной информации, дезинтегрированы. Это расстройство языка и общения не должно ограничиваться индивидуальными эффектами восприятия, памяти, языка, письма и т.д., составляют тот или иной синдром. Следует учитывать, каким образом затрагивается каждая функция, характер нарушений и какой об-

щий фактор объединяет различные системы, поскольку все функционально интегрировано.

Афазия классифицируется в соответствии с первым критерием, который является более общим и считается традиционным или классическим, который включает три основные формы афазии: [11, с. 104]

Моторная афазия или афазия Брока: это вызвано травмой в области третьей левой лобной извилины. Клинически проявляется неспособностью артикулировать слова и преднамеренным использованием языка; с относительным сохранением элементарных оральных движений индивидуума.

Сенсорная афазия или афазия Вернике: поражение возникает в задней трети первой левой височной извилины, проявляется затруднением или неспособностью говорить из-за изменения, которое происходит в его понимании.

Смешанная афазия: наблюдается сочетание моторных и сенсорных симптомов за счет взаимосвязи между двумя анализаторами, определяющими смешанный характер расстройства.

Для развития общения у афазиков большое значение имеет физическая реабилитация; потому что это указывает на телесную функциональность. Реабилитационные задачи предназначены для повышения подвижности и физических способностей человека с помощью упражнений, массажа и других методов. Физическая реабилитация у пациентов с афазией связана с лечением, разработанным для восстановления состояния или состояния, утраченного в результате черепно-мозговой травмы. Эта заболеваемость должна происходить на очень ранних стадиях, так как она должна быть направлена на организацию сознания больного афазией, быть сфокусирована интегрально, с участием физического реабилитолога и логопеда, которые должны работать вместе для получения удовлетворительных результатов. [5, с. 11]

Первое, что нужно сделать, это физическая, психологическая и логопедическая помощь, помогающая им в общем развитии, устанавливающая эмоциональный и социальный баланс. Кроме того, расширение прав и возможностей семьи, поскольку она играет очень важную роль в качестве основы реабилитации. Ввиду их важности, автор настоящей статьи предлагает некоторые установки, которые особенно направлены на семью: всегда проявлять спокойствие перед пациентом, не задавать вопросы, требующие сложных ответов, и не заставлять их произносить слова или полные предложения: [10, с. 68]

1. Он будет стимулироваться только тем, что будет говорить медленно и правильно каждое слово, по возможности соотносить их с показанным объек-

том и ограничивать себя этими сенсорными раздражениями.

2. Никогда не давите на него и не высмеивайте нецензурные слова или стереотипные формы общения;
3. Столкнувшись с утомляемостью, которой они очень подвержены, они меняют задание или откладывают его;
4. Никогда не просите его говорить, это будет исходить от пациента, когда его физическое и психологическое состояние улучшится и начнет разрабатываться более личная и конкретная программа реабилитации для его болезни.

В настоящее время логопедия продемонстрировала, что процедуры, присущие физической, психологической и педагогической реабилитации, среди прочего, могут стимулировать, развивать, обучать, исправлять и компенсировать или предотвращать изменения языка.

В случае нарушений устной коммуникации их необходимо корректировать в максимально нормализующей и облегчающей среде, возможной для установления межличностных отношений и языкового взаимодействия: в семье и обществе, как средах, позволяющих человеку выражать потребности, привязанности, что способствуют процессу социализации. [4, с. 53]

Восстановление пациентов с комплексной моторной афазией зависит не исключительно от биологических особенностей больного афазией, а от всей системы социальных влияний его окружения.

Подходы действующей логопедии для реабилитации больных с комплексной моторной афазией: онтогенетический, профилактический, коррекционно-компенсаторный, коммуникативный, деятельностно-интеграционный и социальный. В этом исследовании мы будем ссылаться на коммуникативный подход, который предполагает интеграцию в языковое производство факторов вербальной и невербальной коммуникации, а также когнитивных, ситуационных и социокультурных факторов, когда участники задействуют множество компетенций, охватывающих все факторы.

Важно стимулировать язык как целостную функциональную систему и взаимосвязанную с развитием психических процессов в различных коммуникативных ситуациях и контекстах.

Техники и процедуры, выбранные для реабилитационной работы, должны быть мобилизующими, что у афазика вызывает потребность говорить и активно участвовать. Утверждается, что наиболее удобной формой организации ухода должна быть групповая или коллективная; это не исключает необходимости индивидуального варианта у отдельных лиц. Художественная

терапия: выражение тела, ритмическая логопедия, повествование, психотерапия, среди прочего, очень мотивируют, потому что они способствуют общению и отличному эмоциональному состоянию. [15, с. 32]

Логопед как медиатор развития на основе персоналогического, индивидуализированного и менее авторитарного подхода, учитывая единство когнитивного и аффективного в процессе воспитания личности, подбирает процедуры и действия, мотивирующие пациентов, доставляющие удовольствие от их выполнения, облегчить взаимодействие между ними и, в свою очередь, снизить уровень беспокойства перед общением, а также умиловать это.

Исходя из теоретических ориентиров, принятых в этом исследовании, и проблемной ситуации у пациентов с афазией становится очевидной необходимость поиска решений этой социальной проблемы. Следовательно, необходимо провести первичную диагностику больного с афазией, выбранного в качестве выборки, чтобы определить основные закономерности, проявляющиеся в их общении. [9, с. 33]

Выборка состоит из 1 пациента с афазией, проживающего в Москве. Для постановки первоначального диагноза была проведена логопедическая характеристика пациента с афазией посредством обследования, в результате которого были получены следующие результаты:

Мужчина 66 лет с высшим образованием. Уже три года он на пенсии и живет с женой и дочерью. Положительный анамнез артериальной гипертензии. Не курит и не употребляет алкоголь. До нынешней госпитализации он обычно занимался повседневными делами.

Внезапно у него появилась слабость в правом полушарии и трудности с речью. В этой ситуации его доставили в больницу. На МРТ головного мозга выявлен острый инфаркт на участке левой передней мозговой артерии, включая парасагитальную кору лобных и теменных долей.

Оценка языка была проведена через семь дней после сердечного приступа. Найден пациент с хорошим уровнем ухода. Явных дефектов зрения или слуха не обнаружено. В различных используемых тестах не было обнаружено пространственной небрежности. Отсутствуют дефекты крупной и мелкой моторики верхних конечностей. Однако у больного был явный парез правой ноги. Язык высунут в среднем положении. Асимметрии лица не обнаружено. Движения языком и лицом в пределах нормы. Больной спонтанно указывал, что «не могу говорить длинные фразы» и при осмотре несколько раз указывал, что ему трудно облекать свои мысли в слова и создавать фразы. [1, с. 70]

Спонтанная речь уменьшилась. Громкость, скорость и просодия были нормальными для ее возраста. Составных дефектов не отмечено. Движения языком нормальные. Фонетических отклонений не обнаружено. Во время спонтанной речи вербальных и фонологических парафазий не обнаружено. Устная и вербальная активность в норме. Пациент мог быстро воспроизводить словесные последовательности (мама-мама). Автоматическая речь (например, счет, упоминание дней недели, месяцев) была в пределах нормы. Он использовал 12 слов, чтобы описать картинку, и исследовал фигуру последовательно слева направо. Никакой пространственной небрежности не наблюдалось, и пациент мог правильно интегрировать фигуру. Пациент мог выполнять простые и сложные словесные команды и правильно распознавал правое и левое в своем теле и в теле исследователя.

Было обнаружено, что количество спонтанной речи уменьшилось. В тесте на беглость речи пациент смог найти 10 названий животных за одну минуту. Умение находить имена оказалось в пределах нормы для их возраста и профессионального уровня. Зафиксирована семантическая парафазия. Ошибок в обозначении частей тела, в том числе пальцев, не обнаружено.

Чтение слов вслух было относительно нормальным. Однако при чтении длинных фраз обнаруживались буквальное чтение – чтение букв, образующих слово, было правильным. Он писал правой рукой. При написании слов и фраз под диктовку наблюдалась медленная и определенная микрография. Черты были неточными в некоторых буквах, и в целом каллиграфия была плохой. Однако пространственное распределение слов и фраз было адекватным. Предложение методологических ориентиров, направленных на физическую и логопедическую реабилитацию при афазии в пользу общения.

Физическая и логопедическая реабилитация предлагают широкие возможности для развития общения у пациента с афазией, поскольку ее вмешательство должно осуществляться в спонтанной и естественной среде, облегчая достижение и сотрудничество между участниками. Совместное выполнение врачом-физиологом и логопедом методических установок в лечебных мероприятиях, целесообразно применяемых при данной патологии, что гарантирует скорейшее восстановление функций больного и снижение его физической и психической недееспособности. Начиная с установления общих целей и задач при индивидуальном и групповом участии, а также оценки и самооценки результатов рефлексии, опосредованной разными коммуникативными элементами в социализирующей среде. [8, с. 309]

У афазиков название предметов при наблюдении за

ними и действий при беге упражняет и способствует пониманию и выделению вербального материала.

Принимая во внимание принципы процесса неврологической реабилитации, и в частности тот, который относится к повторению с вариациями и без них, авторы считают, что для терапевтических устремлений, которые решаются при физической реабилитации, и времени, которое пациент с афазией остается с реабилитологом может обогатить терапевтическое действие в афазии, направленное на поддержку терапевтической модели общения, действиями, направленными на то, чтобы способствовать общению того же самого, не отклоняясь от своей основной цели.

Методические ориентиры, направленные на специалиста по физической реабилитации: [14, с. 89]

1. Попросите пациента смотреть на рот в течение всего времени физической реабилитации;
2. Дайте точные указания относительно действий, которые необходимо выполнить, например, сядьте, поднимите правую руку, встаньте, поднимите левую руку, переместите левую ногу и сделайте шаг вперед правой ногой;
3. Повторяйте заказы несколько раз, и никогда не устанете делать это;
4. Говорите четко, просто и преувеличенно отмечайте артикуляцию звуков, когда отдаете приказы. Таким образом, больной подчеркивает артикуляцию и произношение звуков;
5. Когда больной не может вспомнить звук или первый слог слова, предложите уровни помощи, произнося звуки или слоги с акцентом на артикуляцию;
6. При выполнении массажа лица делайте акцент на постановке губ в позу для поцелуя, поцелуях, подсчете чисел и их повторении, нахмутив брови.
7. Поставьте пациента в коммуникативные ситуации.

Методические ориентиры, направленные на логопеда: [3, с. 34]

1. Имейте хорошие отношения с физиотерапевтами, так как таким образом достигается командная работа;
2. Объясните семье пациента, что следует делать, а что делать не следует;
3. Поощряйте пациента начинать логопедическую терапию и делать все возможное, чтобы пациент мог говорить;
4. Используйте потенциал музыки, который позволяет реорганизовать функцию с помощью различных сенсорных ассоциаций, таких как слуховые, визуальные и ценностические;
5. Всегда правильно выполняйте логопедическую диагностику, иначе она не поможет в реабилитации пациента;

6. Установите целевую терапию повреждений, присущих каждому пациенту с афазией;
7. Выполните начальную афазическую технику с мотивирующими действиями, которые обеспечивают большую безопасность, концентрацию и мотивацию пациента;
8. Рекомендуйте больному афазией называть перед зеркалом все предметы, которые находятся вокруг него/нее, четко артикулированными словами. Если возможно, повторите их несколько раз, чтобы таким образом вы могли связать и зафиксировать сообщение;
9. Способствуйте улучшению этого расстройства общения и языка в более короткие сроки и более качественно.

Основные результаты таковы:

Физическая и логопедическая реабилитация позволяет пациенту осуществлять коммуникативный обмен через отданные ему приказы и оценки выполненных физических упражнений. Преобладают настроения оптимизма, хорошего настроения и с большим энтузиазмом в физической и речевой реабилитации. У афатика была возможность реализовать автоматический язык в последовательном числовом счете и автоматизировать эмиссию простых выражений вследствие помещения пациента в коммуникативные ситуации. [12, с. 131]

У больного афазией достигнуты номинации, относящиеся к частям тела, а также к различным действиям, часто выполняемым в лечебной физкультуре и в по-

вседневной жизни. Смог выразить уверенность и спокойствие на всех занятиях физической реабилитации и логопедии, без ограничений и в обстановке безопасности. Наличие реабилитационных элементов в лечении физической и речевой реабилитации.

При выполнении мобилизаций голосом команды выделяется профессиональная ценность помощи пациенту с афазией. Афатик был в состоянии оценить и оценить свои собственные качества и действия во время лечебной физкультуры. Поддерживает устойчивые, гармоничные и зрелые отношения с коллективом, проявляя в своем поведении адекватное развитие общения. Недостаточность знаний о том, как добиться артикуляции некоторых звуков в деятельности, проводимой физическим реабилитологом. Приведенные закономерности показывают ценность практического применения предлагаемых руководящих принципов. После анализа полученных результатов приходим к следующим выводам.

Изучение теоретических референтов, связанных с вниманием к афазическому больному выборки, позволило определить, что совместная работа физического реабилитолога и логопеда способствует скорейшему выздоровлению и реабилитации для развития коммуникативной, а также его активное включение в общество. Выполнение задач, предложенных для развития исследования, позволило улучшить общение у афазиков, за счет разработки и применения ориентиров, выработанных для развития общения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воздействие технологий виртуальной реальности на психоэмоциональное состояние пациентов с афазиями / О.Э. Карпов, В.Д. Даминов, Э.В. Новак, Н.И. Слепнева // Вестник Национального медико-хирургического центра им. Н.И. Пирогова. – 2021. – Т. 16. – № 1. – С. 67-73.
2. Дербок, Ф.Н. Технология коррекционно-педагогического воздействия в системе восстановительной работы при моторной афазии / Ф.Н. Дербок // Образование и наука в России и за рубежом. – 2021. – № 12(88). – С. 119-124.
3. Козак, А.А. Особенности повествовательной речи у больных с афазией / А.А. Козак, Т.С. Кусакина // Forcipe. – 2019. – Т. 2. – № 51. – С. 20-43.
4. Красильникова, Т.В. Логопедический массаж как составляющая комплексной коррекции дизартрии / Т.В. Красильникова // Студенческий. – 2022. – № 23-2(193). – С. 51-55.
5. Лебедева, М.А. Формирование программирования речевого высказывания при динамической афазии / М.А. Лебедева // Вестник магистратуры. – 2019. – № 8-1(95). – С. 7-13.
6. Максимова, К.Ю. Реабилитация пациентов с афазией с использованием мультимедийной программы для планшета / К.Ю. Максимова // Известия Российской военно-медицинской академии. – 2021. – Т. 40. – № 54. – С. 81-87.
7. Ондар, Ч.Т. Нарушение программирующей функции речи при разных формах афазии / Ч.Т. Ондар // Матрица научного познания. – 2018. – № 7. – С. 61-62.
8. Пичурина, В.И. Система организации восстановительного обучения больных с афазией в условиях стационара / В.И. Пичурина // Аллея науки. – 2018. – Т. 6. – № 6(22). – С. 307-310.
9. Роль логопедического массажа при коррекции дизартрии / С.А. Бобохан, Д.В. Синецкая, И.А. Лысогорская [и др.] // Современное дошкольное образование: теория и практика. – 2022. – № 7. – С. 30-35.
10. Столбова, Е.В. Оптимизация логопедической работы при афазии с использованием современных средств восстановительного обучения / Е.В. Столбова // Альманах мировой науки. – 2021. – № 1(44). – С. 66-69.
11. Франк, Е.О. Особенности грамматической стороны речи при эфферентной моторной афазии / Е.О. Франк, С.Г. Щербак // Общество. – 2020. – № 3(18). –

- С. 102-106.
12. Фуреева, Е.П. Восстановление речи при афазии: логопедический аспект: Учебно-методическое пособие / Е.П. Фуреева, Н.С. Алпатова. – Москва: Планета, 2022. – С. 127-136.
 13. Харитошина, А.А. Основные подходы к комплексной реабилитации лиц с афазией / А.А. Харитошина // Научный Лидер. – 2021. – № 30(32). – С. 27-29.
 14. Шеломенцева, Ю.В. Состояние речевой функции больного с афферентной моторной афазией в резидуальном периоде / Ю.В. Шеломенцева, С.Г. Щербак // Научный потенциал. – 2020. – № 4(31). – С. 87-91.
 15. Юркова, М.А. Особенности устной речи у больных с афазией / М.А. Юркова // Педагогика & Психология. Теория и практика. – 2021. – № 2(34). – С. 26-39.

© Тимофеева Ксения Александровна (ksusha.fors@yandex.ru), Макина Татьяна Константиновна (makinat@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ПЛАТФОРМ В СОВРЕМЕННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ

FEATURES OF THE USE OF DIGITAL PLATFORMS IN THE MODERN EDUCATIONAL ENVIRONMENT

**S. Trotsyuk
M. Dotsenko
O. Kalashnikova**

Summary: The use of modern means of distance learning is the most relevant topic in the modern educational world. When studying this issue, on the one hand, the problems of scientifically based application of modern information technology tools in the educational process come to the fore, on the other hand, the need for a reasonable choice of such tools based on their comprehensive assessment by experts: teachers and students. The purpose of the work is to study the theoretical foundations for building modern teaching tools using distance technologies and to analyze the practice of using such tools in the educational process.

Keywords: educational environment, distance learning, online learning, digital platform, mobile app.

Троцюк Светлана Николаевна

*К. филол. н., доцент, Санкт-Петербургский
политехнический университет Петра Великого
svetlana.trocuk@mail.ru*

Доценко Мария Юрьевна

*К. филол. н., доцент, Санкт-Петербургский
политехнический университет Петра Великого*

Калашникова Ольга Владимировна

*Старший преподаватель, Санкт-Петербургский
политехнический университет Петра Великого*

Аннотация: Использование современных средств дистанционного обучения является самой актуальной темой в современном образовательном мире. При изучении данного вопроса на первый план выступают, с одной стороны, проблемы научно обоснованного применения в образовательном процессе современных средств информационных технологий, с другой — необходимость обоснованного выбора таких средств на основе их комплексной оценки экспертами: преподавателями и студентами. Цель работы — изучение теоретических основ построения современного инструментария обучения с использованием дистанционных технологий и анализ практики применения таких инструментов в образовательном процессе. Результаты проведенного анализа показывают, что несмотря на существование большого числа цифровых ресурсов, программ и возможностей для частичной автоматизации образовательного процесса, фигура преподавателя остается необходимой для эффективного завершения процесса обучения.

Ключевые слова: образовательная среда, дистанционное обучение, онлайн-обучение, цифровая платформа, мобильное приложение.

С появлением сети Интернет, а также с постоянно растущей значимостью технологий в современном обществе дистанционная форма обучения стала занимать всё большее место в образовательной среде. Система образования эволюционирует от доски с мелом — к компьютерным программам обучения. Образовательные учреждения используют учебные платформы по разным причинам, например, возможность обучения студентов, которые находятся далеко, что увеличивает количество поступающих. Занятия не ограничиваются размером аудитории. Они позволяют гибко настраивать учебный процесс и выбирать темп обучения, а также использовать стратегию разделения обучения на управляемые части или модули [6, с. 10].

Цифровая образовательная платформа (ЦП) — информационное пространство, объединяющее участников процесса обучения, которое дает возможность для удаленного образования, обеспечивает доступ к методическим материалам и информации, а также позволяет осуществлять тестирование для контроля уровня знаний обучающихся. Можно выделить три основные

задачи, которые помогают решить цифровые онлайн-платформы для обучения: дистанционное обучение и контроль знаний для учебного заведения; автоматизация процесса повышения квалификации и обучения сотрудников компании; организация обучающих курсов в разных сферах бизнеса.

Образовательная платформа имеет блочную структуру, на базе которой можно создать систему обучающих курсов для решения самых разных задач: комплекс для самостоятельной работы с учебными материалами с использованием персонального компьютера [14]; КПК, мобильного телефона, DVD-проигрывателя, телевизора и других устройств и др. Сегодня эти типы платформ имеют возможность предлагать не только вышеупомянутое, но и варианты дистанционного обучения. Дистанционное (или мобильное) обучение «является одним из наиболее активно развивающихся видов электронного обучения, важным моментом которого являются его качественная организация, в частности, при разработке стратегии и контроля получения информации с помощью мобильных технологий, обеспечения ее ре-

зультативности, достоверности и актуальности» [10; 15]. Переход на удаленное обучение требует внедрения в процесс современных методов обучения с использованием не только компьютеров, но и другой современной техники: «Новые технологии – это не самоцель, а форма реализации дистанционного образования, причем с использованием новых технических и технологических средств. Более того, новые технические и технологические средства могут дать эффект только тогда, когда будут использоваться для реализации новых современных принципов образования людей» [3; 11; 13], «в области медиаобразования ... была подчеркнута актуальность и важность телевидения, прессы, кинематографа, компьютерных сетей, Интернета в современном мире, необходимость развития интернет-образования и медиаграмотности детей и молодежи, научных исследований в этой сфере» [2; 9] и др. Поэтому объектом исследования нами было выбрано расширенное «пространство знаний образовательной организации (т.е. содержание знаний всех субъектов образовательного процесса) и информационное пространство образовательной организации, т. е. методы, формы, средства, технологии управления знаниями» [7; 8].

Контроль успешности подобного обучения должен быть оперативным при разработке соответствующих учебных материалов и итоговым со стороны ведущего преподавателя и консультантов-координаторов в виде тестов, презентаций, творческих работ. Надо помнить, что речь в данном случае идет фактически об электронных учебниках модульного характера, имеющих очень большую специфику, и потому разрабатывать их должны квалифицированные ученые-методисты, даже не просто учителя, а именно методисты, владеющие к тому же компьютерными телекоммуникационными технологиями [5].

Исследователи считают, что цифровые технологии будут развиваться (и уже развиваются) в геометрической прогрессии ежегодно. Инновационность рассматриваемых нами образовательных платформ и дидактических средств определяется, как комплексная деятельность по созданию (рождению, разработке), освоению, использованию и распространению новых структурных элементов в рамках определенной платформы с учетом социальных и индивидуальных потребностей пользователя.

В течение февраля 2023 года было проведено онлайн-анкетирование на платформе Google с целью выявления основных «рабочих» и дополнительных электронных образовательных площадок до и после перехода на дистанционное обучение, основных проблем в их использовании. Метод сбора данных – онлайн-опрос. Место проведения: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 1-2 курс очной формы обучения. Количество опрошенных (экспертов) – 20 человек: 10 преподавателей (5 – направление «Лингвистика»;

5 – направление «Строительство») и 10 студентов-бакалавров 1 курса очной формы обучения (5 – направление «Лингвистика»; 5 – направление «Строительство»).

В результате данного опроса, получились следующие результаты:

1. Цифровые платформы, которыми пользовались до перехода на дистанционное образование: Google – 20 чел. / 100%; Moodle LMS – 2 студента (направление «Строительство») и 8 преподавателей / 50%; Canvas LMS – 2 студента (направление «Строительство»), 1 студент (направление «Лингвистика»), 4 преподавателя / 35%.
2. Цифровые платформы, используемые в работе / учебе: Google – 20 человек / 100%; Moodle LMS – 20 человек / 100%; Canvas LMS – 4 студента (направление «Лингвистика»), 3 студента (направление «Строительство») – 6 преподавателей / 65%; 360 Learning – 3 студента (1 – направление «Лингвистика»), 2 – направление «Строительство» – 2 преподавателя / 25%; Stepik.org – 4 преподавателя / 20%.
3. Дополнительные образовательные платформы, которые Вы используете в работе / учебе (без вариантов): Thinkific – 3 преподавателя / 15%, Absorb LMS – 2 студента (направление «Строительство») / 10%. Результаты этого анализа были обсуждены в ходе дискуссии с участием представителей научной и педагогической общественности и приведены ниже.
4. Проблемы и преимущества каждой из перечисленных платформ будут описаны ниже в дискуссии.

Одна из самых популярных цифровых платформ – Google (Google Classroom). Данная платформа предлагает облачную среду для дистанционного обучения от дошкольного до университетского уровня. С технологической точки зрения данная платформа объединяет «в одном месте» ряд инструментов Google: Google Meet, Google Диск и Google Docs, специально для обучения. Преподаватели могут добавлять задания в виде любых документов, включая *.doc и *.pdf. Обучающиеся получают уведомление, выполняют задание и отправляют его. Затем преподаватели ставят оценки за задание, ведут виртуальный журнал успеваемости и могут читать лекции в классном стиле с помощью функции Google Meet. Google предлагает разные функциональные действия на уровне бесплатного пользования. Платформа также является «кроссплатформенной», что позволяет обучающимся работать с ней при помощи любого (например, мобильного) устройства, которое можно выбрать, включая ноутбуки, Chromebook и обе платформы смартфонов. Следует отметить, что платформа Android чаще других вызывает жалобы пользователей (как обучающихся, так и преподавателей). Среди опрошенных были выделены следующие недостатки: отсутствие прямого контакта с техподдержкой, невозможность отдельного

лицензирования встроенных инструментов.

Вторая по популярности ЦП – Moodle. Данная учебная платформа предназначена для предоставления преподавателям, администраторам и обучающимся единой надежной, безопасной и интегрированной системы для создания персонализированной учебной среды. Многие пользователи указывают на отсутствие приложения Android в Google Play, дополнительных параметров поддержки, форум или FAQ, единого дизайна для любого проекта, необходимость собирать систему с нуля, сложность системы и требуют технических компетенций в области веб-разработки от преподавателя, но он обеспечивает высокий уровень функциональности в создании и управлении образовательными онлайн-курсами. Достоинства ЦП: наличие 60-дневной пробной бесплатной версии; большие возможности настройки системы под требования учебного заведения; возможность установки на любой сервер; наличие широкого функционала для обеспечения процесса обучения.

Коммерческое программное обеспечение Moodle LMS с открытым исходным кодом можно загрузить и использовать бесплатно. Прямая поддержка отсутствует, но есть документация, например, руководство по использованию этой платформы. Студентам и преподавателям обязательно понравится обширный набор функций, например, взаимодействие с вопросами с несколькими вариантами ответов в контенте, встроенный текстовый редактор и поддержка сторонних поставщиков облачных хранилищ, например, DropBox, для отправки заданий. Он поддерживает несколько языков и открытые стандарты, такие как SCORM.

Проанализированная платформа Canvas LMS используется ведущими учреждениями во всем мире и насчитывает более 7 миллионов преподавателей и более 90% обучающихся с «уровнем удовлетворенности сервисом». Пользователи отметили, что данная ЦП интегрируется с популярными приложениями Adobe, Microsoft Teams и Google Workspace. Также следует отметить «надежный» форум сообщества с подробными ответами на типичные проблемы пользователей и множеством вариантов общения, охватывающих весь спектр от обмена сообщениями (индивидуально и в группе) до аудио и видео. Среди функционала, который необходимо улучшить: поддержка игрового контента; некоторая прозрачность в ценообразовании; учителя (преподаватели) хотят увидеть поддержку автоматической оценки через интеграцию со SpeedGrader. Среди достоинств пользователи положительно оценивают бесплатную 30-дневную пробную версию; самый низкий тарифный план «Уровень учителя», чтобы «обеспечить образование для всех»; наличие приложений для смартфонов с высоким рейтингом, автоматической оценкой. Эксперты указали на следующие недостатки: непрозрачные цены, нет фоновый режим

приложения, некоторые проблемы с подпиской на приложения.

Следующая апробированная малоизвестная платформа 360 Learning решает задачу оптимизации создания проектов. Пользователи обязательно получают выгоду от интегрированных инструментов (например, видеоредактор), включенных шаблонов, которые называются «Шпаргалки». Заслуживает положительной оценки наличие бесплатной 30-дневной пробной версии, позволяющей осуществлять выбор многоуровневых планов. Позитивно оценивается экспертами подход «Совместная разработка», который позволяет даже неопытным пользователям создать курс «за считанные минуты»; возможность выбора «уровневых» планов; доступность приложений для смартфонов; наличие обширной базы знаний. При этом были отмечены следующие недоработки: «полупрозрачное» ценообразование; множество функций зарезервировано только для топ-плана.

Thinkific – это онлайн-платформа, которая используется по всему миру для принятия платежей от студентов из разных стран, записавшихся на курсы; выдачи сертификатов по прохождению разных уровней обучения. Важные преимущества данной ЦП: возможность для преподавателей создавать веб-сайты, и в помощь для новичков предоставляются шаблоны; 30-дневная гарантия; возможность выбора уровней, включая уровень бесплатного пользования; отсутствие комиссии за транзакцию; тесная интеграция с конструктором веб-сайтов. Некоторые упущения, например, отсутствие прямого номера телефона или электронной почты для поддержки, приложений для смартфонов для Android или iOS, свидетельствуют о незрелости платформы. Пользователи также хотят получить больше информации об использовании данной платформы.

Далее мы анализируем совсем новые коммерческие ЦП на рынке образовательных услуг. Absorb LMS – это обучающая платформа, ориентированная не только на сферу обучения, но и на бизнес. Она может легко интегрироваться с корпоративными аккаунтами записями в социальных сетях. Следует особенно отметить социальную направленность, которая дает обучающимся возможность создавать учетные записи в социальных сетях непосредственно на платформе. Данная особенность позволяет студентам виртуально взаимодействовать друг с другом, а также отображать награды и сертификаты, которые они накапливают за каждый завершенный фрагмент контента. Кроме того, сертификаты можно создавать по индивидуальному заказу, их загружать или распечатывать. Некоторые аспекты не устроили респондентов, получивших опыт использования данного инструментария, например: высокие цены; плохо отлаженные приложения для смартфонов на платформах iOS и Android; дополнительная плата за поддержку более

высокого уровня. Среди основных достоинств данного цифрового продукта следует: поддержка разнообразного контента; интеграция с инструментарием для различных опросов; наличие приложений для смартфонов под iOS и Android.

В результате анализа была отмечена образовательная платформа-конструктор онлайн-курсов и уроков Stepik.org. Она позволяет любому зарегистрированному пользователю создавать интерактивные обучающие уроки и онлайн-курсы, используя видео, тексты и разнообразные задачи с автоматической проверкой и моментальной обратной связью. В процессе обучения у студентов есть возможность вести обсуждения между собой и задавать вопросы преподавателю в комментариях. Проект сотрудничает, как с образовательными учреждениями, так и с индивидуальными преподавателями и авторами. В настоящее время на платформе доступны курсы по программированию, математике, биоинформатике, биологии, экономике, психологии, журналистике и культуре, на русском и английском языках. Преимущества ЦП: построен на интерактивных задачах; график обучения в Stepik ориентирован на структурированные учебные объекты; платформа может функционировать как площадка для проведения конкурсов и олимпиад и обладает возможностями интеграции с другими сайтами и платформами. Пользователи отметили проблему данного ресурса – объекты обучения очень субъективны по своей природе, т.е. Stepik построен на нечетких зависимостях для предоставления персонализированных рекомендаций, основанных на целях обучения пользователя.

Таким образом, несомненными лидерами, определенными в ходе экспертной оценки, включающей педагогов и студентов, выступают Google Classroom и Moodle LMS. В отношении этих цифровых платформ для обучения была дана безусловно положительная оценка таких сторон, как «интуитивно понятный, прозрачный интерфейс», мощный инструментальный для совместной

распределенной работы, возможность прямого использования документов в традиционно распространенных в российской практике форматах MS Word и «*.pdf».

Подводя итог можно сказать, что цифровизация общества воспринимается, как и многие современные тенденции, двояко. Главные достоинства данного явления – это простота и точность получения услуг и товаров, автоматизация рабочих процессов, сведение к минимуму влияния человеческого фактора. Цифровизация помогает избавиться от обилия бумажной документации, благодаря хранению данных в электронном формате. Она способствует более выгодному ведению бизнес-процессов, экономии на рабочей силе, возможностям анализа и прогноза. Сложно недооценить ее преимущества в области образования, медицины, сельского хозяйства, научных разработок. Но цифровизация имеет и ряд минусов. Во-первых, благодаря внедрению технологий, многие люди останутся без работы, например, учителя, продавцы, кассиры, служащие банков и государственных учреждений. Во-вторых, эксперты сходятся на том, что в ближайшие годы машины не заменят людей, в дальнейшей перспективе все меньше обязанностей под силу будет выполнять только человеку. Беспокойство вызывает такой фактор риска как попадание людей в цифровое рабство. Речь не только о зависимости от гаджетов. Когда вся информация о человеке будет храниться в одном месте в электронной форме, ее хищение может быть проще и потенциально опаснее. Для защиты информации потребуются дополнительные меры безопасности, что сопряжено с лишними расходами. Техническая неграмотность людей – тоже недостаток.

Использование ЦП создает возможность для быстрого обмена знаниями и опытом, адаптация онлайн-обучения, развития цифровых библиотек и цифровых кампусов, расширяется круг субъектов, получающих уникальную информацию, которая раньше была доступна только для узкого круга экспертов и ученых.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бектурганова М.К., Син Е.Е. Мобильное обучение как новый подход в вузовском образовании // Научный форум: Педагогика и психология: сб. ст. по материалам V междунар. науч.-практ. конф. М.: МЦНО, 2017. № 3(5). С. 24–30.
2. Ковалева Н.Б. Медиаобразовательные перспективы рефлексивно-позиционного развития личности и способностей обучающихся // Медиаобразование. Media Education. 2017. № 1(19). С. 9-22.
3. Комаров К.Ю. Развитие территориального (регионального) пространства непрерывного профессионального образования: методология, теория, практика: монография. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2015. 244 с.
4. Куклев В.А. Становление системы мобильного обучения в открытом дистанционном образовании // Школьные технологии. 2010. № 4. С. 45-52.
5. Пашковская С.С. Поиски «золотого ключика» (проблемы современного учебника русского языка как иностранного) // Русистика. 2019. Т. 17. № 1. С. 7-28. DOI: 10.22363/2618-8163-2019-17-1-7-28.
6. Роберт И.В. Теория и методика информатизации образования (психолого-педагогические и технологические аспекты). М: ИИО РАО, 2017. С. 10.
7. Рябкова В.В. Интеграция мобильных технологий в процесс обучения (начальный этап) // Педагогические науки. 2017. №5 (59). С. 21-25.
8. Слободчиков В.И. Антропология образования – как предчувствие смысла // Наука и школа. 2015. № 6. С. 138-142.

9. Федоров А.В., Новикова А.А. Медиаобразование в ведущих странах Запада. Таганрог: Изд-во Кучма, 2020. 270 с.
10. Юрьева Д.В. Мобильное обучение в управлении знаниями: проблемы эффективности. // Педагогика и просвещение. 2019. № 3. С. 73. DOI: 10.7256/2454-0676.2019.3.30367.
11. Berg G.A. (2002) Why distance learning, CO, USA: Greenwood Publishing Group / American Journal of Educational Research. 2017, Vol. 5 No. 6, 645-649. DOI: 10.12691/education-5-6-9
12. Beyth-Marom R., Chajut E., Roccas S. & Sagiv L. (2003) Internet-assisted versus traditional distance learning environments: factors affecting students' preferences, Computers & Education, 41, p. 65-76.
13. Burge L., Haughey M. Transformation learning in reflective practice // Reforming open and distance education. London: Kogan Page, 1993. Pp. 88-112. DOI:10.13140/2.1.1329.1524
14. Candy P. Self-direction for life-long learning. San Francisco: Jossey-Bass, 2019. <https://doi.org/10.1177/074171369204200307>
15. Kisko D. Questions That Will Help Revamp Your Mobile Learning Strategies. London: Kogan Page, 2019. URL: <http://www.k12mobilelearning.com/questions-to-help-revamp-your-mobile-learning-strategies>
16. LMS List.ru. Обзоры систем дистанционного обучения. Режим доступа: <https://lmslist.ru>.
17. Melton R. Objectives, competencies and learning outcomes. London ImprintRoutledge, 2014. <https://doi.org/10.4324/9781315041926>
18. Matt Stollenwerk. Canvas LMS Essentials: The Beginner's Guide to Creating a Simple Yet Effective Online Course. O'Reilly Media, 2015. 262 p. <https://www.amazon.com/Canvas-LMS-Essentials-Beginners-Effective-ebook/dp/B00YQA2PW6>
19. Menezes V. Affordances for Language Learning Beyond the Classroom, in Benson, P and Reinders, H (eds) Beyond the Language Classroom. The Theory and Practice of Informal Language Learning and Teaching. (2011) Basingstoke: Palgrave Macmillan, 59-71. DOI: 10.1057/9780230306790
20. Pegrum M. Mobile Learning: Languages, Literacies and Cultures Basingstoke: Palgrave Macmillan. (2014). <https://www.amazon.com/Mobile-Learning-Languages-Literacies-Environments/dp/1137309792>
21. Pilat L.P., Svintorzhitskaya I.A., Shevchenko E.M., Solomintseva O.V. Multimedia Applications in Teaching of Foreign Language // Middle-East Journal of Scientific Research. IDOSI Publications, 2013. № 13 (5). P. 612-615. DOI: 10.12973/ijese.2016.584a.

© Троцюк Светлана Николаевна (svetlana.trociuk@mail.ru), Доценко Мария Юрьевна, Калашникова Ольга Владимировна.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

КОМАНДНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В СИСТЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ У МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ С УМСТВЕННОЙ ОТСТАЛОСТЬЮ

Феоктистова Юлия Сергеевна

Ассистент, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург; клинический психолог ЦВЛ «Детская психиатрия» им. С.С. Мнухина г. Санкт-Петербург, Россия
yulla13@mail.ru

TEAM INTERACTION IN THE SYSTEM OF FORMATION OF SOCIAL RESPONSIBILITY IN JUNIOR SCHOOLCHILDREN WITH MENTAL DISABILITY

Yu Feoktistova

Summary: The article introduces the program and the results of experimental training, the purpose of which was the formation of social responsibility among younger students with mental retardation in the conditions of team interaction of participants in the educational process. The presented data testify to the positive dynamics in the manifestations of social responsibility in the children of the experimental groups. The importance of the participation of teachers and parents in the development of such a complex personal education as social responsibility in children is emphasized.

Keywords: younger schoolchildren, mental retardation, social responsibility, responsible behavior, teamwork, experiential learning.

Аннотация: Статья знакомит с программой и результатами экспериментального обучения, целью которого стало формирование социальной ответственности у младших школьников с умственной отсталостью в условиях командного взаимодействия участников образовательного процесса. Представленные данные свидетельствуют о положительной динамике в проявлениях социальной ответственности у детей экспериментальных групп. Подчеркивается значимость участия педагогов и родителей в развитии у детей такого сложного личностного образования как социальная ответственность.

Ключевые слова: младшие школьники, умственная отсталость, социальная ответственность, ответственное поведение, командное взаимодействие, экспериментальное обучение.

В современных условиях общество заинтересовано в личности, способной самостоятельно строить и реализовывать свою жизненную программу, при этом определяя меру ответственности за свои действия и поступки, предусматривая, понимая и оценивая их последствия для себя и окружающих. При предоставленной человеку свободе выбора общество выдвигает и ряд ограничений в виде законов, нравственных норм и правил, ограждающих человека от саморазрушения, деструктивного поведения. Эти нормы и правила человек начинает постигать с раннего детства. Они, с одной стороны, являются условием освоения и присвоения развивающейся личностью культуры человеческого общества, а с другой стороны, ставят его в ситуацию зависимости, которая связана с личной ответственностью за их соблюдение. Поэтому ответственность всегда социальна по своему происхождению, можно говорить о социальной ответственности свободного выбора человека, как члена того или иного сообщества.

Человек как социальное существо, выступая субъектом социального взаимодействия, всегда несет ответственность за результат этого взаимодействия. В связи с этим возникает необходимость формирования социальной ответственности у подрастающих членов нашего общества, чье развитие проходит в условиях интеллек-

туальной депривации, которая и создает определенные трудности в ходе формирования у них ответственности за свои действия, слова, поступки. Особое внимание важно уделять детям, обучающимся в начальной школе, поскольку младший школьный возраст в силу своей специфики является наиболее благоприятным периодом для формирования социально ответственного поведения школьника [1, 8].

Анализ литературных источников по исследуемой проблеме показал, что на формирование социально ответственного поведения в большей степени влияет социальная структура общества, условия воспитания и обучения, забота и усилия родителей, а также желания и стремления самого маленького человека [5, 10].

Кроме того, сложность структуры феномена социальной ответственности проявляется в том, что она включает в себя одновременно несколько компонентов: когнитивно-оценочный, мотивационный, действенно-операционный и регуляционный [5, 6].

Анализ результатов констатирующего эксперимента показал, что все компоненты социальной ответственности как личностного образования умственно отсталых младших школьников отличаются крайней недостаточ-

ностью. И проявляется у этих детей несформированностью представлений об ответственности и социально ответственном поведении, отсутствием стремления к самостоятельности при выполнении значимой деятельности, эмоциональным безразличием при невыполнении задания, не умением дать оценку своему поступку или оценить поступок своего одноклассника, необходимостью поддержки со стороны взрослого [7,9]. Кроме того, анализ практической работы обнаруживает, что психолого-педагогические мероприятия по формированию социально ответственного поведения младших школьников в современных коррекционных школах нельзя считать целенаправленно организованными, часто они ограничиваются лишь беседами с детьми педагога или психолога на уроках о правилах «хорошего/плохого» поведения ребенка. Работа с родителями в этом направлении не ведется вовсе. Функции школьного консилиума ограничены лишь привлечением внимания родителей с целью осведомления их об имеющихся проблемах и трудностях в обучении или в поведении ребенка, а не для просвещения по вопросам значимости формирования социально ответственного поведения.

На основе наблюдения и анализа результатов констатирующего эксперимента нами была разработана программа экспериментального обучения (формирующего эксперимента), направленная на формирование и коррекцию выделенных нами компонентов социальной ответственности. В основе программы формирующего эксперимента лежало командное взаимодействие всех участников психокоррекционной работы. Такая работа предполагает единый комплекс психолого-педагогического воздействия, совместное участие в работе всех педагогов, а также активное привлечение ближайшего социального окружения ребенка к участию в коррекционной программе. Методологическим основанием построения психокоррекционной работы, в первую очередь, выступает культурно-историческая концепция психического развития Л.С. Выготского, его теория о социальной компенсации дефекта. Известно, что любая психическая функция зарождается и развивается сначала через общение между ребенком и близкими ему людьми. То есть регуляция поведения с помощью извне звучащего слова постепенно заменяется саморегуляцией, обеспечиваемой уже изнутри и переходящей в систему отношений человека с самим собой, а также в совместную с другими деятельность и в общение [2].

Специальное психолого-педагогическое внимание уделялось формированию у ребенка собственной активной деятельности при общении с окружающими людьми и предметной средой. Важным считалось даже самое незначительное проявление ответственности и ответственного поведения ребенка, которое должно было замечаться и поощряться окружающими взрослыми.

Ведущую роль в организации и проведении психокоррекционных мероприятий отводится психологу, которая касалась организации командной работы всех специалистов (психолога, педагога, воспитателей) образовательного учреждения при обязательном включении взаимодействия родителей, семьи учащихся. Занятия психолога проводились в группе детей с использованием игр, арт-техник, бесед и диалога, моделирования и разыгрывания специально созданных ситуаций. Затем каждый тематический блок закреплялся через совместные занятия с педагогами и с участием родителей.

Программа формирующего эксперимента была реализована в группах школьников 2 –го и 3-го класса, обучающихся по программе для детей с легкой степенью умственной отсталости, на базе образовательного учреждения города Санкт-Петербурга: ГБОУ школа № 34 Невского района.

В эксперименте участвовало 40 детей с умственной отсталостью 8-10 лет, такое же количество их сверстников составляло контрольную группу, с которой не проводились мероприятия, разработанные в рамках данной программы (учащиеся образовательного учреждения города Санкт-Петербурга: ГБОУ школа № 17 Невского р-на. Всего в контрольном эксперименте приняло участие 80 младших школьников с легкой умственной отсталостью.

Испытуемые экспериментальных групп были обследованы по программе констатирующего эксперимента и в соответствии с выявленными у них особенностями социальной ответственности и поведения, группы детей могли считаться репрезентативными.

Работа психолога строилась по трем основным направлениям:

- Психолого-педагогическое сопровождение и просвещение педагогов в вопросах формирования социальной ответственности у младших школьников с интеллектуальной недостаточностью. Для реализации данного направления были разработаны рекомендации для педагогов и воспитателей по формированию социальной ответственности, с учетом возрастных и интеллектуальных особенностей детей; посредством просветительских семинаров и методических объединений раскрывалось теоретическое содержание вопроса. Педагоги привлекались к совместным занятиям с детьми, а также проводились обучающие тренинги и семинары с целью формирования и закрепления у педагогов эффективных навыков взаимодействия с ребенком по формированию у него социальной ответственности.
- Работа с родителями заключалась в формировании психологической компетентности родителей

в вопросах формирования социальной ответственности у ребенка. Для разрешения этой задачи для родителей были организованы семинары в рамках проведения «Родительского клуба», индивидуальное консультирование, а также использовались стенды с информацией в классах, в кабинете психолога. Родители были включены в активную деятельность совместно с ребенком в ходе психокоррекционных мероприятий с проработкой приобретенных навыков непосредственно в семье.

- Целью работы с детьми стало формирование представлений об ответственности и развитие навыков самостоятельного и осознанного социально ответственного поведения по отношению к себе, к окружающим и к своим близким через проработку представлений с помощью упражнений и моделирования ситуаций.

Программа формирующего эксперимента осуществлялась в течение девяти месяцев и включала в себя три этапа.

Начальный этап по длительности составлял три недели. Включал в себя диагностическую работу с детьми, педагогами и родителями. Одновременно этот этап решал задачи информационного направления работы с педагогами и родителями, содержание, которого было пропедевтическим по отношению к предстоящей работе с детьми. На мероприятиях начального этапа с педагогами обсуждались темы понимания сущности социальной ответственности и хода ее становления в онтогенезе; особенности проявлений «взрослой» и «детской» ответственности; важности формирования социальной ответственности у младших школьников с интеллектуальной недостаточностью в рамках образовательного учреждения; влияния взрослых на формирование социальной ответственности у младших умственно отсталых школьников при взаимодействии их с окружающими; разработки способов и средств наиболее эффективного психолого-педагогического воздействия при формировании у детей социальной ответственности.

Основной целью работы с родителями на начальном этапе было формирование навыков сотрудничества с ребенком, позитивной установки, заинтересованности в сотрудничестве с психологом и педагогами как непосредственными участниками психокоррекционного воздействия, осознание их собственной роли в процессе формирования социальной ответственности и ответственного поведения у своего ребенка.

Для реализации поставленных задач были проведены специально организованные семинары, консультации, основные вопросы обсуждались на встречах «Родительского клуба», в основу работы которого легла

модель группового психологического консультирования, предложенная американским детским психотерапевтом Х. Джайноттом [4].

С родителями обсуждались темы, касающиеся особенностей формирования и ограниченных возможностей осознанного отношения у младшего школьника с интеллектуальной недостаточностью к проявлениям социальной ответственности; обсуждались способы и варианты доступного объяснения ребенку значения проявлений социальной ответственности непосредственно в семье. В результате данной работы были определены и сформулированы рекомендации в виде памятки для родителей.

Основной этап длился 7 месяцев и включал проведение психокоррекционных мероприятий с группами детей, с родителями, с педагогами. Данный этап был разделен на четыре тематических блока:

1 блок: «Я и другие», состоял из 10-ти групповых занятий. Главной задачей данного блока было установление контакта и организация взаимодействия всех детей группы; формирование чувства принятия каждого участника; создание атмосферы доверия и сплоченности.

2 блок: «Я и ответственность» также включал 10 занятий. В основе данного этапа лежало формирование представлений об ответственном и безответственном поведении и его влиянии на людей; обучение детей принимать на себя разные виды социальной ответственности, формирование умения отвечать за свой выбор.

3 блок: «Помощь и ответственность» реализовывался на 25-ти занятиях, с привлечением родителей и педагогов. В задачи занятий данного блока входило формирование у детей представлений о вариативности проявлений ответственности, об отличиях взрослой и детской ответственности, ее значении в жизни каждого. Особое место отводилось формированию представлений об ответственности в системах: ребенок – школа – педагог; ребенок – родители. Детей знакомили со способами выполнения поручений, учили планировать деятельность, принимать помощь и/или просить о помощи. Занятия проводились на такие темы, как «Прекрасный сад. Понятия «ответственность» - «безответственность»», «Мы разные, но мы похожи. Ответственность в семье», «Могу» и «делаю», «Виды ответственности», «Я должен, я могу, я хочу», «Поручения. Работа по проектам», «Как бы я поступил. Ответственность в школе», «Кто может помочь? Как попросить помощи?» и т.д. Важное значение в ходе занятий придавалось игре моделированию и разыгрыванию ситуаций социального взаимодействия. Моделирование ситуаций происходило в условиях сюжетно-ролевой игры, совместной продуктивной деятельности (рисования, конструирования), основывалось на личном опыте

детей или материале доступных произведений детской литературы, при этом использовались элементы сказкотерапии и психодрамы.

4 блок: «Я сам» осуществлялся на 10-ти занятиях. Блок был нацелен на закрепление изученного и освоенного.

Заключительный этап длился 3 недели и предполагал оценку эффективности реализованной программы.

Важно отметить, что на протяжении всех этапов формирующего эксперимента педагоги занимали активную и заинтересованную позицию в решении заявленной проблемы, систематически применяли на уроках, во внеурочной деятельности, предложенные и обсуждаемые ранее методы и приемы работы с детьми.

Начальный этап обнаружил активное участие родителей в диагностической части формирующего эксперимента, большинство из них поддержали идею совместного проведения мероприятий по формированию социальной ответственности и социально значимого поведения у детей, интересовались содержанием психологических занятий с детьми, поведением своего ребенка, его успехами при выполнении заданий, спрашивали, что им нужно сделать дома. Нам удалось сформировать у родителей положительную установку на совместное сотрудничество, а также понимание их значительной роли в процессе формирования социально ответственного поведения у своего ребенка. Отдельное внимание мы уделили вопросам формирования социально ответственного поведения непосредственно в семье. Для решения этой задачи было важно, чтобы родители были готовы к собственным изменениям. Возможно, поэтому на основном этапе при проведении совместных с родителями занятий мы столкнулись с сопротивлением некоторых родителей в виде отказов от посещений такого вида взаимодействия, которые ссылались на высокую занятость. Около 30% родителей так и не удалось привлечь к совместному взаимодействию в работе с психологом и педагогами. Можно предположить, что для этих родителей сложившиеся отношения в их семье устраивали, и они были не готовы к их изменениям.

Школьники с самого начала и до конца формирующего эксперимента проявляли активный интерес, с удовольствием участвовали в предлагаемых играх, моделировании ситуаций, диалогах. Особенно их радовали совместные занятия с родителями.

По окончании обучающего эксперимента по формированию социальной ответственности у младших школьников с интеллектуальной недостаточностью нами была проведена оценка его эффективности. Поскольку экспериментальная программа регламентировала работу всех специалистов коррекционного образовательного

учреждения (психолога, педагогов, воспитателей), определяла обязательное включение в командную работу семьи учащихся, то в содержание контрольного (срезового) эксперимента были включены задания аналогичные тем, что предлагались в глобальном констатирующем эксперименте - детям, педагогам и родителям обучающихся [7,9].

Анализ полученных результатов контрольного эксперимента, их обобщение позволили сформулировать интегративные уровневые характеристики проявлений социальной ответственности у младших школьников:

Четвертый, крайне низкий уровень (допороговый уровень) характеризуется у ребенка неспособностью дать словесную характеристику социально ответственного поведения, привести примеры его проявлений. В ответах – ошибочные суждения («это когда тебе отвечают», «это ответ»), генерализованные ответы («хороший», «добрый», «умный»). В поведении наблюдаются проявления безответственности, дети безразличны к своим успехам и неудачам, равнодушны к другим, часто не выполняют просьбы и поручения, не проявляют интереса к общему делу, не могут дать оценку своему поступку, поведению, не могут сдержать проявление своих импульсивных эмоциональных реакций при неудачах, обвиняют в них внешние обстоятельства или других людей.

Третий, низкий уровень (пороговый уровень) отличается тем, что ответы детей имеют более дифференцированный характер: «это хорошо работать», «это выполнять задание учителя», «это хорошо учиться, на 4 и 5». Ребенок выполняет определенные поручения с дополнительной поддержкой и под контролем со стороны взрослого, избирательно и не систематически проявляет аккуратность; стремление вести себя соответственно предъявляемым правилам ограничено привычными действиями; проявляет поверхностные эмоциональные реакции ситуативного характера – радуется своим успехам, огорчается неудачам. Не всегда может сдержать свои импульсивные эмоциональные реакции. По отношению к окружающим эгоистичен, склонен обвинять внешние обстоятельства в своих неудачах.

Второй, средний уровень (уровень неустойчивой ответственности) проявляется в развернутых ответах детей, состоящих из распространенных предложений, в которых делается акцент на «самостоятельное» выполнение какого-либо действия: «отвечать за свои дела, поступки, вещи, игрушки», «выполнять свои обязанности», «помогать своим близким». Ребенок выполняет определенные поручения периодически, часто с дополнительной поддержкой взрослого; проявления аккуратности, личной гигиены избирательны и не систематичны; отмечается стремление вести себя соответственно предъявляемым правилам; может проявлять заботу о самочувствии значимых других; проявляет ответственность за общее дело; радуется своим успехам, беспокоится за успех выполнения поручения, не всегда

способен контролировать импульсивные реакции на неудачу.

Первый, высокий уровень, уровень устойчивой ответственности, отличается тем, что в суждениях детей обнаруживается понимание феномена ответственности: «на уроке внимательно слушать, не подглядывать, а делать все самому», «самому готовиться к урокам», «отвечать за свою жизнь и свое будущее». Проявления социально ответственного поведения являются систематическими. Выражен волевой компонент, ребенок продолжает деятельность даже при нежелании ею заниматься или при возможности заняться другой, более интересной деятельностью, понимает, что результат деятельности зависит от его собственных усилий, действий и поступков, старается исправить ошибки, переделать задание. Может дать нравственную оценку своего поведения и поведения товарищей. Отмечается проявление переживания, заботы о самочувствии значимых других, чувства вины. Проявляет адекватные эмоциональные реакции в процессе выполнения своей деятельности, контролирует импульсивные проявления; демонстрирует ответственность за общее дело; аккуратен, стремится самостоятельно поддерживать чистоту на своем

рабочем месте и в окружающей обстановке; знает и самостоятельно выполняет правила личной гигиены. Данный уровень не был обнаружен у участников экспериментальных групп, что вполне объяснимо. Показатели данного уровня отвечают возрастным характеристикам нормативного развития. Такой сложный феномен личностного развития как социальная ответственность требует систематического, целенаправленного и длительного комплексного формирования у умственно отсталых детей [6].

Анализ полученных результатов формирующего эксперимента (Рис.1) обнаружил у большинства второклассников экспериментальной группы после проведенного обучения третий уровень социально ответственного поведения (45%). У 20% детей этой экспериментальной группы был отмечен второй уровень, при этом сократилось количество учащихся, имеющих четвертый уровень социальной ответственности (до 35%), в то время как в контрольной группе этот уровень отмечался у 50% второклассников и 45% третьеклассников.

По данным контрольного эксперимента 30% третье-

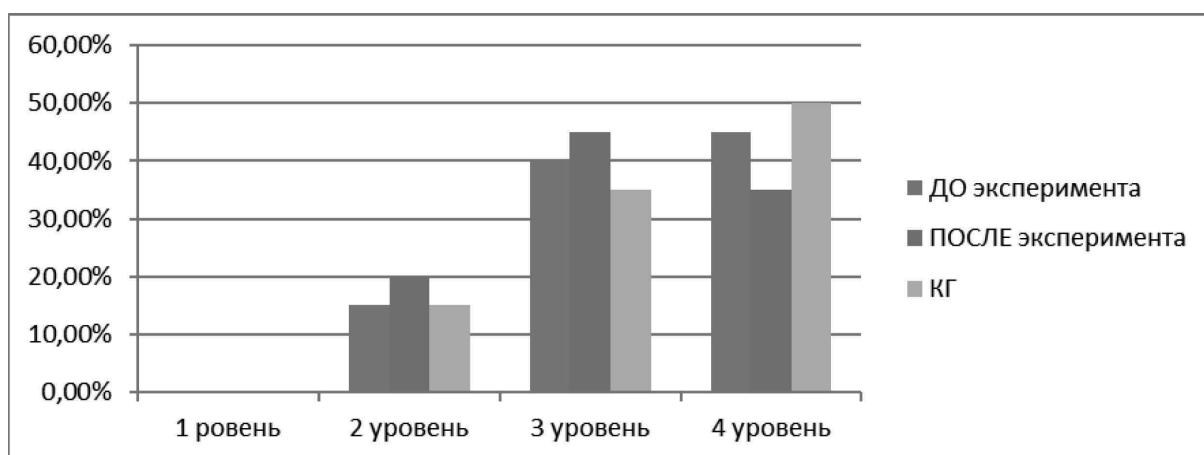

Рис. 1. Интегративные уровневые характеристики сформированности социальной ответственности у второклассников (в %).

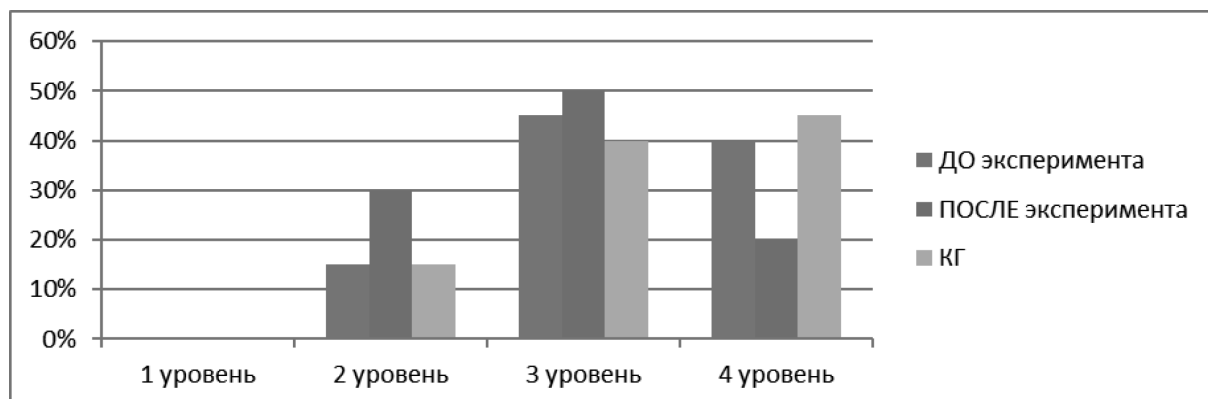

Рис. 2. Интегративные уровневые характеристики сформированности социальной ответственности у третьеклассников (в %).

классников (Рис.2) были отнесены ко второму уровню проявления социальной ответственности. У большинства детей, как второго, так и третьего класса умение заботиться о себе наблюдалось периодически.

Школьники, обучающиеся во 2-м классе, все еще не всегда могли самостоятельно переодеться, соблюдать правила личной гигиены, им легче поддерживать свой достойный внешний вид с помощью взрослого. Необходимо подчеркнуть, что у третьеклассников после проведенной комплексной коррекционной работы выполнение этих действий и операций происходило с большей долей самостоятельности, что говорит о возросшей у детей способности к саморегуляции. Кроме того, у детей можно было наблюдать проявление интереса к результату деятельности, волнение за успех дела, за положительный результат выполнения поручения, проявления радости при успешном завершении задания. Важно отметить, что после проведенного обучения оценка своего действия или поступка детьми приобретала новую окраску: дети могли оценить свой поступок с нравственной точки зрения. Третьеклассники более успешно и систематически научились поддерживать порядок на своем рабочем месте, чистоту в классе, проявлять аккуратность по отношению к окружающей их обстановке; дети напоминали своим одноклассникам о необходимости убрать вещи, приносили потерянные принадлежности; часть третьеклассников научилась самостоятельно и более целенаправленно добиваться необходимого результата при выполнении заданий; ученики проявляли заботу, внимание, сопереживание к своим товарищам в тех

ситуациях, когда у них возникали затруднения, и им требовалась помощь, подсказывали способы разрешения задачи; обнаруживали начальное понимание значения проявления собственной ответственности при выполнении общего дела; дети чаще стали рассказывать о своих домашних питомцах, об уходе и заботе о них, показывали их фотографии, проявляли эмоциональное переживание в случае болезни или потери домашнего любимца.

Таким образом, данные диаграммы (Рис.3) показывают, что у большинства младших школьников с умственной отсталостью экспериментальной группы был диагностирован III (пороговый) уровень социальной ответственности (47,5%). В контрольной группе данный уровень был выявлен у 37,5% учащихся. При этом значительно сократилось количество учащихся, имеющих IV (крайне низкий-допороговый) уровень социальной ответственности (27,5%), в то время как в контрольной группе он был диагностирован почти у половины школьников (47,5%).

Заметная положительная динамика отмечается у младших школьников экспериментальной группы, отнесенных к II (среднему-неустойчивому) уровню социальной ответственности (25%), в контрольной группе он составляет 15%.

Необходимо отметить, что первого, высокого уровня (устойчивой ответственности) нам не удалось обнаружить у участников экспериментальных групп, что вполне объяснимо. Такой сложный феномен личностного развития как социальная ответственность требует системати-

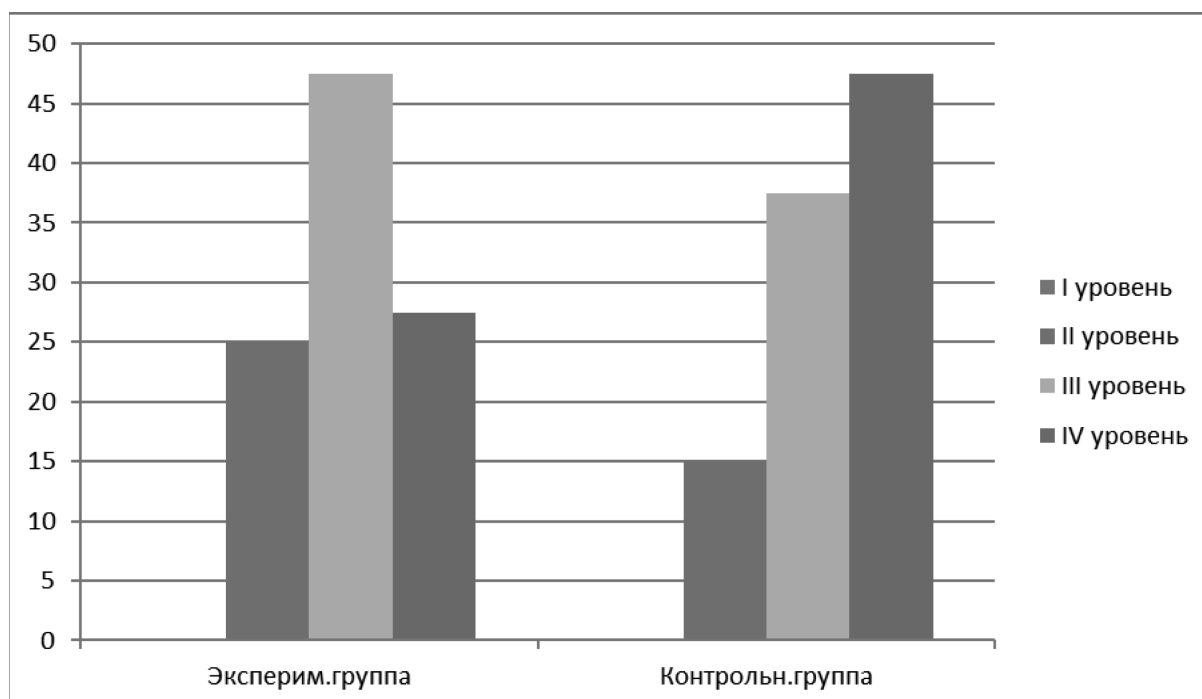

Рис. 3. Распределение младших школьников ЭГ и КГ в соответствии с уровнями социальной ответственности по итогам контрольного эксперимента (в %).

ческого, целенаправленного и длительного комплексного формирования у умственно отсталых детей.

Таким образом, можно говорить о том, что организация комплексной коррекционной работы, объединяющей детей, педагогов и родителей, способствует формированию важного личностного образования у умственно отсталых младших школьников - социальной ответственности, повышает их социальную зрелость, обеспечивает большую готовность к взаимодействию с окружающими.

Важным результатом реализованной психокоррекционной программы явилось то, что удалось привлечь внимание родителей к проблеме ответственности детей, сформировать у них представление и дополнить их понимание важности формирования социальной ответственности у детей уже в младшем школьном возрасте, значительную часть из них включить в командную коррекционно-развивающую работу с детьми.

Полученные в ходе контрольного эксперимента данные позволили выделить основные проявления со-

циальной ответственности и социально ответственного поведения у участников экспериментальной группы: желание помочь другим, умение оценить результаты своих действий и деятельности, а также действий и деятельности одноклассников, эмоциональное переживание оценки других, возросшее умение отвечать за проступок и объяснять последствия своих действий. Значительным приобретением для некоторых детей стало стремление контролировать свои эмоциональные реакции на замечания или просьбы.

У многих школьников отмечается возросший уровень самостоятельности при выполнении правил личной гигиены. Большинство проявляют готовность своевременно приступить к выполнению задания, деятельности, слышат и выполняют просьбу взрослого.

Таким образом, можно говорить об эффективности разработанной и апробированной в процессе экспериментального обучения комплексной программы формирования социальной ответственности у младших школьников с интеллектуальной недостаточностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Выготский Л.С. Педагогическая психология / Л.С. Выготский - М., 2006., с.22
2. Выготский, Л.С. Собр. соч.: В 6 т. / Л.С. Выготский. - М.: Педагогика, 1982-1984. - 2563 с.
3. Высоцкий А.И. Волевая активность школьников и методы ее изучения: Учебное пособие. - Челябинск: Челяб. ГПИ, 1979. - 69 с.
4. Джайнотт Х. / Х. Джайнотт Родители и дети / Пер.с англ. - М.: Знание. - 1986. - 96с.
5. Замский Х.С. Умственно отсталые дети: История их изучения, воспитания и обучения с древних времен до середины XX века: Приложение: Дневник Е.К. Грачевой. / Х.С. Замский — М.: НПО «Образование», 1995. — 400 с: ил.
6. Медникова Л.С., Феоктистова Ю.С Формирование социальной ответственности и социально ответственного поведения у младших умственно отсталых школьников. Сообщение 1 // Дефектология. 2022. №4. С.14 - 20
7. Медникова Л.С., Феоктистова Ю.С. Роль семьи в формировании социальной ответственности младших школьников с интеллектуальной недостаточностью // Дефектология. 2020. №6. С.24 - 33
8. Сорокоумова Е.А., Молостова Н.Ю., Ферапонтова М.В. Психолого педагогические аспекты становления ответственности младшего школьника поколения Z // Педагогика и психология образования. - 2017. - №1. - С. 146-153.
9. Феоктистова Ю.С. Особенности проявления самостоятельного и ответственного поведения младшими школьниками с интеллектуальной недостаточностью в условиях заданной ситуации // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2021. №6. С.94 - 98
10. Шипицына Л.М. Обучение общению умственно отсталого ребенка: Учебное пособие. / Л.М. Шипицына - СПб.: ВЛАДОС Северо-запад, 2010. - 279 с.

© Феоктистова Юлия Сергеевна (yulla13@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОЗДАНИЕ БАНКА ИНДИВИДУАЛЬНЫХ МНЕМОТЕХНИК ПРИ ОБУЧЕНИИ УСТНОМУ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОМУ ПЕРЕВОДУ

THE FORMATION OF INDIVIDUAL MNEMONICS BANK IN THE COURSE OF CONSECUTIVE INTERPRETATION TRAINING

*E. Fomina
T. Galich
E. Anastassova*

Summary: The article puts forward the idea of formation of a "Memory Help" bank of individual mnemonics to train short-term memory of students of the programme "Translator in the field of professional communication". Based on the analysis of Russian and foreign theoretical sources, the authors describe and systematize the rules for creating mnemonic exercises to train short-term memory. On the example of mining and geological specialties (21.05.04 «Mining», 21.05.02 «Applied Geology», 21.05.03.01 «Geophysical methods of prospecting and exploration of mineral deposits», 21.05.03.03 «Techniques and technology of exploration of mineral deposits») the authors present a developed set of mnemonic exercises for students of mining and geological specialties; give instructions for implementing the developed exercises in the educational process, and discuss the idea of personalized learning by creating an individual student's trajectory.

Keywords: memory levels, interpreter training, mnemonics, individual trajectory of learning, personalized learning.

Фомина Елена Ивановна

Старший преподаватель, Сибирский федеральный университет
hfomina@yandex.ru

Галич Татьяна Сергеевна

Доцент, Сибирский федеральный университет
tanyagalich91@mail.ru

Анастасова Елена Валентиновна

Старший преподаватель, Сибирский федеральный университет
anastassova@mail.ru

Аннотация: В статье выдвигается идея создания банка индивидуальных мнемотехник для тренировки кратковременной памяти студентов дополнительной квалификации «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации». На основе анализа отечественных и зарубежных теоретических источников на тему обучения переводу авторы описывают и систематизируют правила создания мнемотехнических упражнений на тренировку кратковременной памяти. На примере горно-геологических специальностей (21.05.04 «Горное дело», 21.05.02 «Прикладная геология», 21.05.03.01 «Геофизические методы поисков и разведки месторождений полезных ископаемых», 21.05.03.03 «Технология и техника разведки месторождений полезных ископаемых») приводится разработанный комплекс мнемотехнических упражнений для студентов горно-геологических специальностей. Авторы дают инструкции к применению разработанных упражнений в учебном процессе. На примере авторского банка упражнений аргументируется идея персонализированного обучения и создания индивидуальной траектории студента.

Ключевые слова: уровни памяти, обучение переводу, мнемотехника, индивидуальные техники обучения, персонализированное обучение.

Введение

Переводческая деятельность, в первую очередь рассматривается как деятельность когнитивная, т.е. связанная с успешной работой механизмов памяти, внимания, а также с когнитивными возможностями и умениями переводчика минимизировать и/или компенсировать потерю и замещение информации. Для переводчика память представляет важнейшую когнитивную функцию. Как отмечал Р. К. Миньяр – Белоручев, «память нужна всем, но переводчику она нужна профессионально» [14, с. 50]. В связи с этим выделяется целый ряд соответствующих терминов: «когнитивная модель перевода» (effort model) [26], «когнитивно-информационная деятельность», «информационно-аналитическая деятельность» [20], «навык когнитивного освоения действительности» [11], «психокогнитивная компетенция переводчика» [18], «когнитивно-деятельностный подход в переводе» [22], «когнитивный компонент компетентностной модели переводчика» [23].

Так, например, Т.С. Серова считает, что основополагающим критерием для осуществления качественного устного перевода являются развитые у переводчика механизмы языкового переключения и оперативная память [19]. В свою очередь, Н.В. Крайсман отмечает, что в условиях дефицита времени, свойственных устному переводу, прежде всего, требуют развития такие навыки «когнитивного освоения действительности», как навык переключения внимания, навык запоминания значительных по протяженности речевых произведений, а также навык автоматизированного употребления лексических клише [11].

Е.В. Тройникова и Л.И. Хасанова, моделируя дидактическое пространство обучения устному последовательному переводу, акцентируют внимание на развитии когнитивного и информационного компонентов компетентностной модели переводчика (анализ, синтез, сравнение, конкретизация, классификация, абстрагирование и пр.), развитие психических функций (внимание и раз-

личные способы его переключения), развитие памяти (кратковременная, долговременная, оперативное) и тренировку различных видов запоминание (линейное, ассоциативное, безассоциативное). При этом отмечается, что развитие когнитивной компетенции происходит на основе обучения студента таким стратегиям работы с информацией, как ее поиск и фиксирование, декодирование, сортировка, обобщение [22].

Целью исследования является создание банка индивидуальных мнемотехник для обучения устному последовательному переводу студентов программы дополнительной квалификации «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации» [24]. Актуальность выбранной темы определяется необходимостью сбора множества разнообразных тренировочных элементов, которые призваны стимулировать мотивационную сторону и обеспечить заметный результат регулярной мнемотехнической тренировки будущих переводчиков [24, с. 71]. При существенной занятости студентов на основной специальности, очевидна проблема недостаточной системности мнемотехнических упражнений и несформированной мотивации будущих переводчиков в такой практике. Задача преподавателя (помимо осуществления организационного контроля “извне”) видится в том, чтобы донести до студентов понимание о необходимости постоянного накопления, расширения и обновление своих знаний в области своих профессиональных интересов [21].

Полагаем, что наличие банка индивидуальных мнемотехник студента позволит создать особую учебную ситуацию кооперативной деятельности преподавателя и студента, нивелировать у студента сопутствующие процессу устного последовательного перевода стресс, рассеянность и волнение. Кроме этого, каждый отдельный студент сможет опираться и/или выбрать свой стиль обучения (визуальный, аудиальный, кинестетический) при создании индивидуального банка мнемотехник [29]. Создание подобного банка упражнений, в условиях наличия смешанных по специальностям и разноуровневых групп, позволит обеспечить продвижение студентов по индивидуальной образовательной траектории в рамках каждой отдельной специальности.

Методические основы создания банка индивидуальных мнемотехник

Мнемические способности переводчика являются гарантией его успешного профессионального становления, т.к. позволяют запоминать, хранить и воспроизводить информацию [20]. Мнемотехники определяют, как любые приемы обучения, которые помогают увеличить объем памяти [32, р. 477], как совокупность структурированных мнемотехнических «искусственных приемов и вставок», обеспечивающих активизацию смысловых

связей или ассоциаций между предметами и понятиями [4], в результате чего объем памяти значительно увеличивается, а запоминание информации облегчается [13]. На основе проведенного анализа теоретических источников, можем заключить, что при формировании базы мнемотехник целесообразно исходить из следующих методических установок:

- Формирование у студентов высокой мотивированности и готовности к постоянному обучению, формирование терпимости к стрессовой ситуации непонимания в условиях экспоненциального роста профессиональной терминологии [6], [7].
- Подготовка заданий разного уровня сложности и проблематичности [21].
- Наличие проблемно-поисковых упражнений, позволяющих развивать профессиональное мышление студента и имитировать опыт профессиональной деятельности [11].
- Формирование деятельностного и творческого подхода к переводу [26].
- Формирование упражнений на основе работы с корпусами специальных текстов [30] для пополнения словарного запаса будущего переводчика.
- Опора на принципы самостоятельной деятельности студентов, продуктивного обучения, соответствия обучения профессиональной деятельности будущих специалистов [22].
- Развитие у студентов навыков самостоятельного терминологического поиска в рамках отдельной профессиональной области знания (выделение ключевых терминов и подбор переводческих соответствий) [2].
- Доведение до автоматизма процесса узнавания специальной лексики в пределах заданной тематики [10] и употребления частотных в рамках специальной области знания переводческих соответствий [5].
- Синхронизация механизмов чтения и проговаривания при запоминании [1].

Для переводчика важны как кратковременная память, так и долговременная. Для осуществления устного последовательного перевода особо необходима хорошая кратковременная память, т.к. она позволяет удержать в сознании все то, что он услышал в процессе восприятия сообщения. На этой стадии информация сохраняется от 15 до 30 секунд [24], а среднее количество удерживаемых в кратковременной памяти для носителей всех языков составляет 7 (+/- 2) элементов (Gile, 1995, р. 24). В свою очередь, хорошая долговременная память необходима переводчику для того, чтобы предложить контекстуально адаптированный перевод сообщения [33], [34].

Согласно когнитивной модели последовательного перевода Д. Жилия перевод представляет собой пре-

жде всего когнитивный процесс кодирования и декодирования информации. Большинство трудностей, на разрешение которых переводчику приходится тратить когнитивные ресурсы, приходятся на этапы активного восприятия информации (listening), запоминания (storing) и способности детального воспроизведения (retention and reconstruction) [26, p. 45]. Именно поэтому, развитие кратковременной памяти переводчиков является одной из трудно выполнимых задач именно в рамках аудиторной практики [5], которая рассматривается в качестве превентивной меры "preemptive action", необходимой для успешного понимания и перевода сообщения и требующей интенсивной подготовки [31, p.196]. Как полагает А.В. Рудковская, помимо интенсификации процесса развития кратковременной памяти требуется также комплексный подход и системная активизация всех лингво-когнитивных кодовых переключений (восприятие, память, внимание, мышление и вероятностное прогнозирование) [17].

Для сохранения информации в кратковременной памяти выделяются три вида кодирования (акустическое, визуальное "скоропись" и семантическое). В большинстве случаев в рамках последовательного перевода переводчики опираются именно на акустическое и семантическое кодирование [26]. Для тренировки данных типов кодирования используются мнемотехники [12].

В литературе отмечается разнообразие таких мнемотехнических упражнений, как: завершение высказываний преподавателя, эхо-повторы, ответы на вопросы по прослушанному тексту, последовательное повторение чисел и слов, скороговорки на отработку дикции, ассоциации, повторение предложений по типу «снежный ком», рифмование, мнемобразы, запоминание текста и восстановление содержания текста по цепочке "снежный ком", запоминание и воспроизведение фрагментов текста (фамилий, названий объектов, чисел) [1], [8], [17], [18], [23], [26], [27], [28], [29], [33], [34]. Представим далее систематизацию правил создания упражнений с мнемотехническими цепочками на тренировку кратковременной памяти студентов:

- наличие от 3-4 до 7-8 элементов;
- варьирование темпа произнесения цепочек от медленного к более быстрому;
- переход от запоминания цепочки слов к запоминанию словосочетаний, предложений и отрывков текста;
- переход от запоминания предложений с простой синтаксической структурой к предложениям со сложной структурой;
- вариативность упражнений на синтаксическое развертывание и речевую компрессию;
- переход от запоминания слов и имен собственных к числам, словосочетаниям с числами;
- переход от запоминания элементов из одной те-

матической области к запоминанию элементов, объединенных по разным признакам;

- переход от произвольного порядка до строгого порядка воспроизведения элементов;
- переход от запоминания и воспроизведения цепочки элементов на языке-источнике к цепочке элементов на языке-цели, запоминание в смешанном формате;
- переход от заданий на запоминание к заданиям на запоминание, воспроизведение и перевод;
- вариативное использование заданий в режиме работы "слух-голос" и заданий на запись цепочек слов под диктовку;
- развлечение мнемотехник логическими операциями (умножение / деление; склонение; добавление, генерализация, спецификация, ассоциации (с цветом, с формой и пр.), название синонимов и антонимов, исключение слов их ассоциативного ряда, обратное запоминание ряда);
- использование упражнений на наращивание активного запаса соответствий (фразеологизмы, клише и пр.);
- наличие упражнений на тренировку звукопроизводительной стороны речи и теневого повтора;
- усложнение процесса тренировки посредством введения дополнительных отвлекающих факторов (звуков, видеоряда, запаха, манипуляций с предметами и пр.), которые нужны для усиления концентрации внимания студентов для предотвращения потери информации.

Результаты исследования

Результатом проведенного теоретического исследования явился созданный банк индивидуальных мнемотехник для студентов горно-геологических специальностей. В основе обучения устному последовательному переводу студентов дополнительной квалификационной программы «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации» лежит знание профессиональной лексики. Так как «мнемическая установка диктует определенное направление анализа материала, его содержательной структуры и языковой формы» [18, с. 341], то в рамках создания банка индивидуальных мнемотехник были выделены такие тематические области профессионального английского языка геологии и геофизики, как служебные обязанности, месторождения, горные породы, минералы, виды топлива, типы геофизических сигналов, методы обработки сигналов, процессы образования горных пород, геологическое и геофизическое оборудование и его части, единицы измерения, профессии, сокращения и условные обозначения в геофизической и геологической литературе, наименования стран, регионов и городов.

Представим далее четыре категории разработанных

мнемотехнических упражнений для студентов-геофизиков и геологов:

1. мнемотехники на запоминание цепочек слов.
2. мнемотехники на запоминание произношения.
3. мнемотехники на запоминание и тренировку логических операций.
4. мнемотехники на запоминание предложений и отрывков текста.

Отметим, что данное разделение носит условный характер т.к. в каждой из категорий тренируется как запоминание, так и произношение. Кроме этого, как полагает И.С. Алексеева, занятия проходят достаточно эффективно, когда в рамках одного и того же занятия представлены разные типы мнемотехник на повтор или перевод на русском и иностранном языках [1].

Основная идея банка создания банка индивидуальных мнемотехник заключается в том, чтобы в дальнейшем студенты могли получать от преподавателя задания в рамках письменного курса перевода отобрать материал (исходя из указанной преподавателем тематической области, из личных предпочтений или исходя из содержания текста) для создания индивидуальных мнемотехнических упражнений. Отметим, что еще одним преимуществом создания индивидуального банка мнемотехник является то, что студенты смогут в дальнейшем обмениваться собранным материалом.

К мнемотехникам на запоминание цепочек слов отнесем запоминание тематически сгруппированных слов, словосочетаний и реалий-мер. Например, это могут быть карточки с наименованиями трудно запоминаемого оборудования и его частей:

Повторите и переведите следующие слова:

1. *счетчик глубин, каротажная лебедка, инклинометр;*
2. *глубинный датчик, мешок для проб, коллектор, магнитный локатор.*

Своеобразной вариацией данного упражнения для тренировки навыка переключения может быть повтор и перевод словосочетаний, но уже на русский язык. Здесь студенту предлагается собрать наименования величин и словарь для обработки сигналов.

Повторите и переведите следующие словосочетания:

1. *molar ratio, crustal depth, cutoff grade, emission rate;*
2. *waveform data, wideband frequency, sub-bass range, waveform shape.*

Геофизики и геологи очень часто имеют дело с числовыми и пространственными данными. Поэтому для них продуктивными являются мнемотехнические упражнения на запоминание реалий-мер. В данном упражнении

помимо запоминание числовой информации дополнительно тренируются сочетания с падежным предлогом:

Повторите и переведите ряды чисел с существительными:

1. *depth of 4 kilometers, displacement of 8 kilometers;*
2. *length of 800 meters, temperatures of 250 degrees, diameter of 200 micrometers.*

В данной вариации мнемотехники на реалии-меры предлагается проработать не только количественные показатели, но еще и сочетания с предлогами со значением ориентации в пространстве:

1. *30 meters to the west, 50 meters to the north, 40 meters shallower;*
2. *500 ft below water, 700 meters above sea level, 900 meters beneath the location.*

Упражнения на тренировку произношения включают тренировку аббревиатур и сокращенных названий горных пород, названий профессий, стран и городов, а также наиболее известных месторождений:

Повторите и переведите:

1. *Quartz, Rhyolite, Diorite, Pyroxene, Mica;*
2. *Hornblende, Plagioclase, Pumice, Andesite.*

В процессе чтения профессиональных текстов студенты часто сталкиваются с тем, что практически в каждом тексте геологической и геофизической направленности встречаются наименования стран и месторождений. Поэтому считаем целесообразным вложить в банк мнемотехник цепочки труднопроизносимых локаций для того, чтобы избавиться от русифицированного произношения:

Запомните и повторите названия стран и регионов и городов:

1. *China, Turkmenistan, Wyoming, Venezuela, Belize;*
2. *Netherlands, Ufa, Turkey, Bolivia, Tyumen.*

Запомните и повторите наименования нефтяных месторождений:

1. *Ghawar Field, Gachsaran Field, Ahvaz Field, Shaybah Field;*
2. *Ku-Maloob-Zaap, Aghajari Field, Tengiz Field, Samotlor Field.*

Необходимость использования **мнемотехник на тренировку логических операций** продиктована, прежде всего наличием аббревиатур. Студенту предлагается классифицировать аббревиатуры на более легкие и более сложные.

Задание: Запомните и повторите аббревиатуры в сокращенном виде, произнесите еще раз давая расшиф-

ровку:

LTA, DiGOS, STA

Ответ:

Unmanned Aircraft System – беспилотный авиационный комплекс (БАК)

Geophysical & Geodetic Observation Systems – геофизические и геодезические системы мониторинга

Short Time Average - краткосрочное среднее

Кроме аббревиатур и сокращений считаем необходимым включить цепочки, типичных терминов, объединенных по какому-либо признаку. Эффектом неожиданности в таких упражнениях могут быть разные дополнительные задания преподавателя.

Запомните и повторите ряд слов, называя их синонимы:

1. *deposit, oil, gas, mud;*
2. *drill, decompose, precipitate, explore.*

Возможные ответы: 1) *deposit: formation / accumulation / layer; oil: lubricant / black gold; gas: vapor / fume; mud: silt / clay / shush;* 2) *drill: penetrate / mine / excavate; decompose: break down, deteriorate, destroy, wear away; precipitate: fall / be deposited; explore: search for, prospect.*

Еще одним упражнением, выполнение может быть выполнено в группе, являются мнемотехники с добавлением ассоциативного признака к словам. Упражнение можно выполнять в парах. Один студент повторяет и называет ассоциативные признаки. Второй студент слушает и затем повторяет снова, называя те признаки, что не назвал первый студент:

Повторите и добавьте ассоциацию к словам:

1. *chemical, raw, overlying, acidic*
2. *delay, seismic, explosive, volcanic*

Подобное упражнение направлено на наращивание словарного запаса, а также на его активизацию. Так, в рамках ответа на первую цепочку из примера выше студенты дали следующие ответы: *chemical: chemical- rich / composition / environment; raw: raw materials / equipment; overlying: overlying sediments / sands; acidic: acidic nature / soil.*

Последним типом мнемотехнических упражнений являются **упражнения на запоминание предложений и отрывков текста**. Предполагается, что студенты могут сохранять типичные для их профессиональной области предложения и создавать своеобразный банк данных предложений. На базе таких предложений в дальнейшем возможно отрабатывались такие мнемотехники, как синтаксическое развертывание, компрессия, снежный ком и эхо-повторы (Фомин, 2006).

В задании на синтаксическое развертывание студен-

ту необходимо постараться запомнить предложения и наиболее полно его отразить. Задание выполняется в два этапа. Преподаватель/ одногруппник зачитывает предложение два раза. После первого прослушивания студенту предлагается запомнить и повторить только основную синтаксическую структуру предложения (Например, *The cooling and the solidification of lava result in the formation volcanic rocks*), после повторного прослушивания – все предложение полностью: *The cooling and the solidification of lava at the Earth's surface result in the formation of extrusive igneous rocks which are also known as volcanic rocks*. Как полагает Е.И. Фомин с этим же предложением в рамках закрепления задания можно предусмотреть перевод предложений с русского на английский. Это можно сделать в конце занятия: «<...> а семантические пик и переводчик при этом определяет и выделяет интуитивно, пользуясь ресурсами порядка слов и лексическими средствами актуализации информации» [23].

В рамках запоминания целых предложений можно организовать также тренировку по типу «снежного кома». Студентам дается на прослушивание предложение с задачей запомнить его содержание и воспроизвести его. В этом случае преподаватель спрашивает на выбор любого студента, задачей остальных слушать внимательно и продолжить предложение там, где остановился предыдущий студент. Данное упражнение предусматривает использование метода «строительных лесов» “scaffolds”, т.к. чаще всего студенты запоминают словосочетания, то реализация данного упражнения будет выглядеть следующим образом: *When the chemical-rich water makes its way into a cave, the water evaporates and leaves behind calcium carbonate on the ceiling, forming a stalactite, or on the floor of the cave, creating a stalagmite.*

К заданиям более усложненного типа, требующим разноаспектного восприятия и навыков категоризации, отнесем работу с отрывками текстов, богатых когнитивной информацией (наименованиями, числами и пр.). Студентам дается задания находить подобные отрывки в процессе их переводческой деятельности:

Principally the most recent time, Professor Emeritus Jim Skehan of Boston College and Professor Emerita Meg Thompson of Wellesley College have had grant money to understand volcanism. Their efforts have indicated that this particular feature is about 410 million years old. The age-dating is based on certain minerals that contain isotopes, particularly a mineral called zircon. It has a radioactive isotope in it called U 238. With geologic time, that degrades into lead. The half-life of zircon (this U 238 to lead) is almost 2.5 billion years. So with that kind of extreme half-life, we can accurately date the volcano and in fact go right back to the genesis of the Earth.

История засчитывается преподавателем в среднем темпе (более усложненная версия - преподаватель включает фоновые шумы (музыку, речь, и пр.). Студенты

прослушивают отрывок без каких-либо опорных записей. На первом этапе студентам необходимо воспроизвести историю по памяти не упуская деталей. На втором этапе преподаватель предлагает совершить студентам операции на категоризацию информации [28, р. 381]. Например, преподаватель может задать следующие вопросы к отрывку:

1. *Какие имена / профессии / даты были упомянуты в отрывке?*
2. *О каком минерале шла речь?*
3. *В связи с каким событием упоминался данный минерал?*

Кроме этого у данного упражнения есть такие вариации как “найди отличия”, когда после первого чтения отрывка преподаватель читает его еще раз и намеренно

меняет информацию в нем., а также и техника “теневого повтора”, когда задача студентов состоит в повторе “слово в слово” продиктованных преподавателем предложений.

Заключение

Подводя общий итог, считаем возможным акцентировать внимание на том, что расширение индивидуального банка мнемотехник на основе профессионально-ориентированного материала, и постановка перед будущими переводчиками новых мнемических задач в контексте их самостоятельной деятельности позволит в будущем добиться высокой продуктивности непроизвольного запоминаний. Следующим шагом мы видим вовлечение студентов в разработку и апробирование новых мнемотехнических приемов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева И.С. Профессиональное обучение переводчика: Учебное пособие по устному и письменному переводу для переводчиков и преподавателей. / И.С. Алексеева. СПб.: Союз. – 2001. – С. 145.
2. Аликина Е.В. Психологическая модель устного последовательного перевода / Е.В. Аликина // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 6. – С.59-66.
3. Аликина Е.В. Специфика отбора дискурсивной ситуации при обучении устному последовательному переводу / Е.В. Аликина // Современные исследования социальных проблем. – 2012. – № 10 (18).
4. Андреева В.Н. Память и ее развитие / В.Н. Андреева. Л.: Знание РСФСР. – 1927. – С. 48.
5. Беляева Т.Н. Цели и задачи курса устного перевода / Т.Н. Беляева // Вестник МГУ. – 2005. – №19 (1). – С. 132-136.
6. Ванягина М.Р. (2019). Применение мнемотехники при обучении иноязычной лексике / М.Р. Ванягина // Педагогика и психология образования. – 2019. – № 3. – С. 71-83.
7. Гильманова Н.С. Речевые стратегии устного технического перевода (на материале перевода сообщения специалистов по ремонту техники обслуживания скважин) / Н.С. Гильманова // Vestnik of the Mari State university. – 2018. – №12 (4). – С. 131-138.
8. Зимняя И.А. Психологические аспекты для обучения говорению на иностранном языке / И.А. Зимняя. М.: Просвещение. – 1985. – С. 160.
9. Карпенко Л.А. Краткий психологический словарь / Л.А. Карпенко. М.: Политиздат. – 1986. – С. 432.
10. Касаткина К.А. Устный перевод: критерии оценки / К.А. Касаткина // Baltic Humanitarian Journal. – 2018. – № 2(23). – С. 42-44.
11. Крайсман Н.В. Устный и письменный перевод: взаимосвязанное обучение / Н.В. Крайсман // Вестник Казанского технологического университета. – 2010. – С. 269-274.
12. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения / А.Н. Леонтьев. – М.: Педагогика. – 1983. – С. 392.
13. Мещеряков Б.Г., Зинченко В.П. Большой психологический словарь / Б.Г. Мещеряков, В. П. Зинченко. – М.: Олма-пресс. – 2004. – 811 с.
14. Миньяр-Белоручев Р.К. Как стать переводчиком? / Р.К. Миньяр-Белоручев. – М.: Готика. – 1999. – С. 176.
15. Никитина Т.Б. Как развить хорошую память / Т.Б. Никитина М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА. – 2006.
16. Разумовская Е.А. Как быстро развить память для запоминания иностранных слов, цифр и любой информации / Е.А. Разумовская. – М.: Рипол-классик. – 2008. – С. 140.
17. Рудковская А.В. Формирование психокогнитивной компетенции при обучении устному последовательному переводу / А.В. Рудковская // Рема. – 2014. – С. 111-117.
18. Саковец С.А. Мнемотехнические приемы: Типология упражнений по запоминанию информации на иностранном языке / С.А. Саковец // Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации. – 2021. – С. 341-347.
19. Серова Т.С. Речемыслительные аспекты устного профессионального одностороннего перевода / Т.С. Серова // Языки и культура. – 2015. – С. 138-149.
20. Смирнов А.А. Проблемы психологии памяти / А.А. Смирнова. – Москва: Просвещение. – 1966. – С.
21. Тамбовцева Н.К. (2015). Фоновая информация в обучении устному переводу / Н.К. Тамбовцева // Вестник Университета Российской академии образования. – 2015. – № 2. – С. 39-42.
22. Тройникова Е.В., Хасанова, Л.И. Дидактическое пространство учебной ситуации устного последовательного перевода в обучении студентов - будущих переводчиков / Е.В. Тройникова, Л.И. Хасанова // Проблемы современного образования. – 2020. – № 6. – С. 140-147.
23. Фомин С.К. Последовательный перевод: книга студента / С.К. Фомина. – М.: АСТ: Восток – Запад. – 2006. – С. 256.
24. Фомина Е.И. Формирование банка индивидуальных мнемотехник при обучении устному последовательному переводу / Е.И. Фомина // Современные тенденции в преподавании иностранных языков в неязыковом вузе. – 2021. – С. 79-81.

25. Daro V. Experimental studies on memory in conference interpretation / V. Daro // *Meta*. – № 42 (4). – 1997. – P. 622–628.
26. Gile D. Basic Concepts and Models for Interpreting and Translation Training / D. Gile. – John Benjamins Publishing Co. – 1995.
27. Kriston A. The importance of memory training in interpretation / A. Kriston // *Professional Communication and translation studies*. – №. 5 (1-2). – 2012. – P. 79-86.
28. Lambert S. Shadowing / S. Lambert // *Méta*. – №. 37(2). – 1992. – P. 263-273.
29. Manktelow J. Introduction to Memory Techniques / J. Manktelow. – 2003. – URL: <http://www.demon.co.uk/mindtool/memintro.html>. (accessed 01.04.2023).
30. Nord C. Text Analysis in Translation. Theory Methodology and Didactic Application of a Model for Translation-Oriented Text Analysis / C. Nord. – Amsterdam: Rodopi. – 1991.
31. Presentacion P., Martin A. Similarities and differences between interpreting and translation: implications for teaching / P. Presentacion, Martin A. – John Benjamins Publishing Co. – 1992. – P. 195.
32. Soanes C., Stevenson A, Hawker, S. Concise Oxford English Dictionary. / C. Soanes, A. Stevenson, S. Hawker. – Oxford, Oxford University Press. – 2006.
33. Zhong W. Memory training in interpreting / W. Zhong // *Journal of Translation Studies*. – №6. – 2003. – P. 45-57.
34. Zhong, W. Interpreting Training: Models and Contents and Methodology / W. Zhong // *China Translators' Journal*. – Vol.19. – 2001. – P.34-40.

© Фомина Елена Ивановна (hfomina@yandex.ru), Галич Татьяна Сергеевна (tanyagalich91@mail.ru),
Анастасова Елена Валентиновна (anastassova@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

УРОВЕНЬ ПРИТЯЗАНИЙ КАК МОТИВИРУЮЩИЙ ФАКТОР ФИЗКУЛЬТУРНО-СПОРТИВНОЙ АКТИВНОСТИ СТУДЕНТОВ ГУМАНИТАРНОГО ВУЗА

THE LEVEL OF CLAIMS AS A MOTIVATING FACTOR OF PHYSICAL CULTURE AND SPORTS ACTIVITY OF STUDENTS OF THE HUMANITIES UNIVERSITY

**G. Khvalebo
E. Lyalina
C. Trubnikova**

Summary: The article discusses the personal characteristics of students that need to be taken into account in the new social conditions of educational activity in the organization of physical culture and sports work of the university: the level of claims, self-esteem and motivation. The results of testing of students of 1-3 courses are analyzed and the relationship between the level of claims, self-esteem and motivation for physical culture and sports activities is revealed.

Keywords: the level of claims, self-esteem, physical culture, physical culture and sports activity, motivation.

Хвалебо Галина Васильевна

Доцент, Таганрогский институт имени А.П. Чехова
(филиал) ФГБОУ ВО РГЭУ (РИНХ)
gkhvalebo@yandex.ru

Лялина Елена Владимировна

Кандидат педагогических наук, старший преподаватель,
Частное образовательное учреждение высшего
образования «Таганрогский институт управления и
экономики»
e.lialina@tmei.ru

Трубникова Екатерина Валентиновна

Кандидат педагогических наук, доцент, Частное
образовательное учреждение высшего образования
«Таганрогский институт управления и экономики»
e.trubnikova@tmei.ru

Аннотация: В статье рассматриваются личностные характеристики студентов, которые необходимо учитывать в новых социальных условиях образовательной деятельности при организации физкультурно-спортивной работы вуза: уровень притязаний, самооценка и мотивация. Проанализированы результаты тестирования студентов 1-3 курсов и выявлена взаимосвязь между уровнем притязаний, самооценки и мотивации к физкультурно-спортивной деятельности.

Ключевые слова: уровень притязаний, самооценка, физическая культура, физкультурно-спортивная активность, мотивация.

В настоящее время, как и в предыдущие десятилетия, актуальной остается проблема сохранения и укрепления здоровья обучающейся молодежи. Анализ медицинских справок, поступающих в вузы, позволил выявить, что с каждым годом студентов, относящихся к основной физкультурной группе, становится все меньше, а число студентов подготовительной и специальной медицинской групп постоянно увеличивается. Такая же картина наблюдается и с освобожденными от занятий физической культуры врачебной комиссией.

Безусловно, причинами снижения уровня здоровья можно считать, как плохую экологическую обстановку, так и ухудшение качества продуктов питания, и нарушение режима питания, однако, наиболее значительной причиной является снижение уровня двигательной активности. При этом необходимо отметить у студентов низкий уровень осознания важности занятий физическими упражнениями для сохранения и укрепления здоровья. Исходя из этого, преподавательскому составу необходимо находить пути использования различных форм и методов для привлечения обучающейся молодежи

к активной двигательной деятельности, повышения уровня мотивации. Что, в свою очередь, требует внесение изменений в традиционную систему образовательного процесса.

В своих трудах К.Н. Епифанов, Т.В. Михайлова, Б.Ф. Ланда отмечали, что уровень физкультурно-спортивной активности обучающейся молодежи, по сути, может служить одним из индикаторов сформированности личности. Поскольку, данный вид деятельности возможен, если у студентов возникает потребность в ней, они мотивированы на выполнение определенной двигательной деятельности [1; 2].

Необходимость модернизации процесса образования в Российском обществе обсуждается на различных уровнях, и вызвана она происходящими изменениями в обществе, ценностными и мировоззренческими ориентациями подрастающего поколения и обучающейся молодежи.

В последние годы, педагогами разработано значи-

тельное число инновационных, экспериментальных программ, курсов по физической культуре и спорту, выстроенных с учетом психических и физиологических половозрастных особенностей, однако, фактически не учитывающие личностные особенности каждого (самооценка, уровень притязаний, мотив, темперамент и др.).

Изучению мотивирующих факторов уделяли внимание многие отечественные ученые Е.П. Ильин, А.Н. Леонтьев, Ю.М. Орлов, П.А. Рудик, Т.И. Евменова и др. В своих трудах они отмечали, что мотивация определяется основными структурными компонентами личности, объясняющими поведение студента, его активность и нацеленность.

Другой характеристикой личностного развития является самооценка. От адекватности самооценки зависит то, как личность осознает и оценивает свою двигательную и образовательную деятельность и мотивацию к ней, поступки и выбор целей, способности и возможности [3].

Следует отметить, что самооценка связана с уровнем притязаний, то есть с тем, какие цели ставит перед собой студент. Сложность, поставленной цели соответствует способностям личности, по ее ощущениям, достичь данную цель. При этом, как отмечает Е.А. Серебрякова, в представлении своих возможностей выбор человека будет зависеть от успеха – при успешном выполнении какого-либо задания он ставит более высокие цели, при неудачном исходе, они резко понижаются [4].

Целью данного исследования является определение влияния уровня притязаний на самооценку и мотивацию к физкультурно-спортивной активности студентов гуманитариев.

Студенческая молодежь старается соотносить свое мировоззрение с определенными личностными целями на жизнь, в соответствие со своими интересами, стремлениями, что является своеобразным мотивом к физкультурно-спортивной деятельности, как и к любой другой [5].

Всего в исследовании было задействовано 239 студентов 1 – 3 курсов Таганрогского института имени А.П. Чехова (1 курс – 84 студента, 2 – 80 студентов и 3 – 75 студентов).

Для оценки уровня притязаний был применен тест «Моторная проба Шварцландера», по методике Н. Шмальта. Респондентам были выданы бланки с табличками, в которых им предлагалось предположить сколько плюсов они успеют поставить за 10 секунд, а затем включить секундомер и проверить совпало ли их предположение с фактическим исполнением. Тест повторяли 4 раза, при этом 1, 2 и 4 подход длился 10 секунд, а 3 – 8 секунд. Затем по формуле высчитывался общий балл уровня притязаний. Данная методика определяет пять уровней притязаний:

- очень высокий уровень притязаний – 5 баллов и выше;
- высокий уровень притязаний – 3 до 4,9 баллов;
- адекватный уровень притязаний – 1 до 2,99 баллов;
- низкий уровень притязаний – 1,49 до 0,99 баллов;
- очень низкий уровень притязаний – 1,5 и меньше.

При анализе полученных показателей сравнивались результаты тестирования студентов 1-2-3 курсов, при этом отслеживались респонденты, занимающиеся физическими упражнениями, входящие в спортивные команды факультетов или института (таблица 1).

Таблица 1.

Уровень притязаний студентов (%)

Уровень притязаний	очень высокий 5 б. и выше	высокий 3 до 4,9 б.	адекватный 1 до 2,99 б.	Низкий 1,49 до 0,99 б.	очень низкий 1,5 и меньше
1 курс	-	1,19	35,71	54,7	8,3
2 курс	-	3,75	55	37,5	3,75
3 курс	-	-	65,33	33,33	1,33

Источник: Составлено автором

Таблица 2.

Уровень самооценки студентов (%)

Самооценка	Неадекватно низкий	Низкий	Ниже среднего	Средний	Выше среднего	Высокий	Неадекватно высокий
1 курс	1,19	21,42	34,52	29,76	10,71	2,38	-
2 курс	-	15	30	40	15	-	-
3 курс	-	2,66	24	60	13,33	-	-

Источник: Составлено автором

Анализ полученных результатов позволил отметить, что у студентов первого курса преобладает низкий уровень притязаний (54,7%), а у студентов второго и третьего курса – адекватный уровень притязаний (55% и 65,33% соответственно), при этом на первом и втором курсе есть студенты с очень низким уровнем (8,3% и 3,75% соответственно) и высоким уровнем (1,19% и 3,75%). Данный результат возможно связан с тем, что первокурсники еще не в полной мере адаптировались к новому режиму работы.

Определение уровня самооценки проводилось по методике Н.М. Пейсахова. При обработке результатов вычислялось процентное соотношение реальных и идеальных качеств личности каждого студента и сопоставлялось с оценочной шкалой (таблица 2).

Анализируя результаты тестирования на выявление уровня сформированности самооценки, обнаружили, что у студентов превалирует средний (адекватный) и ниже среднего (адекватный с тенденцией к занижению) уровень самооценки. При этом отметим, что у первокурсников число студентов с самооценкой ниже среднего больше, чем со средним уровнем самооценки, однако есть и два студента с высоким уровнем самооценки и один – с неадекватно низкой самооценкой, что можно объяснить особенностями возрастного развития и затянувшимся периодом адаптации.

Сравнение показателей тестирования уровня притязаний и уровня самооценки позволило отметить, что у студентов с адекватным уровнем притязаний самооценка также адекватная, или с тенденцией к завышению либо занижению. Это подтверждает взаимосвязь данных личностных характеристик.

Далее были проанализированы результаты по группам студентов (без учета курса обучения) с различной двигательной активностью, для выявления взаимосвязи мотивированности к физкультурно-спортивной активности с уровнем притязаний и самооценкой. Условно выделили три группы:

1. группа – студенты, занимающиеся регулярно каким-либо видом спорта и входящие в сборные команды вуза или факультета (86 студентов);

2. группа – студенты регулярно посещающие занятия физической культурой и время от времени участвующие в различных мероприятиях (92 студента);
3. группа – студенты с низкой двигательной активностью, пропускающие занятия физической культуры (61 студент).

Изучая и анализируя полученные результаты выявили, что студенты с адекватным (64%) и высоким (4%) уровнем притязаний являются активными участниками физкультурно-спортивных мероприятий. При этом, в первой группе есть студенты и с низким уровнем притязаний (20,93%), как правило это не вполне уверенные и сомневающиеся в своих результатах, поэтому они активно занимаются любимым видом спорта, но предпочитают не участвовать в соревновательной деятельности.

У студентов второй группы превалирует низкий (57,37%), а адекватный уровень притязаний выявлен у 24,59%. Студенты данной группы в достаточной степени мотивированы к активной двигательной деятельности, но, в силу того что есть и другие интересы, не всегда могут участвовать в физкультурно-спортивных мероприятиях.

Показатели третьей группы, в которую входят студенты с низкой и очень низкой двигательной активностью варьируют от очень низкого (18%) до адекватного (24,59%), а 57,37% имеют низкий уровень притязаний. Студенты данной группы не имеют интереса занятиям физкультурной деятельностью, но пятнадцать студентов заявили, что для поддержания своей формы самостоятельно выполняют комплексы упражнений.

Учитывая все, вышеизложенное следует отметить – личности, имеющие адекватный уровень притязаний, являются более активны и мотивированы к физкультурно-спортивной деятельности, чем с низким уровнем.

Результаты исследования уровня притязаний как мотивирующего фактора физкультурно-спортивной деятельности показал, что на ее высокий уровень оказывает потребность в двигательной активности в сочетании с возможностью достижения высоких спортивных результатов. В этой связи, перед преподавателями стоит задача, создать определенные педагогические условия, способствующие формированию и развитию мотивации к активной двигательной деятельности (ситуацию успеха).

Таблица 3.

Уровень притязаний студентов с различным уровнем двигательной активности (%)

Уровень притязаний	очень высокий 5 б. и выше	высокий 3 до 4,9 б.	адекватный 1 до 2,99 б.	Низкий 1,49 до 0,99 б.	очень низкий 1,5 и меньше
1 курс	-	4,65	74,41	20,93	-
2 курс	-	-	47,82	52,17	-
3 курс	-	-	24,59	57,37	18

Источник: Составлено автором

ЛИТЕРАТУРА

1. Епифанов К.Н., Михайлова Т.В. Эффективность формирования целевых установок к профессиональной тренерской деятельности у студентов институтов спорта / Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. 2016. № 6. С. 59.
2. Ланда Б.Ф. Методика комплексной оценки физического развития и физической подготовленности: учеб. пособие. М.: Советский спорт, 2005. 192 с.
3. Лебедева Е.И. Учебная мотивация обучающихся вуза с разным уровнем самооценки и притязаний / Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. 2022. № 4. С. 297-311.
4. Серебрякова Е.А. Уверенность в себе и условия ее формирования у школьников / Вестник. Ленинградск. ун-та. 1981. №3. С. 38.
5. Суханова Л.А. Уровень притязаний личности как мотивирующий фактор учебной деятельности студентов / Психология и педагогика: методика и проблемы. 2009. № 10. С. 46-49.

© Хвалебо Галина Васильевна (gkhvalebo@yandex.ru), Лялина Елена Владимировна (e.lialina@tmei.ru),
Трубникова Екатерина Валентиновна (e.trubnikova@tmei.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Таганрогский институт имени А.П. Чехова
(филиал) ФГБОУ ВО РГЭУ (РИНХ)

ОРГАНИЗАЦИОННО-МЕТОДИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕННОСТНОГО ОТНОШЕНИЯ КУРСАНТОВ К БЕЗОПАСНОСТИ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ

ORGANIZATIONAL AND
METHODOLOGICAL MODELING
IN THE EDUCATIONAL PROCESS FOR THE
FORMATION OF THE VALUE ATTITUDE
OF CADETS TO THE SECURITY
OF MILITARY SERVICE

A. Chaly

Summary: The article considers the process of modeling the educational process for the formation of the value attitude of cadets of military universities to the security of military service, which is associated with the system of formation of value orientations of a future officer in the process of professional training.

Keywords: pedagogical systems, model, modeling, innovative pedagogical technologies, axiology, security of military service.

Чалый Александр Николаевич

Преподаватель, ФГКВОУ ВО «Военная академия материально-технического обеспечения имени генерала армии А.В. Хрулёва», Омский автобронетанковый инженерный институт
alexander-omsk@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается процесс моделирования учебного процесса для формирования ценностного отношения курсантов военных ВУЗов к безопасности военной службы, которая связана с системой формирования ценностных ориентаций будущего офицера в процессе профессиональной подготовки.

Ключевые слова: педагогические системы, модель, моделирование, инновационные педагогические технологии, аксиология, безопасность военной службы.

В современной педагогической науке, все чаще, ученые пытаются представить педагогические системы в виде определенной модели, что обуславливает необходимость использования моделирования как научного метода.

Понятие «моделирование» этимологически связано с понятием «модель», - «...любой образ... какого-либо объекта, процесса или явления, используемый в качестве его «заместителя», «представителя»...» [1].

Началом истории моделирования в науке принято считать созданную в середине 19 века Бертраном теорию подобия. В это же время моделирование получило мощную поддержку со стороны логики и математики.

Повсеместное использование «языка моделей» началось с появлением кибернетики и последующих работ в области искусственного интеллекта, информатики, программирования. Так, в середине прошлого века создатель кибернетики Н. Винер и А. Розенблют писали: «Никакая существенная часть Вселенной не является настолько простой, чтобы можно было понять и контролировать ее без абстракции. Абстракция состоит в замещении части Вселенной, подлежащей рассмотрению, моделью подобной, но более простой структуры» [2].

Э.Н. Гусинский и Ю.И. Турчанинова отмечают, что «понятие истины в XX веке постепенно уступает место понятию модели, совершается переход от представления о единственности истины и возможности сколь угодно точного познания (и полностью формализованного выражения его результатов) к осознанию приближенности, модельности описания мира и необходимости согласования различных моделей и выражающих их языков описания явлений» [3].

В общем плане вопросы моделирования как средства научного познания изучаются в философии, однако модели, очевидно, являются необходимыми инструментами любой науки.

Моделирование представляет собой одну из базовых технологий системного метода при исследовании сложноструктурированных систем, строение и функционирование которых характеризуется большим количеством внутренних и внешних связей и отношений. При изучении сложных системных объектов, моделирование может оказаться единственным способом, доступным исследователю. Поэтому справедливо утверждение, что «...достоинство метода моделирования заключается в том, что им можно пользоваться в тех случаях, когда все другие методы оказываются непригодными для изучения поведения

сложных динамических систем, которые не поддаются непосредственному наблюдению и исследованию, а постановка эксперимента вообще невозможна...» [4].

Согласно представлениям В.А. Штоффа, – «под моделью понимается такая мысленно представляемая или материально реализованная система, которая, отображая или воспроизводя объект исследования, способна замещать его так, что ее изучение дает нам новую информацию об этом объекте» [5].

Похожая мысль прослеживается в исследованиях А.М. Новикова, который под моделью понимает материальный или представляемый объект, или явление, что является упрощенным аналогом исследуемого объекта или явления, которые в достаточной степени повторяют существенные для моделирования признаки [6].

Заметим, что В.А. Ясвин акцентирует внимание именно на аналогии (сходстве) между исследуемым объектом и непосредственно моделью: «аналогия рассматривается как существенная связь между объектами, основанная на сходстве ключевых признаков, отношений между ними. Сходство между объектами на основе случайных признаков не может считаться аналогией» [7].

Процесс моделирования начинается с создания концептуальной модели, которая представляет собой мысленный или знаковый образ изучаемого объекта (процесса, явления, события и др.).

В.Б. Рябов, утверждает, что «концептуальная модель отражает смысловую структуру рассматриваемой предметной области, а основой концептуальной модели являются субъективные представления человека об окружающем мире или какой-либо предметной области» [8].

При этом, модели должны обеспечивать заданную статическую и динамическую точность, которая задается относительно некоторых известных состояний моделируемого объекта, правильному направлению и порядку изменений значений параметров.

Педагогические явления относятся к объектам, многократное воспроизведение которых затруднительно или вообще невозможно. Поэтому получение нового педагогического знания невозможно без моделирования педагогических явлений и процессов, как справедливо говорит об этом С.А. Маврин [9].

Педагогическое моделирование является частным случаем общенаучного метода моделирования, применение которого в педагогической науке и практике, обусловлено принципиальной невозможностью обеспечить воспроизводимость результатов педагогического эксперимента.

Анализ работ по проблемам моделирования педагогических систем позволяет сформулировать необходимые этапы, которые должны быть выполнены, чтобы осуществить моделирование: выбор моделируемого объекта; формулировка цели моделирования; создание модели; определение признаков, по которым можно судить о том, в какой мере созданная модель соответствует моделируемому объекту.

Каждая педагогическая модель строится на основе определенных теоретических положений и раскрывает сущность спроектированной педагогической системы. Комплекс моделей образует логически завершенное множество, отражающее все основные аспекты педагогической системы. При этом, используя метод моделирования следует иметь в виду, что достоверность результатов изучения педагогического явления при помощи модели будет существенно зависеть от того, в какой мере созданная теоретическая модель отражает свойства изучаемого объекта. Поэтому обязательным условием (этапом) процедуры моделирования мы указали определение признаков, по которым можно судить о том, в какой мере созданная модель соответствует моделируемому объекту.

Процесс моделирования, в результате которого объект преобразуется в модель, несет в себе признаки субъекта моделирования, организующего процесс моделирования. В зависимости от целей, задач, критериев и оценок, которыми руководствуется субъект моделирования, модели одних и тех же педагогических явлений могут быть не похожи друг от друга.

Системный подход в качестве методологической основы исследования процессов формирования ценностного отношения курсантов военного вуза к безопасности военной службы, позволяет системно рассмотреть организационно-педагогическую модель педагогической системы формирования ценностного отношения курсантов в профессиональной подготовке. [10].

Организационное моделирование понимается как процесс раскрытия структуры и содержания педагогической системы, как последовательное описание элементов, входящих в эту систему, а также раскрытие отношений, объединяющих элементы в целое [11].

На концептуальном уровне организационного моделирования необходимо четкое определение общей аксиоматики функционирования педагогической системы.

Современные методы организационного моделирования, основанные на построении связанных моделей, являются универсальным инструментом организации совместной деятельности участников образовательного процесса.

Реализация организационной модели педагогической системы приводит к тому, что внутренние связи в педагогической системе из детерминированных становятся гибкими, что, в свою очередь, обеспечивает возрастание факторов самоорганизации совместной деятельности участников образовательного процесса [12].

Особого внимания в составе организационной модели педагогической системы заслуживает модель обучающегося, которая служит системообразующим элементом системы. Модель строится на основе квалификационной характеристики, которая содержит состав знаний, профессиональных компетенций и профессионально значимых качеств личности специалиста. Кроме того, модель может содержать требования к информационно-образовательной среде, в которой должна реализовываться модель специалиста.

В соответствии с положениями системно-деятельностного подхода, профессиональную деятельность можно представить в виде некоторой теоретической модели, структурными элементами которой являются профессионально-важные качества специалиста: потребности, мировоззрение, убеждения, интересы и т.д., которые «...отражают внутреннюю сторону овладения профессиональной деятельностью. Внешнюю сторону овладения профессиональной деятельностью характеризует нормативно одобренный способ деятельности» [13].

Структурными элементами модели деятельности выступают компоненты, объединенные в группы функций:

- мотивы,
- цели,
- информационная среда,
- условия деятельности,
- профессионально-важные качества.

Компоненты взаимодействуют между собой, образуя, таким образом, целостную динамическую систему. «На основе анализа связей между компонентами деятельности определяются ее системообразующие компоненты, устанавливается динамика данных компонентов и связей между ними» [14].

Научно-исследовательское направление деятельности на первом курсе имеет пропедевтический характер и нацелено, в основном, на закрепление таких личностных качеств, как ответственность, требовательность, целеустремленность и др. На последующих этапах профессиональной подготовки роль научно-исследовательской деятельности усиливается и способствует формированию целостного представления и осознанию собственной позиции в образовательном процессе, профессии офицера, выработку личностных смыслов на основе признанных ценностей.

Содержание деятельности курсантов в пределах моделируемой педагогической системы постепенно усложняется в соответствии с определенными этапами.

На первом – адаптивно-познавательном этапе - происходит адаптация курсантов к условиям военных образовательных организаций высшего образования (ВООВО), требований образовательного процесса и постепенное привлечение к различным видам деятельности, (курсант чувствует ценностно-смысловое влияние, на основе чего зарождаются противоречия между ценностно-смысловыми требованиями педагогической системы и имеющимися ценностно-смысловыми ориентациями будущего офицера).

Начиная уже со второго этапа, постепенно выстраивается субъектная позиция образования курсанта, он осознает ведущие ценности профессии, активно ищет личностные смыслы, будучи вовлеченным в разные виды деятельности и в аудитории, и вне ее. Ведущим направлением на втором – деятельностно-технологическом этапе - является учебно-профессиональная деятельность.

Смыслообразующий этап педагогической системы насыщен такими видами деятельности, которые способствуют трансформации ценностных установок, различных личностных смыслов в ценностно-смысловые ориентации курсантов, которые они воспроизводят в деятельности. Именно поэтому на этом этапе курсанты не только продолжают принимать активное участие в различных направлениях работы, но и являются их инициаторами, привлекают к такой деятельности и курсантов младших курсов и преподавателей.

При этом роль преподавателей, как фасилитаторов, смещается в сторону равноправных партнеров, тогда как курсанты превращаются в активных субъектов и создателей смыслов на основе признанных ценностей.

Учебно-профессиональная деятельность является одной из самых продолжительных во времени, поскольку реализуется в течение всего периода профессиональной подготовки и включает аудиторную, самостоятельную работу (в аудитории и вне ее) в пределах профессиональных образовательных компонентов, а также специально разработанных спецкурсов.

Самостоятельная работа как составляющая учебно-профессиональной деятельности курсантов предусматривает как аудиторную, так и внеаудиторную работу, а именно: подготовку к лекционным и практическим занятиям или выполнение заданий, предусмотренных различными дисциплинами профессионального направления, подготовку индивидуальных и групповых проектов, конкурсных работ и др.

К сожалению, практика показывает, что педагогический, в частности аксиологический потенциал самостоятельной работы курсантов образования несколько нивелируется, что негативно сказывается на мотивации курсантов к ее выполнению, априори подавляет их инициативу. Именно поэтому необходимо пересмотреть содержание самостоятельной работы и максимально приблизить ее к потребностям и интересам курсантов. Итак, к содержанию самостоятельной работы относятся:

- проектирование задач самостоятельного блока с учетом интересов и потребностей, творческих способностей курсантов, их максимальная индивидуализация и дифференциация;
- моделирование задач для самостоятельной работы курсантов, ориентированных на ценностно-смысловые ориентации курсантов, которые они воспроизводят в деятельности;
- привлечение курсантов к обсуждению содержания задач самостоятельного блока в пределах образовательных компонентов;
- привлечение курсантов к выполнению проектов в пределах проблем, над которой работает кафедра.

Итак, в рамках учебного направления деятельности происходит ознакомление с сущностью, содержанием ценностей, их смысловым контекстом во время овладения учебной информацией, организуется эмоциональное «проживание» различных ценностей за счет использования различных технологий смыслового характера.

Реализация социокультурной деятельности становится возможной во время взаимодействия ВООВО с различными социальными институтами, которая имеет значительный аксиологический потенциал. Учитывая это, именно в процессе социокультурной деятельности у курсантов появляется возможность для раскрытия своего внутреннего потенциала, творческих способностей, осознания смысла творчества как ценности-цели и ценности-средства и др.

Следовательно, реализация социально-гуманитарного направления работы направлена на проживание, принятие на внутреннем уровне тех ценностей, которые уже стали известными курсантам, интеграцию их к психологической структуре личности в виде определенных черт и качеств (ответственность, жизненный оптимизм, мобильность и др.).

Модели организации обучения, несмотря на их многообразие, создаются для выполнения двух основных функций:

1. теоретическую - в качестве специфического образа действительности, в котором соединяются элементы логического и чувственного, абстрактного и конкретного, наглядного и не наглядного;

2. практическую - в качестве орудия или средства научного эксперимента в его специфической форме, связанную с использованием материализованных, действующих моделей.

В педагогической литературе представлены другие взгляды на функции теоретических моделей. Так, П. Хагет и Р.Дж. Чорли выделяют следующие функции модели:

- психологическое воздействие – позволяет постичь, вообразить целую группу явлений, которые иначе, из-за своей сложности, остались бы непостижимыми);
- собирательная функция - дает основу для выявления необходимой информации, ее сбора и упорядочения;
- логическая - помогает объяснить конкретное явление;
- нормативная - позволяет сопоставлять явления с другими, знакомыми нам;
- систематизирующая - позволяет рассматривать действительность как совокупность взаимосвязанных систем;
- конструктивная - позволяет создавать теории и познавать законы [15].

Реализация организационной модели формирования ценностного отношения курсантов военного вуза к безопасности военной службы становится возможным путем использования комплекса инновационных педагогических технологий смыслового характера.

Под такими технологиями понимаются педагогические технологии, направленные на максимально диалогическое взаимодействие участников образовательного процесса, взаимообмена между ними ценностями и смыслами, созданию благоприятного социально-психологического, эмоционально насыщенного климата, преобразованию учебных смыслов в потребности, мотивы и жизненные цели курсанта. [16].

Отбор компонентов педагогической системы формирования ценностного отношения курсантов военного вуза к безопасности военной службы в профессиональной подготовке происходит с учетом ведущих положений теории педагогических систем и их моделирования. К структурным компонентам системы причислены: целе-результативный, субъект-субъектный, содержательный, средовый и технологический.

Каждый из компонентов педагогической системы формирования ценностного отношения курсантов военного вуза к безопасности военной службы наполнен соответствующим содержанием.

Так, целе-результативный компонент включает цель и прогнозируемый результат системы (повышение уровня

сформированности ценностно-смысловых ориентаций будущих офицеров);

субъект-субъектный компонент характеризует ведущих субъектов системы и взаимосвязи между ними;

содержательный компонент отражает совокупность направлений деятельности на уровнях:

- проектирования образовательной среды военного вуза;
- научно-методической деятельности профессорско-преподавательского состава;
- учебно-профессиональной деятельности курсантов;

Средовой компонент характеризует комплекс условий и возможностей аксиологично-смысловой образовательной среды как ведущего фактора формирования ценностно-смысловых ориентаций будущих офицеров;

Технологический компонент представляет собой совокупность инновационных педагогических технологий смыслового характера (диалоговая технология, технология решения моральных дилемм, технология развития критического мышления, технология учебного тренинга, технология работы с медиатекстами), используемых на разных этапах работы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой энциклопедический словарь. СПб. 1998. 848 с.
2. A. Rosenblueth and N. Wiener, 1945. p. 316.
3. Гусинский Э.Н., Турчанинова Ю.И. Введение в философию образования. М.: издательская корпорация «Логос», 2000. 224 с.
4. Анохина С.А. Аксиологическая адаптация студентов в вузовской среде: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01. Оренбург, 2015. 275 с.
5. Штофф В.А.: Моделирование и философия. М., Л.: Наука, 1966. 302 с.
6. Новиков А.М. Педагогика: словарь системы основных понятий. Москва: ИЭТ, 2013. 268 с.
7. Ясвин В.А. Образовательная среда: от моделирования к проектированию. М.: Смысл, 2001. 365 с.
8. Рябов В.Б. Концептуальные модели и их использование в прикладных инженерно-психологических и эргономических исследованиях. Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Выпуск 6. М.: Издательство «Институт психологии РАН», 2014. С.285-298.
9. Маврин С.А. Педагогические системы и технологии: Учеб. пособие для студ. педвузов. Омск: ОГПИ, 1993. С.64.
10. Чалый, А.Н. Системный подход как фактор формирования ценностного отношения курсантов к безопасности военной службы / А.Н. Чалый // Развитие высшего образования: теория и практика. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Омск, 2022. С. 117-121.
11. Джуряев Р.Х. Организационно-педагогические основы интенсификации системы профессиональной подготовки в учебных заведениях профессионального образования: Дис. ... док. пед. наук. СПб. 1995. 292с.
12. Чалый, А.Н. (2022) Исследование сформированности ценностного отношения курсантов военного вуза к безопасности военной службы. Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 16, № 3, с. 121–129.
13. Леонтьев, Д.А. Деятельность и потребность / Д.А. Леонтьев // Деятельностный подход в психологии: Проблемы и перспективы Сборник научных трудов АПН СССР / Под ред. В.В. Давыдова, Д.А. Леонтьева. М.: АПН РСФСР, 1990. 180 с.
14. Карпов, А.В. Психология труда: учеб. для студентов вузов, обучающихся по специальности 031000 «Педагогика и психология» / под ред. проф. А.В. Карпова. М.: Изд-во ВЛАДОС-ПРЕСС, 2005. 350 с.
15. Модели в географии. Сб. статей под ред. Р.Дж. Чорли и П. Хаггета. / Пер. с англ. М.: Прогресс. 1971. С.13-14.
16. Приймак, С.В. Педагогические технологии, обладающие значительным аксиологически-смысловым потенциалом / С.В. Приймак, А.Н. Чалый // Совершенствование системы организации повседневной деятельности в соединениях, воинских частях и организациях Министерства обороны Российской Федерации. Проблемные вопросы и пути их решения. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции. Омск, 2022. С. 6-10.

© Чалый Александр Николаевич (alexander-omsk@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

NEO-SEMANTIZATION AS A MARKER OF EVOLUTION VOCABULARY FUND

M. Agoeva
N. Klimova
N. Golik

Summary: This article is devoted to the analysis of neosemantic processes in modern English. The neo-semanticization of language signs, forced by extralinguistic factors, reveals the patterns of vocabulary dynamics due to the activation of internal nominative resources and acts as an indicator of changes in the perception of reality by native speakers, their assessment of the newest fragments of reality. The article postulates the idea that the processes of semantic changes in vocabulary have reached such a scale that they have gone beyond semantic derivation and today may indicate a phenomenon of a more global order – the semantic evolution of the vocabulary.

Keywords: neo-semanticization, vocabulary, semantic derivation, metaphor, Internet communication.

Словарный состав языка непрерывно эволюционирует, отражая изменения в различных сферах жизни общества. Переход человечества к новой фазе развития, получившей название “информационное общество”, вызвал возросшую потребность в номинации вновь возникающих явлений действительности. Семантическое “переосмысление” существующих лексических единиц (другими словами, неосемантизация лексики) в результате выработки новых значений на основе “старых”, закрепленных вербальным знаком, – один из наиболее активно протекающих процессов в современном английском языке. Ресурсы языковой системы ограничены, и единицы вторичной номинации получают дополнительные преимущества, поскольку позволяют использовать слова, уже существующие в языке.

Цель данной статьи – рассмотреть проблему семантических изменений слов в английском языке начала XXI века, установить причины активной неосемантизации и определить ее роль в эволюции лексико-семантической системы английского языка.

НЕОСЕМАНТИЗАЦИЯ КАК МАРКЕР ЭВОЛЮЦИИ СЛОВАРНОГО ФОНДА

Агоева Марианна Муссаевна

кандидат исторических наук, доцент, Пятигорский институт (филиал ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет») marianna_agoeva@mail.ru

Климова Наталья Юрьевна

кандидат исторических наук, доцент, Пятигорский институт (филиал ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет») nazar11081@mail.ru

Голик Наталья Александровна

кандидат филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет» Nataly.PGU@mail.ru

Аннотация: Данная статья посвящена анализу неосемантических процессов в современном английском языке. Неосемантизация языковых знаков, формируемая экстралингвистическими факторами, раскрывает закономерности динамики лексики за счет активизации внутренних номинативных ресурсов и выступает индикатором изменений в восприятии реальности носителями языка, их оценки новейших фрагментов действительности. В статье постулируется идея о том, что сегодня процессы семантических изменений в лексике достигли таких масштабов, что вышли за рамки семантической деривации и могут свидетельствовать о явлении более глобального порядка – семантической эволюции словарного фонда.

Ключевые слова: неосемантизация, лексика, семантическая деривация, метафора, Интернет-коммуникация.

Изменение семантических параметров слова непрерывно фиксируется на протяжении всей истории английского языка, однако под воздействием таких экстралингвистических факторов, как всеобщая цифровизация, активный рост сферы высоких технологий, глобализация и связанные с ней социально-политические изменения, данное явление достигло таких масштабов, что для его обозначения целесообразно введение специального термина – неосемантизация [1, 8, 9]. Проблема неосемантизации лексики находится на стыке неологии и общетеоретических проблем семантики, а лингвистические механизмы неосемантизации соотносятся с такими категориями, как семантическая мотивация, семантическая деривация, вторичная номинация и внутренняя форма слова.

Неосемантизация – один из весьма продуктивных внутренних процессов лексики, отражающий закономерности ее эволюции и динамики путем задействования “дремлющих” ресурсов языка. Семантические неологизмы, наряду с заполнением номинативной ла-

куны, расширяют гамму существующих значений слова и выступают индикатором изменений в восприятии реальности носителями языка, их оценки тех или иных процессов и явлений. Формирование у слова новых ассоциативных связей – результат его эмоционального и интеллектуального переосмысления в связи с появлением нового фрагмента действительности.

Неосемантизация находит отражение в лексикографической практике и неизбежно ведет к разрастанию количества дефиниций слова, их уточнению и корректировке. Согласно лексикографическим данным [16], число слов, получивших дополнительные словарные дефиниции в 2022 году, составляет 700 единиц, а слов, значения которых были пересмотрены и конкретизированы, – 3106 единиц. Неосемантизация, таким образом, расширяет парадигму отдельного слова и помогает избежать количественного разрастания вокабуляра в целом. Это можно рассматривать как одно из проявлений закона экономии языковых средств, компенсирующего асимметрию между ограниченностью языковых ресурсов и безграничным разнообразием сфер человеческой жизни. Так, недавно добавленные значения хорошо известных слов свидетельствуют о «переходе старого опыта в новый как еще одной ступени человеческого познания» [13, с. 14]:

- *fever*, n. 1, sense 3: «интерес к человеку, времяпровождению, событию и т.д., как правило, широко распространенный, но недолговечный; навязчивая идея, повальное увлечение» [19];
- *brown*, adj.: «энергия, произведенная способами, считающимися вредными для окружающей среды; энергия, получаемая из ископаемого или ядерного топлива» [19];
- *bundle*, n.: «набор коммерческих продуктов или услуг, предлагаемых вместе по цене «все включено», обычно со скидкой; набор компьютерного программного обеспечения» [19];
- *edit*, v.: «в молекулярной биологии – изменять ген путем внедрения или замены одного или нескольких нуклеотидов» [19];
- *grasshopper*, n.: «коктейль зеленого цвета» [19];
- *situation*, n.: «трудное, вызывающее беспокойство или проблематичное положение дел или стечение обстоятельств» [19] и др.

Некоторые из приведенных примеров особенно ярко демонстрируют актуальные тенденции развития общества: комплиментарное значение *brown* свидетельствует о поиске альтернативных, чистых, источников энергии; *edit* – о новой ступени развития генной инженерии; *bundle* – об углубляющейся коммерциализации различных сфер жизни.

Учитывая ключевую роль языка в отражении социально-культурных установок, вполне очевидной кажется

активная неосемантизация лексики под влиянием распространенной сегодня в англоязычных странах идеологии «разнообразия, равенства и инклюзивности». Так, единица *woke*, пройдя несколько этапов семантической трансформации, к 2017-му году расширила значение от буквального понимания *woke* как причастия прошедшего времени *wake* («проснувшийся», «в сознании») до значения «осведомленный», «хорошо информированный – в политическом или культурном смысле» [19]. *Woke* в 2023 году воспринимается как лингвистический маркер прогрессивности и социальной справедливости, детерминируя значение «осведомленность и активное внимание к важным общественным фактам и проблемам, особенно к вопросам расовой и социальной справедливости» («aware of and actively attentive to important societal facts and issues, especially issues of racial and social justice») [17].

Одно из недавних изменений в значении слова *pride* (гордость) связано с современным движением за права сообществ «ЛГБТ+»: «мероприятие или серия мероприятий, посвященных празднованию и утверждению прав, равенства и культуры представителей ЛГБТК» («an event or series of events celebrating and affirming the rights, equality, and culture of LGBTQ people») [17]. Аналогичным образом единица *unlabeled* приобрела значение «relating to a person who does not name their gender or sexuality» («относящийся к человеку, который не называет свой пол или ориентацию») [17].

Говоря о неосемантизации лексики, следует остановиться на таком масштабном и беспрецедентном явлении последних лет, как пандемия коронавируса, и его лингвистической интерпретации. Пандемия COVID-19 как глобальное событие XXI века за короткий промежуток времени оказала огромное влияние на политику, экономику, образование, а также на словарный запас всех существующих языков.

Большинство словарей английского языка [17, 18, 19] «по горячим следам» включили в свое содержание единицы и отдельные значения, относящиеся к данной инфекции, – несмотря на то, что доработка и уточнение словарного значения требует гораздо больше времени. Многие ранее известные слова пережили «второе рождение», стали актуальными и нашли чрезвычайно широкое применение. Например, термин *social distancing* («социальное дистанцирование») был впервые зафиксирован в 1957 году и означал «отчуждение от других людей», однако в 2020 году приобрел дополнительное значение: «физическое дистанцирование с целью избежать заражения». Термин *an elbow bump*, появившийся в 1981 году, означал «одобрительный жест, знак приветствия». В период пандемии *an elbow bump* стал означать «жест приветствия, помогающий избежать рукопожатия и возможного заражения». В данном контексте уместно процитировать слова американского лингвиста, который

по данному поводу замечает: “Language usually doesn’t move this quickly. We saw words evolve very quickly, and their meanings have changed almost at the snap of a finger” (“Язык обычно не движется настолько быстро. Мы наблюдали очень быстрое развитие слов, а их значения менялись почти в одно мгновение”) [14].

Одним из основных способов неосемантизации лексики (в том числе периода пандемии) традиционно является метафоризация. Общеизвестно, что суть метафоры заключается в переносе образных схем из одной понятийной сферы в другую. Так, единица *bubble* (пузырь) в период коронавируса означает “удержание вместе небольшой группы людей (чаще, членов одной семьи) от социальных контактов; *pod* (стручок, кокон) означает небольшие группы учащихся (обычно от трех до десяти детей), которые собираются вместе для выполнения заданий. Такие единицы, как *battle*, *front-line*, *natural disaster*, *perfect storm* также приобрели метафоричное значение, связанное с масштабной борьбой с инфекцией.

Тем не менее, в последние десятилетия продуктивность семантических неологизмов определяется, главным образом, такими экстралингвистическими параметрами, как компьютеризация и активное развитие сферы высоких технологий. Глобальная цифровизация и вовлеченность пользователей в единое информационно-коммуникативное пространство в последние десятилетия стали ключевым фактором, определяющим “вектор” развития английского языка. В языковой системе массово распространяются связанные с виртуальной средой тенденции, привычные слова получают новые значения: *cloud* (облако) – “виртуальные, облачные хранилища данных”; *mining* (добыча, разработка месторождений) – технология “добычи” криптовалют; *troll* (тролль) – человек, намеренно провоцирующий других пользователей Интернета и др.

Как видим, формирование виртуальной коммуникативной среды с ее многочисленными жанрами привело к необходимости “изобретения” специального языка, обслуживающего данную сферу. Семантика лексики претерпевает значительные изменения, попадая в Интернет-язык. Вот что по этому поводу замечает английский лексикограф Л. Поттер: «В 1987 году совокупность значений слова *post* сводилась к *почте, столбам и должностям* – ничего общего с тем значением, в котором сегодня каждый день мы используем *post* в социальных сетях; *clicking* означало всего лишь “производить шум”, а не “кликать” на ссылку – *link*, которая ранее означала “соединение, связь”, а не “способ перехода между веб-страницами”; *a thread* – “нить” или “ход рассуждений”, а не “серия онлайн-комментариев» [18].

Анализ фактического материала, отобранного из социальных платформ и тематических сайтов, позволил

установить, что неосемантизация является одним из продуктивных способов пополнения Интернет-терминологии. Так, семантические неологизмы используются для номинации понятий, связанных с новейшими технологичными разработками, с языковым оформлением Интернет-ресурсов, стабильной работой компьютера, программным обеспечением и т.д. Термины, образованные на базе общеизвестных слов, позволяют пользователям ассоциировать незнакомые концепты из сферы высоких технологий с привычными словами: *turtle* (черепаха) – одно из расширений языка программирования «Питон», позволяющее рисовать на экране несложные рисунки; *sandbox* (песочница, лоток с песком) – специально созданная среда для безопасного исполнения компьютерных программ; *playground* (игровая площадка) – программа, с помощью которой пользователи могут сами вносить коррективы в исходный продукт из заданного набора инструментов.

Виртуальная реальность – своеобразный альтернативный мир, позаимствовавший из реальной жизни многочисленные формы социальных отношений: общение, дружба, бизнес и др. Глобальный переход лексики в сферу Интернет-коммуникации привел к ее масштабному семантическому “перерождению” и развитию на ее основе своеобразного Интернет-жаргона. Зачастую накоплению новых значений слова способствует образность лексических единиц. Семантический спектр многих получивших развитие в Интернете слов расширился за счет метафорического использования. Сравним значения некоторых слов до и после распространения Интернета: *follow*: “следовать за кем-либо, чем-либо” → “подписаться на обновления в социальных сетях”; *handle*: “ручка” → “Интернет-ник”, имя Интернет-пользователя в сети; *stream*: “течение” → “прямые трансляции в разного рода видеохостингах” и т.д. Подобного рода Интернет-метафоры целесообразно квалифицировать в качестве неосемантизмов.

По словам И. Мейера, «с эстетической точки зрения метафора усиливает общую “культуру” Интернета; *subculture*, как ее часто называют, управляется молодыми “антиавторитарными” личностями; это культура со своим собственным языком, который избегает тяжелых, научно звучащих терминов в пользу свежести, неформальности, игривости: *snailmail*, *cyberpunk*, *Netsurfing...*» [15].

Неосемантизмы, помимо номинативной функции, выполняют роль дифференцирующей характеристики того или иного Интернет-явления, раскрывая, усиливая его отдельную особенность. Изменение значения служит целям эмоционально-экспрессивной оценки компонентов новых фрагментов действительности, а также концептуализирует представления носителей языка об Интернет-коммуникации в целом и его отдельных свойствах.

Как видим, наблюдаемые сегодня процессы неосемантизации генерируют богатый материал для лингвистических наблюдений, который, возможно, в иных условиях пришлось бы накапливать в течение длительного периода. Активные изменения, влияющие на семантический уровень языковых знаков, вызваны экстралингвистическими факторами последних десятилетий: высокими темпами экономического развития, активными социополитическими процессами, стремительным совершенствованием цифровых инновационных технологий и Интернета, расширением медиапространства и его жанровой дифференциацией. Это свидетельствует о тесной корреляции между возросшей валидностью семантических инструментов для номинации вновь воз-

никающих явлений и переходом человечества на новый виток развития. Именно в данный период в английском языке наблюдается динамичное расширение старых и появление новых областей номинации.

Итак, словарный фонд современного английского языка стремительно обогащается за счет обновления семантической палитры привычных слов. Новые значения отражают ранее неизвестные форматы знаний, новые когнитивные модели и концепции, а также психологические паттерны вербальных реакций на социальные преобразования в глобальном масштабе. Процессы неосемантизации, в конечном итоге, являются индикатором глобальной эволюции лексической системы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабенко Н.Г. Неосемантизация слова «нищеврод» в современной русской речи / Н.Г. Бабенко, Н.Е. Лихина // Научный диалог. – 2019. – № 11. – С. 23-33.
2. Голик Н.А. Вербализация в английском языке: современные тенденции привычного явления / Материалы V международной научно-практической конференции «Язык и культура в эпоху интеграции научного знания и профессионализации образования». – Пятигорск, 2021. Т. 1. №2-1. С. 253-259.
3. Голик Н.А. О влиянии персональных дейктических единиц на построение связного текста / Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. №12 (78): в 4-х ч. Ч.1. С.79-82.
4. Голик Н.А. Продуктивные способы образования языковых инноваций в современном английском языке / Н.А. Голик, Д.В. Котенева // Университетские чтения - 2019: Материалы научно-методических чтений ПГЛУ. – Пятигорск: ПГУ, 2019. – С. 104-106.
5. Голик Н.А. Усечения в современных англоязычных СМИ / Монография. Пятигорск. 2018. 203 с.
6. Голик Н.А. Языковая прагматизация англоязычных СМИ / «Наука в современном мире: поиск инновационных и креативных решений», межвузовский сборник научных и научно-методических трудов. Пятигорск: ПГУ, 2019. – С.39-44
7. Гюрджян Н.С., Джагарян М.В., Карацева Н.В. Когнитивное пространство речевого взаимодействия и речевая трансакция / Университетские чтения – 2020. Материалы научно-методических чтений ПГУ. 2020. С. 87-90.
8. Кипарисов Г.О. Семантические неологизмы: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.01. - Тамбов, 2011. - 23 с.
9. Ловцевич Г.Н. Кросскультурный терминологический словарь как словарь нового типа: на материале английских и русских терминов лингводидактики: автореферат дис. ... доктора филологических наук: 10.02.20. - Москва, 2010. - 39 с.
10. Петренко С.А. О когнитивных основаниях семантической деривации прилагательного deep в английском языке URL: <http://evansys.com/articles/innovatsionnye-vnedreniya-v-oblasti-gumanitarnykh-nauk> (дата обращения: 3.03.2023)
11. Петренко С.А., Петренко А.Ф., Кузнецова М.С. Лингвистическая амбигуентность в шуточных афоризмах английского языка // Гуманитарные исследования. 2019. № 2 (70). С. 48-54.
12. Шайхутдинова Х.А. Языковые механизмы семантических инновационных процессов: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.19 / Твер. гос. ун-т. - Тверь, 2005. - 23 с.
13. Шайхутдинова Х.А. Языковые механизмы семантических инновационных процессов: дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.19 / Твер. гос. ун-т. - Тверь, 2005. - 208 с.
14. Herwick, E.B. (2021). The Pandemic Has Transformed The English Language. [Online], available at: <https://www.wgbh.org/news/news/2021/03/09/the-pandemic-has-transformed-the-english-language> (accessed: 02.12.2022).
15. Meyer, I. (1998). Metaphorical Internet Terms in English and French. [Online], available at: <https://news.collinselt.com/tag/dictionaries/> (accessed: 7.03.2023).
16. <https://www.dictionary.com/>
17. Merriam Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/>
18. Online Collins Dictionary. – URL: <http://www.collinsdictionary.com/>
19. Oxford English Dictionary URL: www.oed.com
20. The Research and Development Unit for English Studies– URL: rdues.bcu.ac.uk
21. Urban Dictionary URL: <http://ru.urbandictionary.com/>
22. Word Spy. URL: <http://www.wordspy.com/>
23. <https://www.Reddit.com/>
24. www.Fuzzster.com
25. www.UGame.net

© Агоева Марианна Муссаевна (marianna_agoeva@mail.ru), Климова Наталья Юрьевна (nazar11081@mail.ru), Голик Наталья Александровна (Nataly.PGU@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ГОТИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ В ПОВЕСТИ В. КОРОТКЕВИЧА «ДИКАЯ ОХОТА КОРОЛЯ СТАХА»

THE GOTHIC TRADITION IN V. KOROTKEVICH'S STORY "KING STAKH'S WILD HUNT"

**S. Budekhin
A. Druzhinina**

Summary: The article deals with the genre features of V. Korotkevich's story "King Stakh's Wild Hunt". The focus of the study is the chronotope, as well as the motives, themes and system of images of the work, which are viewed through the prism of the Gothic literary tradition. Using a comparative typological approach, the author characterizes the reasons for the Belarusian writer's appeal to history, folklore, mythology and folk traditions, and also traces common typological features between the poetics of the story «King Stakh's Wild Hunt» and the programmatic works of English pre-romanticism and romanticism.

Keywords: Korotkevich, "King Stakh's Wild Hunt", chronotope, Gothic tradition, mythologization.

Будехин Сергей Юрьевич

Кандидат филологических наук, доцент, Московский государственный лингвистический университет;
Доцент, Российский государственный университет им.
А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)
sergey.budekhin@mail.ru

Дружинина Алина Алексеевна

Ассистент, ФГАОУ ВО Национальный исследовательский технологический университет «Московский институт стали и сплавов»
druzhinina.alina@gmail.com

Аннотация: В статье рассматриваются жанровые особенности повести В. Короткевича «Дикая охота короля Стаха». В фокусе исследования находится хронотоп, а также мотивы, темы и система образов произведения, которые рассматриваются сквозь призму готической литературной традиции. Применяя сравнительно-типологический подход, автор характеризует причины обращения белорусского писателя к истории, фольклору, мифологии и народным традициям, а также прослеживает общие типологические черты между поэтиками повести «Дикая охота короля Стаха» и программными произведениями английского предромантизма и романтизма.

Ключевые слова: Короткевич, «Дикая охота короля Стаха», хронотоп, готическая традиция, мифологизация.

Введение

Поэт и писатель Владимир Семёнович Короткевич (1930-1984) сыграл выдающуюся роль в формировании историко-культурного дискурса в белорусской и советской литературе XX в. Он является автором многочисленных прозаических и драматических произведений, в сюжетах которых центральное место отведено образу белорусского народа, народной культуре и истории. К самым известным таким произведениям автора можно отнести: романы «Нельзя забыть» («Нельга забыць», 1962), «Колосья под серпом твоим» («Каласы пад сярпом тваім», 1964), «Христос приземлился в Гродно» («Хрыстос прызямліўся ў Гародні», 1966), «Чёрный замок Ольшанский» («Чорны замак Альшанскі», 1979); повести «Дикая охота короля Стаха» («Дзікае паляванне караля Стаха», 1958) «Седая легенда» («Сівая легенда», 1961), «Ладья Отчаяния» («Ладдзя Роспачы», 1964); пьеса «Колокола Витебска» («Званы Віцебска», 1974) и др.

Такой глубокий интерес к народной истории, внимательная и кропотливая работа в исторических архивах, вплетение исторических сюжетов в ткань художественного повествования позволяют в известной степени называть Короткевича преемником романтической традиции В. Скотта. В своем творчестве Короткевич ссылается

на важные вехи в истории Великого княжества Литовского и Речи Посполитой. Он художественно реконструирует этот период, вплетая в ткань своих произведений миф о становлении белорусской нации. В совокупности творчество В. Короткевича можно метафорически назвать энциклопедией белорусской жизни с присущей ей колоритом и своеобразием.

Элементы романтизма и предромантизма в повести

По мнению белорусского культуролога Павла Банцевича, обращение Короткевича к истории, фольклору, мифологии и документальной реконструкции можно считать значительным вкладом в сохранение нравственно-этических народных ценностей. Внимательное исследование, проведенное Короткевичем в области истории белорусского народа и его традиций, создает в художественном пространстве произведений автора патристический пафос, что уже в свою очередь, позволяет рассматривать самого В. Короткевича в качестве субъекта культуры. «Национальная идентичность как культурообразующий фактор, а также необходимость интерпретации народной традиции, как в общеславянском, так и в европейском контексте, становятся для писателя основным ориентиром [Банцэвіч, 2007, С. 75]. Руководствуясь

исторической памятью и стремясь к романтическому, легендарно-фольклорному осмыслению прошлого, писатель предложил совершенно новое, реконструированное видение белорусского прошлого, придав ему форму, которую можно считать абсолютно новой для советской литературы. Более того, Короткевичу удалось мастерски соединить в своих произведениях (прежде всего прозаических) специфические жанровые черты исторического, детективного и авантюрного романов.

Повесть В. Короткевича «Дикая охота короля Стаха», опубликованная в 1964 г., представляет собой оригинальный пример совмещения жанров приключенческой прозы и детектива. В комментариях к книге от издательства «Речь» 2017 г. дается жанровая характеристика повести – это «исторический социально-психологический детектив, в котором достоверно показана общественная атмосфера на белорусских землях во второй половине восемнадцатых годов 19го века» [Короткевич, 2017, С. 270].

Повесть построена как исторический документ, где Андрей Белорецкий, будучи в преклонном возрасте, пишет летопись давно минувших дней своей юности и уверяет читателя в ее достоверности. Через столкновение различных исторических пластов (XVII и XIX в.) В. Короткевич анализирует прошлое и по-философски размышляет над настоящим и будущим. Литературовед Шинкаренко отмечает, что «мифотворчество по-разному проявляется на разных этапах развития национальных литератур. Тем не менее оно всегда плодотворно служит действенным средством познания не только прошлого, но и настоящего, а также помогает предсказать будущее. Благодаря обращению к наиболее значимым национальным мифам талантливый писатель способен создать новую эстетическую реальность, в которой через убедительные художественные образы и другие приемы и средства поэтической системы утверждаются гуманистические идеалы и отвергаются их антиподы, прослеживаются судьбоносные моменты отечественной истории. [Шинкаренко, 2005, С. 40].

Уже во введении мы обнаруживаем элемент авторской игры с читателем. Словами рассказчика он сообщает о некоей удивительной истории, похожей на выдумку. Автор делает попытку создать ощущение подлинности истории (т.е. сконструировать миф), сообщая читателю, будто удивительная история произошла с рассказчиком на самом деле, просит положиться на его слово. Слово должно быть тем более убедительно, что в процессе развития сюжета мы узнаем, что рассказчик не только человек чести, но и ученый-фольклорист, что, по мнению автора, должно было придать его словам большей объективности и достоверности.

Начало повести призвано погрузить читателя в историко-культурный контекст жизни белорусского народа в 1880-е годы. Главный герой (он же рассказчик) пан Ан-

дрей Белорецкий рассуждает о нелегкой судьбе белорусского народа, о его культуре и обычаях. На границе экспозиции и завязки автор в очередной раз вступает в игру с читателем, намеренно сообщая о «суровом реализме» рассказчика, о том, что он «не большой охотник до романов в духе мадам Радклиф» [Короткевич, 2017, С. 31]. Этой ремаркой он, с одной стороны, напоминает читателю о приверженности принципам соцреализма, с другой – открывает для своего нарратива более широкий круг художественных возможностей. Данный момент в повествовании становится переломным, поскольку именно с упоминания одной из ярчайших личностей в истории готического романа начинается, по утверждению самого автора, резкая смена «тона повествования». Реалистическая картина уступает место мистической и романтической.

Между тем романтическое в герое начинает проявляться с первых страниц повести и будет преобладать на всем ее протяжении. Романтический идеал свободы (личной и народной) обнаруживается в самоидентификации героя, который относит себя к «красным» [Короткевич, 2017], т.е. к социально-демократическому общественно-политическому крылу. На протяжении всего повествования мы видим множество философских отступлений, размышлений и искренних душевных переживаний рассказчика по поводу доли, свободы, печалей и бедствий белорусского народа. Такой нарратив позволяет провести параллели с темой национально-освободительной борьбы в творчестве Байрона. Романтический дух присутствует в повести буквально с самых первых страниц. Уже во введении в речи старика-рассказчика жизненный оптимизм переплетается с романтической тоской по ушедшей возлюбленной. Эта элегичность передается стихотворением П.Б. Шелли [Короткевич, 2017, С. 6]:

Тьма удушила
Теплоту скрипичных тонов,
Если двое навек разлучились,
То не нужно ласки и слов.

Ещё одним элементом «игры в романтизм» в повести является профессия главного героя, Белорецкий – фольклорист [Короткевич, 2017]. Хорошо известно, что интерес к изучению народной истории, народных традиций, обрядов и легенд – один из ключевых признаков романтизма в литературе.

В первой главе рассказчик сообщает нам о своем профессиональном интересе, связанном с поиском и сохранением элементов белорусской народной культуры. Рассказчик классифицирует народные легенды, разделяя их на две группы. Первые распространены среди большей части народа (легенды об ужиной королеве, о янтарном дворце), вторые «прикованы к какой-либо одной местности» (напр., «легенда о Машеке»). Именно за второй группой легенд «охотился» рассказчик.

Дом-замок как центральный элемент готического хронотопа

В поиске таких легенд ученый-фольклорист Андрей Белорецкий отправляется в путешествие по глухим уголкам Беларуси. Пейзаж местности, по которой едет герой, напоминает по его же словам, «страшные сказки» [Короткевич, 2017, С. 26]. Переломный момент в путешествии, а заодно и в тоне повествования (реализм повествования временно уступает место пропитанной фантастикой детективной интриге) происходит темной ночью. Непогода мешает кучеру разглядеть дорогу, и герой решает довериться инстинкту лошадей. Развитие дальнейших событий наводит на мысль, будто автор переносит своего героя через невидимый портал, перемещает его из привычной ему городской цивилизации в романтический мир, где оживают древние легенды, которые Белорецкий так стремился обнаружить, но совсем не ожидал оказаться одним из участников подобных событий.

Кони выносят его к большому фамильному дому Надежды Яновской. Этот старый огромный дом, похожий на замок, совсем не производил впечатления уютного жилого пространства, скорее он напоминал мрачную тюрьму. Законы рода не позволяли Надежде покинуть дом, где все убранство и, особенно, мрачные портреты предков напоминали о родовом проклятии, тяжелым бременем лежавшем на плечах девушки. Надежда в своем собственном доме оказывается в роли несчастной заложницы или пленницы. Хозяйка дома отмечает его неуютность, заброшенность, мрачность, архитектурный стиль, который делает здание похожим на «замшелую, старую берлогу» [Короткевич, 2017, С. 48].

Состояние имения и территории вокруг него свидетельствует об упадке, пейзаж унылых болот, тьма и холод наводят рассказчика на мысль о схожести местной природы со знаменитым сумрачным лесом, предвещающим «Ад» «Божественной комедии» Данте. И действительно, вскоре мы узнаем, что Яновская в свои 18 лет не живет, а существует в адском ожидании собственной смерти, она, как отмечает автор, «живой труп» [Короткевич, 2017, С. 45], а ее дом – «трухлявый гроб» [Короткевич, 2017, С. 212]. Многочисленные упоминания автора об упадке и разрухе в имении когда-то сильного и процветающего шляхетского рода подчеркивают мысль Короткевича о вырождении дворянства, о его паразитическом положении в Российской империи конца XIX века.

Дом Яновской является не просто местом, в котором разворачиваются события повести, это центральный элемент хронотопа произведения, на многих уровнях обнаруживающий типологические сходства с традиционным готическим хронотопом. Этот древний дом – своего рода полуразрушенный замок, в темных коридорах и потайных комнатах хранит вековые тайны своих хозяев из родовитого шляхетского сословия.

Несчастливая девушка, хозяйка усадьбы – не единственная обительница дома, в нем пан Белорецкий встречает хитрую экономку, не производящую впечатления заботливой и честной прислуги, а также подозрительно управляющего Бермана. Помимо существ из плоти и крови, неожиданно для себя Белорецкий обнаруживает присутствие сверхъестественных существ – уродливого малого человека и призрачной голубой женщины, как две капли воды похожей на хозяйку дома, – приводящих в ужас даже такого рационалиста, как он.

Однако не это пугающее соседство было для молодой хозяйки самым тяжелым бременем. Сам дом, по ее словам, «тянет из людей жизнь». Такое описание дома дает рассказчик: «Огромные мрачные залы с трескучим паркетом, сумрак по углам, вечный сквозняк, запах пыли и мышей и холод, что леденеет сердце... холод, которого не выгнать даже каминными, горящими день и ночь» [Короткевич, 2017, С. 19]. Такое описание центрального локуса повести позволяет обнаружить параллели с описанием интерьера старинного замка Удольфо, созданного на страницах готического романа «Тайны Удольфского замка» А. Рэдклиф. Использование Короткевичем элементов готической поэтики в своем произведении скорее всего связано с его замыслом привлечь внимание читателя к центральному элементу хронотопа – дому Яновских, – который символизирует прошлое со всеми его страшными тайнами, насилием и угнетением по имущественному, родовому, сословному и половому признакам.

Готические мотивы родового проклятия, страшной тайны и «девушки в беде»

Героиня произведения – Надежда Яновская – последний прямой потомок старинного аристократического рода и наследница имения Болотные Ели. Белорецкий при знакомстве с хозяйкой усадьбы обнаруживает ее в крайне истощенном эмоциональном состоянии. Он узнает, что девушка живет в постоянном ожидании смерти. Над ее головой якобы висит древнее родовое проклятие, причиной которого является ужасный предательский поступок ее далекого предка Романа Яновского, жившего на этих же землях в XVI веке.

Согласно легенде, обнаруженной в библиотеке имения, в погоне за властью и богатством Роман решил предать своего близкого друга Станислава «Стаха», который был предводителем восстания белорусской и литовской аристократии против короля Речи Посполитой, провозгласив себя законным претендентом на трон Великого княжества Литовского. Роман пригласил Стаха в свою усадьбу под предлогом совместной охоты. Однако во время привала в ходе охоты отравил друга, а своим людям приказал перебить весь отряд Стаха. Перед смертью Стах успевает проклясть Романа и весь его род до двенадцатого колена, пообещав являться в виде своры

диких призрачных всадников, мчащихся на адских конях и уничтожающих все объекты своей дьявольской мести.

Если в описании имени Яновских готический фон только начинает проявляться, условно готический хронотоп повести только формируется, то рассказ Бермана о стародавнем проклятии рода Яновских однозначно создает готический дискурс, который будет пронизывать весь сюжет произведения Короткевича. С этого момента градус напряжения и атмосфера пугающего будут только нарастать.

Отметим, что мотивы родовой тайны и древнего фамильного проклятия являются традиционными для произведений литературной готики. Корни проклятия Яновского лежат в западно- и северо-европейском фольклорном мотиве Дикой Охоты, которая обычно изображается как группа призрачных всадников, ведущих в безумной погоне охоту за душами людей. Согласно скандинавским, немецким, а также славянским мифам, появление Дикой Охоты предвещало глобальную катастрофу, такую как война или чума, или же как минимум сулила смерть тому, кто стал случайным свидетелем этой призрачной кавалькады: «Двадцать всадников на вороных дрыгантах... Главный всадник мчится впереди всех... Не бряцают мечи, не ржут молчаливые кони... Реют гривы, болотные огни сияют под ногами» [Короткевич, 2017, С. 45].

В повести мотив дикой охоты появляется не только для создания мистической атмосферы и нагнетания ужаса. Древняя легенда позволяет В. Короткевичу погрузиться в прошлое с его тайнами и нравами. Дикая охота окутана мрачной таинственностью, Андрей Белорецкий подробно описывает свое состояние необъяснимой тревоги перед встречами с дикой охотой. Герой характеризует охоту как «оно». Появлению охоты всегда предшествуют определенные звуки – сотрясающаяся земля и топот копыт. Туман, укрывающий землю, способствует созданию атмосферы сверхъестественного.

Короткевич, вводя в ткань сюжета данный фольклорный мотив, колоритным образом формирует иррациональное и хаотическое начало, противопоставленное рациональному и просветительскому началу, возглавлять которое отводится главному герою. Подавляющие волю, требующие кровавой жертвы традиции темного прошлого сталкиваются в повести с прогрессивными и человеколюбивыми стараниями Андрея Белорецкого, стремящегося опровергнуть тёмные суеверия. Другими словами, общинно-родовые и патриархальные традиции, воплощенные в Дикой охоте, вступают в жесткую борьбу с демократическими и гуманистическими ценностями.

Сюжет повести разворачивается на двух уровнях – общественном (исследуется судьба белорусского народа) и частном (история Нади Яновской). Конфликт героя с

дикой охотой мастерски встроен в обе сюжетные линии, которые в процессе развертывания неоднократно переплетаются. Однако, по замыслу автора, именно в этом причудливом переплетении общественного и частного, судьбы народа и отдельного человека, просвещенных людей и простого народа, в их взаимодействии и равноправном сосуществовании заключаются возможности для победы не только над древним проклятием, но и над отжившим свое несправедливым общественно-политическим укладом.

Однако, в начале повести Надежда живет в парадигме родовых и патриархальных ценностей, она отстранена от народа, а он от нее. Последствия затворнической жизни отражаются не только на ее психологическом состоянии, но и на ее внешности. При первой встрече с Надей Белорецкий с жалостью отмечает противоречивость ее образа: «Черты лица были выразительны, резко очерчены, такие правильные, что пригодились бы как образец даже великому скульптору. И всё-таки я не думаю, чтобы какой-либо скульптор соблазнился бы лепить из нее Юнону: редко мне случалось видеть такое неприятное жалкое лицо... Бедняга была дьявольски некрасива». Как он выяснит позже губительное влияние на красоту бедной девушки оказала безрадостная одинокая жизнь в большом и древнем родовом доме, а также бесконечный страх перед ужасным смертельным проклятием. Надя была уверена, что, будучи последней из Яновских, она должна заплатить жизнью за преступление, совершенное ее дальним предком.

Подобно Эмили – героине готического романа А. Рэдклиф, – Надя является сиротой, вынужденной мириться с несвободой, жить в заточении. Сходства двух образов обнаруживается также в их склонности к экзальтации – посторонние шорохи, скрип полов и др. ужасает героиню, приводит в трепет. Однако, существуют и отличия между героинями. При создании образа Нади автор, очевидно воспользовался архетипическим мотивом, часто эксплуатируемым в литературной готике, а именно – *damsel in distress* (девушка в беде). Эмилия чаще всего действует самостоятельно, для Нади же роль благородного спасителя играет Андрей Белорецкий.

Помимо дикой охоты в повести присутствует еще два якобы сверхъестественных элемента: ночью по коридорам дома ходят таинственный Малый Человек и призрак Голубой женщины, которые наводят ужас на обитателей «замка». Однако наиболее сильный эффект они оказывают на хозяйку дома, что приводит к ее психическому расстройству (позже читатель узнает, что девушка страдает лунатизмом).

Легенда о дикой охоте короля Стаха, рассказанная Андрею Белорецкому управляющим, мотивирует героя рационально истолковать загадочные происшествия и

спасти несчастную девушку. Пытаясь докопаться до истины, раскрыть суть происходящего в Болотных Елях с рациональных позиций, герой примеряет на себя роль сыщика. Вместе с получением новой роли главным героем трансформируется и жанровая сущность произведения – готическая повесть уступает место детективу.

Образ злодея в повести

Существенные расхождения с «готическим каноном» повесть Короткевича обнаруживает в образе злодея. Егор Дуботок – опекун Нади, уже пожилой и грузный мужчина, живущий в имении неподалеку. Подобно готическим злодеям Рэдклиф и Льюиса, он состоит в относительном родстве с угнетаемой им девушкой. Однако, классический готический злодей, как правило, харизматичный мужской персонаж – это тиран, получающий удовольствие от безоговорочной власти над своей жертвой (обычно беззащитной девушкой). Им владеют безудержная страсть и непомерное тщеславие, по этой причине готического злодея невозможно «спрятать» в сюжете произведения, такая фигура должна привлекать к себе внимание читателя, стоять наряду с «готическим замком» в центре готической повествовательной конструкции.

В рассматриваемой повести злодей неявный, большую часть сюжета он скрыт под маской доброжелательности и, забавной нелепости, что определенно отличает его от готических злодеев вроде Амброзио («Монах»), Монтони («Тайный Удольфского замка») и др. Отличает его также и мотивация к совершению преступления. Дуботок не интересуется властью над жертвой, он не испытывает к ней сексуального влечения. Его цель – получить имение, – слишком меркантильна, мелка, достойна скорее обычного грабителя или разбойника, но не титанической фигуры готического злодея. Однако ради удовлетворения своих меркантильных интересов, он и его приспешники – обедневшие шляхтичи – наряжаются всадниками дикой охоты и по ночам выезжают на болота близ дома Яновских, чтобы наводить ужас на бедную девушку и, в конце концов, свести ее в могилу. Такой сюжетный ход не свойственен для литературной готики рубежа XVIII-XIX вв., более вероятным источником вдохновения

для Короткевича при создании образа злодея представляется повесть А. Конан Дойля «Собака Баскервилей». Отказывая Дуботок в чертах титанической личности готического злодея, автор демонстрирует свое отношение ко злу как к явлению низкому, отвратительному, свойственному лишь трусам, негодьям и, даже не людям, а зверям. Неслучайно все отрицательные персонажи повести наделены чертами животных: Дуботок сравнивается с медведем, у Вороны говорящая фамилия и черные безжизненные блестящие глаза, Маленького Человека автор сравнивает с обезьяной или жабой, у Бермана пальцы, как змеи, а описывая внешность Гарабурды, автор употребляет слово «морда» [Короткевич, 2017, С. 165].

Заключение

Таким образом, опираясь на перечисленные выше умозаключения, отметим, что в повести Короткевича обыгрываются многие художественные элементы эстетики и поэтики английского предромантизма и романтизма рубежа XVIII-XIX вв. Помимо прочего, следуя традициям «сентиментальной готики» А. Рэдклиф, в финале повести сверхъестественное у В. Короткевича получает вполне рациональное объяснение. Злодеи оказываются разоблачены и наказаны, а благодетельные герои вознаграждены семейным счастьем.

Отметим, что интерес к готическому не затухает и в современной белорусской литературе и искусстве. С конца 80-х гг. XX в. писатели пробуют экспериментировать, вводя в свои произведения сверхъестественные элементы («Кукла» Н. Костюкевича, «И тогда я умер» А. Козлова). Не только Короткевич, но и другие белорусские писатели скорее использовали в своем творчестве поэтику готики и отдельные ее образы, чем полностью подражали всей системе художественно-изобразительных возможностей этого направления. Наиболее вероятной причиной обращения к готическому видится стремление белорусских писателей обратиться к народной истории, создать национальный белорусский миф, используя проверенную временем и привлекательную для читателя форму готического романа или готической повести.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адамчык В.У. Беларуская літаратура XIX-XX стагоддзяў: час і асобы: вучэб. дапам. / Г.К. Тычко. Мінск: Беларускае дзяржаўнае ўніверсітэцкае культурнае і мастацтваў, 2010. – 267 с.
2. Банцэвіч П. К. Творчасць У. Караткевіча ў кантэксце культуралогіі: монографія. Гродна, 2007. – 310 с.
3. Короткевич В.С. Дикая охота короля Стаха. СПб: Речь, 2017. – 279 с.
4. Шинкаренко В.Д. Смысловая структура социокультурного пространства: миф и сказка. М.: URSS, 2005. – 208 с.

© Будехин Сергей Юрьевич (sergey.budexin@mail.ru), Дружинина Алина Алексеевна (druzhinina.alina@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МОНОЛОГИЧЕСКОЕ ВЫРАЖЕНИЕ И РЕШЕНИЕ ВНУТРЕННЕЙ КОНФЛИКТНОСТИ ПЕРСОНАЖА В ПОТОКЕ СОЗНАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА В.В. НАБОКОВА «ОТЧАЯНИЕ»)

Ван Мэйянь

Аспирант, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский
государственный университет»
13811952892@163.com

MONOLOGICAL EXPRESSION AND
SOLUTION OF THE CHARACTER'S
INTERNAL CONFLICT IN THE STREAM
OF CONSCIOUSNESS (BASED ON
THE MATERIAL OF V.V. NABOKOV'S
NOVEL "DESPAIR")

Wang Meiyang

Summary: The article is devoted to the study of monological ways of interpreting and solving the internal conflict of a character in the stream of consciousness. The concept is defined and the phenomenon of stream of consciousness is characterized as a special type of monologue of a character in a literary text. The features of the verbalization of mental activity and psychology of the character by the stream of consciousness are highlighted, such as continuity, density, passivity, randomness and associativity. Examples of the stream of consciousness of the main character Herman in V.V. Nabokov's meta-novel «Despair» are selected and linguistic expressions and means of implementing and solving internal conflicts of the character are analyzed. Oppositional parameters are revealed in the stream of consciousness: priori / posteriori, one's own / someone else's, individual / social, abnormal / normative and abnormal decisions of the character. The monological methods and linguistic means of expressing and solving the internal conflict in the stream of consciousness of the character are generalized.

Keywords: stream of consciousness, monologue, internal conflict, character, literary text.

Аннотация: Статья посвящена изучению монологических способов интерпретации и решения внутренней конфликтности персонажа в потоке сознания. Определено понятие и охарактеризовано явление поток сознания как особый тип монолога персонажа в художественном тексте. Выделены особенности вербализации мыслительной деятельности и психологии персонажа потоком сознания, такие как непрерывность, плотность, пассивность, хаотичность и ассоциативность. Отобраны примеры потока сознания главного персонажа Германа в метаромане В.В. Набокова «Отчаяние» и проанализированы языковые выражения и средства реализации и решения внутренних конфликтов персонажа. Выявлены в потоке сознания оппозиционные параметры: априорный / апостериорный, свой / чужой, индивидуальный / социальный, аномальный / нормативный и аномальные решения персонажа. Обобщены монологические способы и языковые средства выражения и решения внутреннего конфликта в потоке сознания персонажа.

Ключевые слова: поток сознания, монолог, внутренний конфликт, персонаж, художественный текст.

Поток сознания как особый тип монологической речи персонажа в художественном тексте представляет собой, в большинстве случаев, воспроизведение текущих и неконтролируемых мыслей, воспоминаний, фрагментов сна или бреда. Поток сознания — это сцепление хаотичных фрагментов мыслей и ассоциаций, он может быть достаточно длинным и трудно-воспринимаемым читателями.

Поток сознания как технический перевод непосредственных мыслей и чувственных образов персонажа на словесный язык [Черевко, Рягузова 2018: 164-165] выделяется своей пассивностью [Андреева 2013: 11], непрерывностью, плотностью, хаотичностью и ассоциативностью [Черевко 2018: 297]. В потоке сознания вербализируется психология персонажа и детализируется полная картина его внутреннего мира [Черныш 2000: 47].

Поток сознания не только изображает внутренний мир персонажа, но и частично воссоздает внешнюю среду. При этом связь персонажа с художественным миром восстанавливается и сохраняется целостность монологического облика персонажа. С.С. Хоружий выделяет три главных элемента потока сознания: 1) основа — главная тема, развиваемая сознанием; 2) внешние вторжения в основу — отклик сознания на восприятия внешнего мира; 3) внутренние деформации основы — магнитные аномалии сознания. Весомое значение уделяется третьему элементу потока сознания, так как глубокие воспоминания, устойчивые ассоциации, навязчивые идеи и свойственные комплексы присутствуют в сознании персонажа всегда и всюду, могут проявиться когда угодно и где угодно, что тем самым создает силовые поля и образует его внутреннюю геометрию [Хоружий 1994: 113]. Из этого вытекает принцип ассоциативного построения

потока сознания в художественном тексте. Ассоциации эффективно показывают скрытые связи между феноменами мира в сознании [Едошина 2002: 234].

С.Г. Вайтман характеризует эпизод субъективного осмысления событий в прерывной синтаксической структуре текста, который начат в одном месте, продолжен то там, то здесь и завершен в третьем месте [Вайтман 2001: 355-356]. Г.В. Оттенс определяет такое построение текста потока сознания как принцип нелинейности. По принципу нелинейности используются экспрессивные синтаксические способы создания динамичности, импульсивности и выразительности мыслительного процесса, многоуровневой пространственной структуры смыслов и разноместной контекстуальной имплицитной связи [Оттенс 2012: 96].

Поток сознания открывает новые возможности для понимания способов создания образа персонажа в творчестве В.В. Набокова. Писатель высказал некоторые критические замечания к существующим способам фиксации мыслительного процесса персонажа в современной западной литературе. Так, в лекции по зарубежной литературе, отмечая специфику изображения потока сознания в художественном произведении, В.В. Набоков указывал на стилистическую условность в передаче мышления персонажа, поскольку человек думает не только словами, но и образами. Вместе с тем, в потоке сознания, по мнению Набокова, перемежаются текущие и устойчивые мысли, закрепившиеся в памяти, однако в письменном воспроизведении мыслей, где большая роль отводится типографскому знаку, обычно смазан временной элемент. Выразительность и реалистичность в изображении потока сознания писатель связывал с отбором и регистрацией в произведении отдельных мыслей персонажа, представляющих субъективный взгляд с его позиций [Набоков 1998: 390].

При реализации потока сознания, художественный текст из повествования о жизненных фактах и событиях персонажа переходит в эссеистический, импрессионистический пересказ сюжета его духовной жизни, при этом внутренняя личность персонажа становится и объектом изучения, и главной движущей силой монологического повествования. В статье для отбора анализируемых фрагментов были использованы следующие параметры изображения потока сознания персонажа в метаромане В.В. Набокова «Отчаяние»: 1) специфическая передача свободной, неорганизованной и непрерывной мысли персонажа, ее пассивность, плотность, хаотичность и ассоциативность; 2) отражение импрессионистического мышления, которое представлено описанием ощущений или чувств по отношению к реальной или воображаемой ситуации, а также воспроизведение процесса памяти или сна; 3) переплетение внутренних голосов персонажа, представляющих собой одновременно тща-

тельное планирование и рефлексия, лишенных порядка и логичности с периодическим вмешательством разновременных соотношений.

В метаромане В.В. Набокова «Отчаяние» Герман, возмнивший себя художественным гением, рефлексировал по поводу своего текста, роли писателя и собственного преступления – убийства мнимого двойника, оправдывает и обосновывает отличающие от социума собственные восприятия действительности и самооценки путем психологических механизмов защиты [Король, Малимонов, Рахинский 2015: 52].

В обращенном к читателям размышлении персонажа о собственном писательском творчестве выявляется несоответствие эффекта совершаемого действия с его первоначальной целью:

*Да, пусть, шалость пера, но как вы удивитесь сейчас, когда скажу, что пошлятину эту я **писал** в муках, с ужасом и скрежетом зубовным, яростно **облегчая себя и вместе с тем сознавая, что никакое это не облегчение, а изысканное самоистязание** и что этим путем я **ни от чего не освобожусь, а только пуще себя расстрою** [Набоков 2020: 112].*

Осмысление персонажем творческого процесса дифференцируется формами глаголов прошедшего и будущего времени: *писал, ... облегчая себя ... сознавая ...; не освобожусь, себя расстрою*. В этом эпизоде представление о времени передано не только формами глагола, но и окказиональными способами. Так, настоящее время *сейчас* соединяется с будущим *удивитесь*, обозначая момент речи, а будущее время представлено имплицитно в несоответствии проективных, еще не существующих, оценок романа *пусть, шалость пера, пошлятина* и связанных с творчеством эмоциональных затрат: *писал в муках, с ужасом и скрежетом зубовным, яростно облегчая себя*. В противопоставлении *не облегчение, а изысканное самоистязание* оксюморон *изысканное самоистязание* (*изысканное* – утонченное, изящное) является метафорической антитезой, в которой переосмысляются оба члена словосочетания, и с психологической точки зрения представляет собой образный способ разрешения логически не объяснимой ситуации. Контрадикторность смыслов в сознании персонажа поддержана экспрессией синтаксических параллелизмов в контрастной дизъюнкции: *и вместе с тем..., что никакое это не..., а... и... ни от чего не..., а только...* В потоке сознания внутренний конфликт персонажа, оценивающего психологические противоречия творческого процесса, находит парадоксальное самооправдание для дальнейшего усиления душевного напряжения.

В потоке сознания противопоставляются ролевые ожидания персонажа и его взаимоотношения с окружающим миром:

Ведь мне, в моем положении, **следовало бы действовать, волноваться, петлить...** **Прямой опасности нет, конечно**, – и я полагаю, что такой **опасности никогда не будет**, – но все-таки странно – сиднем сидеть и писать, писать, писать или же подолгу думать, думать, думать, – что, в общем, то же самое. И чем дальше я пишу, тем яснее становится, что я этого так не оставлю, договорюсь до главного, – и уже **непрерывно, непрерывно опубликую мой труд, несмотря на риск**, – а впрочем, и **риска-то особенного нет**: как только рукопись **отошлю – смоюсь; мир достаточно велик**, чтобы мог **спрятаться** в нем **скромный, бородатый мужчина** [Набоков 2020: 159].

Персонаж в роли преступника отмечает социальное стереотипное предположение о себе: *следовало бы действовать, волноваться, петлить*, сослагательное наклонение показывает условность и ложность представления. И в роли писателя он экспрессивно отрицает такое представление — *прямой опасности нет и опасности никогда не будет*, отрицания в настоящем и будущем времени актуализируют последнее умозаключение персонажа. Персонаж предвидит риск в публикации своего труда, где описан процесс планирования и убийства своего мнимого двойника, но специально игнорирует и отрицает его при включении механизма психологической защиты, а именно отрицания: *непрерывно, непрерывно опубликую мой труд, несмотря на риск; риска-то особенного нет*. Повтор наречия *непрерывно* в его решении и уступительные конструкции *несмотря на; особенного нет* противопоставляются по нарастанию и убыванию модальности речи и демонстрируют релятивное оценочное предпочтение персонажа. Глаголы совершенного вида *отошлю; смоюсь* выражают принятые персонажем решения после сопоставительного рассмотрения взаимоотношения с окружающим миром: *мир — велик; спрятаться — скромный*. Персонаж специально не замечает негативные элементы, присутствующие в размышлении о вопросе безопасности и упорно настаивает на своих позитивных представлениях, что свидетельствует о деструктивности его решения внутреннего конфликта.

В данном фрагменте потока сознания персонажа конфликтуют и перемежаются его мысли о корыстности и бескорыстности:

<...> авторские же, платимые страховым обществом, были в моем сознании делом второстепенным. О да, я был художник бескорыстный... Что же касается страховых тысяч — Знаю, знаю, – оплошно с беллетристической точки зрения, что в течение всей моей повести (насколько я помню) почти не уделено внимания главному как будто двигателю моему, а именно корысти... Но тут меня берет сомнение, уж так ли действительно владела мною корысть, уж так ли мне было важно получить эту довольно двусмысленную сумму (цена

человека в денежных знаках, посильное вознаграждение за исчезновение со света), – или, напротив, память моя, пишущая за меня, не могла иначе поступить, не могла – будучи до конца правдивой [Набоков 2020: 180-181].

В сознании персонажа происходит сдвиг апостериорного предпочтения бескорыстности к априорному выбору корыстности способом психологического механизма защиты сублимации: переключение деятельности логики на деятельность памяти в трансформации вытесненного, социально-неодобряемого человеческого качества *корыстность* в приемлемую персонажем истину. Логические умозаключения характеризуют временной и условно-предположительный идентификаторы ирреальности: *были; был; как будто; уж так ли действительно; уж так ли мне было важно*. А индуктивные выводы интерпретируют настоящая и будущая временные формы: *что же касается; берет сомнение; будучи*, также и экспрессивные подтверждения *знаю, знаю; именно; довольно; главный; до конца правдива*. Конечный выбор персонажем корыстности показывает деструктивность его способа регулирования внутреннего конфликта.

В эпизоде потока сознания персонажа, размышляющего о собственной безопасности после совершенного убийства, противопоставлены объективные суждения о реальных фактах и его субъективные убеждения:

Для меня, в смысле моей безопасности, важно следующее: убитый не опознан и не может быть опознан. Меж тем я живу под его именем, кое-где следы этого имени уже оставил, так что найти меня можно было бы в два счета, если бы выяснилось, кого я, как говорится, угробил. Но выяснить это нельзя, что весьма для меня выгодно, так как я слишком устал, чтобы принимать новые меры. Да и как я могу отрешиться от имени, которое с таким искусством присвоил? Ведь я же похож на мое имя, господи, и оно подходит мне так же, как подходило ему. Нужно быть дураком, чтобы этого не понимать [Набоков 2020: 196].

В размышлении персонажа объективные факты изложены ретроспективно предикатами прошедшего времени *следы оставил, кого угробил, устал, присвоил, подходило ему*, а также сослагательным наклонением *найти меня можно было бы* и условной конструкцией *если бы выяснилось*, которые подчеркивают нереальное или возможное действие. При этом субъективные убеждения персонажа выражены в настоящем времени и представлены как общефактические: *убитый не опознан и не может быть опознан; выяснить это нельзя; похож на мое имя; оно подходит мне*. Речевая тактика самоубеждения реализуется в сознании персонажа при помощи аргументации, представляющей собой психологические механизмы защиты, выраженные отрицанием *не может быть; нельзя*, рационализацией *я слишком устал, чтобы принимать новые меры*; завышением самооценки *Да*

и как я могу отрешиться от имени, которое с таким искусством присвоил? и необоснованным утверждением *Ведь я же похож на мое имя, господи, и оно подходит мне так же, как подходило ему.*

Экспрессивные средства аргументации, такие как наречие *слишком*, местоимение в значении усиления степени качества с *таким искусством*; усилительные частицы *да, же* и риторический вопрос, служащий для эмоционального утверждения, реализуют коммуникативную установку убеждения и способствуют вытеснению в сознании персонажа общепринятого мнения субъективным, неоспоримым которого аргументируется обобщенной сентенцией – *Нужно быть дураком, чтобы этого не понимать.* Предельная самоуверенность и утверждение собственного превосходства свидетельствуют о деструктивном выходе персонажа из внутреннего противоречия.

В потоке сознания персонажа конфликтуют его представления о собственном поведении в ситуации возможного разоблачения:

Мне бы скрываться, а я лезу на самое, так сказать, видное место, трудно было лучше выбрать. Но я устал; чем скорее все это кончится, тем лучше [Набоков 2020: 212].

Противопоставление в сознании персонажа гипотетической необходимости *скрываться* и характеристики собственного поведения, представленного образным самоощущением *лезу на самое ... видное место*, получает в сложившейся ситуации ироническую оценку *трудно было лучше выбрать*. Признание *я устал* показывает неспособность к дальнейшей борьбе и следствием этого психологического состояния становится обобщенный вывод, выражающий эмоциональное желание: *чем скорее все это кончится, тем лучше*. Повтор наречия *лучше* в ироническом контексте, где меняет свое значение на антонимичное, и в выводе из размышлений, где представлено иррациональное желание, свидетельствует о деструктивном разрешении внутреннего конфликта.

В потоке сознания персонажа осуществляется двойственная самоидентификация личности:

Французы! Это всего лишь репетиция. Держите полицейских. Сейчас из этого дома к вам выбежит знаменитый фильм-актер. Он ужасный преступник, но ему положено улизнуть. Просьба не давать жандармам схватить его. Все это предусмотрено сценарием [Набоков 2020: 219].

Двойственность личности персонажа воплощается в антитезах его образов (*актер – преступник*), полярных оценочных описаний (*знаменитый – ужасный*), модальных оттенков обращения от побудительности до просьбы (*держите полицейских – просьба не давать*

жандармам схватить его) и релятивной значимости объекта (*всего лишь — все это*). В рефлексии о своей роли и деятельности, персонаж включает психологическую защиту с помощью фантазии, в которой трансформирует социально-неприемлемое и несоизмеримое в нормативное и предусмотренное: *всего лишь репетиция, положено улизнуть, предусмотрено сценарием*. В конце концов, внутренняя двойственность персонажа регулируется его аномальной самоидентификацией личности.

В потоке сознания внутренний конфликт Германа формируют его идентификационные оппозиции, включающие эмпирические аспекты самопознания: *априорный / апостериорный, свой / чужой, индивидуальный / социальный, аномальный / нормативный*. Внутренние представления о себе и собственной идентичности, неподтверждаемые реальностью, окружением, вызывают внутреннее рассогласование. Конфликт персонажа разрешается иррационально сознательным выбором собственных аномальных убеждений вместо общепринятых социально-нормативных положений.

В потоке сознания устранение внутренней конфликтности персонажа характеризуется экспрессивностью выражения, аномальностью выбора и деструктивностью эффекта. Языковыми средствами, формирующими аномальные решения персонажа, являются актуализация временной формы и глагольного вида предикации; фиктивная конструкция условно-предположительного сравнения; параллелизм контрастной дизъюнкции; союз, соединяющий пропорционально сопоставляемые компаративы; прилагательное и наречие большей или высшей степени; усилительная частица; риторический вопрос; сравнительное утверждение или отрицание в антиномических оценках; оценочная поляризация релятивной значимости мысленных антитез; нарастание или убывание модальных оттенков речи; речевые акты уступки и самозащиты в различных действиях механизмов психологической защиты.

В потоке сознания механизмы психологической защиты служат самоубеждению и оправданию собственных аномальных позиций, отличающихся от социальных стереотипов восприятия действительности, что характеризует деструктивность их эффекта. Среди этих средств особое значение приобретают замещение (внимание персонажа переключается на писательское творчество); рационализация (обосновываются беспочвенные субъективные мнения); вытеснение (отмечается приоритетность самооценок над стереотипными оценками); отрицание (игнорируется негативное ощущение и положение); регрессия (формируется импульсивное отношение к саморазвитию); сублимация (трансформация в памяти социально-неодобряемых понятий в лично-одобряемые истины) и фантазия (переключение сознания

на воображаемые сценарии).

Таким образом, в метаромане В.В. Набокова «Отчаяние» главный персонаж Герман, размышляя о статусе писателя и о возможности сопоставления творчества

и преступления, вписывает свой поток сознания в собственную повесть, в которой убеждает себя и публику в правдоподобии сходства с двойником, в целесообразности и виртуозности преступления, в гениальности и превосходстве своего творчества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева О.Л. Лексико-грамматические особенности внутреннего монолога на материале романа Т. Хюрлимана «Фройлайн Штарк». Краснодар, 2013. – С. 11.
2. Вайтман С.Г. Метаморфозы художественной мысли XX века // Континент. 2001. № 2. – С. 354-356.
3. Едошина И.А. Художественное сознание модернизма: истоки и мифологемы: монография. М., Кострома: Изд-во КГУ, 2002. – 250 с.
4. Король Л.Г., Малимонов И.В., Рахинский Д.В. Конфликтология. Учебное пособие. Ульяновск, 2015. – С. 47-61.
5. Набоков В.В. Лекции по зарубежной литературе / Пер. с англ. под редакцией Харитоновой В.А.; предисловие к русскому изданию Битова А.Г. — М.: Издательство Независимая Газета, 1998. – 507 с.
6. Набоков В.В. «Отчаяние»: роман – Азбука, Азбука-Аттикус (Азбука-классика). СПб., 2020. – С. 21-219.
7. Оттенс Г.В. «Поток сознания» как повествовательная техника художественного модернистского произведения // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Хабаровск, 2012. № 2. – С. 92-99.
8. Черевко Г.В. Функция внутренней речи в рассказе В.В. Набокова «Совершенство». Краснодар, 2018. – С. 296-301.
9. Черевко Г.В. Рязгузова Л.Н. Прием «потока сознания» Л.Н. Толстого в теоретической и художественной рефлексии В. Набокова. Краснодар, 2018. – С. 164-165.
10. Черныш И.В. Удивительная бумага. АСТ-ПРЕСС. М., 2000. – 158 с.
11. Хоружий С.С. «Улисс» в русском зеркале культуры. М.: Тетра, 1994. – 245 с.

© Ван Мэйянь (13811952892@163.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Санкт-Петербургский государственный университет

СПЕЦИФИКА РАБОТЫ ТЕЛЕВИЗИОННОЙ РЕДАКЦИИ В НЕСТАНДАРТНЫХ УСЛОВИЯХ

Габидуллина Эльза Фрусмановна

Кандидат филологических наук, доцент, Высшая школа гуманитарных наук, ФГБОУ ВПО «Югорский государственный университет»
Elzagabigros@mail.ru

THE SPECIFICITY OF THE WORK OF THE TELEVISION EDITORIAL UNDER NON-STANDARD CONDITIONS

E. Gabidullina

Summary: Journalists around the world have put a lot of effort into providing the people of the planet with comprehensive and up-to-date information about the global pandemic caused by the COVID-19 virus. Reliability, intelligibility, morality, essential usefulness and sincerity in the presentation of information played an important role in the non-standard period of the planet's life. It was not an easy task to create television programs that would reduce the level of tension and stress in the audience.

This article is about the preparation of morning programs during an unfavorable epidemiological situation. About what useful methods of work the pandemic taught journalists, hosts, editors of the program.

Keywords: television, editorial office, pandemic, remote work, TV program, journalist.

Аннотация: Журналисты всего мира прикладывали много сил, чтобы предоставлять людям планеты исчерпывающую и актуальную информацию о глобальной пандемии, вызванной вирусом COVID-19. Достоверность, доходчивость, нравственность, насыщенная полезность и искренность подачи информации играли важную роль в нестандартный период жизни планеты. Стояла непростая задача создавать телепрограммы, которые снижали бы уровень напряженности и стресса у аудитории. О подготовке утренних программ в период неблагоприятной эпидемиологической ситуации данная статья. О том каким полезным приемам работы научила пандемия журналистов, ведущих, редакторов программы.

Ключевые слова: телевидение, редакция, пандемия, дистанционная работа, телепрограмма, журналист.

Журналистика, это одна из самых сложных многообразных по функциям, сферам деятельности, способам взаимодействия с аудиторией профессия [1]. Одним из характерных ее качеств является быстрый темп работы, высокая степень стрессовости, напряженности и адаптационной неопределенности, риска [2]. Эту парадигму профессии в полной мере подтвердил период пандемии, когда журналисты всего мира, несмотря на сложности информационной работы в период глобальной эпидемии, ежедневно информировали людей, предоставляя необходимую актуальную жизненно важную информацию. Контент был, несомненно, связан с пандемией, вызванной вирусом COVID-19, но и другим содержанием, не менее важным для организации повседневной жизни человека. Также было важно найти тот формат общения с человеком, который бы снижал уровень напряженности и стресса у аудитории.

Двухлетний период всемирного стресса утомил аудиторию потоком тревожной информации с одной стороны. С другой стороны, в этих условиях вырабатывалась резистентность к такому типу новостей. Люди переставали эмоционально воспринимать даже самые страшные картины пандемии, которые транслировались в эфире, даже привыкали к ежедневной гибели многих людей. Объективно, в период мировой тревожности зритель стремится к просмотру телепрограмм, которые,

хоть как-то, помогают человеку отвлечься от проблем и получить жизненно необходимый эмоциональный отдых. Качественная подготовка рекреативных программ и реализация релаксационной функции телевидения в период пандемии имели важное значение. Наиболее востребованным стал информационно-развлекательный формат передач, которые традиционно и в своем большинстве выходят в утреннее время суток.

Пандемия, несомненно, внесла коррективы в методику подготовки информационно-развлекательных программ на федеральном и региональном телевидении. С 2020 года стал активно применяться удаленный труд, когда для соблюдения карантинных мер, работодатели предлагали работникам работу из дома. О временной дистанционной работе зашла речь в ситуации объявления режима повышенной готовности, с целью снижения количества контактов, в том числе на рабочих местах, для предотвращения распространения опасного вируса.

С одной стороны удаленный вариант работы исключал опоздания на работу, затраты на дорогу, расходов на питание вне дома, но возникали и юридические сложности реализации в жизнь этого формата работы человека, в том числе и журналистов. Оперативно были внесены изменения в главу 49.1 Трудового кодекса РФ. С 1 января 2021 года эти изменения трудового законодательства

вступили в силу в части совершенствования правового регулирования дистанционной работы. (Федеральный закон от 08.12.2020 №407-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс РФ в части регулирования дистанционной (удаленной) работы»).

В окружной телерадиокомпании «Югра» (г. Ханты-Мансийск) приказ об удалённой работе действовал с 31 декабря 2020 года. Нормы организации деятельности соблюдались согласно постановлению Правительства автономного округа. Средства массовой информации Югры вошли в перечень непрерывно действующих предприятий. Сотрудники окружной телекомпании получили возможность работать дистанционно. Для перевода журналиста на дистанционную работу, было необходимо предоставить индивидуальный график работы и совместить его с графиком редакции.

Следует отметить, что федеральная и региональная власть и законодатели адекватно и быстро отреагировали на изменившиеся условия хозяйственной и трудовой деятельности в стране, связанной с профилактикой распространения новой коронавирусной инфекции.

В рамках данной статьи рассмотрена организация работы в нестандартных условиях информационно-развлекательной программы «С 7 до 10» окружной телерадиокомпании «Югра» в период пандемии 2020- 2021 годов. Программа «С 7 до 10» выходила и выходит в эфир на телеканале «Югра» в прямом эфире пять раз в неделю по будням и специализируется на различных социально-значимых темах. Ее ведущие чередуются. У передачи «говорящее название» - оно указывает на время выхода программы в эфир. Хронометраж программы 3 часа. За 20 лет существования менялись рубрики, частично корректировался формат. Гости программы – интересные люди, творческие, профессионалы своего дела. В структуру программы традиционно входят самостоятельные репортажи, каждые полчаса врезается блок новостей и прогноз погоды. П.М. Суворов, руководитель отдела, так характеризует замысел и задачи этой программы: «Это путеводитель по сегодняшнему дню в Югре. Ее информационная составляющая – это анонс ближайших значимых событий в нашем округе, обзор прошедших событий и их прикладное значение для жителей нашего региона».

Следует выделить несколько этапов в создании выпуска программы.

Первый этап - допроизводственный. На этом этапе идет коллективный поиск и разработка тем, написание сценария. Во время пандемии допроизводственный этап остался практически без изменений, только теперь корреспонденты стали продюсерами своих материалов. Сами искали людей, готовых стать стримерами. Перво-

начально стримерами называли людей, которые ведут онлайн-трансляции в интернете и зарабатывают наравне с блогерами. Ведущим также приходилось искать героев, которые были готовы выйти в прямой эфир через веб-камеру своего компьютера, так как находиться в студии было запрещено, и даже ведущие «держали» социальную дистанцию в студии, располагаясь по разные стороны стола.

После того, как каждый корреспондент получал свою тему и написал примерный сценарий, начинается второй этап подготовки – поиск и подготовка информации к тематическому сюжету, съемка рабочего материала, подготовка закадрового текста, написанию синопсиса сюжета, прежде всего, для оператора.

Синопсис – важный элемент в подготовке сюжета, а значит и самой программы в целом. Работа оператора тесно связана с работой корреспондента. Работа телеоператора важная и ответственная составная часть процесса подготовки к эфиру журналистского материала. Яркий, профессионально снятый видеоряд зрители запоминают надолго.

Во время пандемии именно на втором этапе подготовки материала к эфиру произошли основные изменения. Сбор и поиск информации остался прежним, а написание сценария и синопсиса ушли из повседневной работы журналиста, поскольку стример сам занимался съемочным процессом и написанием текста. На этом этапе корреспонденту-продюсеру было необходимо дистанционно контролировать стримера в подборе информации, в выборе места для съемок (чаще всего это была его квартира), проговорить заранее написанный текст, чтобы не допустить грамматических, стилистических и других ошибок при озвучивании сюжета или выступления в кадре.

Некоторые корреспонденты, которые после пандемии остались работать в удалённой форме – сами стали стримерами. Для них этап поиска информации остался неизменным, как и написание синопсиса, лишь работа с видеотехникой не является обязанностью стримера, эту работу профессионально выполняет телеоператор. Однако, минимум знаний по смежной профессии, учитывая необходимость постоянного контакта корреспондента и оператора, режиссера монтажа, в силу командной работы, необходим. А во время эпидемии самостоятельные съемки, в некоторой степени, научили операторской работе и укрепили полученные навыки.

После того, как материал был снят, корреспондент писал текст, который обязательно должен был проверить редактор. Закадровый текст мог быть написан и согласован с редактором и заранее, до съемок. Зачастую, весь съемочный процесс проходил «одним кадром». Изменил-

ся и вид самого текста. Если ранее корреспонденту нужно было оформлять текст в соответствии с полным перечнем правил, которые установлены в телекомпании, то в особый период работы прежде всего требовалась оперативность и лаконичность текста. Обычным явлением была отправка редактору, так называемого «голового текста». Нередко кадры, которые использовались для сюжета брались из открытых источников, были динамичны и привлекательны, хорошо дополняли текст, поэтому зритель не испытывал дефицит видеоряда. И в этом заслуга журналиста.

Третий этап подготовки материала к эфиру - монтаж телепрограммы. С помощью инструментов монтажа достигается нужная атмосфера телепрограммы, используется музыкальное оформление, цветовое решение, спецэффекты. Здесь как до, так и во время пандемии все осталось без изменений. Корреспонденты из дома, пересылали отснятые материалы на почту монтажера вместе со сценарием. Далее, все оставшиеся вопросы обговаривались по телефону. Готовый материал отправлялся назад, на почту корреспондента, для просмотра и согласования с монтажером. В некоторых случаях, корреспондентам приходилось монтировать сюжет самостоятельно, а монтажер поправлял картинку, дополнял сюжет музыкой и компьютерной заставкой.

Все три этапа подготовки программ остались и в период удаленной работы журналиста. Формат удаленной работы корреспондента всегда требует большой организованности, ответственности и оперативности. Поскольку объем работы увеличивается, рамки рабочего времени размыты в течение суток.

До пандемии, программа «С 7 до 10» насчитывала 15 постоянных рубрик. У каждой из них есть «говорящий» заголовок, к примеру: «Кино в Югре», «Сердитый репортер», «Приехать в Югру, чтобы...», «Югра в деталях», «Утренний инструктор», «Югорский колорит», «Команда», и так далее. Во время пандемии активно создавались рубрики. Особенности этих рубрик состояла в том, что для них видеoinформацию можно было сделать быстро, информативно, легко, без участия людей и экспертов, а иногда и операторов. Активно создавались авторские рубрики. Родилась рубрика «Виртуальный мир», где журналист рассказывал, как и чем себя можно занять во время изоляции от мира, рассказывал об индустрии компьютерных технологий и видеоигр.

Во время пандемии, тематика телеутра на канале «Югра» вышла за рамки развлекательного жанра. Тематика программы становилась актуальными новостями, истории о людях и их судьбах, научные открытия и в медицине в первую очередь, бытовые стандартные и нестандартные ситуации, новости из мира культуры и искусства, даже готовились постановочные сюжеты. Современные информационные технологии и качественное техническое

оснащение региональной компании предоставляли такие возможности: видеосвязь, звонки в прямом эфире, подпитка видеоматериалами из сети интернет. Ежедневно в эфире могли появляться новые гости, это эксперты, шоу-звезды и просто интересные люди отовсюду из Югры и не только. К особенностям работы в период эпидемии можно отнести то, что журналисты окружной телекомпании теперь могли искать героев в любой точке мира благодаря интернету, даже вопреки информационной политике региональной телекомпании.

К новым методам подготовки программы, которые появились во время пандемии, можно отнести удаленную форму общения с гостями и активное участие в нем стримеров. «Стримить» можно было всё, начиная с рукоделий, путешествий, приготовления еды и заканчивая видеоиграми. Как оказалось, телевизионный формат оказался здесь органичен. Традиционно стримеры ведут разговорные трансляции по интересам. YouTube, Twitch, а также ВКонтакте и Instagram их популярные площадки. В этом формате работает часто обычно один человек, но иногда работает целая команда стримеров, которая состоит из ведущего, продюсера и оператора. Формат и тематика стриминга, как правило, соответствует формату «развлекательного контента» и в контекст информационно-развлекательной программы вписывается органично. Ещё до пандемии в программе «С 7 до 10» были рубрики, где ее ведущий, который под руководством продюсера, а в нашем случае корреспондента, выполнял определенные действия. Например, в постоянной рубрике «Утренний инструктор» работал тренер, который показывал зрителям упражнения для зарядки или повар, который делился рецептами блюд, в рубрике «Кино в Югре» тоже всегда был ведущий, который рассказывал про новинки кино. Если убрать две переменные из съемок материала – продюсера и оператора, то вполне получится такой же стример, который сам делает видео.

С наступлением коронавирусных мер, всем уже привычные ведущие рубрик работали по принципу стриминга. Изменений не так много, действия одни и те же, только теперь продюсер на телефоне, а вместо оператора – своя камера смартфона. Доброжелательное, бодрое настроение сюжетов и рубрик не изменилось. Ведущий стрима все также улыбчиво встречал утренних гостей со словами «Доброе утро», зрители уже привыкли к некачественной картинке, рейтинги программ от этого не падали, а повышались. Некий домашний антураж добавляла и заставка программы, визуально связанная с «домашним очагом». Нередко героями сюжетов становились те, кто жил рядом с тобой, прежде всего члены семьи.

Изменился формат работы ведущих в студии. Они держали социальную дистанцию, показывая пример зрителю. Не говоря об этом вслух, показывали важность дистанции.

Большая работа велась и в социальных сетях, куда приходило много вопросов. Они озвучивались в эфире при беседах с экспертами и прежде всего, связанные с темой коронавирусной инфекции.

Количество тем и инфоповодов для журналистских материалов не уменьшилось. Однако, если в обычной жизни телеканала это было освещение международных, региональных событий, проводимых в округе, таких как, к примеру, международный фестиваль кинодебютов «Дух Огня», мировой и российский биатлон, форумы, то в период пандемии – это онлайн-мероприятия. Например, онлайн-экскурсии, которые проводились в музеях, галереях, библиотеках Югры. Благодаря такой интернет-возможности программа сохраняла функцию «путеводителя».

Региональное телевидение всегда отличалось своим бережным отношением к зрителю. Корреспонденты старались выбирать темы, которые не усиливали напряжение в обществе, а, наоборот, могли отвлечь от тяжелых мыслей и немного расслабить. Например, темы о спорте, о животных, о приготовлении блюд. Важно отметить, что каждая тема по-прежнему должна была быть полезной и информационно насыщенной. Были темы, которые старались не затрагивать. Например, случаи гибели людей в период пандемии. Слово «карантин» журналисты старались не произносить часто в эфире, но актуальная тема корректно всегда присутствовала в формате рубрики «Будь здоров!». Систематически использовалось прямое включение с директором департамента здравоохранения округа, который отвечал на часто задаваемые вопросы телезрителей.

К наиболее популярным рубрикам, которые активно использовались в эфире во время пандемии, можно отнести рубрику «Югра в деталях» и «Югорский колорит». Опять же были внесены коррективы в методику ее подготовки, в данном случае изменился жанровый подход. Если до пандемии создавались расширенные репортажи об уникальных выставках, значимых мероприятиях, то теперь создавались очерки о художниках и их картинах, о национальных умельцах из коренных народов Севера и их работах.

Структура программы в этот период ограничивалась шестью рубриками, которые было легче подготовить в режиме изоляции, это: «Югра в деталях», «Югорский колорит», «Утренний инструктор», «Будь здоров!», «Персональный счёт» и «Виртуальный мир». После пандемии вернулись прежние 9 рубрик.

Некоторые формы работы, которые были изобретены при особом режиме подготовки программ, остались и работают сейчас. Например, остались стримеры, осталось включения гостей эфира по Viber. Появилось больше оперативности с помощью удаленных интернет-включений,

коллаборация с радиоэфиром, где ведущие обсуждают разные жизненные вопросы, формат позволяет продвигать обе редакции. Ситуация с пандемией помогла обратить внимание на новые инструменты работы.

Когда прошел первый шок, связанный с пандемией, и появились методы борьбы с ней, в эфире стали появляться сюжеты, которые описывали последствия коронавируса, не оставляя безысходности. Например, в одной из рубрик «Персональный счёт», корреспондент рассказывал о том, как во время пандемии выживал югорский бизнес, какие стратегии и схемы удалось найти предпринимателям.

По возможности поддерживался информационно-развлекательный формат программы. Сюжеты и беседы также выходили в эфир в позитивном тоне, что должно было положительно влиять на человека и настраивать его на новый день. Как и до пандемии, в программе транслировались музыкальные клипы.

Описываемый период привнес в работу редакции новые жанры, форматы работы и инструменты, которые связаны с оперативностью в работе, качеством подачи информации.

В качестве рекомендаций и обобщения приобретенного опыта редакции в период нестандартной работы телекомпании следует отметить, что очень важно в момент изоляции находить творческих людей, которые смогли бы делать контент на расстоянии, или прямо из дома. Поэтому, использование стримеров можно отнести к успешным наработкам и выходу из особой телевизионной ситуации. Это сотрудничество хорошо себя проявило и его можно рекомендовать другим редакциям. Если сотрудничество будет налажено успешно, то снимать материалы можно будет и после улучшения эпидемиологической обстановки.

Кроме того, журналисту нужно обеспечить строгую самодисциплину и наладить контакты с теми, кто работает в офисе. При выстроенной в правильном ключе работе, даже удаленный работник не будет выпадать из единого непрерывного телевизионного процесса. А используя современные инструменты и технические средства можно обеспечить неограниченный приток информации для подготовки сюжетов к эфиру.

Также важно повышать компетенции корреспондентов. Если корреспондент сможет совместить деятельность продюсера, оператора и монтажера, то вполне успешно можно работать и дистанционно, поскольку многие подготовительные процессы в редакции не требуют присутствия в офисе: подготовка сценария, написание необходимых текстов и его редактирование. Эти работы можно сделать из дома. Также и текст для бегущей

строки можно отправить в отдел графики по электронной почте. Монтаж несложных сюжетов можно делать по подробному плану удаленно, при сложных темах присутствие корреспондента на монтаже необходимо.

Журналисту лучше всего поддерживать прежний режим труда и отдыха, четко делить свой день, а также квартиру на рабочие зоны и зоны отдыха. Планёрки и звонки лучше всего проводить в привычное для этого время, а если сотрудник работает удалённо, то важно обеспечить ему прямое подключение к редакции. Важно удерживать качество подготовленных к эфиру материалов и кадровых текстов.

Создавать контент необходимо ориентируясь на текущие запросы аудитории. Тяжелые темы во время пандемии минимизировать и преподносить, по возможности, без интонаций безысходности. Даже в такой непростой ситуации, как пандемия, можно найти множество интересных позитивных тем, прежде всего из области культуры. Это выставки и концерты, спектакли, ми-

ровые кинопремьеры, музыкальные новинки и гастролы звезд. Также можно рассказать в сюжетах о последних инновациях в мире медицины и образования, информационных технологиях, о самых заметных и просто любопытных событиях в Югре и за ее пределами.

В период неблагоприятной эпидемиологической обстановки и других нестандартных ситуаций важно активное взаимодействие с аудиторией, особенно в социальных сетях. Лучше всего проводить интерактивы, отвечать на любые, даже самые трудные вопросы и транслировать их в прямом эфире программы.

Создание телепрограмм – это всегда результат коллективного труда. Каждый член редакции – часть большого, единого и слаженного механизма, который не прекращает информационную работу в любой ситуации. А информирование населения в сложные периоды жизни общества было и остается стратегической задачей государства и профессиональной заботой о человеке редакций СМИ и журналистов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Профессия журналист. Учебное пособие/ Л.Г. Свитич.-М.:Аспект Пресс, 2003._255 с., с.63 .
2. Профессия журналист. Учебное пособие/ Л.Г. Свитич.-М.:Аспект Пресс, 2003._255 с., с.61 .
3. Сайт телекомпании Югра [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.ugra-tv.ru/>
4. Федеральный закон от 08.12.2020 №407-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс РФ в части регулирования дистанционной (удаленной) работы».

© Габидуллина Эльза Фрусмановна (Elzagabigros@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТРАНСФОРМАЦИЯ СЮЖЕТА «КРАСАВИЦА И ЧУДОВИЩЕ» В РОМАНЕ «ДЖЕЙН ЭЙР» Ш. БРОНТЕ

Завершинская Елена Александровна

Кандидат филологических наук, доцент, Кулбышевский
филиал Новосибирского государственного
педагогического университета
lensvet73@mail.ru

TRANSFORMATION OF THE PLOT "BEAUTY AND THE BEAST" IN THE NOVEL "JANE EYRE" BY SH. BRONTE

E. Zavershinskaya

Summary: This article is devoted to the study of the connections of the world plot «Beauty and the Beast» with the novel Sh. Bronte "Jane Eyre". At the same time, the variation of the motif of beauty and the motif of ugliness in the text of the work is considered. The purpose of the work is to identify the parallels of folklore and novel plots, on the basis of which to describe the transformation of the plot "Beauty and the Beast" in the novel of the English writer, to describe the variants of the motives of beauty and ugliness. The research material was a group of fairy tales about a stepmother and stepdaughter, the English version of the fairy tale «Bluebeard» and the text of the novel "Jane Eyre". In the course of comparative study, the variation of the motives of "beauty-ugliness" was revealed, the implementation of the folklore plot in the English novel was considered. Using an analytical method, the author traces the connections of the author's novel with folklore texts, which makes it possible to interpret the famous work in a new way. It is concluded that the novel is based on Sh. Bronte's «Jane Eyre» is the plot of "Beauty and the Beast".

Keywords: motive, plot "Beauty and the Beast", Sh. Bronte, "Jane Eyre".

Аннотация: Данная статья посвящена изучению связей мирового сюжета «Красавица и чудовище» с романом Ш. Бронте «Джейн Эйр». Одновременно рассматривается варьирование мотива красоты и мотива безобразия в тексте произведения. Цель работы – выявить параллели фольклорного и романного сюжетов, на основании чего описать трансформацию сюжета «Красавица и чудовище» в романе английской писательницы, описать варианты мотивов красоты и безобразия. Материалом исследования послужили группа сказок о мачехе и падчерице, английский вариант сказки «Синяя борода» и текст романа «Джейн Эйр». В ходе сравнительно-сопоставительного изучения выявлено варьирование мотивов «красота-безобразие», рассмотрена реализация фольклорного сюжета в английском романе. Используя аналитический метод, автор прослеживает связи авторского романа с фольклорными текстами, что позволяет по-новому интерпретировать известное произведение. Делается вывод, что в основе романа Ш. Бронте «Джейн Эйр» лежит сюжет «Красавица и чудовища», дополненный вариациями мотивов «красота-безобразие».

Ключевые слова: мотив, сюжет «Красавица и чудовище», Ш. Бронте, «Джейн Эйр».

На протяжении 20 века в литературоведении обсуждался и обсуждается до сих пор вопрос о существовании в мировой литературе ограниченного количества сюжетов: «...люди склонны находить занимательными и, следовательно, рассказывать друг другу одни и те же типы историй» [6].

Сюжет о красавице и чудовище на протяжении веков существует в мировой культуре. Одним из первых наиболее известных реализаций этого сюжета является сказка Апулея об Амуре и Психее. В последующие века в литературе предлагались различные варианты этого сюжета. Пример одной из трансформаций находим в романе Ш. Бронте «Джейн Эйр».

Внимание английской писательницы к сказочным сюжетам отмечали исследователи отмечали неоднократно. Так, например, Э. Васильева отмечает: «Шарлотта Бронте достаточно рано оценила те возможности, которые открывало инкорпорирование известных сказочных сюжетов в реалистический роман» [2].

Сюжет романа можно соотнести с сюжетами несколь-

ких сказок: первая часть романа (с начала повествования и до выхода Джейн Эйр из пансиона) строится по типу сказок о «Мачехе и падчерице». Внутри второй части (Джейн в поместье мистера Рочестера и до конца романа) можно увидеть сюжет двухходовой сказки, строящейся по типу «Красавица и чудовище».

Рассмотрим первую часть. В сказках подобного типа сирота остается на попечении некровной родственницы, чаще всего мачехи, имеющей своих собственных детей. «Мачеха дурно обращается с падчерицей, эксплуатирует ее, изводит, с этой целью изгоняет в лес во власть лесных демонов, которые иногда мыслятся ее родичами», – пишет Е.М. Мелетинский [8, с. 38]. В лесу или каком-либо ином эквиваленте другого мира девушка встречает волшебное существо, которое устраивает ей смертельное испытание. В романе альтернативой сказочному лесу выступает Ловудская школа, которая славится необыкновенно большим количеством детских смертей. Кроме того, голод Ловуда соотносят его с пространством смерти. Роль волшебного существа на этом этапе играет Мисс Темпл – директриса Ловуда: «Ее дружба и общество служили глав-

ным моим утешением – она была для меня матерью, гувернанткой, а в последние годы – и задушевной подругой» – вспоминает Джейн [1].

В сказке о мачехе и падчерице, как правило, есть еще один персонаж, который выступает в роли испытуемого на равных с главным героем, но этого испытания не выдерживает. Если в традиционной сказке – это родная дочь (или дочери) мачехи (лжегероиня), то у Бронте – это подруга Джейн – Хелен Бернс, чье пребывание в школе заканчивается смертью. Хелен нельзя назвать лжегероиней, она вызывает только симпатии, но она не выполняет тех правил и уроков, которые требуют учителя: «...я небрежна, я забываю правила, я читаю, когда мне следовало бы учить уроки, я непоседлива и иногда я вроде тебя говорю, что не способна вытерпеть подчинение строгому распорядку». Именно поэтому ее испытание заканчивается смертью [1].

Итак, первая часть романа – это сказка о сироте. Со сказками типа «Мачеха и падчерица» роман сближает и система персонажей: героиня остается с мачехой в сказке и неродной тетушкой в романе. И у той, и у другой есть собственные дочери, которые помогают тиранить героиню и в сказке, и в романе. Однако в отличие от сказочного сюжета в романе появляется дополнительный персонаж, необходимый для активирования второго сюжета – «Красавица и чудовище» – это Джон Рид: *«Ты не смеешь брать наши книги; мама говорит, что ты приживалка»,* обращаясь к Джейн, говорит Джон [1].

Джон для Джейн становится воплощением ужаса и кошмара: *«Джон питал очень мало любви к матери и сестрам, а ко мне – живейшую антипатию. Он издевался надо мной и бил меня. <...> Бывали минуты, когда я совсем терялась от ужаса, который он мне внушал»* [1].

Таким образом, оформляется оппозиция Джон – Джейн, и если Джону достается роль чудовища, то следует ожидать, что Джейн достанется быть красавицей. Однако, вопреки ожиданиям этого не происходит. «... он сворачивает шею голубям, убивает цыплят цесарки, направляет собак на овец <...> а меня называют непослушной и дерзкой, злюкой и хитрой тихоней» [1]. По мнению окружающих, Джейн и есть истинное чудовище, что становится причиной ее изгнания в Ловуд. Представление о Джейн мотивируются у окружающих отсутствием красоты в ее внешности: «...будь она хорошей, милой девочкой, как было бы не пожалеть сиротку, да только не такую, не маленькую жабу!» [1].

Таким образом, Красавица вовсе не оказывается красавицей, ее поведение не соответствует сказочным идеалам (добрая, кроткая, терпеливая), а чудовище не зачарованный принц, а избалованный подросток.

Вторая часть романа соотносится с так называемой

полной сказкой, содержащей 2 круга, 2 хода действий. Понятие двухходовой сказки вводит В. Пропп: «Эго одна сказка из двух ходов, основной тип всех сказок. Она очень легко делится пополам» [7, с. 96]. Леви-Стросс обращает внимание на то, что Пропп видит в такой структуре некий архетип, из которого произошли все волшебные сказки [5, с. 433]

Ефимкина Римма Павловна, анализируя сюжет сказки об Амуре и Психее выделяет 2 хода, то есть относит этот сюжет к двухходовым сюжетам: *«Например, в сказке «Амур и Психея» героиню увозят на скалу смерти, она успешно проходит испытание и возвращается замужней – это первый круг действий героини. Далее героиня теряет мужа и все приобретенное, проходит второй круг испытаний и, возвратившись, воцаряется – это второй круг действий героини»* [3, с. 36]

Подобным же образом строится и роман «Джейн Эйр». Первый ход сказки должен закончиться ложным браком, что и происходит с Джейн: несостоявшаяся свадьба с мистером Рочестером, после которой Джейн теряет все, что имела. Второй ход полной сказки заканчивается настоящим браком: Джейн выходит замуж за Эдварда Рочестера, и живут они долго и счастливо.

В соответствии со сказочным сюжетом типа «Красавица и чудовище» Джейн добровольно отправляется в Торнфильд точно так же, как младшая дочь в сказке добровольно отправляется в замок к чудовищу. Как и в сказке, сначала общается только со слугами, а уже потом с хозяином. В его описании (в восприятии Джейн) подчеркивается физическая сила, отсутствие красоты, манер, некоторая грубоватость, почти животная страсть. Все эти качества, по нашему мнению, можно считать проявлением животного начала в человеке, что соотносится со сказочным чудовищем в облике зверя. Но эти качества не пугают Джейн, у нее зарождаются чувства. Как и в сказке, Джейн покидает Торнфильд, отправляясь к умирающей тетушке Рид и обещая Рочестеру вернуться через неделю, приезжает только через месяц. Однако в отличие от сказки, хозяин оказывается в полном здравии: *«Позади остался высокий куст шиповника, протянувший над дорогой зеленые ветки все в алых цветках, и я вижу узкий перелаз с каменными ступеньками и вижу... мистера Рочестера: он сидит там с книгой и карандашом в руках, он пишет»* [1].

В сюжете сказки «Красавица и чудовище» испытание должна пройти именно Красавица, а заколдованному принцу остается только ждать: вернется ли она из привычного, родного ей мира. Джейн должна покинуть Торнфильд, подвергнуться разного рода испытаниям (голод, унижение, богатство, возможность выйти замуж за красивого молодого человека) и только после этого получает возможность вернуться к своему возлюбленному.

Эти испытания составляют второй круг романа. Пройдя испытания Джейн возвращается к Эдварду. Поведение Рочестера меняется: он теряет физическую силу, приобретает смирение, молится. Можно сравнить это с потерей звериной сущности заколдованного принца в сказке. Примечательно, что, когда Джейн приезжает к Эдварду, она обращает внимание на те черты в его внешности, которые связывают его с животными: «– Пора вернуть вам человеческий облик, – сказала я, приглаживая его густые, давно не подстригавшиеся волосы. – Как погляжу, вы мало-помалу превращаетесь не то во льва, не то еще в какого-то не менее дикого зверя» [1].

В финале сюжета «Красавица и чудовище» «...героиня обретает мужа-человека вместо зверя и статус его официальной жены, а не гостьи в его доме» [4, с. 27]. Именно так заканчивается история Джейн Эйр.

Еще один сюжет, элементы которого используются в романе – «Синяя Борода». О.И. Тогоева отмечает: «По классификации Аарне – Томпсона эта сказка относится к типу T312 или T312A и является волшебной. ...отдельные ее мотивы и сходные с ней сюжеты обнаруживаются в более ранних произведениях, происходящих из весьма отдаленных регионов» [9, с. 182]. Сюжет, этой сказки можно рассматривать как вариант сюжета «Красавица и чудовище». Писательница прямо упоминает этот сюжет в своем романе: «Два ряда черных плотно закрытых дверей придавали ему сходство с потайным ходом в замке Синей Бороды» [1].

Первая встреча Джейн с мистером Рочестером вызывает в ее сознании образ Гитраша: «...я вспомнила услышанные от Бесси предания, в которых действовал некий северо-английский оборотень, называемый Гитраш» [1].

По нашему мнению, Гитраш соотносится с Синей Бородой: в английском варианте этой сказки Синяя Борода обладает теми же атрибутами и характеристиками, что и Гитраш: гигантские размеры, могучий черный конь, три огромных и сильных дога, встречается на дороге, по-

хищает девушек. Дорога, могучий конь, собака – все это сопутствует и появлению мистера Рочестера. Выстраивается параллель: **Гитраш – Синяя борода – Рочестер**: «...совсем рядом <...> проскользнул огромный пес... Точно таким же было, по словам Бесси, одно из обличей Гитраша – подобие льва с длинной шерстью и тяжелой головой. Однако, вопреки моим ожиданиям, пес пробежал мимо меня, не остановившись, не поглядев мне в лицо жуткими, вовсе не собачьими глазами. И тут появилась лошадь – высокий скакун с всадником на спине» [1]. Перед нами еще одна вариация мотива чудовища, который в реальности таковым не оказывается.

Но если в сказке Синяя Борода губит девушек, выступая в роли настоящего, а не заколдованного чудовища, а спасение жертвы Синей Бороды должно привести к его гибели, то в романе Джейн не только не жертва, но спасительница мистера Рочестера, и, прежде всего его души. Э. Васильева, анализируя роман английской писательницы, убедительно доказывает, что Рочестер в начале романа обладает преступной натурой. Он готов совершить грех двоеженства, следуя только своим желаниям.

Таким образом, в основе романа лежит сюжет «Красавица и чудовище», обогащенный мотивами, заимствованными из сюжетов «Мачеха и падчерица» и «Синяя Борода». Кроме того, сами образы Красавицы и чудовища переосмысливаются Шарлоттой Бронте: в Джейн Эйр постоянно подчеркивается ее внешняя некрасивость, что противоречит сказочным канонам. Образы же красавиц – Джорджианы, Ингрэм – не вызывают симпатий. Варианты чудовища разнообразнее: это, прежде всего, сама Джейн в восприятии ее тети, Джон Рид – обладающий отталкивающей внешностью, ужасающим поведением и закончивший жизнь самоубийством, Сент-Джон – подавляющий волю Джейн ради собственных интересов, и, наконец, сам Рочестер – желающий заполучить возлюбленную любым путем, даже сознательного греха. Ш. Бронте строит роман на известных сюжетах и образах английского фольклора, что позволяет рассказать известные истории на новый лад.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бронте Ш. Джейн Эйр [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://sharlib.com/read_351328-1 (дата обращения 27.04.2023).
2. Васильева Э. В. Джейн Эйр в замке синей бороды: сказочный сюжет в структуре романа Ш. Бронте // Вестник СПбГУ. Сер. 9. 2016. Вып. 1 <https://cyberleninka.ru/article/n/dzhey-n-eyr-v-zamke-siney-borody-skazochnyy-syuzhet-v-strukture-romana-sh-bronte>
3. Ефимкина Р.П. Пробуждение спящей красавицы. Психологическая инициация женщины в волшебных сказках. – М.: Издательские решения, 2019. – 432 с.
4. Ефимкина Р. Три инициации в «женских» волшебных сказках // «Российский гештальт». – вып.4. – М., Новосибирск: 2003. – С. 18-37.
5. Леви-Стросс К. Структура и форма: размышления об одной работе Владимира Проппа // Семиотика. М., 1983. – С. 423-452.
6. Лозинская Е.В. 2010. 02. 001. Адамс дж. Классификации сюжетов и интенциональность [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/2010-02-001-adams-dzh-klassifikatsii-syuzhetov-i-intentsionalnost-adams-j-plot-taxonomies-and-intentionality-philosophy-a-literature> (дата обращения 29.04.2023).
7. Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки / Научная редакция, текстологический комментарий И. В. Пешкова. – М.: Лабиринт, 2001 – 192 с.

8. Структура волшебной сказки / Е.М. Мелетинский, С.Ю. Неклюдов, Е.С. Новик, Д.М. Сегал, М.: РГГУ, 2001. – 234.
9. Тогоева О.И. Сказка о Синей Бороде // «Истинная правда»: языки средневекового правосудия. – М.: Наука, 2006. – С. 182-221.
-

© Завершинская Елена Александровна (lensvet73@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

«ЛОЖНЫЕ ДРУЗЬЯ ПЕРЕВОДЧИКА» КАК ИСТОЧНИК ОШИБОК ПРИ ПЕРЕВОДЕ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

"TRANSLATOR'S FALSE FRIENDS" AS A SOURCE OF MISTAKES IN TRANSLATION FROM ENGLISH

*E. Zorina
A. Arias*

Summary: The article is devoted to an actual problem in the training of translators - the translation of vocabulary that provokes translation mistakes. This category includes internationalisms and polysemantic words of the original language that require certain knowledge and professional experience when they are transferred from one language to another. In order to determine the degree of severity of the problem, a study was conducted among students of the St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, studying in the direction of Linguistics (bachelor's degree). Despite the wide coverage of this problem in works on translation studies, the results of a survey of students confirmed its relevance today.

Keywords: "translator's false friends", interlingual homonyms, interlingual paronyms, international vocabulary.

Зорина Елена Михайловна

кандидат педагогических наук, доцент, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики
zorinaem@bk.ru

Ариас Анна-Мария

кандидат филологических наук, доцент, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики
anmar-74@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена актуальной проблеме в подготовке специалистов-переводчиков – переводу лексики, провоцирующей переводческие ошибки. К данной категории относятся интернационализмы и многозначные слова языка оригинала, требующие определенных знаний и профессионального опыта при их передаче с одного языка на другой. С целью определить степень остроты проблемы было проведено исследование среди студентов Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, обучающихся на направлении подготовки Лингвистика (уровень бакалавриата). Несмотря на широкое освещение данной проблемы в работах по переводоведению, результаты опроса студентов подтвердили ее сегодняшнюю актуальность.

Ключевые слова: «ложные друзья переводчика», межъязыковые омонимы, межъязыковые паронимы, интернациональная лексика.

Актуальность заявленной темы обусловлена тем, что процесс перевода является объектом междисциплинарного анализа, в связи с чем теоретический аппарат и методологическая база переводоведения созданы и продолжают создаваться на основе различных языковедческих дисциплин, таких как лексикология, стилистика, психолингвистика и пр. Одним из острых вопросов переводоведения, в основе решения которого лежит междисциплинарный подход, является проблема перевода лексических единиц, обладающих определенными свойствами, провоцирующими переводческие ошибки. Речь идет о так называемых «ложных друзьях переводчика», правильное толкование которых зависит от определенных факторов исходного текста.

В исследованиях ученых неоднократно отмечалось, что лексика, провоцирующая переводческие ошибки также представляет определенные трудности в лексикографической работе и преподавании иностранных языков, так как она ассоциируется и отождествляется в двух и более языках, несмотря на различия по содержанию, употреблению или полному несоответствию друг другу» [6, С. 41-52, 49].

Данный лингвокультурный феномен в работах российских и зарубежных ученых получил различные на-

именования:

- ложные друзья переводчика [9];
- ложные (неполные) лексические параллели;
- межъязыковые омонимы;
- псевдоинтернациональная лексика, псевдоинтернационализмы, ложные эквиваленты [1];
- ложные аналоги [2];
- межъязыковые аналогизмы, междуязычные аналогизмы, псевдоаналогизмы [8].

Российские исследователи разнообразили понимание межъязыковой омонимии, определяющей суть «ложных друзей переводчика» (далее ЛДП). Согласно определению А.В. Фёдорова, ложный эквивалент – это «слово, полностью или частично совпадающее (или близкое к нему) по звуковой или графической форме с иноязычным словом при наличии полной этимологической общности между ними, но имеющее другие значения при известной смысловой близости (отнесенности к одной сфере применения)» [7, С. 191]. Исследователь К.Г.М. Готлиб рассмотрел определение более широко, то есть как «слова двух языков, которые из-за сходства их звукового или буквенного состава вызывают ложные ассоциации и приводят к ошибочному восприятию информации на иностранном языке, а при переводе – к более или менее существенным искажениям содержания

или неточностям в передаче стилистической окраски, к ошибкам в лексической сочетаемости, а также в словоупотреблении» [4]. Именно с подобным звучанием связывает понятие ЛДП Р.А. Будагов, анализируя специальные словари и отмечая, что «ложными друзьями переводчика» обычно именуется межъязыковые омонимы – слова, имеющие при одинаковом звучании разные значения» [3, С. 141]. С точки зрения особенностей нашего исследования, связанного именно с ошибочным восприятием лексических единиц, мы более всего склоняемся к определению К.Г.М. Готлиба.

В настоящем исследовании сделана попытка проанализировать трудности перевода псевдоинтернациональной лексики, которая относится к группе ЛДП и которая провоцирует ошибки у начинающих переводчиков. Основными источниками ошибок при переводе таких лексических единиц являются отношения сходства или кажущейся идентичности (similarity and near-identity) материала обоих языков по звучанию или по функции.

В ЧОУ ВО «Санкт-Петербургский университет техно-

логий управления и экономики» проводился опрос среди студентов, обучающихся на направлении подготовки Лингвистика, направленность Перевод и переводоведение, уровень бакалавриата. В опросе принимали участие студенты 1 и 4 курсов очной формы обучения.

Студентам 1 курса было предложено выполнить перевод десяти псевдоинтернациональных лексических единиц в языковых парах: английский-русский и русский-английский (Таблица 1). Лексические единицы в таблице 1 представляют три основных типа ЛДП по классификации Л.К. Латышева:

- созвучные слова русского и английского языков, но полностью расходящиеся по значениям;
- многозначные слова английского языка, у которых часть значений совпадает со сходными словами русского языка, а часть значений расходится;
- слова английского языка, имеющие сходные по написанию и звучанию многозначные слова в русском языке, одно из значений которых совпадает со значением английского слова, а остальные значения расходятся [5, С.184-185].

Таблица 1.

English word	Translation into Russian	Russian word	English word
data	Данные, информация	дата	date
camera	фотоаппарат	камера	chamber
actually	Фактически, действительно	актуально	actual
decade	Десятилетие, десяток	декада (10 дней)	ten-day period
combine	Комбинат, объединение	комбайн	harvester
family	Семья, род	фамилия	surname
mark	Знак, оценка	марка	brand
class	Сорт, тип, категория	класс	Class
alley	переулок	аллея	walkway
clay	Глина, ил	клей	glue

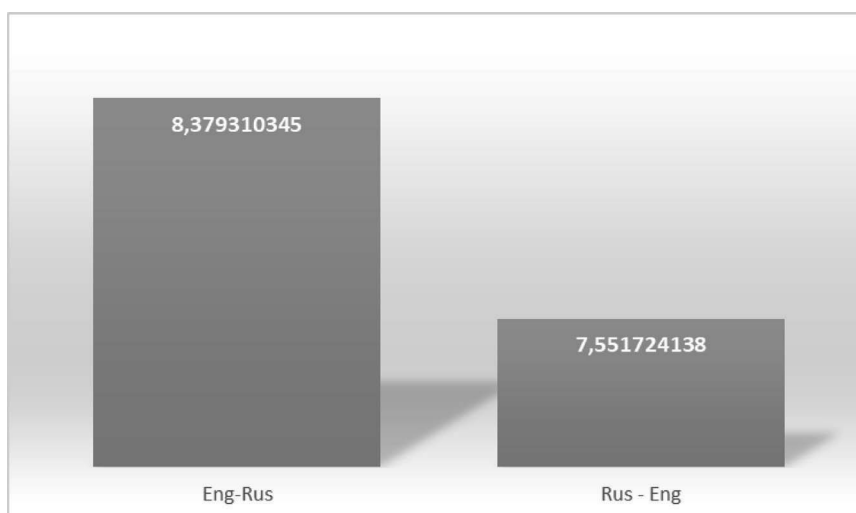

Рис. 1. Средний результат перевода слов из Таблицы 1

Из рис. 1 следует, что в языковой паре: английский-русский в среднем 8 слов из 10 было переведено студентами правильно.

В языковой паре: русский-английский результат чуть ниже. 7 слов из 10 в среднем переведено правильно.

Количественные результаты показывают, что перевод псевдоинтернациональной лексики не вызвал значительных затруднений у студентов 1 курса.

При этом ошибки, выполненные студентами при переводе слов, относящихся с категории ЛДП, еще раз доказывают их двоякую природу: с одной стороны, студенты имеют незначительный опыт обращения с данной категорией слов, с другой стороны, ошибки спровоцированы свойствами самих слов-ЛДП.

Студентам 4 курса было предложено указать общеупотребительный перевод и перевод профессиональной лексики (в первую очередь, юридической) следующих 10

лексических единиц (Таблица 2):

Результаты опроса показали, что студенты верно указали общеупотребительное значение у большей части слов, но, при этом, количество верно переведенных слов в профессиональной сфере довольно незначительно (Рис. 2).

Результаты опроса студентов 4 курса, скорее, свидетельствуют о недостаточной переводческой квалификации у выпускников бакалавриата и отсутствии профессионального опыта. Кроме того, ошибки при переводе профессиональной юридической лексики объясняются еще и отсутствием контекста.

В результате проведенного опроса было еще раз доказано, «ложные друзья переводчика» вызывают пространственные переводческие ошибки и продолжают оставаться актуальным вопросом в подготовке лингвистов-переводчиков и требуют применения комплекса упражнений.

Таблица 2.

Word	General English	Professional English
bar	бар	адвокатура
bench	лавка, скамья	судейская должность, судьи
case	кейс	судебное дело
conviction	убеждение, взгляды	осуждение, признание виновным
evidence	данные, факты, доказательства	доказательства, улика; давать показания
jury	жюри	суд присяжных
medium	середина	средство массовой информации
sentence	предложение	судебный приговор, судебное решение
stand	стенд; стоять	место для дачи свидетельских показаний; представлять перед судом
suit	костюм	судебное дело, судебный процесс

Рис. 2. Средние результаты перевода слов из Таблицы 2

ЛИТЕРАТУРА

1. Акуленко, В.В. Вопросы интернационализации словарного состава языка. — Харьков: Изд-во Харьк. ун-та, —1972. — 215 с.
2. Апетян, М.К. Ложные друзья переводчика в английском языке // Молодой ученый. — 2014. — №14. — С. 91-93. — URL: <https://moluch.ru/archive/73/12468/> (дата обращения: 02.01.2019)
3. Будагов, Р.А. Человек и его язык. - М.: Изд-во МГУ, 1974. - 262 с. Готлиб К.Г.М. Словарь «ложных друзей переводчика» (русско-немецкий и немецко-русский): Ок. 400 единиц. — М.: Рус. яз., 1985. — 160 с.
4. Л.К. Латышев. Технологий перевода. - М.: Academia, 2005. — 316 с.
5. Келтуяла, В.В. К семантической характеристике общеупотребительных интернациональных слов // Вопросы общего языкознания — 1965. — С. 41-52.
6. Федоров, А.В. Основы общей теории перевода. - СПб.: Филол. фак-т СПбГУ; М.: ФИЛОЛОГИЯ ТРИ, 2002. - 416 с.
7. Яковлева, Л.Н.; Лукьянчикова, М.С.; Дрейт, К. Мозаика. Учеб. нем. яз. для X кл. шк. с углубл. изучением нем. яз. Книга для чтения — М.: Просвещение, 2003. — 207 с.
8. Buncič, 2000; Buncič, Daniel Das sprachwissenschaftliche Problem der innerslavischen „falschen Freunde im Russischen“, Köln. — 2000. — URL: <http://www.daniel.buncic.de/staatsarb/> (дата обращения: 08.01.2023)

© Зорина Елена Михайловна (zorinaem@bk.ru), Ариас Анна-Мария (anmar-74@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики

ФИНАЛ РОМАНА Ю. ДОМБРОВСКОГО «ФАКУЛЬТЕТ НЕНУЖНЫХ ВЕЩЕЙ» КАК КОД

Каблуков Валерий Витальевич

кандидат филологических наук, доцент, Российский
государственный технологический университет МИРЭА
val.kablukov@yandex.ru

THE FINALE OF YU. DOMBROVSKY'S NOVEL "THE FACULTY OF UNNECESSARY THINGS" AS A CODE

V. Kablukov

Summary: The article raises the question of the place of the novel Yu. Dombrovsky's «Faculty of unnecessary things» in the literary process of the twentieth century. Through the analysis of the composition of the work, a conclusion is made about the genre originality of the novel.

Considering the text of the novel through the codes of cultural epochs, applying cultural-historical and historical-genetic research methods, the author comes to the conclusion that in the central work of Dombrowski's creativity, elements of an aesthetic system are emerging, multivariately overcoming the existential worldview.

The article concludes that, being in its form an "existential chronicle", a «chronicle of existence», the novel acquires the features of a work of a «transitional period» in terms of content. In the finale of the novel, Dombrowski outlines the ways of human existence in a non-written culture, outside of history. As an option, complete dissolution in art is considered, the realization of one's own life as an act of creativity, as the only possible variant of the vertical dimension of a person in being.

Keywords: Dombrovsky, existentialism, genre, composition, novel, literary process.

Аннотация: В статье поднимается вопрос о месте романа Ю. Домбровского «Факультет ненужных вещей» в литературном процессе XX века. Через анализ композиции произведения, делается вывод о жанровом своеобразии романа.

Рассматривая текст романа через коды культурных эпох, применяя культурно-исторический и историко-генетические методы исследования, автор приходит к выводу, что в центральном произведении творчества Домбровского зарождаются элементы эстетической системы, многовариантно преодолевающей экзистенциальное мироощущение.

В статье делается вывод, что, являясь по своей форме «экзистенциальной летописью», «летописью существования», по содержанию роман приобретает черты произведения «переходного периода». В финале романа Домбровский намечает способы существования человека в бесписьменной культуре, вне истории. Как вариант рассматривается полное растворение в искусстве, реализация собственной жизни как акта творчества, как единственно возможного варианта вертикального измерения человека в бытии.

Ключевые слова: Домбровский, экзистенциализм, жанр, композиция, роман, литературный процесс.

Необходимо признать, что на настоящий момент критика сделала намного больше в изучении творчества Ю. Домбровского, чем академическое литературоведение. Но при этом основная задача критики – вписать произведение и творчество писателя в современный ему литературный процесс, по отношению к Домбровскому представляется невыполненной.

Он входил в литературу несколько раз. И почти всегда это были «кризисные», переходные периоды развития русской литературы XX века.

Начало творчества, 1930-е годы, приходится на закат «серебряного» века.

Рассвет – на эпоху оттепели и очередной этап в развитии реализма, когда в литературу вошла «гулаговская» тема.

И последнее явление Домбровского в литературный процесс – 1988 год, (публикация «Факультета ненужных вещей» в Советском Союзе) уже после смерти писателя.

Время, когда традиции критического реализма поддерживались «возвращенной» из разных эпох литературой, и при этом коллективное сознание уже переживало тотальную постмодернистскую иронию ко всему устоявшемуся, продвигалось к массовой культуре. Это одна из причин затрудненного вхождения романа в литературный процесс.

В связи с этим актуально и необходимо рассматривать тексты Домбровского через коды культурных эпох, отстоящих от нас во времени, осознавая дистанцию, необходимую для литературоведческого научного дискурса.

Знаковый для литературного процесса третьей трети XX века роман «Факультет ненужных вещей», на первый взгляд, необоснованно композиционно сложен. Вторая часть диалогии, «Факультет...» сюжетно и системой персонажей связан с «Хранителем древностей». Оформляют его стихотворения, написанные Домбровским еще в 1940-е годы, но которые по воле автора стали прологом и эпилогом. Основной текст организован по монтажному принципу, и каждая составляющая произведения

имеет ту или иную степень стилистической и содержательной самостоятельности. Некоторые из этих частей реализуются в творчестве Домбровского как отдельные произведения. Глава, посвященная художнику Калмыкову, была опубликована в 1974 году, еще до окончания работы над «Факультетом...» в книге очерков о художниках Казахстана. К роману есть приложение – «Суд Синедриона», где расследуется юридическая несостоятельность казни Христа, и послесловие – «К историку».

При этом динамический уровень структуры «Факультета...» распадается на несколько микросюжетов, а основная событийная канва сводится к схеме: «Арестовали – пытали – отпустили».

Финал романа «Факультет ненужных вещей» распадается на три стилистически не связанных между собой части, которые композиционно не совпадают с развязкой, и лишь первая из них сюжетно и фабульно обоснована. После того, как Зыбина «отпустили», к нему, сидящему в парке на лавочке, подошли следователь Нейман и предатель Корнилов. Их вместе и запечатлел на своей картине художник Калмыков: «Так на веки вечные на квадратном кусочке картона и остались эти трое: выгнанный следователь, пьяный осведомитель по кличке Овод (все, видно, времена, нуждаются в своем Оводе) и тот, третий, без кого эти двое существовать не могли» [1, 627]

Абсурдная ситуация – мирное сосуществование антагонистов, идеологических (в смысле художественного содержания) противников, собирающихся зайти в ближайшую палатку отметить освобождение, дается повествователем как нормальная. В этом варианте финала сводятся воедино интеллектуально-сюжетные линии всего произведения, происходит констатация абсурдности мира, принципиально безразличного к человеку и его устремлениям. Такой вид финала вполне соответствует экзистенциальной модели мира, в нем представленной. В.Руднев, давая определение экзистенциализму, приводит пример экзистенциального финала в фильме Сиднея Поллака «Три дня Кондора», «где убийца и жертва встречаются, уже ненужные друг другу, и спокойно разговаривают о том, что каждый из них выполнил свой долг». [2,373]

Повествователь в «Факультете...» разрешает проблему действия, схематизируя систему персонажей, чтобы передать читателю итоговую информацию именно о мире романа, «точка зрения» которого ограничена рамками фабулы от ареста до освобождения. Отсылка к «Оводу», с одной стороны, кодирует на прочтение «Факультета...» как исторического романа, а с другой стороны, определяет его главную тему как тему предательства. Зыбин в романе – фигура статичная в своем индивидуальном противостоянии, а Корнилов движется к предательству. Именно функционально предателям –

Корнилову и Куторге – автор передает свои сокровенные мысли о казни Христа. Корнилов – типичный герой в типичных обстоятельствах, персонаж реализма, таких, как он – несколько в дилогии, тогда как Зыбин в некоторых чертах напоминает героя романтизма. Он автобиографично близок автору, он в постоянном конфликте с окружающим миром, отрекаясь от своего положения человека ниши в первом романе дилогии, идет на бунт ради утверждения духовной свободы во втором. Но при этом Зыбин – типичный маленький человек вне его социальной характеристики в экзистенциальной ситуации обреченности на поражение. Галерею таких персонажей нам дает как раз русская литература 20-30-х годов XX века [3], времени становления художественного сознания Домбровского.

Роман «Факультет ненужных вещей» был написан в том период развития русской литературы метрополии и зарубежья, когда по объективным социальным причинам осмысление художниками темы заброшенности человека в историю стало вновь актуальным, когда литература экзистенциального реализма переживала очередную взлет. Но в общем европейском культурном сознании экзистенциальное мироощущение и миропонимание были уже на излете. Наступала эпоха постэкзистенциализма.

При этом, внутри общеевропейского культурного процесса более чем за полвека сформировались эстетические системы, в которых отработан алгоритм преодоления чувства обреченности на поражение и неотделимого от него страха пред смертью. В искусствоведении при характеристике живописи такие эстетические системы объединяют под термином «постэкспрессионизм». Если собственно экспрессионизм – направление, отразившее в живописи экзистенциальное мироощущение, то многочисленные виды постэкспрессионизма, сохраняя внешние приемы предшествующей эпохи, передают экспрессию, которая возникла не в результате потрясения, шока, а транслируют зрителю оптимистичное состояние духа. Эта другая степень внутренней энергии, которая выводит зрителя на иной уровень сознания, освобождает от тотальной привязанности к дегуманизированной истории.

Начало преодоления экзистенциальной обреченности в живописи мы можем наблюдать еще внутри экспрессионизма, в примитивизме, который можно прочитывать как подстиль экспрессионизма. Интерес «к искусству до искусства» мы видим у Домбровского в стихотворении «Анри Руссо», в ряде новелл о художниках. Художественное осмысление идеи «культуры до культуры» мы видим в последнем рассказе Домбровского «Ручка, ножка, огуречик». [4] Но в финале романа «Факультет ненужных вещей» мы видим художника – постэкспрессиониста Калмыкова. Он заканчивает картину, «и хотя

все было готово, но все-таки он почувствовал, что чего-то не хватает. Тогда художник повернулся и посмотрел вдоль аллеи. И увидел Зыбина. А Зыбин сидел, скорчившись, на лавочке, и руки его висели. Это было как раз то, что надо. Черная согбенная фигура на фоне белеющей сияющей будки, синих сосен и желтого, уже ущербного мерцания песка». [1.627]

«Точка зрения» текста дает нам несогласованные цвета: «белеющее сияющее», «синее» и «желтое ущербное», и сломанные линии: «согбенная фигура», «руки висели». Если бы на этом картина Калмыкова заканчивалась, то ее можно было бы поместить в один зал с «Криком» Мунка. Перед нами экспрессионизм и в технике словесного рисования, и в содержании.

Но далее в этой части финала романа, при сохранении способа цветописа, происходит преодоление идеологии экспрессионизма: «И мудрые марсиане, наблюдавшие за нами в свои сверхмощные устройства, удивлялись и ника не могли понять – откуда же серой, одноцветно и однородной человеческой плазмы вдруг вспыхнуло такое яркое, ни на что не похожее чудо? И только самые научные из них знали, что называется это чудо фантазией». [1.628]

Во многих словарях и энциклопедиях тиражируется статья о художнике, в которой утверждается, что в «ходе своей творческой деятельности Калмыков выработал оригинальный стиль живописи, иногда именуемый «фантастическим реализмом». [4]

Не вдаваясь в дискуссию по поводу содержания термина «фантастический реализм», обозначим, что в нашем понимании творчество Калмыкова стилистически связано с постэкспрессионизмом, точнее, с тем его направлением, которое в искусствознании определяется как «мистический реализм». В 20-30-х годах XX века термины «постэкспрессионизм» и «мистический реализм» функционировали как синонимы.

Во второй части финала романа формулируется концепция творчества как чудесного способа преодоления границ, в которые замкнуто человеческое существование. Идея теологическая по своей сути, созвучная идее культурного бессмертия.

Тема взаимоотношения творца и результата творчества – центральная в едином тексте произведений Домбровского. С ней он входил в литературу романом «Державин», центральную идею которого он сформулировал, спустя 40 лет, так: «...преображающая сила творчества, власть творения над творцом». [5.302]

Эта тема прошла через «шекспировский текст» Домбровского, через цикл стихов «Поэт и муза», заверши-

лась полным отречением от пансемиотической утопии в рассказе «Ручка, ножка огуречик» [6].

В романе «Факультет ненужных вещей» бунт человека против текста – одно из проявлений экзистенциального противостояния человека и мира (Зыбин отказывается писать показания на самого себя), которое разрешается в первой части финала.

Характеризуя мышление человека эпохи существования текста, Ю. Лотман приходит к выводу: «Для письменного сознания характерно внимание к причинно-следственным связям и результативности действий... Можно сказать, что история – один из побочных результатов возникновения письменности». [7.397] Но причинно-следственные связи между событиями, которые привели на одну лавочку жертву, палача и предателя, отсутствуют. В Москве произошла смена власти, на смену Ежову пришел Берия. Были арестованы все, кто работал с ним, освобождены некоторые арестанты. Следовательно Нейман остался на свободе. «Почему?» – задает он себе вопрос, и сам отвечает: «Непонятно» [1.626]. Почему освободили Зыбина, оставив в застенках большинство других, тоже не имеет объяснений.

«Истории нет» и «разрушается сюжет» – идеологический вывод и его формальное оформление в экзистенциальном романе Домбровского «Факультет ненужных вещей».

Во второй части финала «Факультета...» автор пытается наметить способы существования в бесписьменной культуре, вне истории. Как вариант рассматривается полное растворение в искусстве, реализация собственной жизни как акта творчества. При этом в контексте романа художник Калмыков – фигура карнавальная культуры, юродивый, городской сумасшедший, а его тип взаимоотношений с миром утверждает в финале романа единственно возможный вариант вертикального измерения человека в бытии. Он раскрывает текст в будущее, в вечность, за пределы истории.

Третья часть финала «Факультета...» вновь возвращает читателя к теме истории, переводя ее на другой, более высокий регистр:

«А случилась эта невеселая история в лето от рождения Вождя народов Иосифа Виссарионовича Сталина пятьдесят восьмое, а от Рождества Христова в тысяча девятьсот тридцать седьмой недобрый, жаркий и чреватый страшным будущим год». [1.628]

Стилизованная под начало летописи фраза становится итоговой в романе. При этом каждая часть финала «Факультета...» – интонационно и стилистически законченная, замкнутая конструкция, несущая в себе семантику «завер-

шения». Различаются они в первую очередь «точкой зрения» текста. В первой части временная дистанция между повествователем и персонажем минимальная, текст не рассказывает о будущем, он имитирует традиционную для романа распаханность будущему, открытость финала через возможность выбора развития: палач, жертва или предатель. Сидят вместе на одной лавочке.

Во второй части финала повествователь – оформленный в прозе лирический герой Домбровского, который в стихотворении, композиционно выполняющим функции эпилога романа, «превращается» в акт творчества:

«...Вот так под глубинным давлением
Отмерших минут и годов
Я делаюсь стихотвореньем –
Летучей пульсацией слов» [8.631]

В третьей части финала временная дистанция между автобиографичным героем, событиями романа, и повествователем увеличивается, он ближе Автору по времени, чем повествователь первой части, он знает, что произойдет в будущем. Если повествователь первой части финала жестко привязан к тексту (хронотопу) романа, он, как и герой, не способен увидеть закономерности в развитии мира, то повествователь третьей части выходит на другой уровень обобщения. Приняв отсутствие связи между событиями как данность, он принимает позицию летописца, свидетеля событий. Он близок Домбровскому публицисту 1975 года в приложении к роману «К историку». В нем он прямо заявляет: «Мне была дана жизнью неповторимая возможность – я стал одним из сейчас уже не больно частых свидетелей величайшей трагедии нашей христианской эры. Как же я могу отойти в сторону и скрыть то, что видел, что знаю, что передумал? Идет суд. Я обязан выступит на нем. А об ответственности, будьте уверены, я уже предупрежден». [9.698]

С этой точки зрения, заключительное предложение романа «Факультет ненужных вещей» можно рассматривать как метатекстовый элемент, Домбровский входит в хорошо знакомую ему зону метапоэтики, предлагая код прочтения своего произведения как летописи.

Д.С. Лихачев дает такую характеристику позиции летописца в творимом им тексте: «Она (летопись – К.В.) рассказывает даже не историю, а события этой истории... Летописец как бы осознает непостижимость всего, что происходит. Поток истории только частично улавливается летописцем, смиренно осознающим свое бессилие рассказать обо всем... Поэтому-то в летописи нет и сюжетного изображения событий, нет интриги, нет в целом связного рассказа об истории. Есть только отдельные факты и отдельные рассказы об отдельных же событиях». [10.264, 267]

Домбровский использует летописный принцип изображения времени, отсюда – ослабление сюжетной линии и монтажный принцип композиции. Но позиция повествователя в нем принципиально иная. Он стоит не над «временем», как средневековый летописец, отказ которого «от реальных объяснений событий подчеркивает высшую предопределенность хода истории, ее «вечный» смысл». [10.266] Повествователь Домбровского заброшен в историю, он свидетель реального отсутствия смысла в ней, а не визионер. Повествователь в «Факультете...» находится внутри событий, а не над ними, он лишен возможности существовать в вертикальной системе координат.

Роман Ю. Домбровского «Факультет ненужных вещей», сконцентрировавший в себе многовекторные эстетические искания XX века, в момент окончания работы над ним автора в 1975 году стал одним из лучших проявлений в русской литературе такого явления, которое называют «экзистенциальным реализмом». [11] Являясь по своей форме «экзистенциальной летописью», «летописью существования», по содержанию он начинает приобретать черты произведения «переходного периода», для которого свойственна «необычайная пестрота культурных явлений, многообразие направлений развития без видимого предпочтения какого-либо одного из них». [12.7-8] В романе Домбровского зарождаются элементы эстетической системы, многовариантно преодолевающей экзистенциальное мироощущение, системы, ставшую основной, когда роман входил в литературный процесс России в 1990-х годах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Домбровский Ю.О. Факультет ненужных вещей. Собрание сочинений: В 6 т. Т.5. М.: ТЕРРА, 1993. С.5-630.
2. Руднев В. Экзистенциализм. Словарь культуры XX века. М.: Аграф, 1988. С.370-374.
3. Каблуков В.В. Концепт «самоубийство» в русской литературе 1920-30 годов//Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение»/2008/№5. Филология. <http://zpu-journal.ru>
4. Казахстанская энциклопедия. http://ru.encyclopedia.kz/index.php/Калмыков,_Сергей_Иванович (дата входа 19.03.2023)
5. Домбровский Ю.О. Деревянный дом на улице Гоголя. Собрание сочинений: В 6 т. Т.1. М.: ТЕРРА, 1993. С.289-324.
6. Каблуков В.В. Человек постскриптного существования в рассказе Ю. Домбровского «Ручка, ножка, огуречик»// Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики. 2023. №3. С.145-149.

7. Лотман Ю. Внутри мыслящих миров. Спб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. 448с.
8. Домбровский Ю.О. «Пока это жизнь, и считаться». Собрание сочинений: В 6 т. Т.5. М.: ТЕРРА, 1993. С.631.
9. Домбровский Ю.О. К историку. Собрание сочинений: В 6 т. Т.5. М.: ТЕРРА, 1993. С.5-694-698.
10. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. Изд-во «Наука», Ленинградское отделение, Ленинград. 372 с.
11. Линков В.Я. История русской литературы. Вторая половина XIX века [Электронный ресурс]: учебное пособие. — М.: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 2010. 304 с.
12. Луков Вл. История культуры Европы XVIII–XIX веков: Учебное пособие. М.: Гуманитарный институт телевидения и радиовещания им. М.А. Литовчина (ГИТР), 2011. 80 с.

© Каблуков Валерий Витальевич (val.kablukov@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российский государственный технологический университет МИРЭА

ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ЕГИПЕТСКОЙ ПРЕССЫ КОНЦА XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.В.

Капаева Айсе Иссаевна

Российский университет дружбы народов, г. Москва

alisaidova@mail.ru

FEATURES OF DEVELOPMENT OF THE EGYPTIAN PRESS AT THE END OF THE XVIII – FIRST HALF OF THE XIX CENTURY

А. Капаева

Summary: This article is devoted to processes of development of the Egyptian press at the end of the XVIII – first half of the XIX century. The proposed study presents the views of Russian and foreign scientists on the features of the origin of printed periodicals during the period of the French expedition and the reign of Muhammad Ali. The author analyzes the features of printed periodicals of the period under study, reveals the role of the ruling elite in their evolution and functioning. The article also reflects the controversial issues of the development of the Egyptian press at an early stage.

Keywords: French expedition, Institute of Egypt, "Courier de VÉgypte" ("Egyptian Courier"), "La Decade egyptienne" ("The Egyptian Decade"), "At-Tanbih", "Journal Al Khedive", "Al-Waqai' Al-Misriyah", "Al-Jarida l-a'skariya".

Первые периодические печатные издания в Египте появились в период французской экспедиции в 1798-1801 годах. Они выпускались на французском языке и были предназначены для информирования участников экспедиции о событиях в мире и в оккупированной стране [7, с.87].

Наряду с военно-стратегическими целями в Египте Бонапарт ставил перед собой задачу организовать научные исследования. Вместе с французскими военными специалистами в Каир прибыла целая группа ученых. По поручению Наполеона был учрежден Институт Египта, открыты химическая лаборатория, кабинет физики, библиотека и типография.

В августе 1798 года под редакцией Жозефа Фурье вышел первый номер газеты «Le Courier de L'Égypte» («Египетский курьер»). Газета издавалась под контролем самого Бонапарта, который не только определял редакционную политику, но и решал все кадровые вопросы, связанные с деятельностью этого печатного органа. В газете публиковались приказы главнокомандующего, заметки о деятельности оккупационной администрации, международные новости, материалы ученых Института Египта и другие пропагандистские материалы, которые предназначались, прежде всего, для французских солдат [8, с.226].

Еще одним периодическим печатным органом на

Аннотация: В данной статье раскрываются процессы становления и развития египетской прессы в конце XVIII – первой половине XIX в.в. В предлагаемом исследовании представлены взгляды российских и зарубежных ученых на особенности зарождения печатной периодики в период французской экспедиции и правления Мухаммеда Али. Автор анализирует особенности печатных периодических изданий исследуемого периода, раскрывает роль правящей элиты в их эволюции и функционировании. Также в статье отражены спорные вопросы становления египетской прессы на раннем этапе.

Ключевые слова: французская экспедиция, Институт Египта, «Courier de VÉgypte» («Египетский курьер»), «La Decade egyptienne» («Египетская декада»), «Ат-Танбих» («Уведомление»), «Журнал аль Хедив» («Журнал правителя»), «Аль-Вакаи' Аль-Мисрийа» («Вестник Египта»), «Аль-Джарида ль-а'скарийа» («Военная газета»).

французском языке во время египетского похода Наполеона был литературный и политико-экономический журнал «La Decade egyptienne» («Египетская декада»), первый номер которого вышел в свет в октябре 1798 года (8, с.226). Журнал «La Decade egyptienne» уделял большое внимание вопросам литературы, политической экономики, освещал научные исследования Института Египта. Последний его номер был издан в марте 1801 года.

Бонапарт считал, что издание газеты «Le Courier de L'Égypte» и журнала «La Decade egyptienne» будет способствовать поддержанию боевого духа армии. Проводимая им политика не находила поддержки у местных жителей из-за поборов, попыток введения единого поземельного и единого подоходного налогов, а также приказа о переписи городского имущества [6, с.16]. Все это вызывало протесты египтян и их неприязненное отношение к французской экспедиции. Кроме того, сами французы жаловались на непривычные для европейцев климат и условия жизни [7, с.89]. Поэтому одна из главных задач «Le Courier de L'Égypte» и «La Decade egyptienne» состояла в том, чтобы было не допустить деморализации французской армии [8, с.224].

Зарубежные и российские исследователи расходятся во мнениях относительно того, выпускались ли во время французской кампании в Египте арабоязычные периодические печатные СМИ. Некоторые полагают, что На-

полеон планировал издавать такую газету, но идея так и не была воплощена в жизнь. В ряде исследований, посвященных истории египетской прессы, отмечается, что французы не успели организовать выход в свет арабоязычной печатной информационной продукции на регулярной основе [5, с. 236]. Другая группа исследователей, в числе которых египетский историк и писатель Ахмад Хамруш, утверждает, что наряду с франкоязычными периодическими печатными изданиями, предназначенными для участников экспедиции, издавались арабоязычные для местных жителей [11].

Так, в 1800 году начал издаваться бюллетень на арабском языке под названием «Ат-Танбих» («Уведомление»). Его редактором французы назначили Исмаила Аль-Хашаба – историка, писателя, просветителя, получившего образование в Аль-Азхаре. В бюллетене публиковались указы властей и новостные заметки [4, с.16]. Как отмечает Ахмад Хамруш, бюллетень издавался вплоть до окончания французской экспедиции в Египте [11].

После капитуляции французского корпуса в 1801 году из Египта наступило многолетнее затишье в издательской отрасли страны. Французы увезли с собой все научные материалы и типографское оборудование. Пришедший через четыре года к власти в Египте Мухаммед Али начал сразу проводить политические и социальные реформы. Период первой половины XIX века в истории Египта характеризуется как эпоха Мухаммеда Али, приложившего огромные усилия для повышения интеллектуального уровня населения страны [12, с.2]. На этот период приходится также зарождение и становление национальной прессы в Египте. Мухаммед Али уделял большое внимание печатному делу. Так, в 1815 году он отправил в Италию делегацию для обучения издательскому делу и литью шрифтов, а в 1821 году по его поручению была создана типография в Булаке [9, с.202]. Булакская типография стала крупнейшим центром книгопечатания на Ближнем Востоке [3, с.116].

Мухаммед Али осознавал, что для развития экономики, повышения уровня культуры и образования населения важно развивать печатные информационные ресурсы. По его поручению и под его контролем на арабском и турецком языках начал издаваться бюллетень «Журнал аль Хедив» («Журнал правителя»). К 1822 году бюллетень выпускался на регулярной основе и предназначался для определенного круга государственных служащих [5, с.237]. Подготовкой отчетов для бюллетеня занимался египетский просветитель Махмуд Афанди. Бюллетень печатался тиражом 100 экземпляров, распространялся среди высокопоставленных лиц, в том числе губернаторов провинций. Сначала в нем публиковались официальные заявления правителя, отчеты о событиях в столице и регионах, позже появились отрывки из «Тысячи и одной ночи».

Арабские исследователи Аватыф Абд Ар-Рахаман и Наджва Камиль отмечают, что «Журнал аль Хедив» со временем начал превращаться из бюллетеня с правительственными отчетами в новостной печатный орган [2, с.50]. В 1828 году он видоизменился и был преобразован в газету «Аль-Вакаи' Аль-Мисрийа» («Вестник Египта»), которую печатали на арабском и турецком языках в Булакской типографии. В газете публиковались указы правителя, отчеты об их выполнении, сведения о развитии государственной системы, кадровых перестановках и другая информация, связанная в основном с деятельностью Мухаммеда Али [5. С. 237]. Газета «Аль-Вакаи' Аль-Мисрийа» распространялась среди чиновников, военных, ученых, преподавателей. Студентам газету раздавали бесплатно [1, с.40]. Кроме того, ее отправляли для распространения на Остров Крит и в Сирию.

Большой вклад в деятельность этого печатного органа внес египетский просветитель, писатель и переводчик Рифаа Ат-Тахтави. Он возглавлял редакцию «Аль-Вакаи' Аль-Мисрийа» с 1842 по 1850 годы. До этого Рифаа Ат-Тахтави несколько лет жил во Франции, где написал свой труд «Извлечение чистого золота из кратного описания Парижа, или Драгоценный диван сведений о Париже». В книге он впервые познакомил египтян с общественной мыслью Европы: «Здесь мы перечислим нужные науки, чтобы ты понял их значение и необходимость в любом государстве. В Египте эти науки или слабо развиты, или полностью утрачены» [10, с.13].

На страницах газеты «Аль-Вакаи' Аль-Мисрийа» Рифаа Ат-Тахтави также рассказывал о достижениях французов в области науки, техники и общественной жизни, призывал к развитию прогресса, реформам и модернизации. Газета в этот период заметно оживилась, в ней начали публиковаться различные исследования ученых, переводы статей, на ее страницах разворачивались дискуссии [11, с.3].

Именно «Аль-Вакаи' Аль-Мисрийа» упоминается во многих научных исследованиях как первая арабоязычная газета. Упоминаемый в научной литературе печатный орган «Ат-Танбих» на арабском языке, издававшийся во время французской оккупации в Египте, представлял из себя всего лишь информационный листок, издание которого создало предпосылки для зарождения арабской национальной прессы [4, с. 17].

В книге немецкого востоковеда Мартина Хартманна «Арабская пресса в Египте» отмечается, что самые ранние экземпляры «Аль-Вакаи' Аль-Мисрийа» не сохранились должным образом. Даже в Национальной библиотеке Каира и в Библиотеке Александрии нет всех ранних экземпляров газеты, а в полном объеме сохранились номера, изданные после 1840 года [12, с.2].

Очередным важным шагом в развитии прессы Египта первой половины XIX века стал выпуск специализированных арабоязычных печатных изданий. Так, в 1833 году во время военных действий египетской армии в Сирии начала издаваться «Аль-Джарида ль-а'скарийа» («Военная газета»). Правда, несмотря на планы правящей верхушки издавать несколько номеров в месяц, она выпускалась нерегулярно и просуществовала недолго.

В 1848 году появилась еще одна специализированная газета под названием «Аль Хавадис ат Тиджарийя валь и'лянат аль малякийя» («Новости торговли и королевские указы»). Это была экономическая газета, в которой публиковались новости экономики страны и мира. Выпускалась газета в Булакской типографии, а изданием руководил Ибрахим Паша – сын Мухаммеда Али, правивший страной во время болезни отца [2, с.54].

Таким образом, к середине XIX в.в. пресса в Египте про-

шла непростой полувековой путь развития, начавшийся с издания печатных органов по инициативе Наполеона во время египетского похода, и включивший в себя период зарождения и становления арабоязычной прессы. Сначала это были информационные листки и бюллетени с официальными отчетами о событиях в стране, указами и заявлениями правителей. Позже в Египте появились полноценные печатные периодические издания, где были представлены несколько жанров публицистики.

К концу исследуемого периода в египетской прессе освещались разные стороны жизни страны: социально-экономическая, политическая, военная, экономическая и культурная, кроме того, появились специализированные печатные информационные ресурсы. С зарождением и становлением печатной периодики в Египте было положено начало развитию журналистики как социального института, а египетское общество вступило в информационную эру отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдо Ибрахим. Тарих Аль-Вакаи' Аль-Мисрийа (1828 -1942), Каир, 1946 (на араб.яз)
2. Аватыф Абд Ар-Рахман, Наджда Камиль. Тарих ас-сыхафа ал-а'рабийя, Каир, 2020 (на араб.яз)
3. Аникеева Т.А. «История книгопечатания в Египте: Булакская типография»// Египет. Ближний Восток и глобальный мир: (сборник), Москва, 2006, С.116-118
4. Кажу М.Д Становление журналистики Сирии и Египта в XIX веке, Ростов-на-Дону, 1992
5. Малаховский А.К. Первые шаги египетской правительственной прессы как основа дальнейшего развития национальной журналистики // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2018, №1-2, С.236-240
6. Петрунина Ж.В. Социально-экономическое и политическое развитие Египта в первой половине XIX века в оценках российского общественного мнения, Москва, 2008
7. Прусская Е.А. Французская экспедиция в Египет 1798-1801 гг.: взаимное восприятие двух цивилизаций, Москва, 2016
8. Прусская Е.А. Французская пресса в Египте о мусульманском востоке (1798-1801)// Французский ежегодник, Институт всеобщей истории РАН, 2012, С.222-251
9. Пую А.С., Садыхова А.А. // Управленческое консультирование, 2012, №3, С.198-204
10. 1Рифаа Рафи ат-Тахтави. Извлечение чистого золота из краткого описания Парижа, или Драгоценный диван сведений о Париже. Пер. с араб. В.Н.Кирличенко. — Москва, 2009.
11. Хамруш Ахмад. Кыссат тарих ас-сыхафа //Ац-царк аль-авсат, Каир, № 8316, 2001 (на араб.яз)
12. Hartmann Martin. Arabic press of Egypt, London 1899

© Капаева Айсе Иссаевна (alisaidova@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЯЗЫКОВАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ НАМЕРЕНИЙ ПРОТИВНИКОВ, АДЕПТОВ И РАЗРАБОТЧИКОВ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Клементьева Алёна Александровна

аспирант, Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
aklementyeva@mail.ru

LANGUAGE IMPLEMENTATION OF COMMUNICATIVE INTENTIONS BY ARTIFICIAL INTELLIGENCE OPPONENTS, ADHERENTS AND DEVELOPERS

A. Klementyeva

Summary: The article focuses on the subjective positions of active participants in the public dialogue on artificial intelligence represented in their language. Artificial intelligence opponents create a frightening image of digitalization by contrasting subject spheres. The use of verbs of certain classes helps adherents of artificial intelligence to build its anthropomorphic image and express transhumanistic ideas. Developers, in their turn, as they share scientific worldviews, consider artificial intelligence as a tool.

Keywords: communicative grammar, communicative goal, subject, Russian language, artificial intelligence.

Аннотация: В фокусе внимания настоящей статьи находится языковая репрезентация субъектных позиций активных участников общественного диалога об искусственном интеллекте. Противники искусственного интеллекта путем противопоставления субъектных сфер создают отпугивающий образ цифровизации. Использование глаголов определенных классов помогает адептам искусственного разума выстраивать его антропоморфный образ и выражать трансгуманистические идеи. Разработчики, транслируя научную картину мира, отводят искусственному интеллекту позицию инструмента.

Ключевые слова: коммуникативная грамматика, коммуникативная цель, субъект, русский язык, искусственный интеллект.

Введение

В центре внимания коммуникативной грамматики находится фигура говорящего лица. Являясь ключом «к строю человеческой мысли», «стремясь извлечь максимум лингвистической информации из фактов человеческой речи», грамматическая наука позволяет решать актуальные гуманитарные задачи [15, с. 108, 112], в том числе выявлять позицию, точку зрения говорящего, с которой он смотрит на мир и осмысляет его.

Любая коммуникация носит стратегический характер, т.е. осуществляется в соответствии с планами и целями говорящего. В соответствии с имеющимися целями он отбирает и структурирует «символы» (языковые знаки), иногда сам не осознавая этого [32, с. 288-299]. Наличие коммуникативной цели является «одним из важнейших параметров прагматической интерпретации высказывания» [19, с. 102]. Интерпретируя сказанное и написанное, мы эксплицируем смыслы, руководствуясь самой «языковой системой и правилами ее функционирования» [29, с. 20].

Об этой важной задаче лингвистики пишет академик В.В. Виноградов: «Лингвист не может освободить себя от решения вопроса о способах использования преобразующей личностью того языкового сокровища, которым она могла располагать. И тогда его задача — в подбо-

ре слов и их организации в синтаксические ряды найти связывающую их внутренней психологической объединенностью систему и сквозь нее прозреть пути эстетического оформления языкового материала» [4, с. 3]. Анализируя текст как продукт деятельности «преобразующей личности», использующей арсенал разноуровневых языковых средств (лексических, морфологических, синтаксических) и организующей их по своему усмотрению, мы можем выявить замысел автора, позиция которого проявляется в самом «отборе речевых ресурсов» [18, с. 20].

Характеризуя языковые единицы в единстве их формы, значения и функции, коммуникативная грамматика отвечает на вопросы: *что выражено?* (о содержании), *как, чем выражено?* (о средствах выражения), *зачем, для чего?* (о функциональном назначении) [18, с. 45]. Ответ на вопрос о выполняемой функции помогает приблизиться к выявлению стратегии автора (говорящего), «в которую входят понятия замысла, позиции, мировосприятия, отношения автора к предмету и поставленной им проблеме, его прагматических интересов» и которая «стоит как бы за текстом, или над текстом» [18, с. 446].

Поскольку актуальные направления современной лингвистики формируются исходя из того, какие общественные проблемы требуют решения на данный момент, её важной задачей становится «лингвистический анализ текстов, отражающих актуальные тенденции раз-

вития общества» [29, с. 19]. Одной из таких тенденций является разработка искусственного интеллекта (далее — ИИ) и дальнейшее его внедрение почти во все сферы общественной жизни — образование, здравоохранение, экономику, сельское хозяйство и пр.

Цель статьи состоит в том, чтобы определить коммуникативные намерения активных участников общественного диалога по вопросам внедрения ИИ в жизнь общества, выявить и описать языковые способы реализации этих намерений. На материале опубликованных выступлений и интервью противников, апологетов и разработчиков ИИ мы определим, какой образ ИИ они создают и транслируют (*что выражено?*), какие языковые средства служат формированию того или иного образа (*как выражено?*), какой замысел преследуют авторы обозначенных текстов (*для чего выражено?*).

1. Противники искусственного интеллекта о его применении

Группа людей, у которых перспектива применения ИИ вызывает опасения, достаточно неоднородна. С одной стороны, среди них есть радикально настроенные противники ИИ, призывающие остановить развитие технологий, видящие в них угрозу для существования человечества в целом. Их позиция, по мнению эксперта в области ИИ И.С. Ашманова, сформировалась во многом под влиянием отталкивающего образа будущего из голливудских фильмов [9]. Однако есть и те, кто обеспокоен вопросами безопасности, юридической ответственности за результаты использования роботизированных систем. Как правило, это ученые, предприниматели, сами разработчики ИИ. Они призывают соблюдать меры предосторожности, пытаются найти решение указанных проблем в правовом поле. Так, в 2021 году в России руководители некоторых ведущих университетов и технологических компаний подписали Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта, который «устанавливает общие этические принципы и стандарты поведения, которыми следует руководствоваться участникам отношений в сфере искусственного интеллекта в своей деятельности» [21, с. 1].

В рамках статьи у нас есть возможность подробно рассмотреть, какой образ ИИ и его технологиям создаётся одним из его противников. Объектами нашего анализа будут стенограммы выступлений Анны Швабауэр [6, 31], занимающейся научно-экспертной и законодательной деятельностью в области семейного права. В течение последних лет А. Швабауэр выступает против цифровой трансформации, реализуемой в России посредством внедрения технологий ИИ. На примере нескольких отрывков попробуем определить, с помощью каких языковых средств она осуществляет свои коммуникативные цели.

(1) В России **оцифровка активно пошла** с 2016-17 года. У нас во всех сферах **приняты законы о внедрении** единых централизованных баз данных, в частности, в сфере **соцобслуживания внедряется Единая государственная информационная система** социального обслуживания, здравоохранения – Единая государственная информационная система в сфере здравоохранения, **пытались** такую же систему **сделать** в образовании «Контингент учащихся», но **протесты родителей не позволили принять** этот закон, было **наложено вето президента**. Тем не менее, эта **система продвигается** на уровне региональных баз и через цифровую образовательную среду. Этот эксперимент у нас тоже **пытаются ввести**, несмотря на массовые протесты родителей.

Обратим внимание на организацию субъектного плана в примере (1). Предложения, в которых говорится о действиях по внедрению государством систем ИИ, можно поделить на несколько типов: а) неопределенно-личными (*попытались сделать, попытаются ввести*); б) пассивно-результативными, где предикат выражен кратким страдательным причастием, предидицируемый компонент — предметным именем, а субъект действия не назван (*законы приняты, вето президента наложено*); в) объектно-пассивными с неназванным агенсом и фазисно-каузативным оттенком (*система внедряется, система продвигается, оцифровка пошла*). Субъект находится на своем месте только в предложении с полипредикативной конструкцией, вторичным номинализированным коррелятом [16, с. 143] (*протесты родителей не позволили принять закон* = родители протестовали), которое сообщает о целенаправленных действиях родителей, не согласных с нововведениями. Такая субъектная структура позволяет автору подниматься на уровень обобщения, представлять государство, внедряющее новые технологии, чем-то обезличенным и аморфным, а человека, напротив, (пока ещё) обладающим волей.

(2) К сожалению, мы видим, что **цифровизация идёт в таком добровольно-принудительном порядке**. И даже если прямо на нас **не говорится** о том, что **вы обязаны**, фактически **создаются такие условия**, когда, как называется, **сложно отказать**. Вот, например, с этой цифровой средой сейчас родители **заталкивают** буквально с детьми на эти цифровые платформы для образования: МЭШ, РЭШ, Сферум, Сбер, разные. Если **родители пытаются сопротивляться**, **говорят** о том, что **мы не хотим**, чтобы наш **ребёнок учился** на такой платформе и **сливал** туда свои данные, а всегда регистрация связана с тем, что **ты передаёшь** персональные данные соответствующих платформ. Ему уже **говорят** так: в таком случае, **вы не обеспечиваете** выполнение домашнего задания ребёнка и **нарушаете его права**, а тут уже **включаются ювенальные технологии**.

Ещё ярче эта оппозиция прослеживается в отрывке .

(2). Неопределенно-личное значение, имеют только те предложения, в которых сообщается о принуждении к использованию новых технологий (*нам не говорится; создаются условия; родителей заталкивают на цифровые платформы; ему говорят*). Говорящий исключает себя из возможных субъектов действия, вводя идею эксклюзивности [15, с. 110]. Неопределенно-личные предложения становятся носителями «оценочного значения большой силы и композиционной функции, противопоставляющей разные субъектные сферы» [18, с. 462]. В то же время при предикатах, обозначающих ответные действия родителей и детей, субъект выражен формой И.п. (*родители пытаются сопротивляться, говорят; ребенок учился, сливал данные; ты передаешь; вы не обеспечиваете выполнение задания и нарушаете права*). На месте подлежащего мы также видим существительные *цифровизация* и (*ювенальные*) *технологии*. Не называя тех, кто проводит цифровизацию и применяет ювенальные технологии, автор подчеркивает, что последние находятся не в руках людей, а существуют уже сами по себе, оторванные от тех, кто их хотел реализовать. Наконец, конструкция с предикатом на -о и инфинитивом (*сложно отказать*), с помощью которой «говорящий, вольно или невольно, снимает ответственность за дело с себя, с исполнителя» [18, с. 162], служит передаче следующего смысла: в новом мире создаются такие условия, где человек не имеет право выбирать.

Последнее подтверждают и примеры (3) — (4), где позицию подлежащего занимают неодушевленные существительные (*цифровая платформа, сервис*), а объектом их активного действия является человек, полностью зависимый от их решений.

(3) В данном случае **цифровая платформа будет принимать решение** [о том], что тебе что-то надо или что-то не надо.

(4) Проактивный сервис — это **сервис, лишаящий тебя свободы воли, который навязывает тебе определенную траекторию жизни**.

В отрывке (5), который аналогичен первому и второму по способу организации субъектного плана, примечательно то, что автор сначала утверждает существование человека *для системы* (посредством введения субъектно-авторизирующей синтаксемы *для+Р.п.* система становится авторизатором — лицом, «с точки зрения или в интересах которого предиктируемый предмет получает предикативную окраску» [17, с. 43]), используя экзистенциальный предикат (*ты существуешь*), затем «спохватывается» и отрицает это существование (*даже не ты существуешь*), а затем снова утверждает существование, но уже не человека, а его цифрового двойника ([существует] *только твой цифровой двойник*). Употребление выделительно-ограничительной частицы *только*, помога-

ет разделять человека как бы на две составляющие: «ты» и «твой цифровой двойник».

Проводя аналогию между способами осуществления цифровизации и фашистскими методиками, говорящий устанавливает ассоциативную связь «для эффективного манипулирования умозаключениями реципиента» [19, с. 50]. Такой коммуникативный ход «позволяет перенести негативную оценку из одной когнитивной области в другую» [19, с. 169].

(5) *То есть всё в одну базу сливается и выход, соответственно, там на детей, родителей, там такое генеалогическое древо они получают. Также в этом регистре присваивается каждому номер, фактически идет такая нумерация, поэтому у нас однозначно идут ассоциации с фашистскими методиками. Что человеку присваивают номер-идентификатор, и ты существуешь для этой системы исключительно под каким-то номером, и даже не ты существуешь, а только твой цифровой двойник. Вот что их волнует.*

(6) *То есть, речь идёт о том, что кому-то нужен цифровой профиль, наш цифровой двойник, в котором будет фиксироваться даже видео и аудио практически каждого шага нашей жизни. И теперь мы точно понимаем, что такое «непрерывная образование». Да это сбор данных в течение жизни! И не просто сбор данных, а управление.*

(7) *А дальше уже управление идёт без нашей воли фактически, такая «прихватизация» наших данных.*

(8) *И, к сожалению, вот эти все методички, которые мы видим, на самом деле, показывают, что угроза нашей жизни очень серьёзная, она уже сейчас воплощается, потому что в поправках к Закону о Госуслугах внесена ещё одна важная поправка: Внедрение проактивного подхода. Что это такое?*

Отрывки (5) — (8) иллюстрируют частое употребление личного местоимения первого лица множественного числа и соотносимое с ним притяжательное местоимение (*у нас идут ассоциации, наш цифровой двойник, без нашей воли, угроза нашей жизни* и т.д.). Таким образом автор обращается к регулярной и универсальной оппозиции «свой» — «чужой». Говорящий впускает адресатов в свою сферу, предлагая им разделить его мнение. На концептах «свой» — «чужой» базируется «когнитивная категория базового уровня», а обращение к ней оценивается как «инструмент речевого воздействия» [19, с. 43]. Это «позволяет установить отношения между говорящим, реципиентом и третьими лицами» [19, с. 202]. Адресант убеждает адресатов в том, что перспектива цифрового мира, которую пытаются навязать «они», окажется для всех губительной.

Среди иных средств, которые используются для формирования негативного образа цифровизации, отметим также оценочные предикаты (**проталкивают** цифровизацию, **заталкивают** на цифровые платформы, **загнал** в виртуальный мир), паронимическую аттракцию («**прихватизация**» наших данных), существительные с отрицательно-оценочной семантикой, обозначающие трансгуманистические идеи (просто **дегенерация** для детей, **расчеловечивание** наших детей).

В отрывках (2), (8) присутствует реактивная модусная рамка, к сожалению. Всего в тексте она встречается шесть раз. К слову, антонимичные ей модусные компоненты (например, к счастью) в тексте замечены нами не были. Это может говорить а) о высокой степени включенности говорящего в сообщение; б) о его резко негативной оценке того, о чем сообщается.

Исходя из анализа, можно заключить следующее: ряд отмеченных нами языковых особенностей работает на создание отпугивающего образа цифровизации. Затемнение субъекта действия в предложениях с неопределенно-личной семантикой, введение оппозиции «свой» — «чужой» позволяют в соответствии с замыслом говорящего передать «угрожающее ощущение чужого, чуждого мира, враждебного» [18, с. 471]. В этом новом технологическом мире найдется место только цифровому двойнику, но не самому человеку.

2. Образ искусственного интеллекта, формируемый его адептами

Адептами (или евангелистами) искусственного интеллекта, как правило, являются те, кто заинтересован в его скорейшем внедрении в жизнь общества. Среди них — маркетологи и предприниматели, продвигающие свои технологические продукты, чиновники, видящие в ИИ решение для трансформации различных отраслей, журналисты, воодушевленно и некритично пересказывающие слова ученых и разработчиков ИИ, подчиняющие научные данные «сиюминутным политическим или идеологическим целям» [8, с. 37].

На примере выступлений и интервью предпринимателя в сфере информационных технологий Ольги Усковой, возглавляющей компанию-разработчик систем автономного управления наземным транспортом, мы проанализируем, какое место в мире отводится ею человеку и ИИ [7, 12, 13, 23].

(9) Мы приняли решение о том, что теперь начинаем делать **мозги для транспорта**. Причем **мозги в самом человеческом представлении**. Практически как **человеческий мозг**. Это некое устройство, которое **превращает объект в субъект** — **думающий, принимающий решения**. У вас была железяка, мы ставим наши

мозги, и у вас возникает думающее и соображающее существо.

(10) Мы производим **искусственные мозги** для локомотивов. Был объект, предмет, бездушное существо. Мы приставили тот мозг, который мы сделали. Он начал **соображать**, он начал **чувствовать**, он начал **понимать** то, что происходит перед ним.

В своих выступлениях О. Ускова часто говорит о том, что разработки её компании позволяют превращать объект в субъект, «железяку» в «соображающее существо». Это отражается в построении субъектно-объектных отношений в отрывках (9) — (10). Если сначала **мозги** (т.е. искусственных интеллект) являлись объектом действий людей (*мы начинаем делать мозги для транспорта, мы ставим наши мозги, мы производим искусственные мозги*), то затем эти же мозги заняли место субъекта, приобрели самостоятельность и способность мыслить путем введения предикатов, обозначающих ментальные действия (*думающий, принимающий решения, соображающий, начал понимать*), и глагола восприятия (*начал чувствовать*).

(11) — А какой **тип мышления у ИИ Cognitive Pilot сейчас? — Мужской**. Если говорить конкретно про комбайнера-агробота *Cognitive Agro Pilot*, то мужской. **Он выполняет очень мужскую работу, управляет сельхозтехникой**.

Отвечая на вопрос журналиста (11), Ускова даже наделяет ИИ мужским типом мышления. Механизм фактически приобретает биологический пол.

(12) **Искусственный интеллект работает безопасно вне зависимости от времени суток и настроения. Он не бывает сонным, голодным, раздраженным, депрессивным или пьяным**.

Приобретая некоторые антропоморфные черты, ИИ в чем-то продолжает сохранять свою механическую природу. Так, автор в отрывке (12) автор употребляет глагол *работать*, который при использовании с одушевленными именами передает значение деятельности, занятия, но, «сочетаясь с именами предметных субъектов, утрачивает значение действия, поскольку неживые предметы действовать не могут», и превращается в глагол функционального значения, сообщающий об «исправном/неисправном функционировании предметов-артефактов, механических устройств» (ср. *Телевизор работает, Нож режет*) [18, с. 61-62]. Синкретизм акционального и функционального значений, возникший в данном глаголе, оказался удобным средством для языковых манипуляций среди адептов ИИ. Кроме того, автор отказывает ИИ в способности испытывать физические (*быть сонным, голодным, пьяным*) и душевные состояния (*быть раздраженным, депрессивным*), которые бы могли помешать его

работе. Конечно, в этом отрывке явно прослеживается импликатура — в отличие от человека

Двойственная природа ИИ (машинная и человеческая), часто подчеркиваемая говорящим, заложена в самом термине *искусственный интеллект*, который, «если воспринимать его не в константном, профессионально выверенном значении, а в значении виртуальном, футуристически-оптимистически отождествляющем человека и машину (человеческий ум и машинный «интеллект»), оказывается органичной частью языкового обеспечения трансгуманистического дискурса». В рамках этого дискурса О. Ускова активно использует и другие похожие сочетания: *искусственные мозги, искусственная интуиция, искусственное чутье*.

(13) *Отличие человека от робота — генерация самостоятельного смысла. Все остальное при развитии техники **робот может делать лучше, чем человек**. Меня часто спрашивают ваши коллеги: а как же журналистика? Если журналист занят только перепечатыванием пресс-релизов, то на фиг он нужен? **Робот сделает лучше, точнее, без багов, не будет брать взятки. Чистый информационный новостной поток он сделает лучше человека**.*

(14) *В 2018 году Cognitive презентовал в США технологию Low-Level Data Fusion, которая совмещала четыре интересных технологии **с целью преодолеть планку человека-эксперта**.*

(15) *Чиновника **искусственный интеллект** уже сейчас **спокойно заменит**.... Я могу сказать, что **искусственный интеллект готов для такой замены**, но общество пока не готово, это чисто моральный вопрос.*

(16) *Надо переводить зоны повышенной опасности на роботизированное управление. Я бы **ядерную кнопку** ни одному человеку в мире сегодня не **доверила, а роботу** — да. Ни одно государство в мире сегодня не способно к логическим поступкам. Нужны **блокаторы эмоциональной раскочки**. Люди с этим не справляются.*

Употребляя компаративные конструкции в примере (13), говорящий отмечает преимущества робота над человеком. Для усиления эффекта высказывания используется лексический повтор (*лучше*). ИИ, по словам автора, способен *преодолеть планку человека* (14), выйти за его границы. В отрывке (15) ИИ уже вовсе готов *спокойно заменить* чиновника — человека, который принимает участие в управлении государством. А в примере (16) роботу предлагается доверить ядерную кнопку (к которой обычно имеет доступ высшее военное и политическое руководство страны), поскольку он, в отличие от лидеров всех государств, не способен испытывать какие-либо эмоции. Использование глагола *доверить* (считая человека способным сделать трудное для него

и ответственное дело, поручить или разрешить его сделать [1, с. 169]) говорит о том, что с роботом человеку следует взаимодействовать как с себе подобным.

(17) *Человеческий мир кончился. Мы уже с вами живем в робото-человеческом мире. Та **коробочка**, которая у вас в кармане, — это фактически **ваше продолжение**. Это **коробочка, набитая искусственным интеллектом**, которая **подсказывает** вам рекламу, расписание, дорогу, цитаты и так далее и потеря которой приводит вас в панику, в паническое состояние...*

(18) *Третья история — медицина. Человек хочет жить вечно, и все, что связано с нейронками, с точностью операций, с точностью диагностирования, с нейрочипами... **Человек дополненный**. Это уже происходит. Вы сейчас сидите с телефоном и держите в руках **фактически ваше интеллектуальное расширение**, какая разница — вшитое под кожу или нет. У вас в руках уже **расширенный мозг**, вы боитесь потерять его. Скоро просто этот **функциональный блок физиологически дополнит ваш организм**.*

(19) *Если человек хочет быть полиглотом, и знать максимальное количество языков для того, чтобы широко изучать культуру разных народностей, **он себе навтыкает чипов**, конечно. Потому что сидеть и учить язык — это дело мучительное, мало благодарное.*

(20) *Кто готов вживить себе чип, чтобы знать еще четыре языка без обучения? (...) А кто считает вживление чего-либо в свой организм неприемлемым? (...) Хочу огорчить вторую группу: здесь нет принципиальной разницы. Вживляете ли вы гаджет под кожу или таскаете с собой, **вы уже дополненный человек, трансгуманоид**.*

Каким же О. Ускова видит самого человека? В примерах (17) — (20) он представляется далеко не совершенным: ему мучительно сидеть и учить иностранные языки, он мечтает жить вечно. Его мир кончился, он оказался в новой реальности — робото-человеческом мире. Чтобы человек занял свое место в этом мире, его нужно «дополнить» и «продолжить»: расширить мозг, внедрить чип. Очевидно, автор является носителем и выразителем трансгуманистических идей, «идеологии расчеловечивания человека» [5, с. 754]. Очень точно о рисках, связанных с этой идеологией, пишет С.С. Хоружий: «Действительная опасность — отнюдь не прогресс науки, а явно обозначившаяся, упорная игра Человека на понижение (самого себя)» [30, с. 30].

(21) ***Человечество само себя прокормит при таком росте популяции уже не может. Без роботов не справиться. Освоение новых земель без роботов невозможно**.*

(22) *По данным ООН, 870 млн человек на планете голодают. **Единственный выход**, который на самом деле*

существует у человечества для того, чтобы не пухнуть от голода в разных регионах, как это сейчас происходит, — это научиться роботизированно **обслуживать поля, осваивать земли при помощи роботов** — агроботов.

Эту «игру на понижение» мы наблюдаем и в отрывках (21) — (22). Инфинитивное предложение (*Без роботов не справиться*) и другие показатели онтологической невозможности (*человечество не может себя прокормить, без роботов невозможно*), которая «вытекает из объективного устройства мира» [25], помогают говорящему передать свою уверенность а) в человеческом бессилии, б) во всеилии роботов. Напомним, что О. Ускова — владелица компании, производящей наземный транспорт, в том числе комбайны, поэтому в её интересах апеллировать к грядущей гибели человечества от голода (а не от глобального потепления или ядерного взрыва, к примеру) и предложить именно такой *единственный выход* из складывающейся ситуации.

(23) **Вместо людей в производство заходят роботизированные системы с ИИ. Но трясти нас с вами будет не по-детски в этот переходный период еще лет 20–30. Ключ в личном позиционировании в этой новой реальности. Самое главное решение — это желание выжить. Не сложить лапки и залечь на диван, а мотивированно заявить свою роль в новом мире и бороться за нее.**

Однако, когда роботы начнут выполнять работу вместо человека, он сам будет вынужден искать себе место в новой реальности (23), *выживать*, как говорит О. Ускова. Отметим, что автор использует глагол *бороться*, обозначающий социальное intersubъектное действие. Но с кем человек будет бороться — не сообщается. С людьми или уже с машинами?

Итак, анализ показал, что О. Ускова при помощи различных языковых средств (употребления глаголов отдельных классов, построения субъектно-объектных отношений и др.) создает и транслирует определенную картину мира — с понижением ранга человека и повышением ранга ИИ. Её коммуникативная цель состоит в «коррекции модели мира адресата» [19, с. 109], распространении и утверждении трансгуманистических идей, создании образа «всесильного божества нашего Глобального человека», как писал о компьютере философ А.А. Зиновьев [4, с. 11].

3. Позиция разработчика ИИ: машина как инструмент

На примере текстов интервью И.С. Ашманова, кандидата технических наук, специалиста в области разработки ИИ и программного обеспечения, определим, каким

видят ИИ сами его разработчики [9, 10, 24].

(24) *ИИ — это такой набор алгоритмов, программных правил, методов оптимизации, машинного обучения и так далее, который позволяет машине имитировать некоторые когнитивные (то есть умственные) функции человека. Именно имитировать.*

(25) *Тем, кто этим ИИ занимается, известно более скучное определение ИИ: это такой пучок методов оптимизации, которые должны имитировать человеческие функции. Вот и всё. Причём, естественно, имитация человеческих функций происходит совершенно не так, как человек их выполняет.*

(26) *ИИ – это россыпь задач по имитации самых разных функций человека. Задачи создания компьютера, осознающего себя – среди них нет, по крайней мере у разработчиков, а не шарлатанов.*

В первую очередь обратим внимание на определения (24) — (26), которые И.С. Ашманов даёт ИИ в различных интервью. ИИ — это алгоритмы, задачи, программные правила, методы оптимизации. Автор использует техническую терминологию, говоря об ИИ исключительно как о технологическом продукте. Он подчеркивает, что машина способна лишь имитировать (воспроизводить что-либо с возможной точностью [2]) некоторые функции человека, а не повторять его в точности.

(27) *Никакого мышления там внутри, конечно, нет. Это просто некие сложные алгоритмы, у которых непредсказуемый результат может получаться просто в силу их высокой сложности.*

(28) *Никакого сознания там не зарождается, а уж тем более воли. Там могут быть непонятные эффекты и сбои, как и с любыми сложными техническими устройствами.*

(29) *Мы говорим, таким образом, об имитации человеческих функций (возможно, совершенно какими-то другими, нечеловеческими методами), а не о том, что в машине заведётся разум.*

(30) *Это разработчики ИИ, которые смотрят на него очень практически, скучно, прагматично, они делают системы искусственного интеллекта, понимают, что у данного продукта есть определенный уровень качества, условно говоря, полнота и точность того, что он делает, порог использования.*

Ашманов отмечает, что перед разработчиками не стоит задача создать осознающий себя компьютер. В примерах (26) — (29) он отрицает наличие у машины мышления, сознания, воли, разума — высших психиче-

ских процессов и функций, имеющих социальную природу [26, с. 72], а значит отличающих человека от других живых существ. Вспомним носителя прямо противоположной точки зрения О. Ускову, которая утверждала, что у ИИ есть мозг, интуиция, чутье, и заявляла о его всемогуществе. Ашманов же в отрывке (30) сообщает об уровне качества, пороге использования ИИ, замечая, что его нельзя использовать для решения любых задач.

(31) *Мозг — это не компьютер. Там ничего общего с компьютером нет. Нет постоянной и оперативной памяти, нет процессора, мозг не «обрабатывает информацию». Компьютер не похож на мозг, и наоборот — как нет ничего общего у автомобиля с лошастью.*

Также И.С. Ашманов отрицает возможность применения к описанию человеческого мозга компьютерной метафоры (31), к которой в связи с развитием информационных технологий в последние десятилетия все чаще обращаются многие ученые и которая «переинтерпретирует наши представления о сложноустроенной человеческой природе, создает почву для ее концептуального переосмысления» [20, с. 64]. Профессор Стивен Роуз, называя эту метафору «порочной», отмечает, что она «выхолащивает реальное биологическое содержание из психологии» [27, с. 110].

Определим, каким образом позиция говорящего влияет на отбор языковых средств и способы построения предложений в продуцируемых им текстах.

(32) *Про искусственный интеллект постоянно говорят, что он может лишить работы миллионы людей, что создаст социальные проблемы. Это не так, это «замыливание» реальной социальной и общественной проблемы. Ведь **искусственный интеллект сам никого не увольняет, не крадет рабочие места. Социальные проблемы не создаются техническими устройствами. Они порождаются теми кадровиками и управленцами, которые увольняют людей ради дешевой экономики по приказу акционеров.***

В отрывке (32) автор заявляет о том, что ИИ не совершает действия, направленные на упразднение рабочих мест, что вся ответственность за социальные проблемы лежит на людях — *кадровиках, управленцах* (именно они занимают позицию агенса). А представление ИИ в качестве субъекта каких-либо действий является удобным средством для тех, кто желает переложить ответственность за свои неверные решения на машину.

(33) *Этих и так уже социально достаточно ущемленных и подавленных людей, в основном мексиканцев, **поставили под контроль ИИ. Там установили камеры, которые научили распознавать перекуры, перерывы в работе, хождение, не связанное с выполнением прямых***

*служебных обязанностей, и так далее. Сейчас **людей непрерывно гоняют электронным хлыстом, штрафуют, наказывают, увольняют** за мельчайшие нарушения, **делают из них роботов**, короче говоря.*

В примере (33) сообщается о том, как владельцы магазина с помощью технологий ИИ усилили контроль за сотрудниками. Отметим, что ИИ здесь занимает позиции инструмента (*гоняют электронным хлыстом*) и компонента, обозначающего «вступление в положение социальной зависимости лица» (*поставили под контроль ИИ*) [17, с. 219]. Однако эту социальную зависимость порождает не сам ИИ, а люди, которые применяют его для своих целей. При восьми предикатах отсутствует субъект, хотя они явно обозначают действия людей (*гоняют, штрафуют, увольняют* и др.). Говорящий отказывается как-либо называть тех, кто желает сделать из других людей роботов.

(34) *В такой конфигурации **ИИ** не облегчает труд людей, а **становится электронным надсмотрщиком, который не знает жалости, не ведает усталости, не отворачивается, с которым нельзя договориться, упрямый или разжалобить.** Начинается какая-то чудовищная антиутопия в реальности. При этом никакого собственного интеллекта в искусственном интеллекте нет. Просто одни **люди используют электронный хлыст**, чтобы хлестать других людей с целью выжать больше денег.*

Говоря об ИИ как об *электронном надсмотрщике* в отрывке (34), автор лишает его антропоморфных черт. ИИ не может испытывать эмоциональное (*не знает жалости*) и физиологическое состояние (*не ведает усталости*). Человеку нельзя с ним договориться (глагол социального интерсубъектного действия), то есть быть в позиции «на равных». Использование каузативных глаголов (*нельзя упрямый, разжалобить*) говорит о том, что человек никаким образом не может воздействовать на ИИ. По представлениям говорящего, ИИ — это механизм, который хорошо выполняет заложенные в него функции. В последнем предложении ИИ снова занимает позицию инструмента, с помощью которого одни люди подчиняют других.

(35) *Надо понимать, что, хотя **решает вроде бы алгоритм, политику, этику, принципы в него всё равно закладывают люди, которые могут ошибаться или быть злонамеренными. Однако на основе этих ошибок машина начинает управлять людьми, и её решения не подлежат оспариванию, они конечные.***

В примере (35) говорящий при субъекте *алгоритм* использует глагол ментального действия *решает*, «закрывающая» его модальной частицей *вроде бы*, выражающей сомнение, неуверенность [28, с. 724]. Почему автор делает

такой выбор, мы понимаем далее. Все решения, которые якобы принимает ИИ, основаны на принципах, заложенных в него людьми (алгоритм здесь является объектом их действий). Однако далее машина и люди меняются местами: человек становится объектом ее действий. Но управляет она людьми только на основе их же ошибок, обращаясь к их опыту, не к своему собственному.

(36) *Люди накладывают на ИИ свою этику. Например, вы обучаете ИИ для найма персонала. Даете ему данные о том, каких людей нанимали в вашу большую корпорацию раньше <...> И вот нейронная сеть усваивает сложившуюся практику и записывает в свои вероятностные коэффициенты, что, допустим, темнокожих, женщин, больных, пожилых нанимать невыгодно, — вот и всё, дискриминация. Это если вы делегировали ИИ финальное право решать.*

То же самое мы наблюдаем в отрывке (36). Люди обучают машину, накладывают на нее свою этику, которая включает в себя не моральные и нравственные принципы, а данные, вероятностные коэффициенты. Автор использует техническую терминологию, проводя четкую границу между человеком и машиной. Человек делегирует (передает свои права или обязанности [1, с. 79]) право решать машине. Он все еще остается целенаправленно действующим субъектом. Он подчиняет себе ИИ в соответствии со своими целями и интересами, а не наоборот.

Таким образом, И.С. Ашманов, имея непосредственное отношение к разработке ИИ, транслирует научную картину мира. ИИ в его текстах лишен антропоморфизма, самостоятельности. Часто отводя ИИ в предложении позицию инструмента или объекта действия, автор подчеркивает его машинную природу. Рядом с ИИ в текстах И.С. Ашманова всегда присутствует его создатель — человек. Именно он закладывает в машину программы, управляет ею, а значит несет ответственность за результаты применения технологий.

4. Анализ дискуссии противника и адепта искусственного интеллекта

Анализ прямой дискуссии между публицистом Виктором Мараховским и исследователем ИИ Романом Душкиным [11], состоявшейся в радиоэфире, дает возможность через селекцию и комбинацию языковых средств говорящими выявить их принципиальные расхождения в отношении к одним и тем же явлениям.

(37) Роман Душкин: *Сегодня мы находимся в турбулентности новой технологической революции. Это не хайп, не такая шумиха, которая поднялась с выходом новых генеративных моделей искусственного интеллекта, это действительно революция, которая подо-*

рвет и уже начинает подрывать все устоявшиеся социальные отношения и не только социальные, вообще любые отношения, которые в обществе устоялись в течении текущего технологического уклада. И, собственно, мы, люди, должны быть готовы к этому, поскольку являемся высоко адаптивными биологическими системами и должны быстро переделывать сами себя, переделывать свое общество для того, чтобы адаптироваться к новым условиям жизни.

Свою речь Р. Душкин начинает ярким заявлением о наступающей революции, которая подорвет (нанесет вред, ущерб [2]) имеющиеся социальные отношения. Грядущий технологический переворот представляет угрозу для общества. Однако вместо того, чтобы остановить эту революцию, человеку предлагается приспособиться к новому миру. Говорящий использует показатель деонтической необходимости — люди должны («Агэнс обязан совершить некоторое действие, если есть человек или институция, авторитет которых он признает» [25]). Обратим также внимание на то, что людей автор называет биологическими системами, которые должны переделать себя. В тексте явно прослеживается всё та же трансгуманистическая риторика.

(38) Виктор Мараховский: *Либо у нас мессианство — мы приходим и приносим новый ИИ, который нам позволит..., и дальше берем на себя ответственность за все, что случится. Либо у нас мессианства нет, но мы знаем, как исправить вот эту проблему и эту. Мы обещаем, что не породим новую, но с этой задачей мы справляемся. Это просто резко снижает накал мессианства, революционности и прочих заносчивых амбиций уважаемого прогрессорства.*

Возражая собеседнику, В. Мараховский называет прогнозы адептов ИИ мессианством (подразумевая под мессией ИИ) и прогрессорством (термин принадлежит А. и Б. Стругацким и означает содействие быстрейшему развитию внеземных гуманоидных цивилизаций [22]). Используя лексический повтор (мы), назначая людей субъектами действий (мы приходим, приносим, берем на себя ответственность, обещаем, справляемся с задачей), а ИИ — объектом (Мы приносим новый ИИ), говорящий подчеркивает, что именно люди несут ответственность за то, к чему могут привести достижения прогресса.

(39) Роман Душкин: *У нас работает Технический комитет №164 при Росстандарте, который занимается вопросами стандартизации и обеспечения доверия к тому, как системы ИИ себя ведут, какие результаты выдают. <...> Те стандарты, которые сейчас принимаются Росстандартом, как раз направлены на то, чтобы в нашем обществе таким проблем, как, например, кто-то отравил данные и в нужный момент показал беспи-*

лотному автомобилю QR-код, и **он совершил какое-то противоправное деяние**, чтобы такого не было, люди работают.

У ChatGPT нет сенсорных систем для этого [сбора информации из окружающего мира]. У нее только **одна сенсорная система — это чат**, через который с ней общаются. У нее нет подключения к внешнему миру: она не может **пойти в Википедию**, посмотреть ответ на какой-нибудь вопрос. <...> **Плагины станут для чат сенсорами во внешний мир.**

Она [ChatGPT] **выдумывает** ответ. Она [ChatGPT] **может говорить**, то есть **воспринимать и сообщать** текст. Она [ChatGPT] может **«видеть»** картинки, т.е. их **описывать** и генерировать.

Искусственные нейронные сети как раз и делают то, что **проявляют интуицию.**

В примере (39) собраны высказывания Р. Душкина об ИИ и его системах. Обратим внимание на то, какие признаки приписывает автор ИИ. ИИ может **совершить противоправное деяние**, т.е. осмысляется говорящим как субъект права. ChatGPT обладает сенсорными способностями (**может воспринимать, видеть**) и воспринимает окружающий мир через особые каналы — чаты, плагины, Википедию. У ChatGPT есть речевые умения: она может **говорить, сообщать текст, описывать** картинки. ИИ **выдумывает** ответ, **проявляет интуицию**, то есть выполняет ментальные действия. Наконец, системы ИИ могут **себя вести** каким-либо образом. Под поведением в Психологическом словаре понимается «целенаправленная система последовательно выполняемых действий, осуществляющий практически контакт организма с окружающими условиями», а источником поведения являются потребности организма [26, с. 348]. Из этого следует, что автор говорит об ИИ как о живом существе, способном к целенаправленным действиям и имеющем потребности.

(40) Виктор Мараховский: *Одной из основных проблем цивилизации, особенно в последние пару столетий, стало появление класса людей, которые, в сущности, работают роботами, причем плохими и глюкавыми, **выполняя не всегда хорошо алгоритмическую деятельность, таким образом отнимая у роботов совершенно заслуженную ими работу.** Это все нужно давно отдать роботам.*

Мараховский же в примере (40) утверждает, что работы всего-навсего выполняют **алгоритмическую деятельность**, которую отдельные люди у них «отнимают». Эта работа достаточно проста, она не требует ни высокой квалификации, ни творческих способностей.

(41) Роман Душкин: *Человек занимает **должность***

***винтика** в большой системе. Один **человек** в мире технологического развития, которого мы достигли, своим собственным интеллектом **сделать ничего не может.** И нам приходится создавать организационный интеллект, подтип ролевого интеллекта.*

Говоря о человеке, Душкин включается в описанную выше «игру на понижение». В новом мире человек лишь **винтик** (здесь видятся отголоски механистической картины мира). Он **не сможет** (показатель онтологической невозможности [25]) **ничего сделать своим собственным интеллектом**, поэтому должен создавать искусственный. Автор повторно высказывает мысль о несовершенстве человеческого интеллекта, человеческой природы.

Итак, анализ прямой дискуссии противника и сторонника новой технологической революции помог выявить разницу в их представлениях об ИИ и человеке. Позиции коммуникантов выявляются через отбор и сочетание речевых средств. Р. Душкин с помощью показателей субъективной модальности и особого подбора предикативных признаков одушевляет искусственные системы, демонстрирует упрощенное понимание человеческой природы. В. Мараховский, говоря об ИИ как об объекте действий людей, возлагает ответственность за возможные последствия НТР на человека, а не на ИИ.

Выводы

Можно заключить, что участники общественного диалога по проблемам искусственного интеллекта посредством комбинации различных языковых средств выстраивают разные модели мира. Неопределенно-личные конструкции позволяют А. Швабауэр противопоставлять разные субъектные сферы, выстраивать оппозицию «свой» и «чужие» с целью создать угрожающий образ цифровизации, передать ощущение враждебного мира будущего без человека. О. Ускова, часто нарушая субъектно-предикатную обусловленность (т.е. используя при неодушевленных именах предикаты ментального действия, восприятия), выстраивая особые субъектно-объектные отношения (в зависимости от коммуникативной цели ставя на позицию субъекта то человека, то ИИ), осуществляет трансляцию трансгуманистических идей. Она представляет человека слабым, уязвимым и поэтому нуждающимся в «дополнении» и «расширении», а ИИ, напротив, — могущественным и всевластным, призванным избавить человечество от бед и проблем.

Если перед противниками и адептами ИИ стоит цель сформировать определенные представления о нем, то разработчики такую цель не преследуют, поскольку создают сам механизм, а не его образ. Поэтому И.С. Ашманов подчиняет имеющийся в его распоряжении языковой инструментарий единой интенции — отделить дискурс реального положения дел от дискурса предположений

и домыслов [5, с. 747]. Говоря об ИИ как о помощнике человека, Ашманов ставит ИИ на позицию инструмента в руках людей, отрицает возможность использования глаголов целенаправленного действия в соседстве с ИИ. Оставаясь в рамках научной картины мира, Ашманов с помощью техницизмов описывает ИИ как функциональное устройство.

На примере прямого диалога между противником «прогрессорства» В. Мараховским и апологетом искус-

ственного разума Р. Душкиным нам удалось определить принципиальную разницу между их представлениями об ИИ, о месте человека в мире. Если в риторике Р. Душкина явно прослеживаются идеи трансгуманизма и механицизма, которые он выражает посредством показателей субъективной модальности, приписывания ИИ свойств живого организма, то В. Мараховский говорит об ИИ как о неперсонифицированной системе, работающей на основе алгоритмов и находящейся в подчинении у человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Активный словарь русского языка. Т. 3. Д — З. / Редакторы тома: В.Ю. Апресян, И.В. Галактионова, Б.Л. Иомдин; Под общ. рук. акад. Ю.Д. Апресяна. М., СПб.: Нестор-История, 2017.
2. Большой академический словарь русского языка. Т. 7, 18. / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед.; ред. Л. И. Балахонова. М., СПб.: Наука, 2004–2019.
3. В гостях у коллекционера: Ольга Ускова о том, зачем программистам абстрактное искусство. URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/406819-v-gostyah-u-kollekcionera-olga-uskova-o-tom-zachem-programmistam-abstraktnoe> (дата обращения: 22.02.2023).
4. Виноградов В.В. О задачах стилистики. Наблюдения над стилем Жития пророка Аввакума // Избранные труды. О языке художественной прозы. М., 1980. С. 3–41.
5. Волков В.В. Искусственный «интеллект» и человеческий ум: футуристическая синекдоха и реальность (лингвистический и лингвоментальный аспекты) // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. №4. С. 745–759.
6. Выступление Анны Швабауэр о цифровизации образования в аналитическом центре при Правительстве РФ. URL: <https://ouzs.ru/news/vystuplenie-anny-shvabauer-o-tsifrovizatsii-obrazovaniya-v-analiticheskom-tsentre-pri-pravitelstve-r/> (дата обращения: 19.02.2023).
7. Герман Греф и Ольга Ускова о будущем искусственного интеллекта. URL: https://cognitivepilot.com/blog_uskova/german-gref-i-olga-uskova-o-budushhem-v-iskusstvennogo-intellekta/ (дата обращения: 22.02.2023).
8. Горохов В.Г. Новая жизнь «Искусственного интеллекта» в проблеме технического усовершенствования человека // Естественный и искусственный интеллект: методологические и социальные проблемы. Под ред. Д.И. Дубровского и В.А. Лекторского. М., 2011. С. 17–47.
9. Игорь Ашманов: «Начинается какая-то чудовищная антиутопия в реальности». URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/485833> (дата обращения: 11.03.2023).
10. Игорь Ашманов о будущем домашних роботов. Домашние роботы: накануне торнадо. URL: <https://old.sk.ru/news/b/press/archive/2015/03/30/igor-ashmanov-o-buduschem-domashnih-robotov-domashnie-roboty-nakanune-tornado.aspx> (дата обращения: 11.03.2023).
11. Игра в имитацию: как понять искусственный интеллект? URL: <https://radiosputnik.ria.ru/20230328/1861364329.html> (дата обращения: 02.04.2023).
12. «Искусственный интеллект не бывает пьяным» — «мать терминаторов» Ольга Ускова. URL: <https://moskvichmag.ru/gorod/iskusstvennyj-intellekt-ne-byvaet-pyanym-mat-terminatorov-olga-uskova/> (дата обращения: 22.02.2023).
13. Искусственный интеллект среди нас. Cognitive Pilot в тройке лидеров, Ольга Ускова. URL: https://www.youtube.com/watch?v=9IPaDJnluDw&ab_channel=CognitivePilot (дата обращения: 22.02.2023).
14. Зиновьев А.А. Глобальный человек. М.: ЭКСМО, 2006. 443 С.
15. Золотова Г.А. Грамматика как наука о человеке // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1 (1). С. 107–113.
16. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: URSS, 2006. 366 С.
17. Золотова Г.А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М.: Наука, 1988. 440 С.
18. Золотова Г.А., Ониненко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: Филол. фак. МГУ им. М.В. Ломоносова, 2004. 524 С.
19. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: УРСС, 2003. 284 С.
20. Клементьева А.А. Лингвистические особенности междисциплинарного диалога по вопросам искусственного интеллекта // Филология и человек. 2022. № 4. С. 59–72.
21. Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта. М., 2021. URL: <https://a-ai.ru/code-of-ethics/> (дата обращения: 15.02.2023).
22. Мартынов Д.Е. Русское поле утопий: обзор начала XXI века // Международный журнал исследований культуры. 2012. №4 (9). С. 85–93.
23. Мурашки. Ольга Ускова. URL: https://www.youtube.com/watch?v=MB9QnaBSZJ4&t=175s&ab_channel=TEDxTalks (дата обращения: 22.02.2023).
24. «Нужен аудит систем ИИ»: IT-специалист — о проблемах и выгодах внедрения технологий искусственного интеллекта. URL: <https://russian.rt.com/science/article/944185-ashmanov-iskusstvennyj-intellekt-intervyu> (дата обращения: 11.03.2023).
25. Падучева Е.В. Модальность (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2016.
26. Психологический словарь / под ред. В.П. Зинченко, Б.Г. Мещерякова. М.: АСТ, 2004. 479 С.
27. Роуз С. Устройство памяти. От молекул к сознанию. М.: Мир, 1995. 379 С.
28. Русская грамматика / Под ред. Н.Ю. Шведовой: В 2-х томах. Т.1. М.: Наука, 1980. 784 С.

29. Сидорова М.Ю. Субъектная структура текстов о «новой реальности» // Филология и человек. 2022. №2. С.19-37.
30. Хоружий С.С. Проблема постчеловека, или трансформативная антропология глазами синергичной антропологии // Философские науки. 2008. №2. С. 10-31.
31. Цифровая война. На кону будущее России / Анна Швабауэр. URL: <https://ouzs.ru/news/tsifrovaya-voyna-na-konu-budushchee-rossii-anna-shvabauer/> (дата обращения: 19.02.2023).
32. Kellermann K. Communication: Inherently strategic and primarily automatic // Communication Monographs. 1992. V. 59. P. 288-300. URL: <https://kkcomcon.com/doc/KCommStrAuto.pdf> (дата обращения: 28.03.2023).

© Клементьева Алёна Александровна (aklementyeva@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

ОБРАЩЕНИЕ К АДРЕСАТУ В ПОЗДНЕАНТИЧНЫХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ПАРАТЕКСТАХ: КРОСС-КУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ

Соломоновская Анна Леонидовна

Кандидат филологических наук, доцент, Новосибирский
государственный университет (ГИ НГУ)
a.solomonovskaia@g.nsu.ru

TRANSLATOR'S ADDRESS IN LATE ANTIQUITY AND MEDIEVAL PARATEXTS: CROSS-CULTURAL ANALYSIS

A. Solomonovskaya

Summary: The article deals with one of translators' paratexts topoi, namely, the dedication or the appeal to the addressee. Apart from standard greeting formulae this part of the paratexts contains some information about the personal features of the addressee, their relationship with the translator and his merits and achievements. This makes such fragments a valuable source of information. The tone of the translator's address depends on the social status of the formal recipient and their relationship with the translator.

Keywords: paratext, topos, translator's address, relationship, status, compliment, gratitude.

Аннотация: В статье рассматривается один из топосов переводческих паратекстов позднеантичного и средневекового периодов, а именно, посвящение или обращение к адресату. Этот элемент паратекстов, помимо стандартных приветственных формул, содержит информацию о личности адресата, его взаимоотношениях с переводчиком, его заслугах. Это делает эти фрагменты переводческих предисловий и послесловий ценным источником информации. Тональность обращения зависит от общественного положения адресата и личных его отношений с переводчиком.

Ключевые слова: паратекст, тоpos, обращение к адресату, взаимоотношения, статус, комплимент, благодарность.

Одним из видов паратекстов [8] или вспомогательных текстов, сопровождающих основной текст, являются предисловия и послесловия автора или переводчика. Переводческие паратексты обычно исследуются в рамках изучения творчества одного автора (или переводчика), реже – отдельной переводческой школы, и еще реже как жанр, обычно на материале современных переводов (например, в работах [6], [12], [10]). Несколько работ, посвященных рассмотрению особенностей дискурса переводческих предисловий в историческом (но не кросс-культурном) аспекте, были опубликованы в 1989 году [11], [14] в материалах конференции французских филологов-медиевистов. В советской и российской традиции можно указать на несколько работ, написанных на славянском материале, в которых выделяются дискурсивные особенности переводческого предисловия в целом [2], [4]. Однако во всех этих работах исследование выполнено на материале одной какой-то группы переводов и не содержит поэтому кросс-культурного анализа. Кроме того, представляется актуальным отдельное рассмотрение составных элементов-топосов переводческого предисловия.

Фокусом данной статьи является тоpos обращения к заказчику, покровителю или адресату перевода. Материалом послужили 73 предисловия переводчиков позднеантичного и средневекового периодов – начиная от Иеронима Софроника (конец IV – начало V века нашей эры)

и заканчивая предисловием Исаяи Серрского (XIV в.), опубликованные в относительно современных изданиях.

Одним из традиционных топосов предисловия переводчика, восходящим еще к античным временам, в частности, к речам Цицерона, был так называемый *captatio benevolentiae*, или обращение к реальному адресату или шире к потенциальному читателю с просьбой «не судить строго.» Позднее, в течение всего средневековья, вплоть до Эпохи Возрождения, указание имени патрона было важнее указания имени переводчика, так как свидетельствовало о высоком покровительстве и обеспечивало относительную безопасность [15].

В некоторых случаях такое обращение было более менее формальным и кроме обычных эпистолярных формул вежливости не содержало сколь-либо развернутой информации о заказчике или дифирамбов в его адрес. Например, толедский переводчик XII века Авендаут (которого все чаще сейчас отождествляют с еврейским книжником ибн Даудом), в предисловии к латинскому переводу трактата Авиценны «О душе», который он выполнил в тандеме с Домиником Гундисальви, упоминает лишь имя и титул своего заказчика (*Iohanni Reverentissimo Toletanae sedis archiepiscopo et Yspaniarum promati*), а также (скорее всего также ритуально) подтверждает наличие самого заказа *iussum vesrum, Domine*.

Имя адресата (Михаил, епископ Таразонский) и намеки на выраженное таковым желание содержатся в предисловии Хьюго де Санталла к латинскому переводу «Столовия» Птолемея. Книга эта, как выражается переводчик, должна была послужить «навигационным инструментом» (может быть, и в прямом смысле), если заказчику придется пуститься в плавание. Переводчик литургии Василия Великого с греческого на латинский, Николай из Отранто (начало XIII века) также называет имя своего адресата архиепископа Гильермо/Вильяма) из Отранто, а также упоминает о просьбе архиепископа сделать этот перевод.

Иногда указание на адресата сопровождается комплиментом в его адрес. Например, Отфрид Вейсенбургский в сопроводительном письме к «Евангельской гармонии», адресованном епископу Людберту, лишь упоминает его высокое положение и прекрасный литературный вкус, а в конце послания обращается к нему с просьбой дать разрешение на свободное использование «Гармонии» всеми верующими.

Паскаль Римлянин начинает свой пролог к переводу «Кираниды» следующим образом: *Eruditissimo domino magistro Ka. Pa infimus clericus*, обозначая и заказчика и себя лишь инициалом. Переводчик продолжает, выражая восхищение «проницательнейшим знанием» (*sagacitatem tue prudentie*) адресата, который в результате созерцания и размышления поднялся выше «седьмого неба» (*ultra. vii. celos, contemplando penetravit*), но сохранил живой интерес к практическим, земным наблюдениям (в частности, над естественными и «магическими» свойствами растений, животных и камней, которым собственно и посвящены «Кираниды»).

Бургундио Пизанский, закончивший свой перевод гомилий Иоанна Златоуста на Евангелие от Матфея в 1151 году, также обращается к своему заказчику в конце своего предисловия с пожеланием процветания и долголетия в этом мире и вечного блаженства в жизни вечной. В начале же предисловия мы узнаем имя его заказчика – папы Евгения III. В начале же предисловия он говорит о своем заказчике в третьем лице, характеризуя его как человека во всех отношениях очень тщательного (*vir per omnia diligentissimus*), о чем свидетельствует его настойчивость в стремлении обрести полный текст упомянутого сборника.

Мария Французская, писавшая в конце XII – начале XIII века, посвящает поэтический перевод «Басен» Эзопа, некоему графу Уильяму, которого в Прологе называет «цветом рыцарства, учености и куртуазности» (*Ki Flours est de Chevalerie, D'enseignement de curteisie*). В Эпиллоге он же характеризуется как «самый доблестный в этом королевстве» (*le plus vaillant de cest royaume*).

Старший современник Марии Французской, состави-

тель одного из первых англо-норманских историографий, включающей и переводы текстов с латинского и древнеанглийского, Джеффри Гаймар в эпиллоге к своему труду, упоминает заказчицу оною, леди Констанс, которая не только, по-видимому, материально спонсировала компилятора, но и активно принимала участие в подборе и приобретении необходимых ему источников. Делится он с читателем (и возможным будущим спонсором) и новым

Как отмечает М. Гомес [9], предисловия, содержащие обращения к высокопоставленным особам, отличались особым красноречием. Переводчик считал необходимым тонко (или не очень) польстить адресату, подчеркнуть свою некомпетентность по сравнению с ним (что, разумеется, было проявлением топоса скромности) и социальную дистанцию между скромным переводчиком и его прославленным адресатом. Неаполитанец Урсус, переводчик-редактор Жития Святого Василия в IX в., не только называет своего заказчика, но и приводит всю его родословную («сын и внук, брат и дядя герцога»), а также его должность (*loci servator neapoleos*).

Особенно цветистыми были комплименты переводчиков в адрес коронованных особ. Это не удивительно, так как именно они (короли, цари и императоры) имели неограниченные ресурсы и могли, из любви к знаниям или соображений престижа, уделить их малую толику смиренному переводчику. Потому польстить венценосному заказчику означало заручиться его дальнейшей финансовой поддержкой. При этом переводчик достаточно хорошо знал своего патрона и наделял его именно теми чертами, которые тот хотел в себе видеть. Таким образом поступает Иоанн Скот Эригена, обращаясь в своем предисловии к переводу сочинений Дионисия Ареопагита к заказчику и адресату перевода – Карлу Лысому уподобляя его тем святым, которые и в моменты тяжелых земных испытаний «очищались, просвещались и совершенствовались» (отсылка к доктрине Ареопагита), достигая небес в своем благочестии. Уже в обращении Эригена играет на контрасте, противопоставляя своего заказчика «величайшего католического короля» (*gloriosissimo catholicorum regum*) и себя – «последнего из учеников мудрости» (*extremus sophiae studentium*). В другом своем предисловии, к переводу *Ambigua* Максима Исповедника он называет себя «нижайшим рабом» (*extremus servorum*), что, разумеется, является риторической фигурой, так как несколькими строками ниже он не боится упрекнуть короля, за то, что тот торопил его в работе.

Интересно отметить тот факт, что младший современник Эригены, славянин Иоанн Экзарх Болгарский в предисловии к составленному им на основе нескольких греческих оригиналов «Шестодневу» (конец IX – первая треть X в.) обращается к адресату своего перевода (болгарскому царю Симеону) с очень близкой риторикой,

хотя славянский книжник значительно более лаконичен в своей похвале (мои княже славньи сумевне христолюбьче), тогда как Иоанн Скот Эригена посвящает панегирику в адрес Карла Лысого более семидесяти слов своего предисловия.

Отфрид Вейсенбургский (франкский книжник IX в.) в поэтическом прологе-зачине воздает хвалу королю Людовику от имени «коллективного автора» (*wir*), всего франкского народа, «процветающего благодаря славным победам своего правителя» [Баева, 2016:23].

Подробно рассказывает о заслугах своего заказчика, короля Эдгара перед английским монашеством, а именно об устройении монастырей после долгих и бурных лет иноземных набегов и внутренней борьбы за власть в Англии IX-X вв. переводчик «Устава Святого Бенедикта» на древнеанглийский язык Этельвольд из Винчестера. В своего рода предисловии к этому переводу, сохранившемся в рукописи XII в. под названием «Основание монастырей королем Эдгаром» последний описывается как мудрый король, ведущий свою страну к единству и процветанию, проявляющий искреннюю заботу не только о мирской, но и о духовной жизни своих подданных.

Обращаясь к адресату своего перевода трактата «О природе человека» и потенциальному заказчику других переводов естественнонаучных сочинений Фридриху Барбароссе, Бургундию Пизанский в 1160-х гг., в первую очередь, играет на честолюбии своего патрона – желая ему побед над врагами и выражая уверенность, что перевод сочинений о природных явлениях принесет ему «вечную славу и бесконечную честь» (*immensam gloriam & aeternum nomen*).

Высокопоставленные церковные иерархи также становились объектом откровенной лесты. Так, переводчик «Тайны тайн» псевдо-Аристотеля Филипп из Триполи (XIII в.) «осыпает» своего заказчика и адресата предисловия цветистыми комплиментами. Наряду с достаточно традиционными характеристиками – ученостью, ясностью ума, Гвидо из Валенсии («понтифик Триполи») наделен всеми возможными добродетелями – переводчик перечисляет добродетели, воплощением которых был его адресат, наряду с библейскими персонажами (скромность Ноя, верность Авраама, уверенность Исаака, терпение Иова, целомудрие Даниила и т.д., и т.п.).

Интересно, что подобный список (добродетель и библейский персонаж, ее воплощающий) встречается в одной из молитв Кирилла Туровского, древнерусского автора XII века, под названием «На пяток к заутрене», но в другом контексте (древнерусский книжник отрицает наличие в себе каких-либо добродетелей). Некоторые персонажи и их добродетели упомянуты только у Кирилла Туровского (Финеас, Халев, Ифиль, Самуил

или у Филиппа (Ной, Авраам, Илия, Елисей, Давид, Соломон) некоторые персонажи встречаются у обоих, но добродетели различаются (Исаак, Иаков, Иисус Навин), а некоторые имеют одинаковые характеристики и у древнерусского книжника XII века, и у Филиппа из Триполи (Моисей, Иов). Возможно, оба книжника составили свои списки независимо друг от друга, но возможно, что они оба пользовались каким-либо сочинением морализаторского или энциклопедического характера, которое на данный момент неизвестно автору.

Похвалу своему заказчику, митрополиту Серрскому Феодосию, помещает в своем послесловии к переводу корпуса Ареопагитик монах Исайя, который закончил свой многолетний труд в 1371 году. Но поступает он гораздо тоньше, чем Филипп из Триполи. Исайя указывает на то, что взялся за работу по настоянию иерарха, затем упоминает имя автора Ареопагитик – Дионисия, а затем помещает панегирик «сему истинно божьему человеку», который «немногих быти вторый», при этом читатель может отнести эту похвалу и к ученику апостола Павла, которому приписывают «Ареопагитики», и к самому Феодосию.

Хьюго де Сантал во всех своих предисловиях, включая обширное предисловие к *Liber trium iudicum*, посвящает свой труд епископу Тарагонскому Михаилу, который, по-видимому, активно покровительствовал переводчику и, будучи большим поклонником астрологии и астрономии, распорядился осуществить этот проект – компиляцию-перевод предсказаний арабских и греческих астрологов по самым разным бытовым вопросам. Особый интерес вызывает тот факт, что две разных рукописи, в которых сохранилась эта компиляция, содержат разные посвящения – в одной из них переводчик (по-видимому, Хьюго) обращается к *mi domine antistes Michael*, а в другой к *mi karissime R*. В таинственном R. Чарльз Бурнетт [5] видит Роберта Кеттона (Честера), близкого друга другого переводчика с севера Испании, Германна Далматского, который, по-видимому, работал над составлением компиляции вместе с Хьюго Санталлом.

Как видно из последнего примера, если переводчик обращается к обычному читателю, тон его меняется, становится скорее дружественным и доверительным. Так, в одном из самых ранних предисловий нашей выборки, предисловии Руфина Аквилейского к переводу «Правил» Василия Великого, Руфин рассказывает о своей встрече с адресатом перевода, Урзацием. Перед нами картина доверительной и дружеской беседы на фоне прекрасного средиземноморского пейзажа. Из этого описания читатель узнает также некоторые черты характера Урзация – прежде всего, его искреннюю заинтересованность не в земных богатствах, о которых Руфина спрашивали другие по его возвращении из Иерусалима («с востока»), а в организации монастырской жизни в этих далеких землях.

Иногда переводчиков связывает личная дружба, что находит отражение во взаимных посвящениях-предисловиях переводчиков XII века, работавших на севере Испании Германа Далмата и Роберта Кеттонского (Честера), в которых переводчики искренне выражают самые теплые чувства, предаются воспоминаниям о совместно проведенном времени и ученых беседах. Именно в такой беседе, как указывает Германн Далмат, Роберт Честер убедил его в необходимости присовокупления к сочинению предисловия более развернутого, чем это собирался сделать сам переводчик. Роберт Честер, в свою очередь, посвящает Германну Далматскому свой перевод *Iudicia аль Кинди*, предлагая своему другу и коллеге «коня», на котором еще не сидели латинские астрологи – до тех пор не переведенное с арабского сочинение по астрологии. Из этой метафоры мы узнаем что-то и о увлечениях адресата – для него нет ничего лучше хорошего коня. Из этого же паратекста мы узнаем и то, что переводчики работали совместно над каким-то проектом (возможно, компендиум по всем естественным наукам [5]), но сам Роберт называет в качестве основной цели перевод Альмагеста.

Ученые беседы мог вести переводчик и со знатным заказчиком. Так, Иоанн Испанский и Лимский (Севильский) в предисловии к латинскому переводу «Тайны тайных», рассказывает о своей беседе с «королевой» Испаний леди Т. Скорее всего это была вдова Генриха Бургундского (1066-1112) по имени Тереза (1080-1130), единственная женщина с подобным инициалом, которая могла претендовать на столь высокий титул. В ходе упомянутой беседы ученый и знатная дама обсуждали вопросы «здорового образа жизни» (*de observatione diete vel de continentia corporis*), королева высказала желание иметь какую-либо книгу на эту тему, но лишь позднее Иоанн вспомнил, какая именно книга могла стать в этом отношении полезной.

Латинское предисловие к первому тому Католических гомилий содержит обращение к архиепископу Сигерику, а в конце того же предисловия Эльфрик обращается к нему с ритуальной просьбой исправить возможные ошибки, таким образом придав компиляции Эльфрика свой авторитет и с ритуальной же заключительной формулой. Те же элементы, переплетенные с топосом смирения, содержатся в начале и конце латинского предисловия ко второму сборнику «Католических гомилий». Из него мы также узнаем о благоприятной реакции Сигерика на присланный ему несколькими годами ранее первый сборник.

Тот же самый древнеанглийский книжник и педагог в латинском предисловии к «Грамматике» обращается якобы к своим ученикам («нежным юношам», *puerulis tenellis*), объясняя им, что этот учебник позволит им перейти от изучения трактата «О восьми частях речи» Доната (с которым они уже должны были познакомиться) к более сложному материалу. Однако, как отмечает итальянская исследовательница Дора Фарачи, обращаться на латинском языке

к ученикам, которые не могли обойтись без английского перевода, не имело смысла, и истинным адресатом этого предисловия были коллеги Эльфрика, ученые монахи, которых нужно было убедить в необходимости составления грамматики латинского языка на древнеанглийском [7].

Просьба исправить возможные ошибки присутствует и в более поздних паратекстах, написанных в Англии уже после норманнского завоевания. В 1180 году, составитель-переводчик среднеанглийского памятника «Ормулум» (который соединяет черты Евангельской Гармонии и гомилиярия) в написанном по окончании многолетнего труда посвящении, которое входит в комплекс предваряющих гомилии текстов, называет имя своего вдохновителя, по просьбе которого, он взялся за этот труд, своего брата «по плоти», «во Христе» и «августинскому уставу», Вальтера, обращаясь к нему с просьбой проверить текст на предмет его догматической верности.

Перевод мог адресоваться не только ученикам переводчика, но и его учителю. Отфрид Вейсенбургский в поэтическом прологе-посвящении адресует свою «Евангельскую гармонию» наряду с франкским королем Людовиком Своему учителю (епископу Констанца Саломону). Отфрид восхваляет мудрость (*wizduam*) и ум (*wizzi*) своего наставника, к которым часто прибегал его ученик и просит своего рода благословения [1:24]

Германн Далмат (из Каринтии), работавший на севере Испании в первой половине XII века, посвящает свой перевод (1143 г.) «Планисферы» Птолемея своему учителю Тьерри из Шартра. Его посвящение наполнено образами и метафорами. Тьерри предстает перед нами капитаном корабля Философии, который остается на его борту во время бури, хотя все остальные его покинули. Обращение переводчика к своему наставнику полно классических аллюзий, в нем, как уверен Германн, нашла свое новое воплощение душа Платона. Появляются аллюзии на римскую мифологию: ученик преподносит свой труд учителю, как люди дарят зерно Церере или виноград Бахусу.

Несколькими годами позднее анонимный сицилийский переводчик XII в. рассматривает свой труд, перевод другого сочинения Клавдия Птолемея, известного под названием «Альмагест», как возможность отблагодарить своего учителя за переданные знания и, самое главное, за формирование привычки к учению, которая, насколько можно судить по предисловию, сохранилась у автора предисловия на всю жизнь.

В некоторых случаях книжник берется за свою работу в память о каком-то уважаемом или дорогом ему человеке. Так, из предисловия и послесловия к переводу «Томаса» Льва Великого, выполненному неким иноком Феодосием в Киевской Руси в середине XII века (1151 год, по вычислениям Д.Г. Полонского [3]) мы узнаем, что труд выполнен

в память о князе Святославе Давыдовиче (в монастыре Никола Святоша), который, по-видимому, жил в том же монастыре (Киево-Печерская Лавра), что и сам переводчик. В предисловии, которое обращено к самому Николе (кур Николае), Феодосий указывает на то, что его адресат предпочел духовный путь светской власти (Мариину благу и богохвальную чать избра - явная аллюзия на евангельский рассказ о Марфе и Марии).

Обращение к заказчику и адресату перевода зачастую заканчивалось просьбой молиться за переводчика и его окружение или присоединиться к его молитвам. С такой просьбой обращается Руфин к адресату своих переводов «Правил» Василия Великого и «Бесед» Оригена на Книгу Чисел Урзацию. В последнем случае предметом такой молитвы являются мир, столь необходимый в эти тяжелые времена нападения варваров на Римскую империю, а также полезность труда переводчика для просвещения читателя (*Sed orate communiter ut adsit Dominus, et temporibus pacem tribuat gratiam laborantibus donet, et fructum operis nostrum in profectum legentium promat* – [13: 585-586]).

На основе изученного материала можно сделать вывод, что обращение к адресату-заказчику в переводческих паратекстах при всей своей этикетности было достаточно личностным – из него можно сделать вывод о степени близости переводчика и его заказчика, а также о личных качествах и некоторых обстоятельствах жизни обоих. Обращения варьируют и по объему – от одного-двух эпитетов до многословного панегирика, и по тональности – от торжественной похвалы до ностальгического описания предыдущей личной встречи. По понятной причине книжники были особенно красноречивы, обращаясь к тем, от

кого непосредственно зависела их судьба – к светским и церковным владыкам, иногда прибегая к откровенной лести. При этом они учитывали, какие именно комплименты будут приняты наиболее благосклонно – к честолюбивому королю-воину Фридриху Барбароссе Бургундио Пизанский обращался с обещанием «вечной славы и бесконечной чести», а к не менее честолюбивому церковному иерарху Филиппу из Триполи – с перечислением самых выжженных для христианина добродетелей, присущих тому не менее чем библейским образцам таковых.

Обращаясь же к менее высокопоставленным особам, с которыми их связывали скорее дружеские, чем зависящие отношения, переводчики выходили за рамки этикета, включая некоторые подробности их взаимоотношений, иногда даже позволяя себе шутивное замечание.

Иногда переводчик посвящал свой труд своему учителю (как здравствовавшему, так и покойному). В этих случаях он выражал этикетную или искреннюю благодарность за мудрость, которой поделился с ним наставник. Среди номинальных адресатов могли быть и ученики (как у Эльфрика в предисловии к «Грамматике»), но сам факт написания текста предисловия на латинском языке говорит о том, что истинным адресатом были не юноши, еще не владеющие латынью, а другие книжники, которых необходимо было убедить в важности предпринятого труда.

Таким образом, топос обращения к заказчику в составе переводческого паратекста может пролить свет на характер взаимоотношений средневекового книжника и его современников, как того же статуса, так и вышестоящих и нижестоящих.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баева Г.А. Авторизация речи в древних немецких памятниках // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. - № 3. – 2016. – С. 19-27.
2. Николаева Н.Г. Предисловие переводчика: жанр в жанре (на примере славянской традиции «Богословия» преп. Иоанна Дамаскина // Теолингвистика преподавания словенских языка. – Београд, 2013. – С. 439-452
3. Полонский Д.Г. Перевод Томаса римского папы Льва I Великого и его историко-литературный конвой в восточнославянских четых сборниках XV-XVII вв. // Археографический ежегодник за 2012. – М., 2016. – С. 48-63
4. Тематика и стилистика предисловий и послесловий (коллективная монография, под ред. А.Н. Робинсон). – М., 1981. – 294 с.
5. Burnett, C.S.F. A Group of Arabic-Latin Translators Working in Northern Spain in the Mid 12th Century // The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland, 1977 No 1. – Cambridge University Press, 1977. - P. 62-108
6. Dimitriu, Rodica Translators' Prefaces as documentary sources for translation studies // Perspectives: Studies in Translatology. – 17:3. Routledge, 2009. – P. 193-206
7. Faraci, Dora The Parable of the Talents and the topoi of the exordium in Aelfric Prefaces to the Grammar // Studia Mediaevalia Septentrionalia Vindærinne wunderbærer moere. Gedenkschrift für Ute Schwab. Fassbender, Wien, 2013/ P. 75-98
8. Genette, G. Paratexts: thresholds of Interpretation. Cambridge University Press, 1997. 427 p.
9. Gomez, M.C.B. The Preface as a Genre in English Translations in the 17th Century. – <https://dialnet.unirioja.es/descarga/articulo/738697.pdf> – (2003)
10. Hosseinzadeh, Mariam Translatorial Prefaces: A Narrative Analysis Model // International Journal of English Language, Literature and Translation Studies (IJELR). Vol. 2, Issue 3, 2015, P. 311-319
11. Lusignan, Serge La topique de la translatio studii et les traductions françaises de textes savants au XIV-e siècle // Traduction et traducteurs au Moyen Âge. Actes du colloque international du CNRS, organisé à Paris, Institut de recherche et d'histoire des textes les 26-28 mai, 1986 (Textes réunis par Genevieve Constantine). – Paris, 1989. – P. 303-315

12. McRae, E. The role of translators' prefaces to contemporary literary translations into English (Master's thesis) (2010) URL: <https://researchspace.auckland.ac.nz/bitstream/handle/2292/5972/whole.pdf?sequence=5>
13. Migne J. Patrologiae Cursus Completus. Series Graeca. Volume 14, Paris, 1862
14. Rothschild, Jean-Pierre Motivations et methods des traductions en Hébreu du milieu du XII à la fin du XV siècle // Traduction et traducteurs au Moyen Âge. Actes du colloque international du CNRS, organisé à Paris, Institut de recherche et d'histoire des textes les 26-28 mai, 1986 (Textes réunis par Genevieve Constantine). – Paris, 1989. – P. 279-302.
15. Simon, Sherry Conflits de juridiction: la double signature du texte traduit // Meta. Journal des traducteurs. Vol. 34, № 2. – P. 195-208

© Соломоновская Анна Леонидовна (a.solomonovskaia@g.nsu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Новосибирский государственный университет

К ВОПРОСУ О СЕМАНТИЧЕСКОМ ОБЪЕМЕ ПОНЯТИЯ «ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ» В МЕДИАДИСКУРСЕ

Сорокин Никита Сергеевич

Аспирант, Института международного права и
экономики имени А.С. Грибоедова, г. Москва.
sns1996@yandex.ru

ON THE ISSUE OF THE SEMANTIC SCOPE OF THE CONCEPT OF "ARTIFICIAL INTELLIGENCE" IN THE MEDIA DISCOURSE

N. Sorokin

Summary: The article attempts to solve the problem of incorrect use of the term «AI» in the media from the point of view of logic and linguistics. The author tries to fill the concept of «AI» with specific content, which helps to clarify the semantic differences between the concepts of «artificial intelligence» and «computer algorithms». The author emphasizes the importance of accurate word usage for a journalist and research scientist. The author demonstrates the most common mistakes when using this term: generalization and unconscious substitution of terminology. Studying the problems of the functioning of the term «AI», the author sees the main reasons for the incorrect use of this term and a number of others related to robotic journalism in the lack of knowledge or ideas about artificial intelligence, replacing it with a synonym in order to avoid repetition and attract the attention of the audience.

Keywords: modern media language, artificial intelligence, algorithms, robotic journalism, mass media.

Аннотация: В статье предпринята попытка решения проблемы некорректного использования термина «ИИ» в медиа с точки зрения логики и лингвистики. Автор пытается наполнить понятие «ИИ» конкретным содержанием, что помогает уточнить семантические различия понятий «искусственный интеллект» и «компьютерные алгоритмы». Автором подчёркивается важность точного словоупотребления для журналиста и учёного-исследователя.

Автор демонстрирует самые частые ошибки при использовании данного термина: обобщение и бессознательную подмену терминологии. Изучая проблемы функционирования термина «ИИ», автор главные причины некорректного использования данного термина и ряда других, относящихся к робожурналистике, видит в нехватке знаний или представлений об искусственном интеллекте, замене синонимом с тем, чтобы избежать повторений и привлечь внимание аудитории.

Ключевые слова: современный язык СМИ, искусственный интеллект, алгоритмы, робожурналистика, массмедиа.

Сегодня прямо на наших глазах происходит «цифровая трансформация общества» [1 (Конкурентоспособность в глобальном мире), С.59], когда инновационные технологии из разряда научных разработок, доступных только избранным, становятся предметом общественного пользования. «Стремительное появление в нашей жизни новых форм коммуникации, таких как интернет, sms-общение, соцсети также, к сожалению, не повышает коммуникативную грамотность» [2(Педагогическое образование и наука), С.21] и отражается на правильности интерпретации и использования в современном языке новых понятий. «В соответствии с требованиями новой эпохи цифровизации и глобализации» [3(Филология: научные исследования)] осуществляется стремление к точности и лаконичности изложения мыслей в разных функционально-речевых сферах, в частности, в журналистском дискурсе. В русле обозначенной тенденции особую значимость приобретает проблема определения семантического объема актуальных терминов, относящихся, например, к роботизированной журналистике, компьютерным алгоритмам и искусственному интеллекту, которые «в тексте ... приобретают новый смысл, выполняя новые текстообразующие функции» [4(Мир науки, культуры, образования), С. 322].

Наш научно-исследовательский интерес связан с семантическим объемом термина «искусственный интеллект», или ИИ. Чаще всего данный термин используется в медиа неверно, что вводит в заблуждение значительную часть аудитории СМИ, а именно, формирует ошибочное мнение о том, что ИИ уже создан и функционирует как самостоятельная единица. Журналисты, используют этот термин не задумываясь, в основном, обобщая прочие понятия робожурналистики. Похожее стремление прослеживается не только в практике медиа, но и в медиаисследованиях.

Цель нашей статьи состоит в попытке конкретизации термина «ИИ» с опорой на существующие исследования. Робожурналистика и её терминология становится все более популярным явлением не только среди журналистов и СМИ. Такие термины, как «компьютерные алгоритмы», «искусственный интеллект» «цифровой журналист» все чаще встречаются в массмедиа. Однако искусственный интеллект до сих пор находится в стадии разработки: еще ни один ученый или научная группа не смогла создать и полноценно запустить в его работу без постоянного надзора специалистов. При этом в медиа можно часто встретить неверное употребление данных понятий. Чаще всего это относится к искусственному интеллекту.

По сути само употребление этого термина является неверным по отношению к роботизированным текстам, так как они написаны компьютерными алгоритмами.

Думается, данная ситуация сложилась под влиянием неправильной трактовки термина и популяризации искусственного интеллекта в целом. Так, Ирина Лапина справедливо отмечает: «... если с просветительством дела обстояли вполне достойно, то с научным популяризаторством – несравнимо хуже» [1]. Также не стоит исключать и тот факт, что различные научные термины, в том числе и «искусственный интеллект», «робожурналистика» и другие, зачастую используются журналистами без углубленного изучения и понимания. Они оперируют научными терминами в совершенно ненаучных сообщениях, предназначенных для широкого круга пользователей. В итоге возникает некорректная передача научных знаний, и аудитория массмедиа оказывается введенной в заблуждение.

Необходимо упомянуть, что подобные вопросы уже затрагивались группой исследователей в рамках Международной научно-практической конференции «Журналистика-2019. Творчество, профессия, индустрия». Конференция состоялась в начале 2020 года на базе факультета журналистики МГУ им. Ломоносова [2]. В ходе обсуждения вопросов о робожурналистике и искусственном интеллекте исследователи так и не пришли к единому мнению о верном использовании этих терминов. Например, обсуждаемые вопросы об обучении студентов использованию искусственного интеллекта в работе и применению роботизированных алгоритмов для генерации текстов доказывают, что сегодня эти термины могут иметь вольную трактовку. Во время конференции исследователи предложили несколько вариантов определения содержания понятия «искусственный интеллект». Тем не менее, это никак не повлияло на использование данного термина в массмедиа. В этой связи предпримем попытку уточнить значение терминов робожурналистики, разграничить понятия робожурналистики и искусственного интеллекта, а также проанализировать правильность их использования в СМИ.

Основная проблема видится нам в понимании ответственностью под ИИ любого компьютерного алгоритма, работающего автономно, частично или полностью. С точки зрения информационных технологий данная трактовка является корректной. Но ИИ никак не относится к машинному интеллекту или обучению на базе которых алгоритмы учатся создавать журналистские тексты или новостные колонки.

Отметим, что первое использование термина «Artificial intelligence» приписывают Джону Маккарти в 1956 году во время выступления на конференции в Дар-

тмутском университете. Тогда Джон объяснил этот термин следующим образом: «Способность машины находить ранее неизвестные решения поставленной задачи» [3]. Определение получилось довольно расплывчатым, поскольку тогда еще не существовало компьютерных алгоритмов, способных приблизиться по способностям функционирования к человеческому мозгу, и даже их создание казалось фантастикой. В результате термином «искусственный интеллект» долгое время пользовались различные научные и технические области. Сегодня под это понятие попадают «умные» дома, «умная» техника, компьютерные программы и компьютерные игры.

Думается, здесь необходимо осуществить разграничение между «высокими» технологиями, способными к обучению и простыми, которые запрограммированы выполнять простейшие функции. Для этого вводится понятие «машинного обучения» и «машинного интеллекта». К первому относятся все современные технологии и алгоритмы, способные к обучению на своих ошибках и пополнению знаний. Второй термин обобщает более примитивные технологии, выполняющие свой постоянный функционал, не изменяя его и не обучаясь для получения более эффективного результата.

Сегодня большая часть алгоритмов СМИ отличается от более универсальных и сложных нейросетей своей персонализированностью. Так ИИ, создающий продающую рекламу, способен на быстрый анализ предпочтений и запросов аудитории, что позволяет ему полностью подстроиться под предпочтения конкретного человека. Но такой алгоритм никогда не сможет выйти за рамки своих возможностей, например, не научится управлять транспортом. Он создан под решение четкой задачи с помощью ассоциативных принципов обучения для подбора похожих рекламных услуг или товаров на основе статистического анализа. Такие алгоритмы программируются с учетом строгих критериев. Нейросети, в свою очередь, обладая достаточным количеством времени и вычислительными ресурсами, способны обучиться любому навыку. Нейросети в данном случае при обучении не зависят от факторов окружающей среды, в этом они могут превзойти даже биологические организмы.

Именно эти ключевые критерии отличают алгоритмы от искусственного интеллекта или нейросетей. Как можно заметить, существует четкое разделение на простые и более сложные цифровые технологии. Поэтому сегодня чрезвычайно важно вводить в массмедиа разные понятия для обозначения каждой отдельной технологии. Например, некоторые исследователи из МГУ в своих научных трудах используют более правильный журналистский термин «робожурналистика», под которым понимается, в частности, «алгоритмическая обработка программами-роботами семантических связей между

единицами текста, включая автоматизированную генерацию журналистских текстов» [4].

Схожую точку зрения можно заметить и у исследователя из Колумбийского университета А. Граффа [5], а также автора журнала «Mediashift» Дамиана Рэдклифа [6]. В то же время О.О. Чертовских и М.Г. Чертовских в аннотации к своей статье «Искусственный интеллект на службе современной журналистики: история, факты и перспективы развития» пишут: «Статья посвящается теме внедрения в современную журналистику технологий с применением искусственного интеллекта (ИИ)» [7]. Подобная формулировка задачи зачастую используется как в журналистских, так и научных текстах, и статьях – искусственный интеллект ещё до конца не разработан, однако вопросы его применения в журналистике активно выносятся на обсуждение. Это один из немногих примеров тенденции использования термина для обобщения аналогичных технологий, активно применяемых в современной журналистике.

Также в современном медиапространстве можно встретить другие примеры неправильного употребления сложных терминов.

Зачастую принцип отождествления частного с целым используется в том случае, если необходимо наделить различные явления и предметы одним и тем же признаком. Так, статья «Проблема контроля ИИ» [8] является отличным примером такого отождествления. В ней автор постоянно использует термины «искусственный интеллект» или ИИ в качестве устойчивого определения для алгоритмов, цифровой экономики и роботов. Отметим, эти технологии описываются довольно подробно с точки зрения того, как правильно с ними работать, чтобы они не вышли из-под контроля. Однако очевидно, что алгоритмы и машины сами по себе еще не обладают разумом как таковым. Поэтому некорректно говорить об одной конкретной технологии, подразумевая множество их.

Ко второму типу некорректного использования можно отнести подмену понятий. Это происходит в случае, когда используемый термин не подходит по смыслу и не имеет логического обоснования. Это явление встречается в журналистских текстах. Так в статье «Робот-журналист: плюсы, минусы, подводные камни» встречается следующее утверждение: «Использование роботов поддерживает журналистику, нацеленную на трафик» [9]. Данная формулировка, на наш взгляд, абсолютно неприемлема. Ведь «робот» и «компьютерный алгоритм» – совершенно разные понятия в русском языке. В результате у читателя может сложиться искаженная картина.

Подмены встречаются и в исследовательских статьях. Так в статье Д. В. Мягкова «Опасность искусственного ин-

теллекта» читаем: «Искусственный разум, получивший имя Хиаоче, способен имитировать манеру разговора семнадцатилетней девочки» [10]. Автор не только говорит о том, что существует «искусственный разум», но и само использование слова «разум», кажется, совершенно недопустимо, поскольку наличие разума присуще только человеку: налицо очевидная подмена. Далее автору удастся исправить недочет: «ИИ может прибегнуть к сарказму, быть мнительной и выражать нетерпение. Однако снова допускает смысловую ошибку: «Непредсказуемость ответов программы, напоминает общение с реальным человеком».

Нужно отметить, ИИ – это не алгоритм или программа, а самообучающаяся нейросеть. Такие примеры верного и неверного использования терминов повсеместно используются в текстах самых разных областях науки и медиасферы, что опасно с точки зрения искажения границ использования терминов и понятий.

Автору видится несколько причин некорректного употребления терминов. Первая – это нехватка информации о возможностях и специфике ИИ и алгоритмов в медиа у журналистов и учёных-исследователей. Как было отмечено выше, постоянное некорректное повторение и использование термина, использование не по назначению, использование термина при любом удобном случае, приводит к искажению, «размыванию» его значения. Так, Ф. Маркони, являющийся главой отдела по разработке и исследованию WSJ, также допускает эту ошибку: «Если несколько лет назад ИИ был новой технологией, используемой в IT-компаниях, но теперь он стал необходимостью для всех. Я считаю, что в скором времени огромным числом инструментов журналистики будет управлять искусственный интеллект» [11]. Думается, в данном случае Маркони сделал это, чтобы донести мысль до читателей понятным для них языком. Однако негативный эффект только усиливается, т.к. мнение лидера мнений охотно цитирую его последователи.

Вторая причина заключается в попытке избежать частых повторений. Как мы отметили выше, некорректное употребление терминов по этой причине встречается в самых разных текстах и исследованиях. Прибегая к этому способу, авторы используют термины корректно и некорректно, используя близкие по смыслу и значению синонимы.

Третья причина заключается в привлечении и удержании интереса аудитории к сообщению.

Подводя итоги, подчеркнем важность корректного понимания и использования того или иного термина журналистами, что позволит оптимально доносить информацию, не искажая её содержания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Малютина Е.Л., Ларина Н.А. Цифровые бизнес-экосистемы как новая социальная реальность // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии, 2022, № 2, С. 59-62.
2. Дубова М.А., Ларина Н.А. Развитие речи дошкольников в цифровом обществе: методика работы с текстом // Педагогическое образование и наука, 2021, № 6, С. 20-26.
3. Дубова М.А., Ларина Н.А. — Филологический анализ текста: рецепция рассказа И.А. Бунина «Эпитафия» // Филология: научные исследования. – 2021. – № 12. – С. 71 – 81. DOI: 10.7256/2454-0749.2021.12.35179 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=35179 (дата обращения: 28.03.2022).
4. Дубова М.А., Ларина Н.А. Формирование навыков анализа художественного текста // Мир науки, культуры, образования. – 2019. - №4 (77). С. 322-324.
5. Ваганов А. «Звездные войны» во спасение науки / Независимая газета. 2015. 8 апреля. URL: https://www.ng.ru/science/2015-04-08/11_starwars.html (дата обращения: 28.03.2022).
6. Журналистика в 2019 году: творчество, профессия, индустрия. М.: Факультет журналистики МГУ. 2020. 616 с.
7. McCartney J. What is AI? 2007. November 23. URL: <http://jmc.stanford.edu/articles/whatisai/whatisai.pdf> (дата обращения: 03.04.2023).
8. Замков А.В., Крашенинникова М.А., Лукина М.М., Цынарёва Н.А. Роботизированная журналистика: от научного дискурса к журналистскому образованию / Медиаскоп. 2017. Выпуск 2. URL: <http://www.mediascope.ru/2295> (дата обращения: 04.04.2023).
9. Graffe A. Guide to Automated Journalism / Columbia University. 2016. URL: <https://academiccommons.columbia.edu/doi/10.7916/D80G3XDJ> (дата обращения: 04.03.2023).
10. Radcliffe D. The Upsides (and Downsides) of Automated Robot Journalism. / Mediashift. 2016. URL: <http://mediashift.org/2016/07/upsides-downsides-automated-robot-journalism/> (дата обращения: 04.04.2023).
11. Чертовских О. О., Чертовских М. Г. Искусственный интеллект на службе современной журналистики: история, факты и перспективы развития. / Cyberleninka. 2019. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-na-sluzhbe-sovremennoy-zhurnalistiki-istoriya-fakty-i-perspektivy-razvitiya> (дата обращения: 04.04.2023).
12. Батуринский. Проблема контроля ИИ / Хабр. 2023. URL: <https://habr.com/ru/articles/710538/> (дата обращения: 05.04.2023).
13. Мирошниченко А. Робот-журналист: плюсы, минусы, подводные камни / ГИПП 2017. URL: <https://gipp.ru/news/rossiyskie-izdateli/robot-zhurnalist-plyusy-minusy-podvodnye-kamni/> (дата обращения: 05.04.2023).
14. Мягков Д. В. Опасность искусственного интеллекта / Cyberleninka. 2018. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opasnost-iskusstvennogo-intellekta> (дата обращения: 05.04.2023).
15. Герасюкова М. «Они не жалуются»: как роботы увольняют журналистов / Газета.ru. 2019. URL: https://www.gazeta.ru/tech/2019/02/06/12167617/robots_smi.shtml?roistat_visit=1030027 (дата обращения: 05.04.2023).

© Сорокин Никита Сергеевич (sns1996@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Институт международного права и экономики имени А.С. Грибоедова

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ В СОВРЕМЕННОМ ПРАВОПОПУЛИСТСКОМ ДИСКУРСЕ ГЕРМАНИИ

THE FUNCTIONING OF PROPER NAMES IN THE MODERN GERMAN RIGHT-WING POPULIST DISCOURSE

S. Tokareva

Summary: This article analyzes the features of the use of various proper names in modern right-wing populist discourse in Germany on the example of informational articles taken from the official website of the main right-wing populist party Alternative for Germany (AfD). In the course of the study, the most typical types of proper names for the discourse under consideration are singled out, and their choice is explained in terms of functions and effectiveness in the implementation of political communication strategies. As a result of the analysis, a conclusion is made about the key role of certain types of proper names, in which the specificity of right-wing populist discourse is manifested.

Keywords: political discourse, right-wing populism, Alternative for Germany (AfD), proper name, communication strategies, tactics.

Токарева Станислава Владимировна

Аспирант, преподаватель, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
stanislava.tokareva@yandex.ru

Аннотация: В данной статье анализируются особенности использования различных онимов в современном правопопулистском дискурсе Германии на примере информационных статей, взятых с официального сайта основной правопопулистской партии «Альтернатива для Германии» (АдГ). В ходе исследования выделяются наиболее типичные для рассматриваемого дискурса типы имен собственных, а также объясняется их выбор с точки зрения функций и эффективности при реализации политических коммуникативных стратегий. В результате анализа делается вывод о ключевой роли отдельных видов онимов, в которых проявляется специфика правопопулистского дискурса.

Ключевые слова: политический дискурс, правый популизм, Альтернатива для Германии (АдГ), имя собственное, оним, коммуникативные стратегии, тактики.

Политический дискурс и все его субдискурсы характеризуются использованием особой лексики, которая настолько разнообразна и специфична, что некоторые исследователи говорят о существовании особого языка политики [Burkhardt 1996: 79]. В этом языке сочетаются как лексемы, встречающиеся исключительно в политическом контексте, так и общеупотребительные слова, также встречаются различные имена собственные.

Многие отечественные и зарубежные лингвисты, такие как А.В. Суперанская, Н.В. Подольская, В.Д. Бондалетов, А.А. Белецкий, А.К. Матвеев, В. Фляйшер, Д. Ганцер, М. Готтшальд и другие занимались изучением феномена имени собственного, определяя его место в общей системе лексики языка и отличие от имени нарицательного. По большинству аспектов данного явления, в частности по функциям, типологии и месту имени собственного в системе лексики языка у ученых нет единого мнения. В данном исследовании за основу берется дефиниция Подольской Н.В., характеризующая отличия онима от имени нарицательного. Под именем собственным автор понимает «слово, словосочетание или предложение, которое служит для выделения именуемого им объекта среди других объектов, его индивидуализации и идентификации» [Подольская 1988: 91]. Тем не менее, граница между именами собственными и нарицательными не такая четкая и иногда стирается. Доказательствами этого факта служат феномен апелляции (переход имени

собственного в категорию нарицательных имен) и обратный ему процесс онимизации (переход имени нарицательного в категорию имен собственных).

Многие лингвисты занимались упорядочиванием разветвленной системы онимов, и на данный момент в ономастике нет единой исчерпывающей классификации. Одна из наиболее известных классификаций имен собственных в русской лингвистике принадлежит А.В. Суперанской. Автор выделяет следующие основные классы онимов по именуемым объектам: антропонимы, зоонимы, мифонимы, топонимы, космонимы и астронимы, фитонимы, хрематонимы, названия средств передвижения, сортовые и фирменные названия, названия предприятий, учреждений, обществ, объединений, названия органов периодической печати, хронимы, названия праздников, юбилеев, торжеств, названия мероприятий, кампаний, войн, названия произведений литературы и искусства, документонимы, названия стихийных бедствий, фалеронимы, этнонимы [Суперанская 1973: 173–214].

Говоря непосредственно о типичных для правопопулистского дискурса онимах, А.И. Едличко предлагает несколько видоизмененную классификацию, в которой упоминает самостоятельные классы антропонимов, топонимов, теонимов, хронимов, идеонимов, хрематонимов, политонимов и документонимов [Едличко 2017: 106–107].

В текстах правопопулистского дискурса основными коммуникативными стратегиями являются общие стратегии политического дискурса, которые сформулировала в своей работе О.Н. Паршина: стратегия самопрезентации, удержания власти (информационно-интерпретационная подстратегия и подстратегия формирования эмоционального настроения адресата); убеждения (аргументативная и агитационная подстратегии), борьбы за власть (подстратегии дискредитации и нападения, манипуляции и самозащиты [Паршина, 2005: 42–116]. Данные стратегии по-разному реализуются в высказываниях, и в рамках осуществления некоторых из них в текстах основной немецкой правопопулистской партии «Альтернатива для Германии» (АдГ) особое место занимают имена собственные. Рассмотрим несколько типичных случаев использования онимов в правопопулистском немецкоязычном дискурсе на примере контекстов, взятых из статей с информационно-новостной страницы АдГ «AfD Kompakt. Im Brennpunkt» [6]. В корпусе исследования, включающем 50 статей с данного сайта, отмечено особенно частое использование антропонимов, топонимов, этнонимов, идеонимов и теонимов.

Анализ особенностей функционирования имен собственных в рамках правопопулистского немецкого дискурса следует начать с антропонимов, так как, по мнению А.И. Едличко, это самый обширный класс онимов, составляющий 80% от общего числа всех ономастических единиц. Исследователь также предлагает классификацию моделей антропонимов по внутренней структуре: фамилия; должность и фамилия; обращение и фамилия; имя и фамилия; имя, отчество и фамилия; должность, имя и фамилия; прозвище; диминутив и фамилия или прозвище и фамилия [Едличко 2017: 107].

Антропонимы, представленные в рассмотренных статьях, в первую очередь называют представителей различных политических партий и организаций. При этом уже на уровне в выборе моделей антропонима в текстах АдГ четко прослеживается оппозиция «свой-чужой». В приведенных ниже примерах присутствуют упоминания политических оппонентов партии, которые в основном построены по моделям «фамилия» (пример (1)), «должность и фамилия» (пример (2)) и «имя и фамилия» (пример (3)). Сочетаясь с пейоративными лексемами *auf Abruf* (по вызову, контекст (1)), *grauenvollen* (ужасный, контекст (2)) *Versäumnisse* (упущения, контекст (3)), антропонимы из следующих предложений применяются в рамках подстратегии дискредитации и нападения:

(1) *Kanzler auf Abruf: Große Mehrheit gibt **Scholz** höchstens vier Jahre!* [6]

(2) ***Kanzlerin Merkel** scheidet nach 16 grauenvollen Jahren endlich aus dem Amt* [6].

(3) *Die Versäumnisse der vergangenen Jahre gehen vor allem auf die Konten von **Ursula von der Leyen** und **Annegret Kramp-Karrenbauer** – beide CDU* [6].

Вышеупомянутые модели также часто применяются и в отношении представителей партии или членов дружественных ей организаций, но только в окружении положительно коннотированных лексем. Следует отметить, что модель «должность, имя и фамилия», представленная в примере (4), является типичной в основном для антропонимов, называющих членов АдГ, поскольку чем полнее внутренняя структура модели антропонима, тем больше уважения к личности обычно демонстрируется в высказывании. Таким образом в тексте реализуется стратегия самопрезентации.

(4) ***Dr. Alice Weidel, stellvertretende Bundessprecherin der Alternative für Deutschland, greift den Fall des ordentlichen Professors Wagener auf*** [6].

Использование данной модели в ограниченном количестве отмечается и в отношении противников партии, однако при этом антропонимы выступают в качестве средства иронизирования и всегда окружены негативно коннотированными лексемами. Примером данного явления служит контекст (5), где, помимо антропонима *Bundeswirtschaftsminister Robert Habeck* (федеральный министр экономики Роберт Хабек), для описания предложенных им новых мер в сфере энергетики, вступающих в силу на Пасху, используется ироничная метафора *ins Nest legen* («класть в гнездо»). Высказывание дискредитирует министра экономики как политического деятеля и сравнивает его с кукушкой, подкладывающей яйца в чужие гнезда, а также демонстрирует сомнение в способности нововведений разрешить сложившийся энергетический кризис.

(5) *Jetzt legt **Bundeswirtschaftsminister Robert Habeck** von den Grünen auch noch ein „Osterpaket“ ins Nest* [6].

То же самое касается модели «обращение и фамилия», которая представлена в высказывании (6). Антропоним *Herr Lauterbach* (господин Лаутербах), относящийся к министру здравоохранения от партии СДПГ, способствует реализации подстратегии дискредитации и нападения за счет ироничного использования обращения *Herr* (господин) и негативно коннотированной лексемы *Panikmache* (паникерство).

(6) *Schluss mit der Panikmache, **Herr Lauterbach!*** [6]

В текстах правопопулистского дискурса нередко отмечается создание композитов с использованием имен политических оппонентов, при этом в отношении людей, чью деятельность АдГ одобряет, такие лексемы не используются. Так в контексте (7) фамилия вышеупомянутого министра здравоохранения в ходе реализации той же подстратегии используется в качестве инициального компонента композита *Lauterbach-Wahnsinn* (Лаутербахское безумие), описывающего непопулярные среди сторонников АдГ меры по борьбе с коронавирусом.

(7) ***Lauterbach-Wahnsinn: Es wird keinen „Freedom-Day“ geben!*** [6]

Исключительно в отношении людей, представляющих недружественные АдГ партии и организации, в текстах партии применяется прием апелляции. Пример данного феномена мы видим в контексте (8):

(8) *Wer eine Politikwende gegen die allgemeine **Vermerk-
kelung** aller Politikbereiche will, der hat also nur die AfD als
Verbündeten!* [6]

Использованное в данном высказывании слово *Vermerk-
kelung* («меркеллизация») образовано от деоними-
зированного антропонима *Merkel* путем циркумфикса-
ции. Эта лексема является дисфемизмом, применяемым
в рамках подстратегии дискредитации и нападения, и
обозначает нерешительность действий в критических
ситуациях, уклонение от ответственности и излишнюю
осторожность в высказываниях.

Другой важной для правопопулистского дискурса в
частности и для всего политического дискурса в целом
группой онимов являются **политонимы** – **эргонимы**
политической сферы жизни общества. Наиболее часто
в текстах АдГ встречаются политонимы, относящиеся к
самой партии и ее политическим оппонентам. Использо-
уемые политонимы в основном являются стилистически
нейтральными и нередко представляют собой **автопо-
литонимы**, т.е. самоназвания политических организа-
ций, но в сочетании с пейоративными или положи-
тельно коннотированными лексемами они приобретают
оценочное значение. Так, дискредитация деятельности
партий *die Grünen* («Зеленые») и *die FDP* (СвДП) в предло-
жении (9) осуществляется путем добавления в контекст
слова с резко негативной коннотацией *sich versündigen*
(грешить), которое также является религиозной мета-
форой. В примере (10) отмечается реализация стратегии
самопрезентации в отношении партии АдГ, и здесь уже
используется положительно коннотированный компо-
зит *Erfolgsgeschichte* (история успеха).

(9) *Zwar wurden bei der vergangenen Bundestagswahl
besonders **die Grünen** und **die FDP** von jungen Menschen ge-
wählt – doch beide Parteien versündigen sich massive an der
Zukunft dieser Generation* [6].

(10) *Neun Jahre **AfD**: Die Erfolgsgeschichte wird weiterge-
hen!* [6]

Как в рамках подстратегии дискредитации и нападе-
ния, так и в рамках стратегии самопрезентации могут
использоваться и полные названия (примеры (4), (9)), и
различные аббревиатуры, чаще всего акронимы (приме-
ры (9), (10)). В отличие от антропонимов, краткость поли-
тонима не является способом показать пренебрежение,
аббревиация является традиционной для данного типа
лексики. Для демонстрации негативного отношения в
правопопулистских текстах часто используется прием
метонимичной замены политонима на эпитет, указыва-
ющий на символические цвета партии. Данное явление
иллюстрируется в примере (11).

(11) *Dank **grüner** Windrad-Ideologie: Heizkosten explodie-
ren um bis zu 99 Prozent!* [6]

Некоторые из используемых АдГ политонимов отча-
сти имеют значение **хронимов**, так как отсылают чита-
теля к определенному периоду истории Германии. Так,
политонимы *RAF* (ФКА) и *Stasi* (Штази) из контекста (12)
напоминают о временах разделения Германии на ФРГ
и ГДР. С одной стороны, в высказывании осуществляют-
ся стратегия дискредитации и нападения в отношении
правительства, а именно Федерального ведомства по
охране конституции Германии, а с другой стороны, так-
тика дистанцирования стратегии самопрезентации в
отношении АдГ. Несмотря на статус правопопулистской
организации, партия не относит себя к националистам и
другим радикальным группам и эксплицитно выражает
свое негативное отношение к ним.

(12) *Unbehelligt gebliebene Altnazis, **RAF**-Sympathisanten
und **Stasi**-Doppelagenten waren für den Verfassungsschutz
lange Zeit geschätzte Mitarbeiter* [6].

Следующей важной категорией онимов в текстах АдГ
являются **топонимы**. В основном они представлены
кратонимами (названиями стран (13), (15)) и **ойкони-
мами** (названиями городов (14)).

(13) *Armes **Deutschland**: Median-Nettovermögen junger
Menschen ist EU-weit fast Schlusslicht!* [6]

(14) *Es darf nicht sein, dass ein solches Versagen auf Lan-
desebene auch noch mit einem Karrieresprung nach **Berlin**
belohnt wird.* [6]

Можно сказать, что топонимы из примеров (13) и (14)
имеют метонимичный характер. Под словом *Deutschland*
(Германия) имеется в виду не сама страна, а народ, насе-
ляющий ее, и данное высказывание реализует стратегию
дискредитации и нападения в отношении правитель-
ства, так как обвиняет политическую элиту в снижении
доходов немцев. Под ойконимом *Berlin* (Берлин) из при-
мера (14) подразумевается не город, а правительство
страны, расположенное в столице. Фраза также дискре-
дитирует правящую коалицию, а именно министра по
делам защиты климата, окружающей среды, энергетики
и мобильности Рейнланд-Пфальца Анне Шпигель, явля-
ющуюся членом партии Союз 90 / Зелёные.

В отличие от предыдущих контекстов, пример (15) де-
монстрирует использование данной стратегии не в адрес
политических противников, а против представителей
других национальностей. Так, кратоним *Syrien* (Сирия) в
сочетании с пейоративной лексемой *Tatverdächtige* (по-
дозреваемый) создает в сознании читателя образ стра-
ны преступников:

(15) *Der **Tatverdächtige** stammt aus **Syrien**.* [6]

Пример (16) реализует ту же стратегию, что и пред-
ложение (15), но уже при помощи **этнонимов** *Syrer* (си-

рийцы), Afghanen (афганцы), Somalis (сомалийцы) и Iraker (иракцы). Это предложение добавляет к уже созданному ранее образу мигранта-преступника обвинения в их ленивости и нежелании зарабатывать честным путем деньги:

(16) *Nur 460 000 der seinerzeit ins Land gekommenen Syrer, Afghanen, Somalis oder Iraker haben derzeit eine Arbeit, und das zumeist auch nur in unterqualifizierten Jobs.* [6]

Информация, представленная в предложении (17), также дискредитирует носителей других культур и представителей других национальностей, но в отличие от контекстов (15) и (16) затрагивает не восточные мусульманские народы, а азиатские, в частности Китай. Этноним *chinesisch* (китайский) в сочетании с пеоративной лексической единицей *Meinungs-Unterdrückung* (подавлением общественного мнения) демонстрирует имеющееся, по мнению АдГ, несоответствие китайской и немецкой культуры в области демократических ценностей:

(17) *Das also versteht die FDP unter „liberal“, wenn es den eigenen Dienstwagen sichert: Eingriffe in die körperliche Unversehrtheit mit Zwangs-Impfungen und digitale Meinungs-Unterdrückung nach chinesischer Manier.* [6]

Контекст (18) перекликается с высказыванием (16), так как в рамках стратегии самопрезентации при помощи этнонима *die Deutschen* (немцы) подчеркивается трудолюбие, милосердие и бескорытность немцев, которой злоупотребляют упомянутые в предложении (16) ленивые мигранты. В этом предложении на них указывает слово *Massenzuwanderung* (массовая иммиграция) выстраивающее оппозицию «мы-они», «свои-чужие» в отношении других национальностей:

(18) *Während die Massenzuwanderung in die Sozialsysteme weiterhin anhält, will Bundeskanzler Olaf Scholz die Deutschen immer länger arbeiten lassen.* [6]

Этнонимы, называющие европейские народы, обычно используются в текстах АдГ в рамках тактики отождествления стратегии самопрезентации. Таким образом в примере (19) при помощи сочетания этнонима *Briten* (британцы) с выражающим поддержку словом *gut* (хорошо) подчеркивается схожесть культур других европейских наций с немецким народом, в первую очередь общность демократических и религиозных ценностей:

(19) *Gut so! Briten schieben illegaler Migration den Riegel vor.* [6]

Распространенными в правопопулистских текстах являются **идеонимы** и **теонимы**, которые наглядно демонстрируют разницу культур титульной нации и всех остальных, противопоставляя их друг другу. Контекст (20) иллюстрирует использование теонимов при реализации тактики обращения к эмоциям, которая является составляющей стратегии формирования эмоционального настроения. Теоним *Teufel* (дьявол), присутствующий в предложении, используется в христианстве для обо-

значения главной отрицательной фигуры и производит сильное впечатление на читателей-немцев, в большинстве своем являющихся христианами. В данном высказывании с дьяволом сравнивается коалиционное правительство во главе с канцлером Олафом Шольцем, которое боится обработки документов, потенциально порочащих репутацию канцлера. Религиозная метафора завершается идеонимом *Weihwasser* (святая вода), который также занимает важное место в культуре религиозных немцев:

(20) *Aufarbeitung – das scheut die Ampelregierung wie der Teufel das Weihwasser* [6].

Пример (21) также комментирует миграционную ситуацию в Германии с негативной точки зрения, при этом делая акцент на угрозе немецкой культуре при помощи идеонима *Harakiri* (харакири) – ритуального способа самоубийства из японской культуры. Как и в предыдущем предложении, тактика обращения к эмоциям, которая является составляющей стратегии формирования эмоционального настроения здесь направлена против правительства Германии, допускающего вымирание немецкой культуры под натиском культур мигрантов.

(21) *Niemand scheint diesem kulturellen Harakiri Einhalt gebieten zu wollen – bis auf uns von der AfD.* [6]

Такой же по направленности и подбору стратегии контекст (22) содержит в себе идеоним *Islamismus* (исламизм), связанный в контексте с отрицательно коннотированным словом *Extremismus* (экстремизм). Оно усиливает уже имеющуюся негативную коннотацию у слова *Islamismus*, которое очень часто используется партией АдГ вместо более нейтрального идеонима *Islam* (ислам), обозначающего только мусульманскую религию без связи с преступной деятельностью на религиозной почве. Так образ всех мигрантов из мусульманских стран искажается и очерняется.

(22) *Bundesanwaltschaft: Fast alle Extremismus-Verfahren betreffen Islamismus!* [6]

Та же тактика, но уже в положительном ключе используется при описании немецкой культуры в предложении (23). **Идеоним-документоним** *Grundgesetz* (Конституция Германии) и идеоним *Demokratie* (демократия), описывающие типичные демократические ценности немцев, вызывают в душе читателя положительный отклик и переживания за судьбу страны, народа и его ценностей.

(23) *Einer Demokratie ist das nicht nur unwürdig, es ist vielmehr die aktive Beschädigung unseres Grundgesetzes* [6].

Большинство из представленных примеров иллюстрирует осуществление подстратегии дискредитации и нападения, и превалирование этой подстратегии характерно не только для правопопулистского дискурса, но и для политического дискурса в целом. Это связано с тем, что на практике защита от нападков

политических оппонентов всегда является менее выигрышной стратегией коммуникации, чем непосредственная вербальная атака на конкурентов [Donsbach, Jandura 2005: 48].

Таким образом, проанализировав состав и прагматику наиболее употребительных типов онимов в текстах немецкого правопопулистского дискурса, можно отметить, что использование антропонимов и политонимов в большом количестве является типичным для правопопулистского дискурса как субдискурса политического дискурса. Частое употребление топонимов, этнонимов, теонимов и идеонимов может считаться характерным

для немецкого правопопулистского дискурса, и эти лексемы играют особую роль в высказываниях правых популистов. Данные типы имен собственный можно объединить в так называемые «цивилизационимы», которые позволяют построить межкультурную и межнациональную оппозицию «свой-чужой» [Покровская 2009: 8–9]. При этом негативное отношение к другим нациям и культурам, а также возвышение титульной нации является отличительной чертой риторики правых популистов [Priester 2012: 1]. Так, следует выделить важное место имен собственных в лексике правопопулистского дискурса, в частности при реализации типичных для этого дискурса стратегий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Едличко, А.И. Имя собственное в протестном политическом дискурсе // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2017. Т. 14. С. 106–116.
2. Паршина, О.Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России: дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2005. 315 с.
3. Подольская, Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / отв. ред. А.В. Суперанская. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Наука, 1988. 192 с.
4. Покровская, М.Е. Системно-функциональный анализ лексических средств номинации в этнонимике (на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. н. М., 2009. 17 с.
5. Суперанская, А.В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 367 с.
6. AfD Kompakt. Im Brennpunkt. URL: <https://afdkompakt.de/im-brennpunkt/> (дата обращения: 20.02.2023).
7. Burkhardt, A. Politolinguistik. Versuch einer Ortsbestimmung // Sprachstrategien und Dialogblockaden. Linguistische und politikwissenschaftliche Studien zur politischen Kommunikation / J. Klein, H. Diekmannshenke. Berlin: de Gruyter, 1996. S. 75–100.
8. Donsbach, W., Jandura, O. Auf verlorenem Posten. Selbstdarstellung der Parteien in Pressemitteilungen und ihre Darstellung in den Medien // Wählerstimmungen in der Mediendemokratie: Analyse auf der Basis des Bundeswahlkampfes 2002 / E. Noelle-Neumann. München: Karl Alber, 2005. S. 44–68.
9. Priester K. Wesensmerkmale des Populismus: Bundeszentrale für politische Bildung. 2012. URL: <https://www.bpb.de/apuz/75848/wesensmerkmale-des-populismus> (дата обращения: 15.02.2023).

© Токарева Станислава Владимировна (stanislava.tokareva@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ПАССИВНОЙ АГРЕССИИ В ТЕКСТАХ МАСС-МЕДИА

Ху Юйпинь

Аспирант, Волгоградский государственный
социально-педагогический университет
1973771985@qq.com

VERBALIZATION OF PASSIVE AGGRESSION IN MASS MEDIA TEXTS

Hu Yuping

Summary: The article provides a description of aggression in general and passive aggression in particular. Being an integral element of social interaction, passive aggression, despite its implicit nature, causes irreparable moral harm to the victim. Passive aggression has been verbalized in mass media texts in the form of anglicisms: gaslighting, neglect, ghosting, withholding, double-binding, containing a description of the leading tactics. An algorithm for describing tactics of passive aggression is proposed. A comparative analysis has been carried out.

Keywords: aggression, passive aggression, gaslighting, neglect, ghosting, withholding, double bind.

Аннотация: В статье приводится описание агрессии в целом и пассивной агрессии в частности. Будучи неотъемлемым элементом социального взаимодействия, пассивная агрессия, несмотря на неявный характер, наносит непоправимый моральный вред жертве. Пассивная агрессия получила вербализацию в текстах масс-медиа в виде англицизмов: газлайтинг, неглект, гостинг, висхолдинг, дабл-байнд, содержащих в себе описание ведущей тактики. Предложен алгоритм описания тактик пассивной агрессии. Проведен сравнительно-сопоставительный анализ.

Ключевые слова: агрессия, пассивная агрессия, газлайтинг, неглект, гостинг, висхолдинг, дабл-байнд.

Введение

Многочисленные текстовые памятники, мифы, фольклорные произведения, изобразительное искусство, артефакты, найденные при раскопках, а также современные источники информации (средства масс-медиа, фильмы, предметы искусства) и наблюдение за коммуникативным поведением современников указывают на то, что агрессия с древнейших времен и до настоящего времени широко распространена в человеческом обществе. По мере развития общества и науки, изменения мировоззрения людей форма проявления агрессии модифицируется. С учетом активности средств массовой информации, которые не только отражают картину мира, но и формируют ее, варианты проявления агрессии получают широкое освещение. Одной из распространенных форм агрессии является «пассивная агрессия».

Целью данной статьи является изучение номинаций и структуры пассивной агрессии на материале текстов масс-медиа на русском языке. Для этого были проанализированы интернет источники (соцсети, блоги, научно-популярные каналы и т.д.) посвящены проблемам пассивной агрессии, всего рассмотрено 473 контекста, содержащих описание пассивной агрессии. В работе применялись такие методы, как описательный, контекстуальный анализ и концептуальный анализ.

Термин «пассивная агрессия» впервые появился в бюллетене военного министерства США 19 октября 1945 года при описании поведения солдат, которые наносили

вред армии США, явно ничего, при этом, не делая [17]. Таким образом, системообразующим признаком пассивной агрессии является нанесение вреда жертве без видимых агрессивных действия со стороны агрессора в отличие от агрессии, под которой понимается любая форма индивидуальной или групповой вербальной, эмоциональной или поведенческой деятельности, направленной на унижение или причинение физических, материальных, социальных, эмоциональных повреждать [12, с. 104-105].

Словосочетание «пассивная агрессия» получило широкое распространение в сети интернет. Для современных научно-популярных статей и постов блогеров типичны заголовки: «10 явных признаков пассивной агрессии», «Как распознать пассивную агрессию и противостоять ей», «Признаки пассивной агрессии», «Мог бы сам догадаться: что такое пассивная агрессия и откуда она берется», «Пассивная агрессия: всё не так, как принято считать».

Характерное поведение агрессора и страдание жертвы, получившее объективизацию в языке, стали предметом изучения лингвистов, психологов, социологов (В.В. Козлов, М.А. Григорьева, М.Ф. Секач, С.В. Михайкина, Т.А. Голикова, А.В. Быстрых, Е.И. Высоцкая, Б.О. Майер и др.) и т.д.

Пассивная агрессия как тип агрессивного поведения

Пассивная агрессия – один из видов агрессивного поведения, по мнению лингвиста Я.А. Волкова, понятие пассивной агрессии является основой для классификации

коммуникативных ситуаций на пассивно-деструктивные подвиды. Часто пассивно-агрессивное поведение является подсознательным, это скрытая форма манипулирования кем-либо для достижения своих эмоциональных или инструментальных целей [3, с. 87]. А. Налчаджян отметил, что пассивная агрессия не направлена непосредственно на объект, не направлена на его непосредственное уничтожение, а получает выражение в других видах активности [16, с. 122-123], при этом внешне агрессор изображает доброжелательность или нейтральность [18], прибегая к манипулированию для достижения эмоциональных или инструментальных целей. Сфера распространения пассивной агрессии – бытовой и институциональный дискурсы [22].

По мнению М.А. Григорьева и М.Ф. Секач, индивиды с такой моделью поведения не умеют открыто говорить о том, что их не устраивает, выражая свое несогласие и недовольство. Для них свойственно подавлять свои эмоции, но такие реакции, как гнев, обида, злость и т.д. находят выход в резких выражениях, молчании и избегании общения. Это проявляется в саботаже, невыполнении обязательств, негативных установках, постоянных жалобах и других видах косвенного сопротивления. Общими признаками пассивно-агрессивного поведения являются притворное сопротивление ожиданиям или требованиям других и уход от ответственности за собственные действия или бездействие [6, с. 140].

Лингвистические характеристики реализации пассивной агрессии

С лингвистической точки зрения ученые А. В. Быстрых и Е. И. Высоцкая рассматривая проблему лингвистической трактовки пассивно-агрессивного стиля общения, обращают внимание на то, что пассивную агрессию можно рассматривать как особый вид дискурсивной практики (например: деконтекстуализировать формальные и содержательные вежливые высказывания в социально противоположный контекст – ситуацию антагонизма (конфронтации)). Линия поведенческих стратегий коммуникатора двусторонняя: реализация личностно-сберегательных стратегий, направленных на учет личных интересов собеседника, вступает в противоречие с установкой на подрыв межличностной гармонии [1, с. 34].

В этом случае намерение говорящего состоит в том, чтобы, с одной стороны, защитить себя, а с другой стороны, разрушить баланс коммуникации между двумя сторонами, намеренно или ненамеренно контролировать, или подавлять другую сторону. Речь представляет собой социальный и культурный феномен, и в какой-то степени характеристики пассивной агрессии косвенно отражаются в разных языках. Анализируя сопутствующие материалы, пассивно-агрессивная форма отражает

следующие тактики: игра в «молчанку»; избегание открытых конфликтов; склонность скрывать свои чувства; неумение отказывать; саботаж работы и других обязанностей; неявные провокации на конфликт; «случайные» и «ненавязчивые» оскорбления; угрюмость; токсичность; упрямство [7].

Переживания жертвы пассивной агрессии: необъяснимая злость и дискомфорт, чувство вины.

С точки зрения речевого портретирования пассивно-агрессивный человек отличается неумением говорить «нет». Тактики, выбранные пассивно-агрессивным человеком, не содержат прямых вызовов и агрессии: сохраняет лицо, но быстро забывает об этом; умышленно игнорирует просьбу; не просит помощи, не признает свою некомпетентность, не выражает нежелание что-то делать, не идет на разбирательства, внешне выдержан; вербально податливость выражает принятием чужой точки зрения: «конечно, поступай как хочешь»; собственное желание не озвучивает; предпочитает жаловаться, критиковать, язвить, насмехаться и саркастически общаться, употреблять грубые и циничные выражения под видом констатации факта; иронизирует. Невербально пассивно-агрессивные люди часто откладывают или саботируют процесс, неделями игнорируют жертву, молчат, не реагируют на слова собеседника [6, с. 141].

Результат

Проанализировав понятие пассивно-агрессивности, мы предлагаем алгоритм описания пассивно-агрессивного поведения в его понимании в современном массовом сознании носителей русского языка. Для номинации тактик пассивной агрессии используется множество лексем, что характерно – заимствований, рассмотрим подробнее. Рассмотрим структуру описания поведения пассивной агрессии.

1. Тактика поведения пассивной агрессии. Пассивная агрессия – это скрытая форма манипулирования кем-либо для целей, а тактика – это название агрессором того или иного типа поведения.
2. Участники агрессии. Номинации агрессора и его жертвы.
3. Номинации поведения пассивной агрессии (лексем, отражающие данный вид поведения пассивной агрессии).
4. Языковое выражение. Приводятся примеры из контекстов, отражающих поведение пассивной агрессии, анализируется построение предложений, выбор лексем.
5. Системообразующий признак. Описывается характерный для данного типа поведения признак, позволяющий дифференцировать один тип проявления пассивной агрессии от другого.

Перейдем к полученным результатам.

Газлайтинг

1. Тактика – газлайтинг. В лингвокультурологическом словаре газлайтинг определяется как форма психологического насилия, главная задача которого – заставить человека сомневаться в объективности своего восприятия, а также в самой реальности [5, с. 130] В массмедийных текстах газлайтинг предстает как психологический термин, форма манипуляции, целью которой является стремление заставить жертву усомниться в полном восприятии реальности, своих чувствах, эмоциях, воспоминаниях.
2. Участники агрессии. Агрессор – газлайтер (заимствование из английского языка), человек, который обманывает и контролирует жертву. Жертва – это тот, кто подвергается газлайтингу. В массмедийных текстах специальной номинации не обнаружено, используется описательные конструкции: жертва газлайта/газлайтера/газлайтинга.
3. Глаголы: газлайтить, испортить, преувеличивать, сводить с ума, запутывать, перепутать, сумасшестввать, спровоцировать, обвинять, придумывать, перекладывать,
4. Языковое выражение газлайтинга: «Такого быть не могло», «Тебе просто показалось», «Ты уверен, что ты это не придумываешь?», «Да ты преувеличиваешь» [10], «Как ты всегда говоришь...», «Я думал, ты сказал...», «Ты был тем, кто предложил...», «Ты слишком эмоциональна» или «Ты принимаете вещи слишком близко к сердцу», «Я не потерплю такого обращения!», «Этого никогда не было» или «Тебе все кажется» [9].
5. Характеристика данной тактики – отрицание взглядов и идей жертвы, использование безобидных слов для обмана (например: “ты преувеличиваешь”, “ты слишком эмоциональна”), приводит к обесцениванию жизненных приоритетов пострадавшего и формированию чувства неуверенности в себе.

Следующий вид пассивно-агрессивного представления – неглект

1. Тактика – неглект. В словаре актуальной лексики термин «неглект» трактуется как форма психологического насилия, проявляющаяся в неказании помощи нуждающемуся человеку (обычно всего близкому), пренебрежении его интересами и нарушении обязательств [14, с. 268], это неспособность удовлетворить духовные (любовь) или материальные (еда, деньги) запросы или потребности жертвы. В качестве жертвы выступают наиболее уязвимые члены социума: дети, беременные женщины, инвалиды, пожилые люди, больные.

2. Участники агрессии. Агрессор – неглектор, заимствование из английского языка, – это тот, кто полностью игнорирует и пренебрегает нужды и помощь жертвы. Жертва – это человек, которому причинен вред неглектором. Специальной лексики нет. Наименование обобщенное – жертва неглекта.
3. Глаголы: не заботиться, не хочет понять, пренебрегать, самостоятельно решать, забывать, уйти от ответственности.
4. Языковое выражение неглекта: реакция родителей на слова сына о головной боли: «нечему там у тебя болеть, молод еще»; реакция врача на просьбу родных больного: «Буду я к каждому бегать!» [19]; реакция родителей на нежелание ребёнка идти в школу из-за буллинга: «У всех школа была не сахар. Не грузи меня ерундой, а учись решать свои проблемы самостоятельно. Ты уже взрослый» [11]; реакция мужа на просьбу жены: «я забыл...», «я не понял...», «в следующий раз сделаю» « и т. д.
5. Диагностирующим признаком неглекта является игнорирование личности жертвы.

Следующий вид пассивно-агрессивного представления – гостинг

1. Тактика – гостинг (от англ. «ghosting»). В 2015 г. словарь Collins English Dictionary включил новую лексему «ghosting» со значением радикального окончания отношений [21].
2. Участники агрессии. Агрессор – гостер, «человек-призрак» или «призрак». В массмедийных текстах специальной номинации жертве нет, используется описательная конструкция: жертва гостера/гостинга, жертва «человек-призрака»/«призрака».
3. Глаголы: перестать, не отвечать, молчать, прерывать общение без причины, исчезать, игнорировать, блокировать, избегать, терять и т. д.
4. Языковое выражение гостинга. В силу внезапного прекращения коммуникации, языкового выражения гостинга не существует. Можно обозначить эту ситуацию как «нулевое общение».
5. Гостинг характеризуется «прерывания общения без причины» и отсутствием вербального выражения.

Следующий вид пассивно-агрессивного представления – висхолдинг

1. Тактика – висхолдинг («приостановка», «воздержание»), заимствование из английского языка, определяется в словаре Macmillan dictionary как: намеренно не давать что-либо кому-либо [23]. Это форма пассивной, деструктивное поведение человека, хранящего молчание или меняющего тему, когда он не заинтересован в разговоре.

2. Участники агрессии. Агрессор – висхолдер или абьюзер, это человек, который манипулирует жертвой молчанием, отказом от контакта и т.д. Жертва – человек, находящийся под манипуляцией висхолдера. В массмедийных текстах специальной номинации нет, используется описательная конструкция: жертва висхолдера/абьюзера, жертва висхолдинга.
3. Глаголы: уклоняться, хранить молчание, обесценивать, игнорировать, убеждать, отшучиваться, давать невнятные объяснения, избежать.
4. Языковое выражение висхолдинга. Типичные тактики висхолдера – прерывать собеседника: «Опять ты со своим негативом, давай сменим тему»; отвечать невпопад: «У любовниц был, ха-ха-ха», «Спасал мир от катастрофы» [13]; игнорировать тему разговора; отказываться продолжать разговор: «Я не хочу об этом говорить сейчас (читайте: никогда)» [8], «Я не собираюсь с тобой это обсуждать»; смена темы: «где ты был так долго?» [4], и т.д. Помимо вербального проявления, активно используется невербальное: молчание, выполнение других не относящихся к делу действий и т.д.
5. Диагностическим признаком висхолдинга является саботирование идей собеседника.

Следующий вид пассивно-агрессивного представления – дабл-байнд

1. Тактика – дабл-байнд от английского слова «double bind» – одно из средств пассивной агрессии впервые описана Грегори Бейтсоном и его

коллегами в теории происхождения шизофрении и посттравматического стрессового расстройства в 1950-х годах [8]. В словаре Macmillan dictionary, значение «double bind» понимается как сложная ситуация, в которой у вас есть два варианта, но каждый из них будет иметь плохой результат [20]. Это сложная ситуация, когда есть как минимум два варианта, но каждый из возможных приводит к недопустимо плохому исходу, и коммуникатор не может выйти из ситуации из-за зависимости, подчиненности и т.п. [15, с. 53]. С психологической точки зрения это неявный способ манипулирования сознанием других. В этой ситуации в течение длительного времени жертва может легко чувствовать фрустрацию и неуправляемость, отвращение к другой стороне.

2. Участники агрессии. Агрессор – дабл-байндер. Жертва – это человек, находящийся под контролем дабл-байндера. В массмедийных текстах специальной номинации нет, используется описательная конструкция: жертва дабл-байнда/дабл-байндера.
3. Глаголы: посылать противоречащие информации.
4. Языковое выражение дабл-байнда: «Приказываю тебе не исполнять моих приказов»; «Женщина должна быть ухоженная и красивая. Ну вот опять вырядилась и всю зарплату спустила на шмотки»; «Для меня в отношениях самое главное – это семья, близость, чтобы мы были в курсе всех дел друг друга. Каждый человек свободен и никому ничего не должен»; «Я тебя очень люблю. Ну все отстань, давай заниматься делами» и т.д. [2]. В

Таблица 1.

Типы пассивной агрессии

	Газлайтинг	Неглект	Гостинг	Висхолдинг	Дабл-байнд
Количество сторон	2	2	2	2	2
Сфера распространения	Бытовой и институциональный дискурс	Бытовой и институциональный дискурс	Бытовой и институциональный дискурс	Бытовой и институциональный дискурс	Бытовой и институциональный дискурс
Вербальное проявление	принижать, обманывать, обвинять, отрицать, жаловаться, скрывать, порочить	обвинять, критиковать	Нулевое общение	отмалчиваться, менять тему разговора, отшучиваться	посылать противоречащие информации
Невербальное проявление	молчать, игнорировать	молчать, игнорировать, избегать ответственности	Нулевое общение	молчать, игнорировать, смотреть на свой телефон, листать книги, зевать	нет
Физическое насилие	нет	нет	нет	нет	нет
Психологическое насилие	да	да	да	да	да
Эмоциональное насилие	да	да	да	да	да
Мотив	манипулирования жертвой для достижения своих интересов	для избежания ответственности и требования	для достижения собственной цели	манипулирования жертвой для достижения собственной цели	манипулирования жертвой для достижения собственной цели

каждом из приведенных выше примеров тема, обсуждаемая говорящим, вращается вокруг центра, такого как «приказ», «выражаться», «отношение» и т. д., по которому выводятся два противоречивых выбора.

5. Диагностическим признаком дабл-байнда является двойственность выбора.

Перечисленные выше типы пассивной агрессии, несмотря на свой скрытый характер, в отличие, например от гнева, сарказма, физической агрессии, не менее опасны для морального состояния жертвы. Наиболее нагляд-

но сходства и различия пяти перечисленных видов пассивной агрессии можно представлены в таблице 1.

Заключение

Резюмируем. Пассивная агрессия – это скрытое, не-явное деструктивное поведение, наносящее моральный вред жертве. В текстах масс-медиа пассивная агрессия оторефлексируется англицизмами газлайтинг, неглект, гостинг, висхолдинг, дабл-байнд. Наименование каждого типа пассивной агрессии содержит в себе тактику, которую реализует агрессор. В русском языке отмечено небольшое количество дериватов указанных лексем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Быстрых А.В., Высоцкая Е.И. Оксюморон по форме и содержанию: дискурсивные механизмы пассивной агрессии // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2020. – № 4. – С. 28-36.
2. Бокарева В. Манипуляция «Дабл-Байнд». Как ваши близкие «делают» из вас шизофреника // Дзен Платформа – Режим доступа: https://dzen.ru/a/УСА3а_Klhw6qGkys
3. Волкова Я.А. Вербализация скрытой агрессии в художественной коммуникации // Грани познания. – 2015. – № 1(35). – С. 86-90.
4. Висхолдинг: он молчит, игнорит и делает это специально! // Дзен. – Режим доступа: <https://dzen.ru/a/УnSzk7txUmJiUmyv>
5. Голикова Т.А. Лингвокультурологический словарь заимствований современного русского языка 2000–2020 гг.: справочник. – М.; Берлин: Директ-Медиа, – 2021. – 484 с.
6. Григорьева М.А. Психотерапия пассивной агрессии // Человеческий капитал. – 2019. – № 11(131). – С. 140-144.
7. Даниил Т. 10 явных признаков пассивной агрессии // Блог. – Режим доступа: <https://dnevnik-znaniy.ru/psixologiya/passivnaya-agressiya.html?ysclid=ldodofu4ki979219746>
8. Егорова М. Эмоциональное насилие и манипуляции: основные виды // Experimental Psychic. – Режим доступа: <https://experimental-psychic.ru/vidy-ehmotsionalnogo-nasiliya/?ysclid=ldxd310ir282754840>
9. Елена Алексеева 20 примеров нарциссического газлайтинга // Дзен. – Режим доступа: <https://dzen.ru/a/УyYPGo1bFiT15mNm>
10. Иванова Т.А. Газлайтинг, неглект и другие формы пассивной агрессии // Сайт психологов В17.ru. – Режим доступа: <https://www.b17.ru/article/338736/?ysclid=ldokzrrj6k67179483>
11. Картаева Ю. Неглект – тихий убийца или манипуляция пренебрежением // Сайт психологов В17.ru. – Режим доступа: <https://www.b17.ru/article/371625/?ysclid=ldvkl24n1w390716292>
12. Козлов В.В. Агрессия человека: психологический анализ // Педагогический ИМИДЖ. – 2017. – №2 (35). – С. 104-113.
13. Лариса Маслова, Наталья Суркова ВИСХОЛДИНГ В ОТНОШЕНИЯХ И ЕГО ПРИЧИНЫ – КАК ПРОТИВОСТОЯТЬ НЕДОМАНИПУЛЯЦИИ // САМКА. – Режим доступа: <https://samka.co/psihologiya/visholding-v-otnosheniyah-i-ego-prichiny-kak-protivostoyat-nedomaniulya-ii/?ysclid=lfzqu504x528199594>
14. Леонтьева Т.В., Щетинина А.В. Словарь актуальной лексики единения и вражды в русском языке начала XXI века. – Екатеринбург: Ажур, 2021. – 424 с.
15. Майер Б.О. О паттерне «Double bind» в современном обществе и образовании // Вестник НГПУ. – 2012. – №3. – С. 44-55.
16. Налчаджян А. Агрессивность человека / А. Налчаджян. – Москва [и др.]: Питер, 2007 (СПб.: Печатный двор им. А.М. Горького). – 736 с.
17. Павел З. Пассивная агрессия: всё не так, как принято считать // WordPress. – Режим доступа: <https://zygmantovich.com/?p=20018>
18. Михейкина С.В. Признаки пассивной агрессии // DapSite. – Режим доступа: <https://psysvetlana.ru/blog/priznaki-passivnoy-agressii/?ysclid=ldncoi2dgc188084881>
19. Ульянова Н. Бездействие — тоже насилие // НОЖ. – Режим доступа: <https://knife.media/neglect/?ysclid=ldvipd6hd0981409402>
20. Double bind // Macmillan dictionary. – Режим доступа: <https://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/double-bind>
21. Ghosting // Collins English Dictionary. – Режим доступа: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/ghosting>
22. Wetzler S. Living with the Passive-Aggressive Man: Coping with Hidden Aggression. From the Bedroom to the Boardroom. Touchstone; Reprint edition, 1993.
23. Withhold // Macmillan dictionary. – Режим доступа: <https://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/withhold?q=withholding>

© Ху Юйпинь (1973771985@qq.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ИДЕИ И ВЗГЛЯДЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

Цао Дунсюе

старший преподаватель, Институт международного
культурного обмена Цзилинского Педагогического
университета
4115387@qq.com

PEDAGOGICAL IDEAS AND VIEWS IN THE WORKS OF F.M. DOSTOYEVSKY

Cao Dongxue

Summary: This article is intended to reveal the features of the embodiment of the pedagogical ideas and views of F.M. Dostoevsky, explicated in his work. The author proceeds from the position that even though the writer in question did not create a specialized scientific work, the works written by him are the source of the Russian classic's ideas about the features of the formation, upbringing, and education of a human. The main feature of his work is an appeal to the inner world of a person who goes his way not isolated from society, entering active interaction with reality. The writer raises the eternal problems of the development of the spiritual and moral beginning of the personality, which is reflected both in the author's novel work and in his diary entries, small genres of prose. In the framework of this study, we consider the pedagogical view of the classic on the process of personality formation, based on spiritual education and communication, the traditional understanding of the family. Thus, the concept of education of F.M. Dostoevsky is born, embodied in his creative heritage.

Keywords: upbringing, spiritual and moral upbringing, morality, interpersonal interaction, pedagogical views, F.M. Dostoevsky.

Аннотация: Настоящая статья призвана раскрыть особенности воплощения педагогических идей и взглядов Ф.М. Достоевского, эксплицирующиеся в его творчестве. Автор исходит из положения о том, что несмотря на то, что рассматриваемый писатель не создал специализированного научного труда, написанные им произведения являются источником представлений русского классика об особенностях становления, воспитания и образования человека. Основной чертой его творчества оказывается обращение к внутреннему миру человека, который проходит свой путь не обособлено от общества, вступая в активное взаимодействие с действительностью. Писатель поднимает вечные проблемы развития духовно-нравственного начала личности, что находит свое отражение как в романном творчестве автора, так и в его дневниковых записях, малых жанрах прозы. В рамках настоящего исследования нами рассматривается педагогический взгляд классика на процесс становления личности, основанный на духовном воспитании и общении, традиционном понимании семьи. Таким образом, рождается концепция воспитания Ф.М. Достоевского, воплощённая в его творческом наследии.

Ключевые слова: воспитание, духовно-нравственное воспитание, нравственность, межличностное взаимодействие, педагогические взгляды, Ф.М. Достоевский.

Ф.М. Достоевский не был педагогом в привычном значении этого слова, однако в своём литературном творчестве достаточно много внимания уделял вопросам становления личности, поскольку все его произведения так или иначе касались внутреннего мира человека. Не один десяток научных трудов поднимал вопросы педагогических воззрений русского классика. Дневниковые записи, тексты романов, повестей и рассказов уже попадали в поле внимания исследователей [8; 10]. Наиболее глубоко исследовано очерковое творчество классика, где он прямо выражал свои взгляды на воспитание подрастающего поколения [8]. Однако комплексной работы, призванной установить, является ли концепция воспитания, воплощающаяся в творчестве рассматриваемого писателя, результатом эволюции педагогических взглядов Ф.М. Достоевского, или же позиции автора, не претерпевая трансформацию, перетекают из книги в книгу. Такую цель исследования ставит автор настоящей статьи.

Нередко персонажами произведений Ф.М. Достоевского становились дети, и эти литературные образцы, как подчёркивает М.А. Широкова, обладали «психологической

достоверностью» и «реализмом характеров» [11, с. 92].

В одном из ранних своих произведений (роман «Не-точка Незванова») классик описывает ребёнка, сталкивающегося с большими жизненными трудностями: беднота, высокомерный и бесцеремонный отчим, который после смерти матери девочки и вовсе бросает её одну, а затем и воспитание в доме совершенно чужих ей людей. Повествование в романе ведётся от первого лица, поэтому читатель может «из первых уст» узнать о переживаниях маленькой девочки, которая испытывает на себе весь страх и ужас от взрослой жизни. В её воспоминаниях отчётливо запечатлелись родительские ссоры, недостаток материнского тепла («её [мать – ав.] боялась больше всякого страха» [5, с. 159]), отчего девочка (а впоследствии уже девушка) любила предаваться мечтам, уходя в них с головой особенно в процессе чтения («<...> среди таких странных людей, как отец и мать, я сама сделалась таким странным, фантастическим ребёнком» [5, с. 162]). Те чувства наложили отпечаток на дальнейшую жизнь Неточки. Этим Ф.М. Достоевский показывает, какую огромную роль в воспитании и становлении личности играет семья, условия и характер родительских отноше-

ний, взаимодействие между матерью и ребёнком. В уста своей героини писатель вложил концептуально важные слова о том, что пороки человека «не рождаются» вместе с ним, а прививаются обществом и окружением, находясь впоследствии в постоянной борьбе с тем чистым началом, которое дано каждому априори.

Кроме того, роман не лишён сцен наказания. В своих дневниковых записях писатель не раз говорил о том, что наказание есть следствие родительской лени. Вопиющий случай с Неточкой, когда о ней, сидящей в пустой комнате, совершенно забыли (вместо положенных двух часов она просидела в заточении всю ночь), что вызвало гнев у хозяина дома, приютившего сиротку. Думается, что взгляд самого автора репрезентируется словами князя: «Это варварство, чистое варварство, скифство» [5, с. 216].

Новый дом, куда отправили на воспитание Неточку, принёс в жизнь девочки много счастливых моментов. Благодаря чуткому сердцу Александры Михайловны сиротка наконец смогла почувствовать материнскую любовь. Особый интерес вызывает подход княгини в образовании, идущий в разрез с прежним (что использовала мадам Леотар), когда Неточке транслировали сухие факты для заучивания. Ф.М. Достоевский не использует педагогической терминологии, но текст произведения даёт возможность понять, что обучение девочки строилось на отношениях сотрудничества, истина рождалась в дискуссиях («<...> между нами часто рождались споры, <...> и незаметно Александра Михайловна выводила меня на настоящий путь»; «<...> с самого начала совершенно исчезли роли ученицы и наставницы. Мы учились, как две подруги...» [5, с. 230]). Думается, подход княгини более импонировал самому автору, поскольку описываемая им сиротка испытывала самые нежные чувства к своей «учительнице», когда понимала хитрость замысла Александры Михайловны на пути к поиску истины.

Таким образом, уже в раннем творчестве Ф.М. Достоевский обнаруживает твёрдую позицию, заключающуюся в том, что семья накладывает большой отпечаток на внутреннее ощущение человека в социуме (Неточка постоянно чувствовала себя одинокой, как в чердачной комнате матери). По мнению писателя, именно в отчем доме закладывается «нравственный багаж» как основа формирования личности [12, с. 148]. Светлое начало, данное каждому от рождения, безжалостно разрушается обществом. Однако сам человек в силах всё изменить, что демонстрируют другие герои произведений классика.

Ещё одним «гордым» ребёнком (по классификации В.А. Михнюкевич) [9, с. 23], рано осознавшим трудности жизни, стала Нелли из романа «Униженные и оскорблённые». Её мать, больная, нищая и оставленная всеми жен-

щина, вскоре умирает, и девочка остаётся один на один с выжившим из ума дедом, который так и не смог стать опорой для своей собственной дочери в период тягот. Следует отметить, что в концепции Ф.М. Достоевского, чистые от природы дети всегда оказывались близки Богу, практически отождествляясь с ним. Как через молитву человек очищает свою душу, так и через общение с ребёнком он может получить такую возможность. Данная идея несколько позже прозвучит в произведении «Идиот», где князь Мышкин произнесёт: «Через детей душа лечится» [7, с. 58]. В образе Нелли как нельзя отчётливо проявляются черты земного пути Иисуса Христа. Она приходит в этот мир с большим грузом грехов своих родственников, но ей удаётся до последнего сохранить чистоту своей души [1, с. 105].

Проблемы воспитания пронизывают также роман Ф.М. Достоевского «Подросток», где реципиент встречается с молодым человеком и проживает с ним те события, которые оказали на него особое влияние, преломили его индивидуальные характеристики, привили новые качества («катастрофическое становление личности» [2, с. 20]), а сам процесс рассказа и самонализа привёл главного героя и повествователя к «перевоспитанию» себя [3, с. 447]. Произведение ещё раз демонстрирует твёрдость убеждения автора в том, что человек не формируется изолированно, а его детская (а впоследствии и юношеская душа) претерпевает постоянные трансформации, детерминированные внешними обстоятельствами. Именно поведение окружающих, их отношение к ребёнку становятся доминантами его развития. Поэтому зачастую в произведениях писателя появляются образы учителей и наставников, оперирующих различными подходами к воспитанию. Однако ближайшее окружение – семья – оказывается ядром формирования личностных характеристик детей.

Разнообразие семейных отношений и детско-родительских отношений показано в последнем романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы». Здесь писатель приводит вопиющие случаи наказаний, совершаемыми родителями над своими детьми, необъяснимые поступки взрослых, которые калечат жизнь детей или вовсе губят невинные души.

Позиции христианства и православной веры как духовной опоры в жизни человека всегда становились центральными идеями в творчестве рассматриваемого автора («молитва есть воспитание» [4, с. 289]), но положение современного ребёнка во внешнем враждебном мире оказывается неподвластно уму даже набожного Алёши. Неслучайно именно со страниц данного романа выражение «слезинка ребёнка» ушла в народ. В этом же романе автор вновь воплотит свою идею о том, что гармоничное развитие личности неокрепшего духовно маленького человека может происходить только в усло-

виях общения на равных, в сотрудничестве и взаимном принятии («<...> надо войти прямо в доверенность ребенка и особенно целой группы детей. Надо именно начинать серьезно и деловито и так, чтобы было совсем на равной ноге» [4, с. 161]). Здесь также повторится мысль писателя, воплощённая в романе «Преступление и наказание», о великой миссии понимания и прощения (на примере совместного духовного очищения Раскольникова и Сони Мармеладовой): «<...> любите человека и во грехе его, ибо сие уж подобие божеской любви и есть верх любви на земле» [4, с. 289].

Своим произведением автор стремился соединить традиции и заветы христианской веры, евангельских заповедей с достижением заветной гармонии в мире («<...> если <...> не будете как дети, не войдёте в Царство Небесное» [Мф. 18: 3]). Кроме того, своим произведением Ф. М. Достоевский взывает мир взрослых, выполняющих функцию воспитателей подрастающего поколения, к состраданию. Об этом писатель говорил и несколько ранее в своём романе «Идиот»: «Сострадание есть главнейший и, может быть, единственный закон бытия всего человечества» [7, с. 192].

Таким образом, следует резюмировать, что педагогические взгляды Ф.М. Достоевского на протяжении всего творческого пути оставались неизменными. Писатель констатирует необходимость в воспитательном процессе подрастающего поколения прививать лучшие качества, которыми обладает истинный христианин (сострадание, сопереживание). Среди педагогических идей, что должны, по мнению автора, быть положены в основу процесса воспитания и образования личности, Ф.М. Достоевский провозглашает общение «на равных». В современной дидактической мысли такой подход в обучении обозначается технологиями сотрудничества и субъект-субъектными образовательными отношениями.

Писатель своими произведениями демонстрирует, что семья оказывается первичной средой, самой главной для становления личности ребёнка. Однако его дальнейший путь, участие в коммуникации с другими представителями взрослого мира также накладывает отпечаток на

формирование его качеств и черт характера, которыми обростаёт «чистая» детская душа. Образование в значении «обретение знаний» не выступает гарантом того, что человек будет честен и открыт перед самим собой и обществом. В «Записках из мёртвого дома» (рассказ «Претензия») по данному поводу содержится концептуально важное замечание о том, что степень обученности не является меркой доброты и мягкости человеческой души. Автор отмечает, что даже в «в самой необразованной, в самой придавленной среде <...> встречал черты самого утонченного развития душевного» [6, с. 197]. Тогда и же наоборот: человек может быть мерзок даже вопреки высокой степени образованности.

В процессе воспитания, по мысли Ф.М. Достоевского, взрослому следует оставаться ребёнком для того, чтобы сохранить чистоту и невинность души, передать это состояние подрастающему поколению, поскольку детская натура ближе по своей сути к природе, ко Христу.

Большое внимание писателя также отдаётся проблеме наказания. Оно рассматривается автором в качестве результата родительского бессилия, лени. Об этом Ф.М. Достоевский напрямую говорит в своём «Дневнике писателя» и косвенно указывает на эту свою позицию в «Неточке Незвановой», «Братьях Карамазовых», где развивает (а в последнем романе кульминирует) тему «случайного семейства», которое зачастую не в силах проявлять бережное отношение к безгрешной детской душе.

Таким образом, концепция воспитания, проявляющаяся в творчестве Ф.М. Достоевского, имеет черты устойчивости. Христианские традиции, духовные ценности, единение с ребёнком в процессе обучения, отведение предпочтения объяснению, а не наказанию – всё это становится постулатами педагогических воззрений русского классика, который сам воспитывался в духе православной веры, выводящей во главу угла смирение, сострадание, помощь ближнему, вселенское прощение и любовь к детям, что особенно отчётливо писатель выразил в словах старца Зосимы в «Братьях Карамазовых»: «Деток любите особенно, ибо они тоже безгрешны, яко ангелы, и живут для умиления нашего, для очищения сердец наших и как некое указание нам» [4, с. 289].

ЛИТЕРАТУРА

1. Вечтомова А.С. Образ Нелли в романе Ф.М. Достоевского «Униженные и оскорбленные» // X Кирилло-Мефодиевские чтения: сборник научных статей, Ишим, 23 мая 2018 года / Под ред. З.Я. Селицкой. – Ишим: Издательство ИПИ им. П. П. Ершова (филиала) Тюм ГУ, 2018. – С. 100–105.
2. Воронина Э.А. «Подросток» Ф.М. Достоевского как роман воспитания: своеобразие жанровой модели // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. – 2015. – № 2. – С. 15–21.
3. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. / АН СССР, ИРЛИ (Пушкинский Дом); редкол.: В.Г. Базанов (отв. ред.) и др. – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1975. – Т. 13. Подросток / текст подгот. Г.Я. Галаган. – 456 с.
4. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. / АН СССР, ИРЛИ (Пушкинский Дом); редкол.: В.Г. Базанов (отв. ред.) и др. – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1975. – Т. 14. Братья Карамазовы: Роман в 4 ч. с эпилогом / текст подгот. В.Е. Ветловская, Е.И. Кийко. Кн. 1–10. – 511 с.

5. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. / АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом); [редкол.: В.Г. Базанов (отв. ред.) и др.] – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1972. – Т. 2. Повести и рассказы, 1848–1859 / ред. А.С. Долинин, Е.И. Кийко; примеч. Н.М. Перлиной, Н.Н. Соломиной. – 527 с.
6. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. / редкол.: В.Г. Базанов (отв. ред.) и др.; ИРЛИ. Т. 4. Записки из мертвого дома / текст подгот. и примеч. сост. И.Д. Якубович и др. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1972. – 326 с.
7. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. / редкол.: В.Г. Базанов (отв. ред.) и др.; ИРЛИ. Т. 8. Идиот: Роман / текст подгот. И.А. Битюгова, Н.Н. Соломина. – Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1973. – 511 с.
8. Кошечко А.Н., Пацьорка Е.И. Педагогические идеи Ф.М. Достоевского в «Дневнике писателя» (к постановке проблемы) // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2018. – № 6 (195). – С. 105–111. – DOI: 10.23951/1609-624X-2018-6-105-111.
9. Михнюкевич В.А. Поэтика детских образов Ф.М. Достоевского в контексте «народного христианства» // Вестник Челябинского университета. Серия 2: Филология. – 1994. – № 1. – С. 21–28.
10. Пацьорка Е.И., Кошечко А.Н. Ф.М. Достоевский и Л.Н. Толстой: опыт сопоставительного анализа педагогических идей // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2019. – № 6 (203). – С. 28–37. – DOI: 10.23951/1609-624X-2019-6-28-37.
11. Широкова М.А. Педагогическое наследие Ф.М. Достоевского (психологические характеристики детских персонажей в произведениях писателя) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия: Педагогика и психология. – 2006. – Вып. 3. – С. 91–106.
12. Юрьева О.Ю. Ф.М. Достоевский о воспитании, образовании и «национальном учителе» // Педагогический журнал Башкортостана. – 2017. – № 6 (73). – С. 147–153.

© Цао Дунсюе (4115387@qq.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НАУЧНЫЕ КОНЦЕПЦИИ ЯЗЫКОВОГО ЗАИМСТВОВАНИЯ

SCIENTIFIC CONCEPTS OF LANGUAGE BORROWING

M. Tsaturyan
A. Matevosyan

Summary: Linguistic borrowing is a process characteristic of both bilingualism and monolingualism, when elements of another language that are alien to the native language are not regulated by knowledge of the language from which they are borrowed. In most cases, borrowed units are adapted to varying degrees at all language levels, i.e., modified in accordance with the norms of the recipient language.

Keywords: language borrowing, fashion words, words of the year, synchronic approach in the study of borrowings, cognitive mechanism of modification and adaptation of professional jargonisms.

Цатурян Марина Мартиросовна

Кубанский государственный университет, г. Краснодар
tsaturyan.mm@mail.ru

Матевосян Ареват Паруйровна

Кубанский государственный университет, г. Краснодар
arevik.matevosyan.85@mail.ru

Аннотация: Языковое заимствование является процессом, характерным как для ситуации двуязычия, так и одноязычия, когда чуждые родному языку элементы другого языка не регламентируются знанием языка, из которого они заимствованы. В большинстве случаев заимствованные единицы адаптируются в той или иной степени на всех языковых уровнях, т.е. видоизменяются в соответствии с нормами языка-реципиента.

Ключевые слова: языковое заимствование, модные слова, слова года, синхронический подход в исследовании заимствований, когнитивный механизм модификации и адаптации профессиональных жаргонизмов.

Введение

На сегодняшний день, классификация заимствования иноязычных лексических единиц остается актуальной и сегодня – в XXI веке, хотя она зародилась двумя веками ранее и была затронута в трудах отечественных и зарубежных языковедов (А.И. Бодуэн де Куртене 1963; Е.М. Иссерлин 1965; Л.Д. Микитич 1967; Л.В. Щерба 1974; И.И. Огиенко 1915; Л. Блумфилд 2002; Э. Сепир, 1934; Э. Хауген 1972; Ш. Балли 1961; А. Мартине 1972; А. Мейе 2002; Г. Пауль 1960; Г. Шухардт 1950; У. Вайнрайх 1979, и др.). Исследования современных лингвистов доказывают, что интерес к ней не ослабевает и сегодня. Вопросы взаимодействия языков, поднятые еще в работах по сравнительно-историческому языкознанию, а затем трудах младограмматиков и структуралистов, представляют в настоящее время большой теоретический интерес для многоаспектного описания и решения важных практических задач общей теории заимствования.

Согласно, Л. Блумфилду, «языковое заимствование» – это «усвоение различных явлений, которые отличаются от явлений, существующих в силу основной традиции» [2, с. 487]. Приведенное определение можно толковать достаточно широко в соответствии с различными уровнями языка: лексическим, семантическим, фонетическим или грамматическим. Судя по дефиниции, данной Л. Блумфилдом, заимствование – это процесс усвоения чужих языковых (или неязыковых) явлений. Например, ученый выделяет «диалектные» заимствования и «культурные» заимствования, указывая при этом на условность четкого разграничения между ними [Блумфилд 2, с. 488]. Лексические заимствования из области культуры, по мнению американского структуралиста, показывают,

чему один народ научился у другого.

Выдвинувший теорию существования языковой и национальной картины мира У. Вайнрайх понимает заимствование как начальную форму интерференции языков в условиях билингвизма. Заимствованные (или перенесенные) элементы выделяются в речевых актах потому, что «говорящий или слушающий (или оба) обычно знают, какому языку принадлежит высказывание как целое» [3, с. 31].

Интересна концепция отечественного ученого Л.П. Крысина, считающего, что «заимствование» относится только к процессу перемещения единиц различных уровней (фонологического, морфологического, лексического, семантического, синтаксического) из одного языка в другой [5, с. 24]. В результате процесса заимствования, в соответствии с уровнем языка, создаются заимствованные фонемы, морфемы, слова, значения и синтаксические структуры, а калькирование является особым случаем семантического заимствования. Л.П. Крысин понимает «лексическое заимствование» как процесс, а «заимствованное слово» – как результат процесса, т.е. «перемещения слов из одного языка в другой» [5, с. 35]. Таким образом, не всякие слова, которые переходят из одного языка в другой, можно считать «заимствованными». Для разъяснения этого положения ученый разработал собственную классификацию на основе структурных и функциональных различий. Она включает три группы иноязычной лексики (слов иноязычного происхождения, употребляемых в данном языке): а) заимствованные слова, находящиеся в определенных отношениях с системой заимствующего языка; б) экзотическая лексика; в) иноязычные вкрапления [5, с. 36, 57].

Материалы и выводы

Обобщая вышеприведенные мнения, отметим, что лексическим заимствованием называется обращение к лексическому фонду других языков для а) выражения в языке новых понятий, б) дальнейшей дифференциации уже имеющихся в языке новых («чужих») слов и в) обозначения неизвестных прежде предметов или понятий. Согласно данным «Лингвистического энциклопедического словаря», заимствование – «элемент чужого языка (слово, морфема, синтаксическая конструкция и т.п.), перенесенный из одного языка в другой в результате контактов языковых, а также сам процесс перехода элементов одного языка в другой» [7, с. 158]. Таким образом, к заимствованиям составители словаря относят даже иностранные слова, сохраняющие «следы своего иноязычного происхождения в виде звуковых, орфографических, грамматических и семантических особенностей, которые чужды исконным словам», и иноязычные вкрапления [7, с.158].

Заслуживает особого внимания концепция отечественного исследователя проблемы заимствований В.М. Аристовой, в рамках которой поясняется, что заимствование – это не только процесс перемещения (динамика) иноязычных элементов в языке, но и факт их наличия (статика). Кроме того, автор идеи не называет заимствованием процесс выделения и активизации иноязычных морфем и фонем в принимающем языке, поскольку эти явления являются следствием общего направления развития лексики заимствующего языка [1, с. 5-6]. В своей подробной классификации заимствованных единиц В.М. Аристова выделяет а) первичные элементы, способные к самостоятельному переходу из языка в язык, и б) вторичные, не способные к самостоятельному перемещению. К а) первичным относятся лексические, семантические, синтаксические и стилистические элементы; б) вторичные включают в себя фонетические, фонологические и морфологические единицы, которые способны перемещаться из языка в язык и находятся лишь в составе иноязычных слов [1, с. 6-7]. Важно подчеркнуть, что стилистические элементы рассматриваются как самостоятельные виды заимствования. Таким образом, процесс заимствования Аристова понимает двояко: в широком смысле это «единый диалектический процесс, в котором пересекаются две языковые системы» [1, с. 8]; в узком смысле это второй этап эволюции иноязычных слов в принимающем языке, определенный период общего процесса заимствования в широком смысле слова. Иначе говоря, наиболее частый и типичный случай заимствования – это заимствованное слово; наиболее редкий и частный случай – заимствование фонемы, морфемы, синтаксических конструкций.

Используя синхронический подход в исследовании иноязычной лексики, Д.С. Лотте устанавливает три кри-

терия отнесения слова к числу «своих» или «чужих», в соответствии с которым анализируются а) сочетания звуков заимствованного слова, соответствующие общепринятым звукосочетаниям данного языка; б) морфологическая форма и отдельные формальные признаки слова, соответствующие общепринятым в данном языке, которые гармонируют со всем строем языка; в) производные от рассматриваемого слова [6, с. 10]. В результате исследования лингвист выделяет четыре типа терминов, которые, в свою очередь, распределяются на несколько видов. Согласно автору, только буквальное оригинальное заимствование могут называться заимствованными в прямом смысле, а именно «слово, перенесенное в данный язык из какого-либо языка в том виде (в той форме), в котором оно в нем существует в момент заимствования» [6, с.10]. Предложенное определение исключает другие виды и типы заимствования, так как, по мнению лингвиста, они являются либо результатами «взаимодействия» элементов своего и чужого языков, либо созданиями в пределах своего языка [6, с. 16-17]. При этом не следует забывать, что заимствование является понятием диахроническим, поэтому необходимо изучать «судьбу» заимствованного слова, различные способы вхождения в язык и другие языковые аспекты в определенном историческом периоде.

Результаты исследования

Новые научные лингвистические концепции в обязательном порядке учитывают различные экстралингвистические факторы, влияющие и обуславливающие процессы формирования содержания «интра- и межъязыковых заимствований в различных терминосистемах, которые достаточно часто становятся «промежуточными» в аспекте обслуживания различных взаимодействующих областей информационно-знаниевого континуума». В этой связи отметим современные научные работы по «когнитивным механизмам модификации и адаптации семантики терминов, которые анализируются в рамках соответствия коммуникативному потенциалу в той или иной сфере применения (Голованова, 2004), вариативной интерпретации и смены функциональных ограничений терминов (Сложеникина, 2010; Рыженкова, 2001)».

В систему когнитивных факторов входят соответствующие коммуникантам стили мышления, «темы», или «картины мира». Так, например, профессиональный жаргон можно считать метаязыком определенной сферы употребления, который охватывает как индивидуальную, так и коллективную когнитивные системы, принадлежащие определенной группе специалистов. Когниотипы в данном исследовании понимаются как некие концептосферы, объединяющие несколько предметных групп, или сфер по понятийному признаку, которые как правило называются каким-либо онимом, или именем концепта,

например, «Предметы обихода», в который входят лексико-тематические группы «Косметика», «Одежда», «Сумка» и пр.

Например, в концептосфере «Экономика» преобладает узкая или широкая экономическая терминология, например, слова *аудит, офф-шор, фьючерсные сделки*. Приведенные термины понятны специалистам в экономической области и совершенно непонятны широкому кругу людей. Но эти понятия и слова, называющие их, крайне необходимы и востребованы в профессиональном дискурсе. В этом случае возрастает роль переводчика или словаря как посредника, связующего звена коммуникантов, с помощью которых и восполняются пробелы в языке перевода, так называемые когнитивные лакуны. Таким образом, заимствование и процесс перевода взаимообусловлены: заимствование иноязычной лексики непосредственно влияет на развитие языка в целом.

Разделяя вышеприведенные мнения отечественных и зарубежных ученых, мы также признаем, что заимствование – это лингвистическое явление, существующее в современном русском языке, обусловленное глобализацией языковых контактов и английского языка, интенсификацией телекоммуникационных и Интернет-технологий, освоенное системой принимающего языка. В средствах массовой коммуникации активно обсуждаются активные процессы развития современного русского языка: «Буквально на наших глазах в интернет-коммерции происходит настоящая революция. На первый план выходит новаторский формат коммуникации с потребителем, сочетающий в себе элементы и социальных сетей, и классической телерекламы, и телешопинга, и новые, доселе незнакомые цифровые инструменты. Совсем недавно об этом не слышал практически никто, а теперь *лайвстриминг* – главный *тренд* в развитии онлайн-торговли в сфере прямых продаж... Сами *стримы* вскоре вышли далеко за рамки *геймерства*: как инструментом эффективных продаж *онлайн* ими заинтересовался бизнес. В итоге в *интернет-коммерции* возник новаторский способ продвижения *b2c*, получивший название *live commerce*. Этот подход возник в результате сочетания живого видео и *e-commerce* – то есть торговли *онлайн*. Таким образом, *live commerce* – это онлайн-продажи товаров путем живого вещания эксперта или *инфлюенсера* (*блогера* либо звезды *шоу-бизнеса*) на аудиторию конечных потребителей, то есть нас с вами. Она осуществляется двумя способами: либо через разнообразные *маркетплейсы* – *стриминговые* площадки, созданные онлайн-продавцами, либо посредством *стриминговых платформ* в социальных сетях» (Российская газета, 2020, 27 октября).

Развитие и использование информационных и коммуникационных технологий во всех сферах жизни рос-

сийского общества оказало значительное влияние на общую языковую и концептуальную картины мира. В научных исследованиях на протяжении многих десятилетий остаются актуальными вопросы теоретического осмысления «модных» слов (или «слов года») в соответствии с определенным временным периодом (см. Т.В. Шмелева, Е.Ф. Горбунова, О.С. Иссерс, Е.Н. Коваленко, В.Г. Костомаров, А.Ю. Ницула, Н.В. Сергиенко, А.В. Сперанская и др.). Ключевые слова определенного временного периода выделяются учеными на разных этапах функционирования русского литературного языка. Научные труды ведущих отечественных языковедов В.В. Виноградова, А.С. Селищева, М.В. Панова посвящены описанию лексического состава русского литературного языка в рамках истории языка и социолингвистики.

Обсуждение

Исследование учеными «слов года» показало объемное и субъективное частотное употребление наиболее актуальной лексики в СМИ, молодежном дискурсе и предметных сферах общения специалистами разных областей. «Слова года» фиксируются в небольшом хронологическом отрезке в истории языка, они функционируют в разножанровых дискурсах и далеко не всегда отражены в словарях. Модные нововведения часто подхватываются заинтересованными лицами или профессиональными группами. Статистические данные о новой (модной) лексике собираются в рамках ежегодной акции «Слово года», проводимой в русскоязычном интернет-сообществе, а также по материалам толковых словарей русского языка, включая данные Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Отмечается, что словник первых десятилетий XXI века составил 168 единиц русского языка (4, с.5). Важно отметить, «слова года» охватывают ключевые слова текущего момента и становятся модными словами. Выбор того или иного слова обусловлен использованием определенным социальным коллективом (И Лицюнь, 22, с.6). Слова года делятся на исконные, заимствованные, иноязычные и окказиональные, и они выполняют номинативную, коммуникативную и экспрессивную функции (там же, с.6). Анализ «слов года» первого десятилетия XX в. показал, что 59 единиц относятся к заимствованным (*коллайдер, волатильный, биткоин, гламур, смог, импичмент, гендер* и др.). Часто используемая в средствах массовой коммуникации лексика перешла в разряд общеупотребительной лексики, используемой в письменной и устной форме (*коррупция, санкция, изоляция* и др.) (И Лицюнь, 2022, с.11). В «Словаре модных слова» В.И. Новикова также зафиксированы новые слова, образованные от иноязычных заимствований, например *эсэмэска* (от SMS (short message service – англ. служба коротких сообщений)).

Показатели частотного функционирования заимствованной единицы *маркетплейс* в современном ме-

диапространстве позволяет предположить, что данная лексема может принадлежать разным сферам: как экономической, так и цифровой сфер. Экстралингвистические факторы, рассмотренные выше, способствовали высоким темпам процесса заимствования в совокупности с особенностями активного межкультурного взаимодействия в условиях современной глобальной коммуникации, в которой английский язык стал основным инструментом интернет-коммуникации.

Институт русского языка им. А.С. Пушкина провел исследование сфер деятельности в отношении заимствований. Приведем мнение проф. М.Н. Русецкой:

«Мы выявили 329 заимствованных слов, которые вошли в русский язык и активно используются в 12 важнейших сферах, включая госуправление и менеджмент, искусство и культуру, информационные технологии. Думали, что именно там больше всего иностранных слов. Оказалось, что на первом месте образование, где «живет» 23,5 процента всех заимствований. Но кто, как не педагоги, должны хранить язык? Должны думать о том, какое слово пустить, а какое не пускать в публичную коммуникацию? Но именно образованцы становятся источником совершенно непонятных нормальному человеку слов. Менторство, коуч, тренинг, тьютер... 77 слов! В погоне за модой, чтобы быть инновационными и передовыми, предлагаются эти бесконечные неудобоваримые выражения. Если честно, я сама не знаю значения некоторых из них.

На втором месте – сфера товаров и услуг. Аутлеты, бонусы, барбершопы, логистика, паркинги, каршеринги, карпулинги... Наверное, сегодня Россия не может похвастаться большим экспортом. Мы получаем новые товары, новые услуги с их наименованием. Но не даем себе труда хотя бы чуть-чуть подумать над их русскими именами!

На третьем месте – общество с хейтерами, тиктокерами, инфлюенсерами, комьюнити и эйджизмом.

Четвертое – у информационных технологий. Апгрейд, интерфейс, копипаст, юзабилити. Термины, которые пришли из этой сферы, абсолютно непонятны людям. Профессионалы, ну посмотрите на каждое слово острым глазом. И подумайте, как ваш птичий язык воспринимается в публичном общении, в медиапространстве. Ведь вы влияете на языковой вкус эпохи» (<https://news.myseldon.com/ru/news/index/252104417>).

«Кстати, если говорить о профессиональных жаргонизмах: за последние годы большая часть заимствований (или тех явлений, которые действительно раздражают, особенно старшее поколение) пришла из IT-индустрии. Понятно, почему это происходит: IT-индустрия как сфе-

ра социально-экономического развития современного мира вторглась в сферу коммуникации. То есть она изменила, перестроила нашу коммуникацию. Так мы с вами все стали активными пользователями дисплейной (как ее называл академик Костомаров, основатель института, ученый-лингвист), или цифровой коммуникации. За последние годы сформировался третий вид коммуникации: была речь устная, речь письменная – и вот у нас появилась цифровая коммуникация со своими правилами и со своим языком. Эта сфера коммуникации во многом определялась людьми, основавшими ее, теми, кто формировал правила речевого поведения на этой территории. Это были представители IT или смежных сфер. Так язык нашей цифровой коммуникации получил много профессиональных заимствований. И поэтому мы сделали некоторые исключения к этим профессиональным жаргонизмам. Мы исходили из того, что слова, которые мы выносим на конкурс, должны быть действительно общепотребимы и известны во всех возрастных, социальных и профессиональных группах.

С другой стороны, мы попытались отобрать те слова, которые пришли в язык не на основе языкового предпочтения большинства из нас, а те, которые нам были предложены сверху, то есть, как правило, чиновниками или бизнесом. Названия каких-то новых явлений, которые сразу попали и в публичную коммуникацию, и в документы, и в наименования различных публичных организаций или товаров и услуг. И в данном случае нам как представителям языка, как языковым личностям просто не оставили выбора. Появилась услуга *каршеринг*, и мы ею пользуемся и вынуждены принимать это слово. Или тот же *коворкинг*, по поводу которого недоумевают многие. Нам тоже сразу повесили эти наименования, открыли эти центры во всех районах.

— А можете еще какие-то примеры привести?

— Фрилансер, тимбилдинг, маркетплейс, воркшоп, воркаут, нетворкинг, локдаун, дедлайн, эндаумент, коливинг, инфлюенсер, стартап, девайс, плейлист, коммитмент, бэкграунд, продакт плейсмент, квиз — вот слова, которые мы отобрали.

Они употребляются в самых разных и возрастных, и социальных, и профессиональных группах, на сегодняшний момент не являются чистыми жаргонизмами, активно используются в публичной коммуникации и документообороте, то есть мы можем увидеть официальное объявление министерства о проведении того или иного мероприятия или даже постановление, распоряжение правительства, в котором эти слова присутствуют. Предположим, французские слова – взять те же самые жаргон, инструктаж, спектакль, экран, макияж. Это французские слова, которые мы воспринимаем как русские, правильно? И теперь что у нас сейчас происходит? Сейчас почему-то вместо этих французских слов мы вдруг начинаем использовать не жаргон, а сленг, не

инструктаж, а брифинг, не спектакль, а шоу, вместо экрана – дисплей, не макияж, а мейкап. Получается, здесь как бы борьба уже даже не русского языка с иностранным, а одних иностранных слов с другими иностранными словами. Просто мы уже воспринимаем первую группу – и жаргон, и спектакль – как наши, русские слова. Или, например, вместо немецких слов, которые тоже давно вошли в обиход – бутерброд и шлягер, у нас сейчас сэндвич и бестселлер или хит. Идет конкуренция внутри языков между собой.

Сейчас мы говорим «вебинар» – уже привыкли к этому формату, и сразу понятно, о чем идет речь. Это слово не режет ухо: на него распространяются все правила русского словообразования, то есть можно сказать «вебинарчик», «вебинаться». Точно так же, как Кронгауз любит приводить в пример «окей». Да, это слово вошло в язык, его называют паразитом, тем не менее оно обрусело и поэтому так и зацепилось. У нас уже есть даже океюшки – тоже стало жить по русскоязычной словообразовательной модели, ассимилировалось. Поэтому те

слова, которые входят в язык и начинают жить — почему нет, я считаю, что это допустимо» (<https://moskvichmag.ru/lyudi/rektor-instituta-pushkina-margarita-rusetskaya-sozdany-vse-usloviya-a-deti-yazykom-ne-vladeyut/>).

Заключение

Итак, развитие любого языка происходит в соответствии с его внутренними закономерностями и в конечном счете определяется потребностями самой языковой системы. Как было показано выше, понятие языкового заимствования в лингвистике является многозначным и изучается в плане адаптации заимствованных единиц, их изменений под влиянием интерференции, а также функционирования в системе языка-реципиента. Особенности данных процессов могут быть обусловлены как внутренними, так и внешними факторами и пополнение лексического фонда языка осуществляется как за счет внутриязыковых ресурсов (слово-образование, семантическое развитие), так и за счет лексическо-го материала другого языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристова В.М. О лексических заимствованиях из английского языка в русский язык в XVII-XVIII вв. М.: Высшая Школа, 1978. – 6-7 с., 9 с.
2. Блумфилд Л. Язык. Изд. 2-е, стереотипное. М.: Едиториал УРСС, 2002. 487-488с.
3. Вайнрайх У. Языковые контакты: состояние и проблемы исследования. Киев: «Вища школа», 1979. 263 с.
4. И Лицунь. «Слова года» как единицы языка и дискурса (на фоне китайского языка. Автореф. дис.канд. филол. н., М., 2022. – 27 с.
5. Крысин Л.П. К определению терминов «заимствование» и «заимствованное слово» // Развитие лексики современного русского языка. М., 1965.с. 24-35.
6. Лотте Д.С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов. М.: Наука, 1982. 152 с.
7. Ярцева В.Н. Лингвистический энциклопедический словарь. 1990. 685 с.

© Цатурян Марина Мартиросовна (tsaturyan.mm@mail.ru), Матевосян Ареват Паруйровна (arevik.matevosyan.85@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

АНТРОПОЦЕНТРИЗМ СЛОВ-РЕДУПЛИКАТОВ СОВРЕМЕННОГО ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

Червоный Александр Михайлович

Д. филол. н., доцент, Таганрогский институт
имени А.П. Чехова (филиал) ФГБОУ ВПО «РГЭУ (РИНХ)»
ckutrik@yandex.ru

ANTHROPOCENTRISM OF REDUPLICATES IN MODERN FRENCH

A. Chervoniy

Summary: The article concentrates on the analysis of reduplicative words in French. Reduplicates are represented by different parts of speech, but first of all, they are nouns expressing a person, as well as his/her physical, psychological characteristics, kinship, professional affiliation, etc., which confirms the substantive style of the French language.

Modern French reduplicates are characteristic of children's speech as well as the sociolect of the youth. In French, reduplicates function as lexemes with a diminutive meaning (hypocoristic words). They are characterized by their axiological content and may belong to different stylistic subtypes of colloquial French (jargonisms, colloquialisms, professional words).

French reduplicates are also used as expressive and emotionally evaluative words.

Keywords: reduplicates, a part of speech, semantic meaning, stylistic affiliation.

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению слов-редупликатов французского языка. Редубликаты представлены разными частями речи, но прежде всего, – это имена существительные, выражающие человека, а также его физические, психологические характеристики, родственные связи, профессиональную принадлежность и т.д., что подтверждает субстантивный стиль французского языка.

Редубликаты современного французского языка свойственны детской речи, а также языку молодежного социолекта. Во французском языке, слова-редубликаты функционируют в качестве лексем с уменьшительно-ласкательным значением (ласкательные слова). Они характеризуются аксиологическим содержанием и могут принадлежать разным стилистическим подтипам разговорного французского языка (жаргонизмы, просторечья, профессиональные слова).

Редубликаты французского языка используются также в качестве экспрессивно и эмоционально оценочных средств.

Ключевые слова: слова-редубликаты, часть речи, семантическое значение, стилистическая принадлежность.

Редубликаты – это слова, состоящие из повторяющихся частей. Слова-редубликаты образованы в результате процесса редупликации (от позднелат. *reduplicatio* – удвоение) – фонеморфологического явления, состоящего в удвоении начального слога (частичная редупликация) или целого корня (полная редупликация) [2, с. 408]. Возможны также случаи удвоения как второго слога слова, так и всего слова. Процесс редупликации, таким образом, может быть разнонаправленным: правосторонним (прогрессивным – редуплицируемая часть помещается после исходной) и левосторонним (регрессивным – редуплицируемая часть помещается перед исходной) [4].

Характеризуя редупликацию в качестве языкового механизма, Ф. И. Рожанский отмечает два неперемных условия, свойственные данному словообразовательному явлению:

1. этот повтор не является случайным;
2. имеет определенную семантику [4, с. 32].

Процесс редупликации имеет универсальную природу. Следует отметить: слова с полным или частичным повтором части слова или целого слова обнаруживаются в разных языковых семьях и присущи языкам с различным грамматическим строем.

Редупликация берет свое начало в древнем словоо-

бразовании и сопряжена с таким языковым явлением, которое в лингвистике получило название «ономатопея».

Как показал анализ фактического материала, редупликация является весьма продуктивным способом словообразования современного разговорного французского языка. Так, например, известный в прошлом французский футболист и ныне успешный тренер Зинедин Зедан получил прозвище *Zizou*. Во многих странах известны торговые бренды одежды, белья, парфюмерии и др., представленные редубликатами *Coco Mademoiselle Chanel, Deby Debo, Mimi, Fifi, Naf Naf, Hoka One One, Cacao Barry, Fifi Chachnil* и т.д.

Как известно, структурно слова-редубликаты подразделяются на дуплеты-двусложные, что совершенно естественно, трехсложные и даже четырехсложные единицы [4]. Например: *tralala (m), rifici (m), rototo (m), perlimpinpin (m)*. В лингвистике разработаны различные классификации редупликации, в основу которых положены формальные признаки редупликатов, их функциональные характеристики, семантические значения редуплицируемых словообразовательных элементов т.д. (см. работы Н. М. Штейнберг, С.Д. Букатниковой, Ф.И. Рожанского и др.).

В связи с вышесказанным, в данной работе мы не станем рассматривать формальные признаки, функции,

типы и уровни редупликации, а также структурные особенности редупликатов французского языка, которые были, как уже отмечалось выше, предметом многих лингвистических исследований, а проведем семантический анализ слов-редупликатов, проанализируем частеречную принадлежность лексических единиц данного типа словообразования, сформируем лексические группы редупликатов, согласно их семантического значения, а также рассмотрим их семантическое и стилистическое своеобразие.

Что касается редупликатов французского языка, они отличаются своим морфологосемантическим компонентным составом.

Редупликаты отражают, прежде всего, антропоцентризм французского языка, поскольку большинство лексем обозначают человека и сферу его бытия. Процесс редупликации наблюдается в формальных признаках имен существительных, прилагательных, глаголов.

Слова-редупликатов составили следующие лексико-семантические группы имен существительных французского языка:

I) Существительные

А) Редупликаты, стилистически нейтрально обозначающие людей, их возрастные, физические, моральные характеристики *bébé (m)* – младенец, малыш, *barbare (m. f)* – варвар.

Например:

– La sage-femme refusa; mais elle voulut bien boire un verre de vin, parce que ça l'avait émotionnée, disait-elle, de trouver la malheureuse femme avec *le bébé* sur le paillason (E. Zola).

– Il y a un sentiment, un fait qu'il faut avant tout bien comprendre pour se représenter avec vérité ce qu'était *un barbare*:.....(F. Guizot).

В) Подавляющее большинство редупликатов – это лексические единицы с коннотативным значением, обладающих ярко выраженной стилистической окраской *banban (m, f. pop)* – хромой, хромоножка; *mémé, mère (f. fam)* – бабушка; *pépé (m. pop)* – дедушка; *titi (m. pop)* – уличный парижский мальчишка.

– Je vous embrasse bien tendrement avec la chère petite Camille que je vois d'ici, heureuse, gaie, causant avec ses petits poulets et pensant quelquefois à *mémé et pépé* (Pasteur).

– Femme d'un certain âge et de forte corpulence. La patronne vaut le déplacement, *une grosse mère à bigoudis* avec des bas roulés sur les chevilles (M. du Gard).

– C'est toujours avec *ce petit banban-là* que la maitresse se promène pendant la récréation (E.Ф. Гринева, Т.Н. Громова).

– Là, il retrouvait sa liberté de parole, son ton goguenard, ses saillies de *titi* parisien (R. Sabatier цит. по E.Ф. Гриневой, Т.Н. Громова).

С) Французские имена собственные, могут быть представлены уменьшительно-ласкательными формами: например, *Dédé* от *André*, *Dudule* от *Jaques*; *Juju* – от *Julie*, *Mimi* – это уменьшительное от *Emilie*, *Lolo* – уменьшительное от *Laurence*, *Vinvin* производное от *Vincent*, *Gigi* от *Jiselle*, *Fifi* от *Joséphine*, *Fifi* уменьшительное от *Philippe*.

Д) Редупликаты с ласкательное значением: *taman (f. pop.)* – мамочка, мамуля, мамуся; *papa (m. pop)* – папочка; *fifille (f. fam)* – доченька, девочка.

– Je jouais *au papa* et à *la taman*. Je jouais à chat perché (J. Prévvert).

– Tu me suis?

– Oui, *papa*.

– Parfait, *fifille* (J. Anouilh).

Редупликаты могут использоваться в качестве ласкового обращения к адресату: *mimi (m. fam)* – лапочка, котик; *loulou (m. fam)* – лапочка, котик, пупсик; *cocotte (f. fam)* – милочка, дорогуша, детка.

– Là, *mon mimi*, c'est assez, n'est-ce pas? Tu verras comme tu deviendras grande et belle! (E. Zola).

– *Mon loulou*, mieux vaut la mort que le désonneur (R. Fallet цит. по E.Ф. Гриневой, Т.Н. Громова).

– Madeleine. – (...) nous avons eu bien du mal à ne pas éclater de rire; c'était à en faire craquer tous ses boutons. C'qu'ils s'en sont donné!!! Et des « Mon amour » et des « Ma p'tite *cocotte* en sucre et des « Mon ange blond! » (J. Lévy).

Е) пренебрежительные, пейоративные или шуточные обозначения людей. Например: *bouboule (m, f. fam)* – толстячок, (-ушка), бутуз, карапуз; *gaga (m. fam)* – человек, впавший в детство; *duduche (m. fam)* – балда; *gogo (m. fam)* – простоватый, доверчивый человек, простофиля; *zozo (m. pop)* – придурок.

– Un peu de salade, *bouboule*? (E.Ф. Гринева, Т.Н. Громова).

– Hé! hé! dit la boulangère un jour à son mari, le vieux gailant aime encore les filles! Le Boulanger haussa les épaules. Tu veux dire qu'il est *gaga*! (M. Pagnol).

– *Un grand duduche* en baskets et en jean, la figure mangée par la lunettes (E.Ф. Гринева, Т.Н. Громова).

– Imagine que le terrain ait été acheté non par toi, mais par *un autre gogo*, par un autre niais (G. Duhamel).

– Il est devenu *un vrai zozo*, ce garçon!

Ф) Достаточно частотны редупликаты, выражающую разную коннотацию по отношению к лицам женского пола: *Cricri (m. fam)* – девушка, любовница; *nana (f. pop)* – 1) любовница 2) женщина, баба; девушка; *nénette (f. fam)* – симпатичная девушка, девчонка; *pépée (f. pop)* – девчон-

ка, девица, красотка

- J'ai déjà vu ton *cricri*.
- J'ai pas le temps.
- Qu'est-ce qu'il y a ? T'as repéré *une nana*?
- Oui, une blonde vachement roulée (B. Clavel. цит. по Е.Ф. Гриневой, Т.Н. Громовой).
- Qu'est-ce qu'elle se croit pas, *cette nénette* (P. Cauvin цит. по Е.Ф. Гриневой, Т.Н. Громовой)
- *Une pépée* hautaine passe, salué par les sifflements admiratifs des plus jeunes; les aînés, eux, apprécient d'un regard blasé (R. Ikor. цит. по Е.Ф. Гриневой, Т.Н. Громовой).

G) Редубликаты служат также для обозначения маргиналов, например, заимствованные из канадского варианта французского языка лексические единицы *toutoune* (m. *péj*) гомосексуалист, *rouroune* (f. *fam*) – девушка с пониженной социальной ответственностью, проститутка и т.д.

H) Профессия: *bibi* (m. *pop*) – солдат, рядовой; *gygu* (m. *fam*) (разг. от *gynecologue*) – гинеколог; *fifi* (m. *pop*) – участник сопротивления.

- Comme tout le monde, j'ai commencé simple *bibi* (DFAP цит. по Е.Ф. Гриневой, Т.Н. Громовой).
- *Ce gygy* travaille à la polyclinique №42.
- Les insurgés, groupés sous les initiales F.F.I., et que le peuple appela instantanément les «*fifs*»... (J. Dutourd цит. по Е.Ф. Гриневой, Т.Н. Громовой).

I) Коммуникация, речь субъекта *bla-bla* (m. *pop*) – пустая болтовня,

- bobard* (m. *fam*) – враки, вымысел, небылицы, *cancan* (m) – сплетня
- Mais Paule m'a cent fois proclamé son horreur du *bla-bla-bla*, des consignes et de l'action directe (H. Bazin).
- Tu travestis les faits, tu colportes n'importe *quels bobards* (S. de Beauvoir).
- Je ne sais à *quel cancan* de petite ville il avait ouvert l'oreille (G. Sand).

J) Межличностные отношения: *chichi* (m. *fam*) – жеманство, кривлянье; *zizanie* (f) – раздоры, склока.

- Les bavardages infinis des clientes prétentieuses l'épuisèrent aussi dans un autre genre, toujours tricheuses, créatrices de tas d'histoires et de *chichis* à propos de rien... (L.-F. Céline).
- *La vieille zizanie* entre les frères renaissait (L. Aragon).

K) Эмоции, чувства, состояния: *bobo* (m. *fam*) – боль, болезненное место; *chichite* (f. *fam*) – придуманная, воображаемая болезнь; *bloblote* (f. *pop*) – страх; *cucuterie* (f) – сентиментальность, слащавость, приторность; *dodo* (m. *fam*) – сон, бай-бай.

- On entamait une conversation sur les enfants et sur *les bobos* qui inquiètent tant les mères (E. Zola).
- Il tremble, m'accroche par la manche. *La bloblote* (A.

Boudard. цит. по Е.Ф. Гриневой, Т.Н. Громовой).

- Je ne vois pas du tout pourquoi, sous prétexte de plaire aux enfants, il faut verser à toute force dans *la cucuterie* douceâtre (Е.Ф. Гринева, Т.Н. Громова).
- Je te revois quand?
- Comme d'habitude, après-demain soir. Un aller-retour Lyon avec *dodo* dans le bahut (M. Tournier цит. по Е.Ф. Гриневой, Т.Н. Громовой).

L) Деятельность: *tutu pan pan* (m. *pop*) – порка, а-та-та; *fric-frac* (m. *pop*) – кража.

- Provençal, mon ami, une émotion t'envahit *au tutu-pampan* du tambourinaire (Coppée ds France 1907).
- Arletty, méchante fille impassible, qui n'hésite pas (...) devant un coup de main avec effraction nommé *fric-frac* (S.G. Colette).

II. Прилагательные

Весьма репрезентативны прилагательные-редубликаты, обозначающие миловидность и красоту, например: *jojo* (pop) – красивый, хорошенький; *mimi* (fam) – миленький, хорошенький; *soin-soin* (arg) – удачный, хороший; миленький, замечательный

Семантика имен прилагательных в большинстве случаев связана с обозначением психического состояния, низкого интеллектуального уровня человека: *bébête* (fam) – глупенький, глуповатый; *cucu* (cucul)(fam) – глуповатый, глупенький, дурацкий; *jojo* (pop) – сумасшедший; глупый; *nunuche* (fam) – глуповатый; *soisot* (te) (fam) – глуповатый(ая); *zing-zing* (pop) – сумасшедший, псих, с приветом.

- D'une niaiserie enfantine, ridicule. Petite pièce naïve et *bébête* (M. Renard).
- ...elle a l'oeil observateur et n'a pas tardé à remarquer que je griffonnais des petits trucs bien *cul-cul* sur les lettres des camarades et des dessins un peu moins *cul-cul* pour moi-même et mes amis (A. Sarrazin цит. по Е.Ф. Гриневой, Т.Н. Громовой).

- Il est *jojo*, ce type-là.
- Elle est *nunuche*, cette petite.
- Il est un peu *soisot*, mais c'est un as du bricolage...
- Entre nous, un peu *zing-zing* le professeur?
- Il y a de ça... (Sabatier цит. по Е.Ф. Гриневой, Т.Н. Громовой).

III. Глаголы

Семантика глаголов также связана большей частью с деятельностью человека и может обозначать:

- A) Процесс говорения: *blablater* (pop) – болтать, трепаться; *tatcher* (fam) – болтать; *gongonner* (fam) – брюзжать; *zézyer* / *zozoter* (fam) – сюсюкать.
- Ils *blablatent* sans cesse.

– Les bonnes femmes, elles *tchatchent* sans arrêt.
 – Ce *vieillard gongonne* toujours.
 – [Le vieil homme] *zéyayait*, disait: « Ze crois, Ze veux, »
 comme si, à cause de l'agitation de sa tête, il n'avait plus le
 temps de toucher aux mots que du bout de la langue, de
 l'extrême pointe (M. Renard).

– Je ne suis pas fâchée de vous tenir, dit cette aïeule
 grave, mais *zozotant* un peu, à cause de l'éternel bonbon à
 la menthe collé sous sa gencive (H. Bazin цит. по Е.Ф. Грине-
 вой, Т.Н. Громовой).

В) Межличностные отношения, например: *chouchou-
 ter (fam)* – баловать, обхаживать; ухаживать за., возиться
 с.; *dindonner (fam)* – обмануть, провести; *titiller* – ласкать,
 потрагивать, приятно возбуждать.

– Elle était *chouchoutée* en enfance.
 – Qu'est-ce que tu as fait? Tu sens le cigare et la bière,
 elles te *dindonnent* et elles se moquent de toi... (Huysmans).
 – On *titille* ensuite les violoncelles d'un doigt savant,...
 (Willy).

Процесс редупликации способствует образованию
 лексических единиц, относящихся к разным частям речи.

Редупликаты, представленные, прежде всего, суще-
 ствительными, выражающими человека, а также его фи-
 зические, психологические характеристики, родствен-
 ные связи, профессиональную принадлежность и т.д.,
 что подтверждает субстантивный стиль французского
 языка.

Редупликаты современного французского языка свой-
 ственны детской речи, например, всем, кто изучал фран-
 цузский язык известны персонажи детских книг *Riquiqui,
 Roudoudou* – Рудуду и Рикики, издававшихся во Франции
 с 1950-х по начало 1970-х годов.

Редупликаты свойственны также языку молодежного
 социолекта, они характеризуются аксиологическим со-
 держанием и могут принадлежать разным стилистиче-
 ским подтипам разговорного французского языка (жар-
 гонизмы, просторечья, профессиональные слова).

Во французском языке, слова-редупликации функ-
 ционируют в качестве лексем с уменьшительно-ласка-
 тельным значением (ласкательные слова). Редупликаты
 французского языка используются также в качестве экс-
 прессивно и эмоционально оценочных средств. Некото-
 рые исходные слова в процессе редупликации приобрели
 новое значение, нетождественное исходному слову.

Хотя редупликация представлена в современном раз-
 говорном французском языке сравнительно небольшим
 количеством слов, она играет в лексике немаловажную
 роль, органически входя в число ее словообразователь-
 ных типов.

Следует также отметить, что в некоторой степени ре-
 дупликация как средство экспрессивного лексического
 формообразования является одной из особенностей
 французского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Букатникова С.Д. Функционирование редупликации в художественном тексте: системный аспект. Автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19., Башкир. гос. ун-т, Уфа. 2017. – 20 с.
2. Виноградов В.А. Редупликация // Лингвистический энциклопедический словарь – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685с.
3. Гринева Е.Ф., Громова Т.Н. Словарь разговорной лексики французского языка: (На материале современ. худож. лит. и прессы) – М.: Рус. яз., 1988. – 638 с.
4. Рожанский Ф.И. Редупликация: Опыт типологического исследования. – М.: ЗНАК, 2011.– 256 с.
5. Штейнберг Н. М. Редупликация в современном французском языке. Ленингр. ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени гос. ун-т им. А.А. Жданова. – Л.:ЛГУ, 1969. – 69 с.

© Червоный Александр Михайлович (ckutrik@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИНОЯЗЫЧНАЯ ЛЕКСИКА В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА ТЕКСТОВОМ МАТЕРИАЛЕ И В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ВАРИАНТОВ КОРЕЙСКОГО ЯЗЫКА РК И КНДР)

FOREIGN LANGUAGE VOCABULARY
IN MODERN POLITICAL DISCOURSE
(BASED ON TEXT MATERIAL AND
COMPARATIVE CHARACTERISTICS OF THE
TYPES OF THE KOREAN LANGUAGE OF
THE REPUBLIC OF KOREA AND THE DPRK)

*O. Shalamova
N. Lee
T. Arueva*

Summary: The research topic is relevant due to the fact that borrowed (foreign) vocabulary of the modern political discourse of the Republic of Korea and the DPRK is unique, therefore it is interesting for analyzing. The result of the study is a comparative characteristic of the use of borrowed (foreign) vocabulary in the political discourses of the countries of the Korean Peninsula.

Keywords: political discourse, borrowed (foreign) vocabulary, borrowed (foreign) vocabulary in the political discourse of the Republic of Korea, borrowed (foreign) vocabulary in the political discourse of the DPRK.

Шаламова Ольга Олеговна

*Кандидат педагогических наук, доцент, ФГБОУ ВО
«Тихоокеанский государственный университет»
pikarika@bk.ru*

Ли Надежда Бенминовна

*Старший преподаватель, ФГБОУ ВО «Тихоокеанский
государственный университет»
leekimso@mail.ru*

Аруева Татьяна Павловна

*ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный
университет»
2019101848@pnu.edu.ru*

Аннотация: Актуальность исследовательской работы обусловлена тем, что пласт заимствованной лексики современного политического дискурса Республики Корея и КНДР практически не имеет аналогов, потому весьма интересен для анализа. Результатом исследования является сравнительная характеристика использования заимствованной лексики в политических дискурсах стран Корейского полуострова.

Ключевые слова: политический дискурс, заимствованная лексика, заимствованная лексика в политическом дискурсе Республики Корея, заимствованная лексика в политическом дискурсе КНДР.

Перевод иноязычной лексики, используемой в политическом дискурсе, имеет особую сложность, поскольку переводчику необходимо не только выявить заимствованную лексику в речи политиков, но и грамотно ее передать, не потеряв смысла. При переводе может возникнуть несоответствие в содержании исходного на переводимый язык, что может привести к конфликту. Эта сложность и определила актуальность данной статьи.

Целью исследования является анализ использования иноязычной лексики в вариантах корейского языка Республики (РК) и КНДР на материале современного политического дискурса.

Методологической основой исследования послужили научные работы политологов Е.И. Шейгал и А.П. Чудинова, фундаментальные труды отечественных лингвистов В.Н. Комиссарова, Л.П. Крысина и Л.Р. Концевича.

Политический дискурс в широком смысле можно трактовать как разновидность идеологического дискурса, использующего определенную систему речевых образований политической сферы. В узком смысле по-

литический дискурс – это текст или послание, содержащее какую-либо политическую информацию (речи политиков, парламентские дебаты, правительственные документы), направленную на смысловую составляющую организации политической жизни.

К дискурсивным характеристикам политических текстов относят:

1. множественное жанровое воплощение;
2. создание культурных ценностей различными языковыми коллективами;
3. амбивалентность (политический дискурс совмещает противоборствующие политические, социальные, культурологические и лингвистические аспекты);
4. политическая субъективность (выделяют три субъекта: автор – говорящий, прямой адресат – слушающий, адресат-наблюдатель) [4].

По мнению Г.П. Нецименко, политическая составляющая определяется характером взаимоотношений с другими этносами, прагматической сменой тех или иных политических предпочтений [3]. Лексика – это наиболее восприимчивый пласт языковой системы, фиксирующий

все изменения в жизни общества. Вот почему иноязычная лексика присутствует во всех общественных сферах.

Выделяют внешние и внутренние причины появления иноязычной лексики в корейском языке.

К внешним причинам относится наличие тесных политических, экономических, культурных контактов между носителями языков.

Внутренние причины включают:

- два лексических пласта, образованных в корейском языке ввиду исторического развития – исконно корейская лексика и ханча. Использование лексики этих пластов привело к наличию большого количества синонимов, которые в определенных случаях являются абсолютными, в других же отличаются стилистически. Например, ханмунное слово 철 [чхоль]
- 鐵 и исконное 쇠 [све] – железо; ханмунное слово 광 [кванъ]
- 光 и исконное 빛 [пит] – свет;
- • существующая в языке сложность семантических рядов, которая может быть заменена синонимом из другого языка, с более общей семантикой. Например, 슬랭 [сыллен] из англ. жаргон, является эквивалентом для 속어 [сого] – разговорное выражение, и 비속어 [писого] – вульгарное выражение;
- • тенденция к упрощению смысловой структуры слова. Например, человека, у которого есть собственный автомобиль, раньше называли 자기 용차를 자기 운전하는 사람 [чаги ёнчхарыль чагига унчжонханын сарам], сейчас его называют 언어드라이브 [онодыраибы] от англ. owner-driver.

Основными способами передачи заимствованной лексики являются:

- калькирование – способ, когда переносится лишь общее строение сложного слова или словосочетание вместе с его значением. Например, 정상회담 [чонъсанъхведам], где 정상 [чонъсанъ], как и summit имеет значение «вершина», а 회담 [хведам] – собрание.
- транскрипция – фонетический способ, при котором производится заимствование словарной единицы с сохранением ее звуковой формы. Например, понятие, относящееся к распространению современной культуры Южной Кореи 한류 [халлю] на русский язык, передалось путем транскрибирования – Халлю; 보드카 [подыкха] от русского слова «водка»;
- транслитерация – способ, при котором буквы заимствуемого слова заменяются буквами родного языка, то есть заимствуется написание иностранного слова. Например, 로씨아 [рошия] написание «Россия» в варианте корейского языка КНДР.

Стоит отметить, что ввиду долгого исторического сотрудничества с Китаем китаизмы, ассимилированные корейским языком, вошли в состав общеупотребительной лексики настолько, что перестали восприниматься и считаться заимствованной лексикой [5].

Несмотря на общее развитие лексики до середины XX века, лексика политического дискурса стран РК и КНДР значительно отличается друг от друга. После разделения Кореи в 1953 году на два самостоятельных государства, заимствованная лексика Республики Корея в основном пополнялась за счет англо-американизмов, а КНДР за счет русского языка. В середине 1960-х годов в КНДР началась политика упорядочения лексики, 21 апреля 1964 года вышло постановление о проведении в стране культурной революции в языке. Она была направлена на очищение языка от иноязычного влияния Китая и Запада [2].

Многим заимствованиям были найдены или придуманы исконно корейские замены. Например, 돌풍 [тольпхунъ] от 突風 было изменено на 갑작바람 [капчакпарам] – сильный ветер; 가사 [каса] от 家事 на 집안거두메 [чибангодумэ] – домашние дела; 과거 [кваго] от 過去 на 어제날 [очжэналъ] – прошлое; 계좌 [кечва] от 計座 на 돈자리 [тончари] – банковский счет [1].

Иноязычная лексика, иероглифические слова, которые также присутствуют в словарном составе КНДР, подверглись изменениям и отличаются чтением и написанием от слов, употребляемых в Республике Корея.

В следующей таблице 1 приводятся примеры использования иероглифической лексики, географических названий и заимствований в КНДР и Республике Корея.

В политическом дискурсе Республики Корея используется большое количество заимствований ввиду исторического фактора и растущего интереса к западной культуре. Поэтому в речи политических деятелей, политических выступлениях, указах и законах используется не только сино-корейская лексика, но и «конглиш», и заимствования из других языков.

Например, следующее предложение было взято из выступления президента РК Юн Сок Ёля на конференции в Объединенных Арабских Эмиратах в 2023 году, где он говорит о международных отношениях между двумя странами.

«대한민국과 아랍에미리트의 경제인 여러분, 반갑습니다. 양국 경제 협력의 새로운 비전을 논의하는 '한-UAE 비즈니스 포럼'에 저도 참석하게 되어 매우 기쁩니다».

[тэханмингуква арабэмиритхыыи кёнчжеин ёробун, пангапсымнида. янгук кёнчжэхёмнёгыи сэроун пичжониль нониханын 'хан-UAE пичжынисы пхором' э чодо

Таблица 1.

Примеры использования иероглифической лексики, географических названий и заимствований в КНДР и Республике Корея

Заемствованное слово и его перевод	Вариант заимствования	
	КНДР	Республика Корея
Иероглифические слова		
май-июнь – 五六月	오륙월 [орюкволь]	오뉴월 [онюволь]
искажение – 歪曲	외곡 [вегок]	왜곡 [вэгок]
ошибка – 誤謬	오유 [ою]	오류 [орю]
место отдыха – 休憩所	휴게소 [хюгесо]	휴게소 [хюгесо]
Иноязычная лексика		
группа от англ. group	그룹 [кыруппа]	그룹 [кырупп]
танк от англ. tank	탱크 [ттэнкхы]	탱크 [тхэнкхы]
автобус от англ. bus	버스 [ппосы]	버스 [посы]
доллар от англ. dollar	달러 [тталла]	달러 [талло]
Географические названия		
Россия	로씨야 [россия]	러시아 [россия]
Сибирь	씨비리 [щибири]	시베리아 [щибэриа]
Токио	도쿄 [токкё]	도쿄 [токхё]
Болгария	불가리아 [польгариа]	불가리아 [пульгариа]

чхамсокхагэ твео мэу киппымнида]

«Деловые лидеры Республики Корея и Объединенных Арабских Эмиратов, приятно познакомиться. Я очень рад принять участие в «Бизнес-форуме Корея-ОАЭ», чтобы обсудить новое видение экономического сотрудничества между двумя странами».

아랍에미리트 [арабемирты] – Арабские Эмираты, географическое название страны от английского Arab Emirates, переведено путем транскрибирования;

비전[пичжон] – видение, взгляд, от английского vision, прямое заимствование переведено путем транскрибирования;

비즈니스 [пичжынисы] – бизнес от английского business, прямое заимствование переведено способом транскрибирования;

포럼 [пхором] – форум, от английского forum (исначальное латинское происхождение) прямое заимствование, переведено путем транскрибирования.

В политическом дискурсе РК заимствованная лексика используется практически во всех сферах: политической, законодательной, научной, экономической и т.д. А также при употреблении реалий и имен собственных.

Необходимо напомнить, что после проведения языковой реформы в КНДР лексический пласт иноязычной

лексики значительно сократился.

Следующий отрывок был взят из заявления для печати заместителя министра иностранных дел КНДР по делам международных организаций Ким Сон Гёна.

«그러함에도 불구하고 유엔 사무총장이 백악관이나 국무성의 대변인이자 된 듯이 그들이 하는 말을 그대로 따라 외우고 있으니 개탄스러움을 금할 수 없다»

[кырохамедо пульгухаго юенсамучхончжани пэкаккванина кукмусоныи тэбёнинина твентыщи кыдыри ханын марыль кыдэро ттаравеугоиссыни кэтхансыроумиль кымхальсу опта]

«Тем не менее, нельзя не выразить сожаления тому, что генеральный секретарь ООН, как будто он стал представителем Белого дома или госдепартамента США, следует их словам».

유엔 사무총장 [юенсамучхончжан] – генеральный секретарь ООН, гибридная лексика, 유엔 [юен] – ООН (Организация Объединенных Наций) от английского UN – United Nations, переведено путем транскрибирования, и 사무총장 [самучхончжан] 事務總長 – генеральный секретарь, сино-корейская лексика.

Авторы исследования, предприняв попытку сравнения и анализа иноязычной лексики в современных политических дискурсах стран Корейского полуострова, пришли к выводу, что пласт заимствованной лексики в политическом дискурсе двух стран значительно отлича-

ется своим количественным составом, что было продемонстрировано в анализе выступлений политиков двух стран. Политики Республики Корея используют иноязычную лексику в различных сферах деятельности, в то время как лидеры КНДР употребляют ее только при упоминании

названий стран, географических реалий, международных организаций, клубов, форумов, конгрессов, к которым невозможно подобрать эквивалент. Заимствованная лексика в политических дискурсах РК и КНДР все еще мало изучена, что дает основания для дальнейших исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ким Ире. Лексическая и терминологическая вариативность в корейском языке // Вестник Московского университета. – 2014. – № 3. – С. 139-148.
2. Концевич Л.Р. Корееведение. Избранные работы. – Москва: Муравей-Гайд, 2001. – 640 с.
3. Нецименко Г.П. Заимствования и интернационализмы в современной вербальной коммуникации // Проявление интернационализации в славянских языках. – Седльце: Изд-во Академии Подляской, 2009. С. 29-41.
4. Равочкин Н.Н. Особенности политического дискурса // Вестник Костромского государственного университета. – 2018. – № 3. – С. 244-249.
5. Шаламова О.О., Ли Н.Б. Исторические факторы ранних лексических заимствований в современном корейском языке // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. – 2022. – № 6. – С. 193-195.

© Шаламова Ольга Олеговна (rikarika@bk.ru), Ли Надежда Бенминовна (leekimso@mail.ru),
Аруева Татьяна Павловна (2019101848@pnu.edu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Тихоокеанский государственный университет

КИТАЙСКИЙ МОДАЛЬНЫЙ ГЛАГОЛ 要 YÀO И ОСОБЕННОСТИ ЕГО ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Ян Яци

Государственный институт русского языка
им. А.С. Пушкина, Россия;
Хэнаньский университет, г. Хэнань, Китай
1366675329@qq.com

Ли Станислав Игоревич

к. филол. н., доцент, Государственный институт русского
языка им. А.С. Пушкина Москва, Россия
SILi@pushkin.institute

THE CHINESE MODAL VERB 要 YÀO AND PECULIARITIES OF ITS TRANSLATION INTO RUSSIAN

Yang Yaqi
S. Li

Summary: The purpose of this study is to analyze the Chinese modal verb 要 yào as a lexical means for expressing modality in terms of the peculiarities of different communicative situations. In addition, we analyze the translation variants that fully express the corresponding modal meanings in Russian. As a result of the study, the detailed use of the verb is reflected in four points: first, the verb 要 yào expresses the desire to do something, in this situation the words «want», «wish», «ask», etc. are used in translation into Russian; second, the verb 要 yào means that something should be done, in this situation these words of «should», «must», «need», are used in translation into Russian. In the third, the verb 要 yào indicates that something is about to happen, in this situation, the translation into Russian uses expressions corresponding to the original; in the fourth, the verb 要 yào has the meaning of evaluation and is used in a comparative context, in this situation, the translation into Russian uses comparative adjectives. The demand for the study of the Chinese modal verb 要 yào lies in its high frequency of use in speech and usefulness for comprehending Chinese modal verbs and studying their translation, as well as in stimulating more interest in this field of research.

Keywords: Russian, Chinese, modal verb 要 yào, modal meaning, translation.

Аннотация: Целью данного исследования является анализ китайского модального глагола 要 yào как лексического средства для выражения модальности с точки зрения особенностей различных коммуникативных ситуаций. Кроме того, анализируются варианты перевода, которые полностью выражают соответствующие модальные значения в русском языке. В результате исследования подробное употребление глагола отражено в четырех пунктах: во-первых, глагол 要 yào выражает желание сделать что-то, в этой ситуации при переводе на русский язык используются слова «хотеть», «желать», «просить» и т.д.; во-вторых, глагол 要 yào означает, что что-то должно быть сделано, в этой ситуации при переводе на русский язык используются слова «должен», «обязан», «надо», «нужно», «необходимо» и т.д.; в-третьих, глагол 要 yào указывает на то, что что-то скоро произойдет, в этой ситуации при переводе на русский язык используются соответствующие с оригиналом выражения; в-четвертых, глагол 要 yào имеет значение оценки и используется в сравнительном контексте, в этой ситуации при переводе на русский язык используются сравнительные прилагательные. Востребованность изучения китайского глагола 要 заключается в его высокой употребительности и пользе для постижения китайских модальных глаголов и изучения их перевода, а также в стимулировании большего интереса к этой области исследований.

Ключевые слова: русский язык, китайский язык, модальный глагол 要 yào, модальное значение, перевод.

Основным способом передачи информации является язык. В процессе общения человек теми или иными способами выражает свое отношение к внешнему миру. Вспомогательные глаголы, показывающие модальность в речи, называют модальными глаголами. Они играют неотъемлемую роль в речевой коммуникации, их использование может помочь говорящим достичь желаемого речевого эффекта. При выражении просьб и предложений они могут указывать на отношение, интерес и мысли субъекта речи, прямо отражая его определенное намерение, помогая людям лучше понимать друг друга. Изучение того, как правильно использовать и переводить модальные глаголы, поможет изучающим иностранные языки не только усвоить смысл слов, но и понять их модальный аспект, отражающий психологическое состояние коммуниканта, побудит их правильно выражать отношение к действительности в процессе общения.

Модальные глаголы – важная грамматическая категория языка, их использование охватывает намерения или замыслы говорящего и придает больший акцент его чувствам. Модальные глаголы играют уникальную роль в коммуникации. Они не могут использоваться в качестве предикатов сами по себе, а только вместе со смысловыми глаголами для образования предикатов. Они употребляются перед глаголом действия, чтобы выразить мнение говорящего или его субъективное видение ситуации [3]. Как всем известно, модальный глагол 要 yào занимает важное место в повседневном общении на китайском языке, он отражает восприятие говорящим внешнего мира и его психологическую реакцию на него [1, с. 125-126].

1. Анализ модальных значений глагола 要 yào

В «Словаре современного китайского языка» (5-е из-

дание 2005 года) модальные значения глагола 要 yào разделяются на четыре группы: 1) глагол 要 yào выражает желание сделать что-то, например, 他要学游泳 'он хочет научиться плавать'; 2) глагол 要 yào означает, что что-либо необходимо или желательно, например: 刀子很锋利, 要小心使用 'нож очень острый и должен использоваться с осторожностью'; 3) глагол 要 yào указывает на то, что что-то будет сделано или скоро произойдет: 苹果要成熟了 'яблоки скоро созреют'; 4) глагол 要 yào имеет значение оценки и используется в сравнительном контексте: 你这篇文章写得比我的要好得多 'Вы написали эту статью гораздо лучше, чем я' [4, с. 7-8].

Из вышесказанного ясно, что модальный глагол 要 yào выражает несколько значений, которые имеют сложные связи и очень тонкие когнитивные различия. Это означает, что полисемия данного глагола представляет собой ключевой момент, который нельзя игнорировать, т.к. как при его переводе на русский язык никогда не бывает абсолютного соответствия, но может возникнуть несколько различных вариантов, если переводчик не в полной мере знаком с многозначностью модального глагола.

Хотя в русском языке нет специальных модальных глаголов, модальные значения при этом могут быть выражены. В русском языке они передаются различными способами, важно выбрать наиболее подходящее средство выражения смысла и эмоций, содержащихся в оригинале.

2. Употребление и перевод модального глагола 要 yào

1. Выражение настойчивого желания коммуниканта. Субъект речи обладает волей к тому, чтобы что-то произошло, намерением или желанием совершить действие, обозначенное предикатом. При переводе предложений на русский язык модальный глагол 要 yào трактуется семантикой глаголов «хотеть», «желать», «просить» и т. д. [2, с. 102]. Например: 我要养成良好的生活习惯 'я хочу выработать хорошие привычки'; 我要在这场比赛中取得胜利 'я хочу выиграть эту игру'. В этих двух предложениях глагол 要 yào обозначает желание и стремление говорящего, в переводе эту роль выполняет слово *хотеть*. 爸爸要你尽快回来 'папа желает, чтобы ты как можно скорее вернулся'; Здесь слово *желать* напрямую выражает желание папы. 昨天我生病了没能去上学, 我要小王帮我做了笔记 'вчера я заболел и не смог пойти в школу, я попросил Сяо Вана помочь мне с моими записями'. В этом предложении глагол 要 yào указывает на просьбу, в русском языке мы используем слово *попросить*.
2. Действие, обозначенное следующим за ним пре-

дикатом, должно быть выполнено. В основном используется для того, чтобы приказывать, напоминать, убеждать, велеть и т.д. Значение глагола 要 yào может быть выражено в русском языке различными формами, в основном с помощью кратких прилагательных «должен», «обязан», предикатных наречий «надо», «нужно», «необходимо» и т. д. [6, с. 21]. Например, 每个学生都要遵守校纪校规 'каждый ученик должен соблюдать школьную дисциплину и правила'; 你违反了交通规则要交罚款 'вы обязаны заплатить штраф за нарушение правил дорожного движения'; 过河要有船 'для переправы через реку необходима лодка'; [5, с. 26]. 你要阻止这件事的发生 'тебе нужно остановить это'; 从小父母就告诉我们, 要扣好人生的第一颗扣子 'с самого раннего детства родители говорили нам, что браться за свою жизнь надо с самого начала'.

3. Разъяснение субъективного предположения о будущем, т.е. говорящий считает, что что-то произойдет, наступит какое-то состояние, что-то произойдет в определенное время. В таких случаях при переводе обычно достаточно использовать эквивалентные глаголы или словосочетания в русском языке, которые соответствуют действиям, совершаемым в исходном тексте. Например, 马上就要下雨了 'скоро пойдет дождь'; 你这样做是要失败的 'поступая так, вы потерпите неудачу'; 暑假我要参加朋友的婚礼 'Летом я буду участвовать в свадьбе друга'.
4. Использование в сравнительном контексте. При переводе на русский язык мы должны учитывать значение всех слов и использовать сравнительную форму прилагательных. Например, 夏天屋子里太热了, 外边要凉快得多 'летом в доме слишком жарко, на улице гораздо прохладнее'; 总的来说, 生活中乐比苦要多 'в целом, в жизни больше радости, чем страданий'; 他走得比我要快些 'он шел немного быстрее, чем я' [7, с. 10].

Таким образом, рассмотрены четыре типичные коммуникативные ситуации, в которых используется модальный глагол 要 yào. В первой коммуникативной ситуации субъект речи выражает пожелание совершать какое-либо действие, на русский язык указанный глагол переводится как «хотеть», «желать», «просить» и т.д. Во второй коммуникативной ситуации речь идет о необходимости и возможности совершать какое-либо действие, на русский язык указанный глагол переводится как «должен», «нужно», «надо», «необходимо» и т.д. В третьей коммуникативной ситуации выражается какая-либо вероятность или неизбежность того, что что-то произойдет, на русский язык перевод может быть осуществлен с помощью глаголов, в которых содержатся совпадающие с китайскими предикатными глаголами значения. В четвертой коммуникативной ситуации выражено сравнение результата

или состояния завершения какого-либо действия, на русский язык перевод может быть осуществлен с помощью сравнительной формы прилагательных [1, с. 129].

В результате проведенного исследования мы выявили, что модальный глагол 要 уào обладает широким спектром значений, в различных коммуникативных ситуациях могут появляться различные варианты перевода

на русский язык. Подводя итоги, правильное использование и перевод модальных глаголов в процессе общения может сделать речь говорящего недвусмысленной и ясной, а понимание слушающего – более точным, что способствует эффективному общению между двумя сторонами коммуникации, обмену эмоциями и установлению хороших межличностных отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Давлетбаева А.Ф., Фаткуллина Ф.Г. Модальный глагол 能 и особенности его перевода на русский язык // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. №1. (125-129).
2. Кан Лиин, Чан Ин. Анализ семантических значений китайского глагола 想 и его употребления в китайском языке // БГЖ. 2018. №2 (23). (101-103).
3. Алжеева М.М. Модальные глаголы желания китайского языка (на примере глаголов 要 уào, 想 xiǎng, 愿意 yuànyì, 敢 gǎn, 敢于 gǎnyú, 肯 kěn) // Вестник КИГИ РАН. 2019. №1 (41). (108-122).
4. Чжу Цин. Исследование приобретения модальных смысловых элементов на основе корпуса динамического сочинения HSK «要» [D]. Чжуншаньский университет, 2016.
5. Су Руйли. Исследование значения китайского модального глагола «要» [D]. Хэйлунцзянский университет, 2020 г. DOI: 10.27123/d.cnki.ghlju.2020.000626.
6. Юй Синь. Русский перевод модального глагола «要» в политической литературе[J]. Журнал Тяньцзиньского университета иностранных языков, 2022, 29 (04): 20-32+111.
7. Мао Юцинь. Исследование смещения слова «要» на основе корпуса динамического сочинения HSK[D]. Хунаньский педагогический университет, 2021 г. DOI:10.27137/d.cnki.ghusu.2021.001267.

© Ян Яци (1366675329@qq.com), Ли Станислав Игоревич (SILi@pushkin.institute).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

Наши авторы

- Agoeva M.** – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Pyatigorsk Institute (Branch of FSAEI of Higher Education "North-Caucasus Federal University")
- Akhmetov M.** – orderly, LOGCUZ "Svir Psychiatric Hospital"
- Anastassova E.** – Senior Lecturer, Siberian Federal University
- Arias A.-M.** – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, St. Petersburg University of Management Technologies and Economics (UMTE)
- Arueva T.** – Pacific National University
- Budekhin S.** – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Moscow State Linguistic University; Associate Professor, Kosygin Russian State University (Technologies. Design. Art)
- Cao Dongxue** – Senior Lecturer, Institute of International Cultural Exchange of Jilin Pedagogical University
- Chaly A.** – Teacher, Military Academy of Logistics named after General of the Army A.V. Khrulev, Omsk Armored Engineering Institute
- Chernova G.** – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, A.S. Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg
- Chervoniy A.** – Doctor of Philology, Associate Professor, A.P. Chekhov Taganrog Institute (branch) of the FSUE VPO "RSEU (RINH)"
- Dotsenko M.** – Ph.D., Associate Professor, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University
- Druzhinina A.** – Assistant, National Research Technological University "Moscow Institute of Steel and Alloys"
- Dvorkovaya M.** – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, State University of Education
- Dzholiev I.** – senior lecturer, Ural State Agrarian University
- Fan-Yung G.** – PhD of Historical Sciences, Docent, Volga Region State University of Physical Culture, Sport and Tourism (Kazan, Russia)
- Feoktistova Yu.** – Assistant, Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen, St. Petersburg; clinical psychologist of the Central All-Russian Clinical Center "Children's Psychiatry" named after S.S. Mnukhin
- Fomina E.** – Senior Lecturer, Siberian Federal University
- Funikova S.** – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Belgorod National Research University "BelSU"

Our authors

- Gabidullina E.** – Candidate of Philology, Associate Professor, Graduate School of Humanities, FSBEI HPE "Ugra State University"
- Galich T.** – Associate Professor, Siberian Federal Univer
- Gareev D.** – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Ural Institute of GPS of the Ministry of Emergency Situations of Russia; Ural State Agrarian University
- Golik N.** – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, FSBEI of Higher Education "Pyatigorsk State University"
- Hu Yuping** – Graduate student, Volgograd State Social and Pedagogical University
- Kablukov V.** – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Russian State Technological University MIREA
- Kalashnikova O.** – Senior Lecturer, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University
- Kapaeva A.** – Peoples' Friendship University of Russia, Moscow
- Khvalebo G.** – Associate Professor, Taganrog Institute named after A. P. Chekhov (branch) of RSUE, Taganrog,
- Kismetov K.** – Senior lecturer, NAO West Kazakhstan University named after M. Utemisov
- Klementyeva A.** – postgraduate, Lomonosov Moscow State University
- Klimova N.** – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Pyatigorsk Institute (Branch of FSAEI of Higher Education "North-Caucasus Federal University")
- Klochkov S.** – Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Siberian Federal University
- Klochkov V.** – doctor of pedagogical sciences, Chelyabinsk State University
- Kornienko A.** – Independent expert, Coach
- Kuanshalieva R.** – Postgraduate student, Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky
- Kurenkova E.** – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, State University of Education
- Larionov A.** – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, State University of Education
- Lee N.** – Senior teacher, Pacific National University
- Levicheva S.** – Candidate of Philological Sciences, associate professor, Moscow Aviation Institute

Li S. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

Lyalina E. – Candidate of Pedagogical Sciences, Senior lecturer, Private educational institution of higher education "Taganrog Institute of Management and Economics"

Makina T. – speech therapist, Federal Scientific and Clinical Center of Resuscitation and Rehabilitation, Solnechnogorsk

Matevosyan A. – Kuban State University, Krasnodar, Russia

Mogilevskaya T. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Ural Institute of GPS of the Ministry of Emergency Situations of Russia; Ural State Agrarian University

Nain A. – doctor of pedagogical sciences, Ural State University of Physical Culture

Ovchinnikova T. – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, A.S. Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg

Pashedko Iu. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, St. Petersburg State Institute of Culture

Rakhimbaeva I. – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky

Saparov B. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Ural State Agrarian University

Sazonova T. – Inzhener (applicant), Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering

Shalamova O. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Pacific National University

Skopa V. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Altai State Pedagogical University (Barnaul)

Sokolova E. – graduate student, Voronezh State Pedagogical University

Solomonovskaya A. – Candidate of Philology, Associate Professor, Novosibirsk State University

Sorokin N. – Postgraduate student, Institute of International Law and Economics named after A.S. Griboyedov, Moscow

Strzhalkovskaya A. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Belgorod National Research University "BelSU"

Timofeeva K. – speech therapist, Federal Scientific and Clinical Center of Resuscitation and Rehabilitation, Solnechnogorsk

Tokareva S. – Postgraduate student, lecturer, Lomonosov Moscow State University

Trotsyuk S. – Ph.D., Associate Professor, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

Trubnikova C. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Private educational institution of higher education "Taganrog Institute of Management and Economics"

Tsarikaev A. – Ph. D. in History, Associate Professor, North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov (Vladikavkaz); Institute of History and Archaeology of the Republic of North Ossetia-Alania (Vladikavkaz)

Tsaturyan M. – Kuban State University, Krasnodar, Russia

Tuskayeva G. – Ph. D. in History, Associate Professor, North Ossetian State Medical Academy (Vladikavkaz)

Wang Meiyun – Postgraduate student, St. Petersburg State University

Xiong Danfeng – graduate student, Russian as a Foreign Language Herzen University

Yang Yaqi – Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia; Henan University, Henan, China

Zakharova A. – Assistant, A.S. Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg

Zavershinskaya E. – Candidate of philological Sciences, associate Professor, Kuybyshev branch of the Novosibirsk State Pedagogical University

Zorina E. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, St. Petersburg University of Management Technologies and Economics (UMTE)

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускается.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Литература составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).